

МАРИНА
ЦВЕТАЕВА

НЕИЗДАННОЕ. ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

Том
1

ELLIS LUCK
ЭЛЛИСЛАК

**МАРИНА
Ц В Е Т А Е В А**

Неизданное

**Москва
ЭЛИС ЛАК
2000**

**МАРИНА
ЦВЕТАЕВА**

Неизданное

**ЗАПИСНЫЕ
КНИЖКИ**

**В ДВУХ ТОМАХ
ТОМ ПЕРВЫЙ
1913–1919**

Составление, подготовка текста, предисловие и примечания

Е.Б. КОРКИНОЙ и М.Г. КРУТИКОВОЙ

Москва
ЭЛИС ЛАК
2000

ББК 84Р
Ц25

Издательская программа правительства Москвы

**Федеральная архивная служба России
Российский государственный архив
литературы и искусства (РГАЛИ, Москва)
Издание осуществлено при участии
Дома-музея Марины Цветаевой (Москва)**

*В оформлении суперобложки использована репродукция
скульптурного убранства собора в Реймсе (XIII–XIV вв.) –
изображение каменного ангела-хранителя,
называемого «Улыбающийся Ангел»*

Редакционно-издательский совет:

А.М. Смирнова
(председатель, директор издательства)

Н.П. Волкова
(главный редактор)

Н.Б. Волкова
(директор РГАЛИ)

Э.С. Красовская
(директор Дома-музея М. Цветаевой)

Е.Б. Коркина
М.Г. Крутикова

В.Н. Сергутин

С.В. Федотов

Научный редактор **В.И. Масловский**

© Эллис Лак, 2000
© Е.Б. Коркина, М.Г. Крутикова, подготовка
текста, предисловие и комментарии, 2000
© Российский государственный архив
литературы и искусства, 2000

ISBN 5-88889-050-2

ПРЕДИСЛОВИЕ

Двенадцать записных книжек и три фрагмента (отдельные листы из сохранившихся записных книжек) составляют лишь малую часть того целого, что было бы огромным собранием рукописных книжек и тетрадей Марины Цветаевой, запечатлевших ее внутреннюю жизнь. И эта малая часть — пятнадцать документов за 1913—1939 гг. — сохранилась чудом, если учесть все неблагоприятные — «некабинетные» — обстоятельства жизни Цветаевой.

Ни одной детской, гимназических лет, юношеской тетради Цветаевой до нас не дошло. Об их количестве и содержании мы можем судить только на основании мемуарных источников.

«...дневник свой она начала вести с самого раннего детства, когда она жила с матерью в Италии, в Нерви. <...> Я перечитала все толстые клеенчатые тетради (ее детские дневники), которые Марина постепенно перетаскала мне после воскресных пребываний дома. Меня поражало, когда я читала ее детские записи, как мог маленький ребенок так осмысленно, почти по-взрослому, описывать свою жизнь, то есть свои радости, горести, игры и шалости, обиды, наказания и прочие детские переживания. В основном же, как в дневниках (уже более старшего возраста), так и в своих письмах, Марина скупно описывала какие-нибудь события из своей жизни, а больше в них было размышлений и рассуждений на самые разнообразные темы» (*Воспоминания о Цветаевой*, с. 25).

Первая записная книжка, открывающая настоящий том, велась Цветаевой в Феодосии зимой 1913—1914 гг. В тот период ее жизни, о котором через десять лет в письме к А. Бахраху она скажет: «Двадцати лет, великолепная и победоносная, я...». Эгоцентризм этих записей на сторонний взгляд изумителен. Напомним, однако, что здесь Цветаева начинала не на пустом месте. За пять лет до ее рождения, в 1887 году, был посмертно издан «Дневник Марии Башкирцевой», а в год рождения Цветаевой он был опубликован в русском переводе («Северный вестник», 1892, № 1—12; отд. изд. СПб., 1893). И та, и другая версии «Дневника» вызвали огромный отклик в обществе. Общее мнение (опуская крайние оценки) о книге было таково: «Она возбудит удивление, но не доверие, восторг, но далеко не проникнутый симпатией. Башкирцева то привлекает, то отталкивает читателя и, может быть, отталкивает более, чем привлекает» (У.Э. Гладстон; его статья помещена в качестве предисловия к русскому переводу «Дневника»). Приблизительно такую же читательскую реак-

цию предполагаем мы и на «Записные книжки Марины Цветаевой», а потому продолжим цитату: «...мы простились с одним из тех аномальных существ, — чаще женщин, чем мужчин, — которые в той или другой стране, по-видимому, появляются один или два раза в одно поколение и которые обыкновенно предаются напряженной жизненной деятельности ранее естественного срока. Они, по-видимому, служат для нас, обыкновенных смертных, предостережением — не относиться к ним сурово или пренебрежительно на том основании, что они выше нас и находятся вне нашей сферы: мы не можем уловить их».

Но мы можем пытаться разгадывать эти загадочные судьбы и вписывать наши догадки — карандашом — на полях их записей. «Саламандра не огненна, она огнеупорна. Какой безумный холод, чтобы *жить* в огне!» (Запись Цветаевой 1918 г.) И спустя немного времени маленькая Аля вторит ей: «Саламандры танцуют, / А Марина думает: / — Как хорошо жить в огне!» Не в этом ли разгадка подобных характеров? Чтобы *согреться*, им надо в сто раз больше чувств, на них направленных, на тысячу градусов выше волнений, чем в обыденной жизни, на миллион вольт больше напряжения в человеческих отношениях, — чтобы обрести т* 36.6.

Записные книжки Марины Цветаевой — именно они, а не письма, не автобиографическая проза, не весь неохватный контекст ее лирики, и даже не сквозной лирический сюжет ее поэм, — мы полагаем, содержат главный урок, который одна личность может оставить другим: предельно точно записанный, не преobraженный художественными задачами, голый экзистенциальный опыт. Эти записи оставляют впечатление, и даже убеждение в том, что это лабораторные журналы сознательно поставленного и последовательно через всю жизнь проведенного эксперимента, фиксирующие его ход и промежуточные результаты. Эксперимент этот можно назвать естествоиспытательским, в котором испытывалось прежде всего собственное естество, но — увы! — и других. Наблюдению, анализу и испытанию подвергалось всё: собственная внешность, психологическая природа, способы выражения ее, коллизии отношений с другими людьми, странами, вещами, книгами, природными явлениями, литературными героями; понятия генетических составляющих человека, красоты, любви, любовности (как качества), материнства, молодости, героизма, старости, смерти, жертвы, природы поэзии, национальных особенностей и т.д. и т.п. — До какого предела человек может пойти в реализации себя? Кто этот предел ставит — сам человек себе или жизнь ему? Что первичнее: долг перед собой или долг перед другими? В какой степени они совместимы? До какого предела неприкосновенны границы прав других людей? и пр. и пр. Разумеется, эксперимент ставился прежде всего для *себя*, целью его было понимание *себя*, выяснение *себе* истоков немишуемой, на роду написанной трагедии. Но когда катастрофа остается в прошлом, «черный ящик» расшифровывают посторонние.

**ЗАПИСНАЯ
КНИЖКА**

1

1913–1914

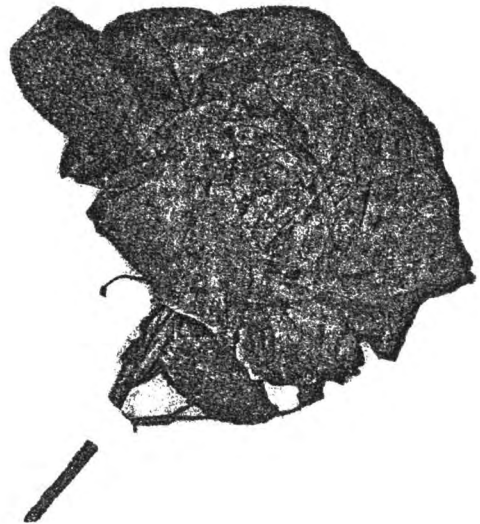
№ 2

~~№ 1~~

Затем

и мое дело.

II

26^{ес} августа, 1915 г. Виза.

Во вспоминание дней когда мы вместе
ходили на Ливаль, собирали грибы
французской маффеи, смотрели cinema-
тографические презентации и слышали,
возвращались на железнодорожном поезде
на вокзал, варили мамину,
пирожки, торт.

Логовина.

Даньцэафр.

Ах, кесшэафр на гаданая Дречей,
 Будучее нейрониевно!
 — Вэ итайтэафр и чэвайтэафр
 авашенаная Дрэафр!

—
 МД.

Коптэафр, 5^е мая 1917, воскресенье

(Два кашей востригитэафр —
 Коптэафр, 5^е мая 1917 —
 2 года!)

Ревность — с этого чуждого и прекрасного слова я начинаю эту тетрадь.

Сейчас Лиля — или Аля — или я сама довела себя почти до слез.

Аля, ты можешь быть прочтешь это взрослой — и невзрослой, как я сейчас, и тебе будет странно и смешно и очень трогательно читать об этом маленьком, очень горьком горе, причиненном тобою, ребенком одного года мне (кому?), двадцати одного. Так слушай же:

Ты всё время повторяешь: «Лилия, Лилия, Лилия», даже сейчас, когда я пишу. Я этим оскорблена в моей гордости, я забываю, что ты еще не знаешь и еще долго не будешь знать, кто я, я молчу, даже не смотрю на тебя и чувствую, что в первый раз — ревную.

Раньше, когда я ревновала к людям, я не ревновала. Это было очень сладко и немного грустно. И на вопрос, ревнива ли я, я всегда отвечала: «К книгам — да, к людям — нет».

Теперь же в этой смеси гордости, оскорбленного самолюбия, горечи, мнимого безразличия и глубочайшего протеста, я ясно вижу — ревность. Чтобы понять всю необычайность для меня этого чувства, нужно было бы знать меня... лично до 30го сентября 1913 г.

Ялта, 30го сентября 1913 г., понедельник.

ВЫПИСКИ ИЗ ДНЕВНИКА

Москва, 4ая декабря 1912 г., вторник.

Завтра Але исполняется 3 месяца. У нее очень большие светло-голубые глаза; темно-русые, но еще не черные ресницы и светлые брови; маленький нос; рот с фестонами (большое расстояние между ртом и носом); низкий — скорее четырехугольный, чем круглый — лоб; большие, слегка оттопыренные уши; довольно длинная шея (у таких маленьких это — редкость); очень большие руки с длинными пальцами; длинные и узкие ступни. Вся она длинная и скорее худенькая, *tirée en longueur*¹. Характер у нее живой, подвижный. Она ненавидит лежать, всё время сама приподымается, очень замечает присутствие человека, спит мало. Подолгу сама с собой «разговаривает». 12ая недель она весила 13½ ф<унта>.

Москва, 11ая декабря 1912 г., вторник.

Вчера Леня Цирес, впервые видевший Алю, воскликнул: «Господи, да какие у нее огромные глаза! Я никогда не видал таких у маленьких детей!»

— Ура, Аля! Значит глаза — Серезины. Кстати, о Серезином и моем в ее наружности: глаза, лоб, уши, ресницы, уже в 3 месяца обозначившиеся брови — безусловно Серезины. Рот, нос и — увы! — форма рук — мои. Насчет носа я м<ожет> б<ыть> ошибаюсь, — у нас обоих небольшие носы. Девочка, конечно, пойдет в Серезу. Я, маленькая, была очень крупная и круглая. У нее же всё в длину. Насчет лба я м<ожет> б<ыть> сказала неверно — он, пожалуй, будет большим. Форма его — совершенно Серезина.

Вот, что приходится на день ее рождения в моих двух книжечках, — одной, подаренной мне *Frl. Annie*² во Фрейбурге, когда мне было 12 лет, и. другой из *Weisser Hirsch*³.

В книжке *Frl. Annie*:

5. September

Kein Stern ja strahlt, wenn Sonnenschein
Die Pfade durchs Gefild umlacht;

¹ вытянутая (фр.).

² Фройляйн Энни (нем.).

³ «Белый Олень» (нем.).

Es muss auf Erden dunkel sein,
Willst schauen Du des Himmels Pracht.

—
*G. Pfarrius*¹

18. September (день ее именин — и
рождения по новому стилю)

Volkes Stimme — Gottes Stimme!
Wahr ist Eines: tauben Ohren
Gehen beide meist verloren
Donnern sie nicht wild im Grimme.

—
*A.I. v. Tschabuschnigg*²

— Вот т<a>к поэт! И довольно нелепое изречение.

В книжке «Gedenke mein»³

5. September

Wenn Andre vieles um den Einen tun,
So ist's auch billig, dass der Eine wieder,
Sich fleissig frage, was den Andern nützt.

—
*Goethe*⁴

---

¹ *5 сентября*

Ни одна звезда не светит,
Когда солнце заливаёт долины;
На земле должно быть темно,
Если ты хочешь видеть великолепие небес.

Г. Пфарриус (нем.)

² *18 сентября*

Глас народа — глас Бога!
Истина в том, что глухие
Не слышат ни того, ни другого
До тех пор, пока они не загремят в буйном гневе.

А.И. фон Тшабушниц (нем.)

³ *Думай о себе (нем.)*

⁴ *5 сентября:*

Если кто-то много делает для другого,
Было бы справедливо, если бы этот другой
В свою очередь старательно расспросил первого,
Какая ему в этом польза.

Гёте (нем.)

О, grosser Goethe!¹ Ты мог бы сказать лучше! Одно слово «fleissig»² уже чего стоит!

Дальше:

18. September (день ее рождения
по новому ст<илию>)
So leise weht ein Lüftchen kaum,
Dass nicht davon der Epheu schwankte,
Und doch, der Sturm bricht nur den Baum,
Doch selten eine Epheu ranke³.

(Без подписи)

Это лучше других, но в общем всё — средне.
Теперь я буду загадывать по «Mustersammlung» Schwab'a⁴.

1) Будет ли внешнее иметь влияние на ее внутреннее и к<a>к?
«Das Gefundne dann verfluchen».

Jacobi⁵.

2) Чем она будет руководствоваться в своих поступках?
«O Retter, Retter, komm geschwind!».

Bürger⁶.

3) Будет ли в ней незнакомое нам с Асей чувство морали?
«Nur den Sklavensinn, der es verschmäht».

Schiller⁷.

4) К<a>к она будет смотреть на ложь?
«Mit sichern Schritten hin».

Hagedorn⁸.

¹ О, великий Гёте! (нем.)

² «прилежно» (нем.).

³ 18 сентября

Плющ колеблется

От самого легкого дуновения ветерка.

Но даже буре редко удастся оторвать

Его цепкие побеги от дерева (нем.).

⁴ «Собрание образцов» Шваба (нем.).

⁵ «Найденное — позже проклинать». Якоби (нем.).

⁶ «О Спаситель, Спаситель, приди скорей!» Бюргер (нем.).

⁷ «Только раболепие отвращает». Шиллер (нем.).

⁸ «Туда — уверенными шагами». Хагедорн (нем.).

- 5) Что она будет больше всего любить в жизни?
«Mit Freuden musst Du Leide tragen».
*Seidel*¹.
- 6) Ее призвание?
«So tief hinab, so hoch hinan».
*Ziegendorf*².
- 7) Ее отношение к людям?
«Recht in Dir gestillet werden».
*Tersteegen*³.
- 8) Будет ли она понимать людей?
«Liebe kann nicht untergehen».
*Jakobi*⁴.
- 9) Будет ли у нее раздвоение?
«Was frommt es, wenn ich Dir den Wunsch verhehle?».
*Tieck*⁵.
- 10) Будет ли у нее обожание?
«Ein Recht auf jeden bübschen Mund».
*Novalis*⁶.
- 11) Будет ли она красавицей?
«Im letzten Hauche trunken».
*Annette von Droste-Hülshoff*⁷.
- 12) Отношение к сказкам?
«Ich lasse meinen Freund zurück».
-?-⁸.
- 13) Ее любимый образ женщины?
«Das lebensfrohe Spiel»⁹.
- 14) Мужской образ?
«Sein entehrt Geschlecht»¹⁰.

---

¹ «Ты с радостью должен нести страдания». *Зайдель (нем.)*.

² «Что вниз, на дно, что снова вверх — пути равны». *Цигендорф (нем.)*.

³ «Право на утешение — в тебе». *Терштеген (нем.)*.

⁴ «Любовь не тонет». *Якоби (нем.)*.

⁵ «Что пользы в скрытом желании? Тик (нем.)».

⁶ «Право на каждый мальчишеский рот». *Новалис (нем.)*.

⁷ «Последним вздохом выпит». *Аннетте фон Дросте-Хюльсхофф (нем.)*.

⁸ «Я оставляю моего друга» (нем.).

⁹ «Жизнерадостная игра» (нем.).

¹⁰ «Его бесчестный род» (нем.).

15) Ее главная ошибка?

«Begierden in mir brausen,
Nach Ruh die Sehnsuchtschreit»¹.

16) Ее первая любовь?

«Retten sich in ihrer Flut»².

Итак: она будет искать и проклинать найденное (неудовлетворенность); к людям идти всегда за помощью; будет рабом своих чувств и презирать мораль; прямо идти на ложь; любить свое страдание; знать падение и подъем; искать утешение в людях и любя понимать их; будет чувствовать право на каждые красивые губы; будет красивой лишь в минуты высшего подъема; из-за сказки оставит друга; ее любимое в женщине будет радостная игра с жизнью, в мужчине — ihr ganz entehrt Geschlecht (!)³; ее чувства — верней, желания будут пламенны, и даже тоска ее будет криком; в первой любви она будет спасаться.

Какая-то безудержная душа! Во всяком случае скорее моя, чем Сережина. Но я ей такой не желаю.

Москва, 12ая декабря 1912 г., среда.

Пра сегодня в первый раз видела Ариадну.

— «Верно огромные у нее будут глаза!»

— Конечно, огромные!

Об Але: говорю заранее — у нее будут серые глаза и черные волосы. Сейчас ее волосы цвета моих, а глаза синие, самого настоящего синего цвета.

Она, конечно, будет поразительным ребенком.

Москва, 19ая декабря 1912 г.

У Али за последнее время очень выросли волосы, — на голове уже целая мягкая шерстка. Завтра у нас крестины.

<Далее три листа оставлены незаполненными.>

¹ «Желания во мне кипят,
об отдыхе мой крик тоски» (нем.).

² «Спасись в ее пучине» (нем.).

³ их бесчестное племя (нем.).

Феодосия, 12ая ноября 1913 г., вторник.

Але 5го исполнилось год два месяца. Ее слова:

ко́ — кот раньше «ки»

куда — куда, где

Лиля

мама

няня

папа

«па́» — упала

«ка́» — каша

«кука» — кукла

«нам», на́ — на́

Аля

«мням-ням»

«ми-и» — милый

ку-ку

тетя

Вава — Ваня

Всего пока 16 слов, вполне сознательных, изредка говорит еще «у́ва» — лёва.

У нее сейчас 11 зубов.

Она довольно хорошо ходит одна, хотя еще побаивается: прижимает к груди обе руки. Ходит быстро, но не твердо.

В Лёвиной комнате есть арка с выступами, на одном из к<ото>р>ых сидит большой синий с желтым лев — подарок Эвы Адольфовны и Петра Николаевича. Аля проходит, держа в руке другого льва из целлулоида — маленького, подарок Веры.

—«Аля, положи лёву к лёве!»

Она кладет маленького между лап большого и на обратном пути вновь берет его.

—«Аля, дай лёву папе!»

Она подходит к Лёве и протягивает ему льва.

—«Папа! Папа! На́!»

—«Аля, ку-ку!»

—«Ку-ку!»

—«Кто это сделал? Аля?»

—«Аля!»

—«Аля, дай ручку!»

Дает, лукаво спрятав ее сначала за спину. Это у нее старая привычка — еще с Коктебеля.

Она прекрасно узнает голоса и очаровательно произносит «мама» — то ласково, то требовательно до оглушительности. При слове «нельзя» свирепеет мгновенно, испуская злобный, довольно отвратительный звук — нечто среднее между э и а — вроде франц<узского> «in».

Интересно то, что она уже произносит букву р — не в словах, но в отдельных звуках.

Еще одна милая недавняя привычка.

С<ережа> всё гладит меня по голове, повторяя:

— «Мама, это мама! Милая мама, милая, милая! Аля, погладь!»

И вот недавно Аля сама начала гладить меня по волосам, приговаривая: «Ми, ми!» — т.е. «милая, милая!»

Теперь она т<а>к гладит всех, — и Лёву, и Волчка, и Кусаку, и няню — всех, кроме Аси, к<отор>ую она злобно бьет по шляпе.

Меня она любит больше всех. Стоит мне только показаться, к<а>к она протягивает мне из кровати обе лапы с криком «на́!». От меня она идет только к Сереже, к няне — с злобным криком.

Купаться она ненавидит, при виде ванны уже начинает плакать. В общем она веселая, страшно живая, с великолепной памятью, лукавая, — вся какая-то сияющая.

Упряма, но к<а>к-то осмысленно, — и совсем не капризна.

Кота она обожает: хватает его за что попало, при виде или голосе его радостно кричит: «кó», поднимает его за загривок на воздух, старается на него наступить. Все животные для нее «кó».

<Следующая запись сделана корявым детским почерком:>

АЛЯ

12го ноября 1913 г.

ФЕОДОСИЯ

1 г. 2 мес. неделя

Сейчас она сидит у меня на коленях и дает бумажку со спичечной коробки: «на́!».

Вчера вечером, когда я заходила к Редлихам за чаем для С<ережи> и Аси, Эрнест Моритцович сказал мне: «Хотите, я Вам расскажу новость?» — «Какую?» — «Ваша дочка танцует. Ее сегодня приносила к нам на минутку Аннетта — и представьте себе: она танцевала! Прямо по-настоящему танцевала! Это было т<а>к трогательно!»

(Сейчас она изо всех сил кричит за дверь: «Мама! Мама! Мама!»)

С виду ей можно дать полтора года и больше. У нее бледное личико с не совсем еще сошедшим загаром. Глаза — огромные, светло-голубые. Брови темнеют. — «У нее будут соболиные брови!» сказала Пра, когда увидела ее после 2 мес. разлуки. Ресницы очень длинные, густые и темные. Рот — небольшой, узкий, изогнутый — мой. Нос — «обыкновенный» (к<a>к пишут в газетах, разыскивая преступника.) Волосы — по выражению Аси — «пегие»: на затылке русые, спереди льняные, но у корня — русые везде. Подстриженная челка не отделяется цветом от лба. Сзади волосы длиннее, в общем они довольно твердые и очень густые.

Дней пять тому назад мы гуляли с ней вечером при луне. Нужно было видеть, к<a>к жадно она на нее смотрела. Какой великолепной игрушкой она ей должно быть казалась! Я нарочно повертывала ее колясочку «лицом» к луне.

О ее глазах: когда мы жили в Ялте, наша соседка по комнатам — опереточная певица часто повторяла, глядя на Алю: «Сколько народу погибнет из-за этих глаз!»

И здесь, в Феодосии, — один художник — анархист — безумец — очаровательный, самовлюблённый, самоупоенный, резкий, невозможный Prévost — француз, родившийся в Алжире — сказал мне, только что познакомившись: «Вчера я видел Вашу дочь. Какой прелестный ребенок! И какие у ней глаза! Сколько я ни смотрел, я никак не мог охватить их взглядом!» —

<На левом поле, поперек страницы, напротив последнего абзаца ремарка, сделанная позднее:>

Этот самый Prévost оказался прохвостом, проклинаящим нас с Асей. 11го марта 1914 г.

Феодосия, 13го ноября 1913 г., среда.

Сейчас около 12^{ти} часов ночи. Сегодня я начала стихи Але, начинающиеся т<a>к:

«Аля! Маленькая тень
На огромном горизонте!»

Пока написано 36 строчек, — это будет длинное стихотворение. Только что кончила писать. Сейчас буду есть миндаль и что-н<i>и>-б<удь> читать в постели. Интересно — что скажет Аля об этих стихах, когда ей будет пятнадцать лет?

Феодосия, 18²⁴ ноября 1913 г., понед<ельник>

Третьего дня Аля в первый раз поцеловала... кота. Это был ее самый первый поцелуй. После этого она два раза погладила себя по голове, приговаривая «ми, ми».

Вчера я кончила ей стихи, к<отор>ые скоро перепишу сюда. Завтра ей год два с половиной месяца. Несколько дней тому назад она вполне определенно начала драться. — Я даю сдачи.

Да, теперь она на вопрос: «К<а>к тебя зовут?» отвечает: «Аля».

Аля! Маленькая тень
На огромном горизонте!
Тщетно говорю: «Не троньте!»
— Будет день

Милый, грустный и большой,
День, когда от жизни рядом
Вся ты оторвешься взглядом
И душой.

День, когда с пером в руке
Ты на ласку не ответишь,
День, который ты отметишь
В дневнике.

День, когда, летя вперед
Своейравно, без запрета,
С ветром в комнату войдет —
Больше ветра!

Залу, спящую на вид,
Но волшебную, к<а>к сцена,
Юность Шумана смутит
И Шопена.

Целый день — настороже,
А ночами — черный кофе.
Лорда Байрона в душе
Тонкий профиль...

Метче гибкого хлыста
Остроумье наготове,
Гневно сдвинутые брови
И уста...

Жажда смерти на костре,
На параде, на концерте, —
Страстное желанье смерти
На заре.

Прелесть двух огромных глаз,
Их угроза, их опасность...
Недоступность, гордость, страстность
В первый раз...

Благородным без границ
Станет профиль — слишком белый;
Слишком длинными ресниц
Станут стрелы;

Слишком грустными — углы
Губ изогнутых и длинных;
И движенья рук невинных —
Слишком злы.

«Belle au bois dormant¹» Пеппо, —
Аля! Будет всё, что было:
Т<a>к-же ново и старо,
Т<a>к-же мило!

Будет (сердце не воюй!
И не возмущайтесь, нервы!)
Будет первый бал и первый
Поцелуй.

---

¹ «Спящая красавица» (фр.).

Будет он (ему сейчас
Года три или четыре!)
Аля! Это будет в мире
В первый раз!

Феодосия, 5го декабря 1913 г., среда.

Сегодня Але 1 г. 3 мес. У нее 12 зубов (3 коренных и 1 глазной). Она явно хорошеет и умнеет.

Лицо нежное, бледное, с четко-очерченным овалом, — ничего лишнего. Складки от носа к ушам — я хотела бы сказать — скорбные. Рот очерчен изумительно. Нос неправильный, но не некрасивый. Брови темные и длинные; шейка длинная и тонкая; очень высокая грудная клетка — вернее, выпуклая — как у статуи. Волосы очень густые.

Новых слов она не говорит, но на вопросы: «где картинки? огонь? кроватка? глазки? рот? нос? ухо?» указывает правильно, причем ухо ищет у меня под волосами.

Вчера она нас изумила. Взяв в руки кусок исписанной бумаги, она начала что-то лепетать, то удаляя его от глаз, то чуть ли не касаясь его ресницами. Это она по примеру Аннетты, читавшей перед этим вслух письмо, — «читала». Тогда С<ережа> дал ей книгу, и она снова зашептала. С бумажкой в руках она ходила от Серезиной кровати до кресла, непрерывно читая.

Еще новость. Сто́ит мне только сказать ей: «нельзя», или просто возвысить голос, как она мгновенно говорит: «ми» и гладит меня по голове. Это началось третьего дня и длилось до сегодняшнего вечера. Ясно, что она прекрасно понимает, в чем дело.

— «Аля, кто это сделал? Аля, так нельзя делать!»

— «Куку!»

Я не сдаюсь.

— «Ми! Ко!»

Я молчу.

Тогда она приближает лицо к моему и, прижавшись, медленно опускает голову, всё шире и шире открывая глаза. Это невероятно смешно.

Ходит она с 11½ мес. и — нужно сказать — плохо: стремительно и нетвердо, очень боится упасть, слишком широко расставляет ноги.

Последние ее карточки, снятые 23го ноября — 1 раз с Пра и 2 раза seule¹ — хороши и похожи, особенно одна, где она с крепко сжатыми

¹ в одиночку (фр.).

губами. С Пра она похожа на куклу и моложе своего года двух с половиной месяцев. К двум годам она будет красавицей. Вообще я ни в ее красоте, ни уме, ни блестящести не сомневаюсь ни капли.

Сегодня вечером мы проводили С<ережу> в лечебницу — бедный Лев! Послезавтра ему наверно будут вырезать слепую кишку. Он нарисовал мне на своей зеленой промокашке огромную львиную морду, похожую на пуделя.

Сейчас около двенадцати ночи. Кусака спит у меня на коленях. Рядом с тетрадью — часы, медальон, браслет и кольца зажигают мои глаза блеском золота вокруг и на фоне эмали, тусклым поблескиванием серебра, испещренного бирюзой, и ярким сиянием драгоценных камней. О, камни! О, серебро! О, золото!

—

Феодосия, Сочельник 1913 г., вторник.

Сегодня год назад у нас в Екатерининском была ёлка. Был папа, — его последняя ёлка! Алю приносили сверху в розовом атласном конверте, — еще моем, подаренном мне дедушкой. Еще Аля испугалась лестницы. —

Сейчас я одна. Сережа в Москве. Скоро, наверно, будут открывать наши ящики с подарками. Он, конечно, думает обо мне.

Аля ходит по комнатам, — в красном клетчатом платьице — подарке Аси на 5⁰⁰ сент<ября> — красной кофточке и сером севастьяновском фартучке. За последнюю неделю она стала смелее ходить, — почти бегают.

Ее новые слова:

«аго́» — огонь	«Атя» — Ася
«а́па» — лапа	«то́» — что
иди	«тама» — там
да	«но́» — нос
не — нет	«уххо» — ухо
дядя	

К<a>к собака лает? — «Ау»
К<a>к кошка мяучит? — «Мням»
Сто́ит ей слышать издали собачий лай, к<a>к она сейчас же говорит: «а́у».

Сейчас иду к П<етру> Ни<колаевичу>, оттуда все вместе к Vleppard'am. Мое волшебное платье готово еще вчера. Оно — ярко-синее, атласное, с маленькими ярко-красными розами. Его мне трогательно подарила Ася. Аля, наверно, его запомнит.

Аля худеет и хорошеет, — только очень бледна. Брови четко обозначены, — длинные и тонкие. Волосы сзади уже ложатся, спереди растут медленно, но везде густые.

Аля несколько не капризна, — очень живой, но «легкий» ребенок. Ее постоянное и неожиданное «ми» — очаровательно. Она его повторяет раз 100 и более в день, — не преувеличиваю.

Несколько дней после отъезда Сережи в больницу я сидела с ней в его комнате, и она всё время подходила к его кровати, открывала одеяло, смотрела вокруг и повторяла: «Папа! Куда?» Теперь она на вопрос: «где?» вместо прежнего «куда?» отвечает: «тама».

Сейчас они с Аннеттой пошли к Алисе Федоровне (к<отор>ая сейчас в Москве с Э<рнестом> М<орицевичем> и Лизой). Там прислуга Соня украшает ёлку для своего мальчика Вани. — Аля зовет его: «Вава».

Какая-то Аля будет через год? Непременно запишу в Сочельник.

Сегодня я кончила стихи «Век юный».

«Когда промчится этот юный,
Прелестный век».

30^м мы выступаем с Асей на «великосветском» балу в пользу спасения погибающих на водах.

Да! Але это будет интересно. Когда я на втором нашем выступлении сказала перед чтением: «Аля! Маленькая тень» —

«Посвящается моей дочери»,

вся зала ахнула и кто-то восторженно крикнул: «Браво!»

Мне на вид не больше 18^м лет, даже меньше. Я никогда еще не была т<а>к хороша, уверена и счастлива этим, к<а>к эту зиму.

Сейчас иду.

—

Феодосия, 26ая декабря 1913 г., четверг.

Сейчас я считала Алины слова — 30.

Имена: Лиля, мама, папа, няня, тетя, Вава, дядя, Аля, Ася — 9

Слова: «ко», куда, «ка», «па», «кука», на, «ми», «ува», «то», «тама», «но», «уххо», «аго», «апа», иди, да, «не» — 17.

Полу-слова: «куку», «мням-ням», «ау», «мням» — 4

Значит — 1 г. 3½мес. она знала, т.е. говорила 30 слов.

Сегодня утром я написала стихи героям 1812 г. и главным образом Тучкову IV, — прекрасному, к<а>к Сережа. Будем с Асей читать их на вечере 30^м. Сейчас Аннета ушла в гости. Аля ходит по комнате в новом Асином платье — темно-розовом с волшебным узором, — и белом плюшевом пальто. Длинные бумазейные панталоны — произведение ее ужасной ялтинской няни Марфуши — висят чуть ли не до самых чувак. В руке у нее ярко-оранжевый резиновый лев, к<отор>го

она давно уже зовет «у́ва» (лёва). Дня три тому назад Аля, наконец, начала дудеть в Лилину дудку. Аннета таким образом учит ее говорить: «Аля, скажи «с». — «С» — «Скажи: «па» — «Па.» — «Скажи: «ко» — «Ко.» — Скажи «ной» — «Но.» — «Скажи: «но». — «Но.» — «Теперь: «чи» — «Чи» (или нечто вроде) — Ну, теперь скажи: «Спокойной ночи!»
 Ответ: — «Ня-ня!» или «мама», или «ко».

По утрам Аля приходит ко мне в постель. — «Аля, дай лапушку». Она сразу сует мне ее к губам, тотчас же вслед за этим — лапу кота. Сейчас она сидит за моей спиной на диване и курит папиросу без табака — взасос. У нее идет четырнадцатый зуб и ясно обозначены еще два, — последние глазные. Когда ее кладут в кровать, она говорит: «ба́-ба́» — бай-бай.

—

5^я января 1913 г., воскресенье — ах, 1914^я!

Сегодня Але 1 г. 4 мес.

— «Аля, к<a>к собака лает?» — «Ау!»

— «Аля, к<a>к кошка мяучит?» — «Ням!»

— «Аля, к<a>к корова мычит?» — «Ммму-у!»

— «Аля, к<a>к мама говорит?» — «Ф-ф-ф!» (делает жест курить).

Она ходит почти совсем хорошо — одна по всем комнатам, открывает и закрывает двери, нечаянно и нарочно падает. За последнюю неделю она начала произносить массу собственных, вполне непонятных слов, — какие-то произвольно соединенные слова. Кушает она манную и овсяную кашу, бульон с яйцом, хлеб и яблочный компот, — каждое нововведение переносит великолепно.

Феодосия, 7^я января 1914 г., вторник.

Аля со вчерашнего дня от времени до времени бьет себя по голове — свирепо и озлобленно. Кроме того каждое мгновение просит «ка», т.е. еды. На няню она ежеминутно рычит и не позволяет ей ни одевать себя, ни посмотреть в рот. Со мной держится скромно и всё позволяет. У нее теперь 14 зубов.

Кончила «В огромном липовом саду».

—

Феодосия, 12^я января 1914 г., воскресенье, утро.

Аля продолжает бить себя по голове и рукам. Я забыла написать о привезенных ей Сережей игрушках: заводном волчке с приятным

жужжанием, красном деде-морозе с звенящими внутри колокольчиками (подарок Фейнбергов), заводной музыке от Веры — играющей при верчении, би-ба-бо — от С<ережи>, к<a>к и волчек и валдайском бубенце от Веры. И странно — ни волчек, ни музыка ей не понравились, деда-мороза она испугалась, только на бубенец смотрела благосклонно и вчера смеялась над би-ба-бо. Из вещей она больше всего любит спичечные и гадкие папиросные коробки, из занятий — полоскание в ведре — иногда помойном. Другая дурная привычка: сдирание со стены известки и поглощение ее.

Есть она просит каждую минуту и прекрасно узнает съедобное.

Вчера С<ережа> снял ее два раза у меня в комнате на фоне черного с розами платка. На одном снимке она улыбается, на другом смотрит задумчиво, воткнув палец в щеку и растарашив другую руку.

Пока мы проявляли, она сидела у меня на коленях, ела бублик и, глядя на большой ярко-красный колпак, покрывающий свечку, повторяла: «аго́, аго́».

Да, 9го я начала стихи пламени и всё еще была в неуверенности, к кому их обратиться — к пламени, или к солнцу, — начало подходило больше к солнцу, но больше хотелось — к пламени. И вот Аля вдруг сказала: «аго́!» — Участь стихов была решена. Есть очень хорошие — блестящие — места, но всё еще не окончено.

Один возглас Макса при виде Али: «Господи, какие у нее огромные глаза! Точно два провала в небесную пустоту. Они кажутся еще больше век, точно веки их не покрывают!»

Когда мы ехали в Коктебель провожать Макса, я спросила его: «Макс, к<a>к ты себе представляешь Алю в будущем? Какова должна быть нормальная дочь Сережи и меня?»

— «И Вы еще думаете, что у Вас может быть нормальная дочь?!»

(У вас — с маленькой буквы, т.е. у С<ережи> и меня, — мы с Максом на ты)

— «Нет, нормально-ненормальная», — сказала Ася.

— «Это слишком сложно», — ответил Макс.

Кстати, — недели три тому назад Ася написала свое впечатление от Али, — очень хорошо. Я попрошу ее переписать сюда.

Под Новый Год Макс предложил выпить шампанского за Алю и Андрюшу. Это было очень трогательно.

Продолжение разговора с Алей:

После коровы: — «К<a>к теленок мычит?» — «Мя-я!»

Все смеются — и она. Этому ответу ее научила Аннета, почему-то уверенная в именно таком мычании теленка. После «к<a>к мама говорит» — «К<a>к Аля говорит?» В ответ целое стремительное словоизвержение — вполне непонятное.

Сейчас на окне печатаются ее карточки.

Феодосия, 16ая января 1914 г., четверг.

Карточки удались великолепно, особенно одна, где она уткнулась пальцем в щеку. Глаза — огромные, ясно очерченные, — две звезды. Рот слегка приоткрыт. Брови — темные, длинные, поразительные. Выражение этого прелестного личика задумчиво.

На другой карточке она улыбается и больше похожа на ребенка, но на первой больше на себя. Сегодня у нее прорезался 15ый зуб. Значит, года четырех с половиной месяцев у нее было 15 зубов. Падает она теперь гораздо реже. — В Феодосии у нее пока прорезалось 7 зубов. Весит она 27 ф<унтов>, — на 2 ф<унта> меньше, чем 1 1/2 мес. За 5 мес. она сбавила 2 ф<унта>, — наверное от ходьбы и зубов, хотя последние идут у нее очень легко, совсем незаметно.

Феодосия, 18ая января 1914 г., суббота, 4 1/2 ч. дня.

С<ережа> ушел к Панащатеко — на первый урок математики. Аля в новом белом капоре и белой плюшевой шубке гуляет с Аннетой в саду.

Я одна. В открытую форточку доносятся голоса играющих мальчиков. Поднимаю глаза: тонкие ветви на голубовато-белом небе, желтом с краю. Почему-то вспоминается Трехпрудный. Чуть-чуть чирикает птичка. Такая тишина. Что-то будет через пять лет? Весной у Фон-Дервиз мы — Лиля Соколова, Тася Ведерникова, Валя Генерозова и я сговорились через десять лет — ровно через 10 — 1ое мая 1917 г. встретиться в Петровско-Разумовском перед академией — с мужьями и детьми. Я тогда уже знала, что все — кроме меня! — забудут. Прошло уже почти 7 лет. Мне смешно! — К<a>к вчера! — Еще 3 года 4 1/2 мес. — и будет 1ое мая 1917 г.! Мы тогда сидели в дортуаре на подоконнике. Был теплый вечер, из сада пахло зеленью. — Ничто не меняется и не изменяет — внутри, — а с виду я 21ое года моложе, чем тогда — четырнадцать лет! У меня сегодня новое платье — коричнево-золотистый шерстяной костюм с желтым атласным жилетом. Сейчас — расцвет моего лица.

Вчера кончила стихи пламени.

Аля вчера и сегодня с увлечением бросает и катит мяч — «мя». Вчера она в первый раз с трудом, но самостоятельно слезла с дивана.

Ее новые слова:

Ба́-ба — бай-бай (уже давно)

«бу» — бусы»

«тши» — часы

тут

«мя» — мячик. — Всего, кажется, 37. Еще непонятное слово: «тут-ти́», — м<ожет>б<ыть> цветы (на обоях).

Але завтра 1 г. 4½ мес.

Феодосия, 21^я января 1914 г., вторник.

Вчера Аля, увидав в фиксаже свою карточку, сказала: «Аля» и протянула руку, чтобы погладить. Сегодня у нее прорезался 16ый зуб. Еще 4 — и все молочные — до 6^{ти} лет!

Увидав ее сегодня утром, в длинном голубом платьице, розовую после сна, аккуратно подстриженную (на лбу), сияющую и сверкающую своими огромными глазами, я пришла в восторг. Аля сейчас — половина моей жизни. Что будет потом?

Феодосия, 24^я января 1914 г., пятница.

Аля, покачиваясь на ногах, сама себя убаюкивает, иногда даже на ходу. Кроме того, она говорит в рифму, к<a>к здешний полицмейстер.

— «Мама!» — «Что, Аля?» — «Тама!» и больше ничего. За последний месяц она к<a>к-то вяло воспринимает новые слова, повторяя только первый слог. Проснувшись часов в 10 вечера — она ложится в семь — она долго не спит, рыча на няню. Сегодня во сне я ей показывала какой-то громадный киот с множеством лампад на длинных серебряных цепочках. Это было в Трехпрудном, в зале — совершенно пустой. Чтобы привлечь Алино внимание и заставить ее запомнить Трехпрудный навсегда, я раскачивала эти лампы — даже слишком — они могли упасть — и, показывая наверх, говорила: «Видишь, Аля, там — Бог», — на иконах.

Сегодня во сне я ярко, точно, к<a>к в жизни ощутила первую любовь. Это было, кажется, в 1812 г., в Трехпрудном. Нас было человек 20, запертых в доме, и мы должны были умереть. Среди других был

какой-то юноша лет 18^л, кажется — Ваня. Мы безумно друг друга любили, любовь выростала на наших глазах. В доме была тревога, ждали смерти. И вот кто-то заиграл вальс. Я подошла к Ване, и мы начали танцевать. Я просила играть медленней. Танцуя, мы не заметили, как опустела зала, а когда вышли в парадное, то увидели, что половина заключенных успела спастись. Но нам было поздно, — у ворот двора стояла полиция. — Я помню чувство счастливой покорности судьбе — «т<а>к надо». У этого Вани были черные глаза и черные волосы и еле пробивающиеся черные усики. И потому что его звали Ваней, я поняла, что это 1812 год. Это простое имя т<а>к идет к 12^м году!

Сегодня за обедом — за нашим — она вдруг принесла мне орех из мешка, лежащего на полосатом диване в моей комнате. — «Нá!» Смотрю, несет другой, за ним — третий, — т<а>к 16. После 16^м я за каждый новый давала ей ложку розового муса, — таким образом она принесла их всего 21, т.е. прошлась взад и вперед 42 раза! И всё по одному ореху! Она жадно ест известку, — везде где может. Но стоит сказать ей: «Аля, что ты ешь?» — и она начинает отчаянно плакать, пряча голову на плечо мне или няне.

Сегодня кончила «У камина», — сколько раз я переделывала эти стихи! Т.е. 3 раза, но для меня это много. Всякий раз была какая-н<и>б<удь> новая нелепость.

Сегодня готово мое золотистое платье из коктебельской летней фанзы, купленной Лёвой на халат. Платье для меня пленительное: пышный лиф и рукава, гладкая юбка от талии. Платье по последней моде превратилось на мне в полудлинное платье подростка, — хотя оно и до полу.

Странно, какой бы модный фасон я ни выбрала, он всегда будет обращать внимание, к<а>к редкий и даже старинный.

Выходных платьев у меня сейчас 5: коричневое фаевое — старинное, к<а>к черное фаевое и атласное — синее с красным; костюм, вроде смокинга, — темно-коричневый шерстяной с желтым атласным жилетом и черными отворотами; наконец это золотое. Домашние — ужасны, — изношены и подлы. Но трудно носить что-н<и>б<удь> дома, — главным образом из-за Кусаки, немилосердно дерущего когтями юбку и плечи. Кусака растет и толстеет: прекрасная лоснящаяся серо-голубая шерсть и черный нос; на щеках отлив, к<оторый> я называю румянцем. Я обожаю этого кота, к<а>к никакого раньше, и встаю из-за него 4 раза и больше в ночь, впуская и выпуская его в форточку.

Феодосия, 25²² января 1914 г., суббота.

Сейчас Аля лежала ничком на ковре, опершись на руки и барабанила ногами. Вообще она целый вечер нарочно падает и ходит на четвереньках. Сейчас она упала нечаянно, споткнувшись о завернувшийся угол ковра и, встав, начала осторожно расправлять его.

Скоро едем с С<ережей> в офицерское собрание. Я в новом платье.

Аля, желая спуститься на пол, стала говорить: «Иди», — раньше было: «на́».

Да! Сидя на ковре, она била себя по ногам. Я сказала ей: «Аля, нельзя бить ножку!» Тогда она сказала: «ми» и стала гладить обиженную ногу в желтой туфельке.

Недавно С<ережа> прислал ее ко мне с апельсином. Алины громадные голубые глаза и этот яркий апельсин чудесно подходили друг к другу и привели меня в восторг.

Сын прислуги Сони — Ваня — обожает Алю: поджидает ее гулять, стучит ей в окно, убирает с дороги каждый камень. Это необыкновенно милый, тихий и воспитанный мальчик. Вот образец его разговора: — «А у меня фонарик есть со свечечкой. Вот я вечером пойду с ним гулять, — если Алечка выйдет. Она его еще не видала». На Рождество он играл с Волчком «в свадьбу», нацепив ему на хвост бумажку. — Очевидно, — венки невесты!

У Али сзади начинают завиваться волосы. Из них уже выходит косичка в три переплета.

Феодосия, 31²² января 1914 г., пятница.

26²² и 27²² мы с Алей были у Аси. Первая встреча Али с Андрюшей — первая более или менее сознательная — прошла следующим образом: Ася была у меня, и я вдруг решила пойти к ней с Алей, к<отор>ая около двух с половиной месяцев не была в городе, — с последнего снимания у Гольдштейна. С горы я несла ее на руках, у гимназии повела за руку, чувствуя нечто, вроде гордости за то, что у меня такая большая дочь. Придя к Асе, я посадила Алю на диван и начала раздевать. Подошел Андрюша. Мгновение любопытного молчания. Аля первая его прерывает: «Ми!» и гладит Андрюшу по голове. Потом Андрюша начал плакать, увидев свою няню и просясь к ней на руки. Но няня ушла, и он снова занялся Алей, — больше, чем она им. Были ужасно смешные минуты — не

стерпимо-смешные! — когда они молча и пристально смотрели друг на друга. Потом началось рассматривание и осторожное потрогивание башмак<ов> друг у друга, толканье друг друга в спину — первым начал толкаться Андрюша — взаимное давание и отнимание трех плюшевых медведей, одного пѣтуха (субботинского) и одной утки. Андрюша по обыкновению внезапно принимался плакать — до того пронзительно, что Аля пугалась и с тревожной гримасой глядела ему в рот. У Андрюши переход от плача к смеху — мгновенный. Широко раскрытый плачущий рот тотчас же вытягивается в веселую улыбку. Ася зовет его сангвиником. Аля и Андрюша совершенно разные. Аля выше и стройнее и кажется старшей. У Али глаза огромные, ярко-голубые; у Андрюши — обыкновенной величины, темно-серые, очень блестящие; рот у Али узкий, изогнутый, скорее бледный; у Андрюши — крупный, пухлый, бесформенный, яркий; Аля очень бледная, с желтоватым оттенком; Андрюша — белый с легко появляющимся румянцем; у Али волосы сзади русые, спереди желтовато-белые, густые, довольно жесткие, сзади отвисают; у Андрюши — золотистые с сильным блеском, жидкие, особенно на висках и мягкие, к<а>к шелк; лоб у Али огромный, очень крутой, затылок — обыкновенный; у Андрюши, наоборот, очень выдающийся затылок и обыкновенный, хотя тоже очень большой, — лоб; нос у Али детский, слегка вздернутый, — у А<ндрюши> прямой и четкий. Аля не капризна, почти не плачет, очень послушна, очень обидчива, что у нее выражается слезами на глазах и умоляющим возгласом: «ми!». — Андрюша капризен, вечно плачет, непослушен и гораздо менее сознателен. Но в общем мил и симпатичен своими мгновенными переходами от слез к смеху и общим добродушием. Манера говорить у них также различна. Аля повторяет слога — совершенно правильно — и называет два первых, Андрюша повторяет по-своему всё слово, напр<имер>: «бѳтити» — ботики.

Потом мы Алю одели мальчиком — в темно-синий Андрюшин костюмчик, в к<отор>ом она выглядела маленьким принцем en petit¹.

Феодосия, 7ая февраля 1914 г., пятница.

Третьего дня Але исполнилось 1 г. 5 мес.

Ее новые слова:

«бо» — больно

---

¹ в миниатюре (фр.).

«майя» — Марина

«байя» — обезьяна

дай

«адём» — пойдём

«Бабó» — Барбос

4^я к ней поступила новая няня — Клавдия, 19^{ти} лет, высокая, худая, с тихим голосом. Аннету я рассчитала из-за ее вечных пропаданий на кухне у Редлихов, особенно же и главным образом за то, что она идя в гости и обещав вернуться к вечеру, вернулась в 9 час. утра. Аля эту ночь спала страшно беспокойно, т<a>к что я в конце концов — это было во втором часу утра — взяла ее к себе в кровать. Она лежала молча, с открытыми глазами.

4^я мы с Асей и новой, только что пришедшей няней пошли за рекомендацией последней. Нас встретила пожилая толстая женщина в капоте и к<a>к-то буйно — *à la mégère*¹ — повязанная платком. Я робко пролепетала что-то о цели нашего прихода.

— «Ничего не слышу!» криливо воскликнула женщина и, отбиваясь от нескольких неистово лаявших собак, прошла куда-то вперед. Мы за ней.

— «Мы пришли, чтобы узнать...», громко начала я.

— «Да я не глухая пока, слава Богу! Это вот собаки мешали слушать», перебила меня хозяйка.

У нее было кругловатое желтое лоснящееся неглупое и доброе лицо. Мне стало смешно от такого начала. К тому еще в комнату влетели собаки: две таксы — одна жирная, вроде Балина — какая-то лохматка и еще какая-то. Они буйно лаяли и подпрыгивали, перебивая рассказ хозяйки о Клавдии, впрочем быстро сменившийся другим — о какой-то кухарке и зубной боли и окончившийся восклицанием: «К<a>к, это Вам нужно няню? Вы такая детка!»

В этой женщине, несмотря на весь ее комизм, не было мещанства, а наоборот — что-то подкупающее и искреннее. Говоря о новой няне, она между прочим оказала: «Да, она у нас читает. Толстого очень любит. А насчет вещей — можете не беспокоиться, ничего не тронет. Ну, да кто любит Толстого — не станет воровать». Сказав еще что-то, она вдруг спросила:

— «Вы христианки?»

— «Т.е. к<a>к? Да, конечно: настоящие русские, из Москвы».

¹ как мегера (*фр.*).

— «Вы не удивляйтесь, что я т<a>к спросила. Бывают же и нехристиане. Значит, вы верите в Божию Матерь и ангелов?»

— «Да, конечно».

— «И раз они, действительно, были, к<a>к это свидетельствуют апостолы, почему же не могли сохраниться их изображения? А вот штундисты разбивают и сжигают их. Нет, это мне не нравится!»

Оказалось, что новая няня склонна к штунде.

Мы вышли из этого *intérieur*¹, — день был весенний — и нас охватила какая-то тоска по роскоши и свободе. Ася рассказала мне, к<a>к до приезда в Феодосию искала с Марусей Трухачевой няню и в каких разных *intérieur* им пришлось бывать. Рассказала между прочим о какой-то очаровательной женщине (кажется жене переводчика Ликиардопуло), вышедшей к ней в переднюю, куда из гостиной доносилась музыка, — были гости. — «Ах, клянусь, если бы я была на ее месте, я бы просто взяла меня за руку и сказала: “Слушайте, довольно про нянь. Теперь пойдите ко мне, у меня гости, я Вас познакомлю”. К<a>к можно этого не сделать?» горячо говорила Ася.

Итак Але 1 г. 5 мес. В ней 81 сантиметр длины. За этот месяц она хорошо научилась ходить. Всего она говорит 43 слова, — некоторые редко, но осмысленно. Асю она зовет: «Ахя». Алиса Фед<оровна> привезла ей из Москвы две прелестные игрушки: пирамиду из разноцветных блестящих кружков, кончающихся зеленой привинчивающейся шишечкой и обезьяну на колесах, пищащую и кланяющуюся при быстрой езде. Скоро у Али будут новые панталончики с швейцарским милым шитьем и новые шубка и капор из розовато-желтого курдювого плюша. М<ожет> б<ыть> выйдет и муфта.

Ася сшила ей несколько летних платьиц: два батистовых из папиной белой материи, подаренной, каж<ется>, на Рождество, — одно совсем коротенькое, с крылышками, другое с пышными рукавчиками и низко начинающейся собранной юбочкой; почти такое же из материи, вроде пикэ и красное — огненное — с крылышками. Всех пока 4. Будет еще одно белое батистовое, одно красное и 2 пикейных.

Господи, куда они потом все денутся? Туда же, верно, куда делись и все наши великолепные детские *trousseaux*² из Лондона и Парижа!

¹ интерьера (фр.).

² вещи (фр.).

Où va la feuille de rose
Et la feuille de laurier!¹ —

Пошел дождь. Несколько капель горят на <окне>. В сером небе — два серебряных, страшно ярких просвета. Покачиваются ветки, порывами налетает ветер. Собачий лай и детские голоса. В соседней комнате занимается С<ережа> и изредка что-то говорит. На выступе печки растянувшись спит Кусака. Сейчас ровно четверть пятого.

Вчера С<ережа> снимал Алю. Обе карточки хорошо сняты, но ни на одной Аля не красива. Одна слегка напоминает коктейбельского «прокурора», другая лучше, но всё же это не Алино прелестное лицо.

Феодосия, 12²² февраля 1914 г., среда.

Алины новые слова:

«га» — глаз

«цеси» — часы

«бу́ба» — бублик

Кроме того она, начиная с вчерашнего дня к<а>к-то странно изменяет слово: «мама», — то «ма́матка», то «мамка» и сегодня утром «мама́ка» — д<олжно> б<ыть> в память Валериинной прабабушки, вылезавшей по ночам в форточку на крышу и умершей — о, ужас! — в моей комнатке со звездами (в Трехпрудном).

Аля уже несколько дней простужена — сильные насморк и кашель, — но вчера она всё-таки выходила, — было очень тепло.

Сегодня прелестный день. Я выходила кормить собак остатками ветчины и ничего не могу сказать о красоте этого серо-голубого чуть-чуть прохладного утра. Хочется писать стихи, но к<а>к-то нет размеров. А хочется написать что-н<и>б<удь> особенное. Но я ленива, а большие стихи все-таки требуют усилий, особенно начало, — я всегда начинаю с конца.

Последние вечера мы с Асей думаем о Розанове. Ах, он умрет и никогда не узнает, к<а>к мы безумно его понимали и трогательно искали на Итальянской, в Феодосии, зная, что он в Москве! Милый Ро-

¹ Куда и лист лавровый мчится

И легкий розовый листок! (*фр.*) — Пер. В.А. Жуковского.

занов! Милый, чудный старик, сказавший, что ему 56 лет и что всё уже поздно. Но я знаю, к<a>к безнадежны письма к таким, к<a>к он, и не могу вынести тоски в ожидании письма, к<отор>ое — я знаю! — не придет. Ах, это такая боль! Все равно что писать Марии Башкирцевой или Беттине.

Вчера вечером неожиданный и невероятный случай. Я копалась в книжном шкафу у Редлихов, отыскивая, что прочесть Лескова. Вдруг входит Соня и говорит, что меня спрашивают какие-то барышни. Я пригласила их в комнату к Лизе. Обе — громадные, толстые, с некрасивыми плоскими русскими лицами. Одной лет за 30, другой около 20^м, — обе одинаково безнадежны.

Заговорила старшая: «Вот мы ставим любительский спектакль «Женитьба»...

— «Сейчас попросят участвовать», — с неудовольствием подумала я. — Но нет! — «И вот нам нужно платье для невесты. У Вас, кажется, есть такое платье — васильковое — мне говорила М<аdа>ме Сеневиц»...

— «Да, есть»...

— «Т<a>к не могли бы Вы его нам одолжить?»

— «Нет, это совершенно невозможно», строго ответила я — «я своих платьев на прокат не даю.»

— «К<a>к жаль. А у нас спектакль завтра.»

— «Совершенно невозможно.»

Уходя одна из них сказала: «Ну, т<a>к мы сейчас поедem к Клеопатре»...

— «Да, это будет лучше», — довольно громко заметила я.

Я была взбешена. Но это, кажется, была не наглость, а просто глупость — наивная и непроходимая.

Феодосия, 15го февраля 1914 г., суббота — масляница.

Аля говорит еще:

«кацó» } — кольцо
«кайцó» }

«басé» — браслет

«каля́» — коляска

«хóсь — хвост } у кота
«уси́» — усы }

«Куси́» — Кусака

«хоп» — когда ее спускаешь нá землю.

Разговор к<a>к-будто подвигается.

Феодосия, 16ое февраля 1914 г., воскресенье.

Сегодня Аля говорит:

«Тóля» } — стол
«Толь» }

«об» — лоб

«во» — волосы

кот } — кот
«коти́» }

«татáм?» — кто там?

— всего, кажется, 53 слова, или 55.

По утрам она приходит ко мне в постель, где обыкновенно встречается с Кусакой.

Сегодня она взасос целовала его в спину — раз пять подряд — и, когда кончила, шерсть его на этом месте была вся мокрая.

— «Мокрый Кусака!» — сказала я, смеясь.

— «Пи!» — огорченно ответила Аля. (Удвойте ее ответ — и станет ясно, в чем дело.)

Тогда я, чтобы проверить, спросила:

— «Кто хочет за маленькое?»

— «Пй!» повторила Аля.

Это она научилась понимать совершенно самостоятельно — от частого повторения.

Еще одно ее самостоятельное открытие. Она что-то говорила: «ми».

— «Кто «ми»?» — спросила я машинально и вдруг услышала в ответ: — «Аля!»

Сейчас читаю в мамином дневнике, 5ое марта 1894 г., суббота, (мне тогда было 1 г. 5 мес. 1 нед.)

«Маруся растет и развивается не по дням, а по часам. Она повторяет почти все слова, к<отор>ые слышит и у нее такая потребность говорить, что она по целым часам болтает всякий вздор, из к<оторо>-го ничего понять нельзя; но говорит она с такой серьезной миной, с таким сосредоточенным взглядом, и то в форме вопроса (причем она обижается, если ей не отвечают), то в форме возражения, а иногда делает серьезные замечания на своем специальном жаргоне по поводу проезжающей «дзидзики» (лошадки), или бегущей «уа-уа» (собаки). В тех случаях, когда она спешит поделиться впечатлениями, получаемыми из окна, она бесцеремонно обеими руками поворачивает мою голову в ту сторону, куда ей нужно. Она очень крупная девочка и у нее уже 14 зубов, хотя ей нет и полутора года».

Тогда мне было на неделю меньше Али. Я, очевидно, говорила больше, хотя Аля для своего возраста очень развита и сознательна. 1 г. 5 мес. у нее вышел 16ый зуб, — даже раньше, а у меня их в ее время было 14. Скоро Але 1 г. 5½ мес., — через 3 дня.

19ая февраля 1914 г., среда.

Сегодня Але 1 г. 5½ мес. и ровно год со смерти Бобылева.

Три-четыре дня была весна. Сегодня ясный день. Вчерашний снег быстро тает. Я провожала Сережу к Могилевскому, заходила в Военное управление и теперь дома с Алей, — няня ушла за вещами.

Забыла в прошлый раз написать, что у Али новые шубка, капор и муфта — ее первая муфта, совпавшая с ее первым насморком! Все три вещи из золотисто-розового, вернее розовато-желтого кудрявого плюша. Пуговицы на шубке — большие плоские матово-золотые, к<а>к на моем старинном синем платье; капор отделан темно-золотыми лентами, такого же цвета шнурок на муфте. Шубка длинная, почти до самых калош, широкая, но все же сидит хорошо. Аля в ней выглядит настоящим барским ребенком — очень нарядным. Я каждый день в течение недели раза по два навещивалась к портнихе, напоминая этим Асе Акакия Акакиевича и его шинель. Кроме шубки — хотя это скорее осеннее пальто — у Али из новых вещей еще несколько летних платьиц — 2 белых батистовых, одно пикейное, одно красное — сшитых Асей, и шесть панталончиков.

Вчера вечером у Александры Михайловны зашел разговор о Масюсе, племяннице М.П. Латри, — трехлетней черненькой обезьянке с торчащим надо лбом чубом, перевязанным огненным бантом, и узкими, живыми — слегка японскими глазками.

Это «забавный» ребенок, мне совсем чуждый. Алекс<андра> Мих<айловна>, Ариадна Николаевна и Михаил Пелопидович наперерыв восторгались ее «словечками», причем привели такой случай: когда ей перевязывали палец куском марли, она сказала: — «Это «вуваль» собственно».

Ася говорила о Ириночке и Тане Лампси. А я слушала всё это и думала о том, к<а>к Аля через два года затмит всех Масюсь и Ириночек мира. И тайно торжествовала.

Об Але. Третьего дня я давала ей суп. Когда тарелка опустела, она неожиданно сказала: «сё» — всё. Да, еще одно: стоит кому-н<и>

б<удь> или чему-н<и>б<удь> застучать в соседней комнате, к<а>к она идет к двери и говорит: «тата́м?» — кто там?

— «Кто милая?» — «Аля!»

— «Кто котенка?» — «Аля!»

(Я ее иногда т<а>к зову.)

— «Кто гадкая?» — «Пи!»

Эти два слова тесно у нее связаны.

Новые слова:

«ма́мака» } — вроде мамочка

«ма́ка» }

«се́» — все́

«ейшо» — еще

«у́ма» — умная

Вчера и сегодня она восторженно дудит в Лилину дудку, причем голосом помогает звуку.

«ма́мака» } — вроде «мамочка»

«ма́ка» }

«се́» — все́

«ейсе́» } — еще

«айсе́» }

«у́ма» — умная

«кае́й» — скорей

«ка́па» — капор

Феодосия 26ая февраля 1914 г., среда.

Аля говорит еще :

ах

«у́рика» } — рука

«утка» }

Пра (с ясным «р» и смягченным «а»)

«Котика» — котик

«тата́ля» — татарин (это, впрочем, бессмысленно.)

«ха́шо́» } — хорошо

«ха́ршо́» }

«йзя́» — нельзя

«Котика» она начала говорить после того, к<а>к я ей машинально пропела несколько раз 2 строчки из колыбельной песни Эвы Адольфовны:

«И лупили кота

Попере-ек живота,

И лупили ко-ти-ка
Поперек жи-во-ти-ка»

И вдруг она начинает, подражая мне, протяжно напевать: «ко-ти-ка». Она говорит около семидесяти слов. За 4 мес. нашего пребывания здесь она выучила 55 слов, — приехала с 14^{тью}.

Недавно мы были с ней у д<окто>ра Фиделева. Его не оказалось дома и мы, дожидаясь, сидели в гостиной: я в кресле, Аля — на полу, играя моей муфтой. Войдя она было смело пошла, но несколько раз подряд скользила и падала на слишком натертом линолеуме. Она играла, я читала журнал «Женское дело». Особенно меня поразила женитьба 102 летнего старика на 100 летней девице (выражаюсь словами журнала!) и рождение от них ребенка, оказавшегося прапрапрадедом своего крестного отца.

Через ½ часа пришел д<окто>р — высокий симпатичный старик, принявший нас очень тепло. Аля отчаянно отбивалась и била его по чему попало. Крик стоял ужасный. Тем не менее он ее выслушал и выстукал. Сердце и легкие ее он нашел отличными, но обнаружил малокровие и прописал железо с йодом. В то время, к<а>к я ее одевала, она начала петь.

— «Ишь к<а>к поет! Милая!» — ласково сказал Фиделев.

Теперь Аля ходит аккуратно остриженная сзади, немного, к<а>к кучер — в скобку. Видна тонкая, длинная белая шейка. Волосы сзади — русые, на чолке — смешанные, на висках — почти белые.

21^ю мы ее снимали. Все три карточки удачны. На одной она немного подняла голову и сдвинула брови и почему-то похожа на француженку; на другой — во весь рост, сидя на стульчике, глядит исподлобья и немного улыбается; на третьей — по грудь — у нее какой-то обиженный вид. Лучше всего вторая. Там она очаровательна.

Феодосия, 27^ю февраля 1914 г., четверг.

Вчера я, желая взвесить Алю, раздела ее и поставила на ковер. Каково же было мое удивление, когда она вместо того, чтобы итти, отчаянно начала плакать и лицо ее совершенно исказилось от страха. — Она еще никогда не ходила без башмак<ов>. Вскоре, однако, она освоилась и стала смеяться.

Весит она 29 ф<унтов> с ½, но это после обеда, с барабанообразным животом, по к<отор>ому она радостно хлопала. Думаю, что ее настоящий вес сейчас около 28½ ф<унта>, — во всяком случае не меньше.

А часов в 11 вечера было такое происшествие: Аля проснулась и очень долго не засыпала, несмотря на убаюкивание няни. Не только не засыпала, но кричала, рычала и гнуснела. Тогда С<ережа>, выведенный из терпения, велел няне уйти в мою комнату, потушив предварительно свет, и запретил ей откликаться на Алины вопли. Сначала она плакала, за плачем последовали крики: «няня!», длившиеся минут 10, за «няней» — «мама», за «мамой» опять «няня», потом «Ася», за Асей — «дай! дай! дай!», «кукúк», «ба́-ба», — т<а>к минут сорок.

Наконец она уснула, продолжая всхлипывать во сне, но спала всю ночь хорошо, чего не было уже ночей пять.

В Феодосии весенние бури с безумным ветром. Яркие лунные ночи. Третьего дня и вчера мы — Ася, Макс и я — гуляем до обеда. Были на Караимской слободке и вчера на Карантине.

Караимская слободка — совершеннейшая Италия. Узкие крутые улочки, полуразрушенные дома из грубого пористого камня, арки, черные девушки в пестрых лохмотьях. Ася снимала. Мы дошли до Митридата, — белого здания с колоннами — в греческом стиле. У входа в помещающийся в нем музей древностей — два старинных огромных кудрявых итальянских льва. Я влезла на одного из них и села боком, к<а>к амазонка. Макс стал спереди, около морды. — Т<а>к сняла нас Ася. — Дорогой мы ели конфеты.

Вчера мы снова зашли к Александре Михайловне. Она лежала на диване больная.

— «Александра Михайловна! Вы спите?»

— «Нет, — лососинюсь.» — У нее был сердечный припадок.

Встретила она нас радостно.

— «Ну вот, — весна пришла, две мои милые девочки!» Мы немного посидели, поговорили о материях «глазки да лапки», чем привели в ужас Макса.

—

Феодосия, 2ая марта 1914 г., воскресенье.

Алины новые слова:

«Пря» — Пра	«шяпа» — шляпа
«тека́» — щека	«патó» — пальто
«тяй» — чай	«сюп» — суп
«ба́ака» — собака	«бои» — брови

«ку» — вкусно

«пит» — спит

«áпо» — на пол

«кики́» — крик петуха — всего 78 слов.

Вчера вечером я ей купила ангела — в моем вкусе: голубые крылья, золотые волосы, голубые глаза, голубая мантия и белая одежда с золотым пояском.

Показывая его сегодня Але, я спросила:

— «Аля, кто это?»

— «Аля!» и тотчас же подставила руку к его губам, целуя воздух. Когда ее одевали на прогулку, она вспомнила и, показывая рукой вверх на ангела, сказала: — «Аля!»

Сегодня маленькая Дора от портнихи принесла Алино новое летнее пальто — из темно-коричневого шелкового полотна с золотыми пуговицами и круглым воротником. С<ережа> находит ее в нем похожей на мальчика.

Феодосия, 4ая марта 1914 г., вторник.

Алины слова:

Мак } — Макс
Макс }

«есь» — есть

«туль» — стул

«той» — стой

сядь — сядь

«мако́» — молоко

«бублю» — люблю

Соня — Соня

«áнька́» — ангел

«му» — муфта

Первая фраза:

«Иди, кот!»

Недавно она несколько раз сама поцеловала мне руку. Целуется она очень хорошо — сухо и твердо. Когда ей скажешь: «Сделай т<a>к лапами», она, смеясь, обеими руками обнимает за шею и целуется. Завтра ей 1½ года.

Феодосия, 6ая марта 1914 г., четверг.

Вчера Але исполнилось 1½ года. Ее новые слова:

«бось» — брось

«бёть» — бьет

«му́тика» — музыка
 огонь (раньше «аго»)
 дома — на вопрос: «где Ася?»

«Аду́» } — Андрюша
 «Дуда» }

«паси́» — спасибо

«сищяс» — сейчас

«асѐ» — осел

Всего больше 100 слов. А еще месяц назад было 43!

4^м вечером мы с Асей пошли выбирать ей подарок. Сначала зашли в один — еврейский, — впрочем и второй был еврейский. В первом мы перебрали почти все игрушки, ища идеального медведя «на всю жизнь». Такого не оказалось. Темно-коричневые и аппетитные по шерсти были с ужасными зловещими мордами. — «Но разве ребенок может понять выражение?» — утешала назойливая хозяйка магазина. — «Да, но мы к<а>к будем страдать!» — Другие медведи — цвета ржи — имели какую-то равнодушную внешность. Мохнатой куклы мне не хотелось, небьющиеся были тупы и тоскливы. Наконец мы выбрали одного — темного небольшого, с шелковистой шерстью, в настоящей медвежьей позе засыпавшего на своих крепких колесиках. Угрюмое выражение и общая солидность очаровали меня. Мы долго торговались, — я давала не больше трех. Наконец, она сошла на 3 р. 50. Но Ася убедила меня посмотреть в др<угом> магазине. Мы ушли, купив чудесную Ваньку-встаньку — настоящего русского, времен, когда мальчиков одевали в кафтанчики, бархатные шаровары и шапочки с павлиньим пером. Хозяйка провожала нас огорченными возгласами и возмущенными укорами. В другом магазине я сразу выбрала большого осла — настоящего, серого, трогательного, со сгибающимися ногами. Целый вечер я восторгалась им, целовала в морду и гладила. С<ережа> придавал ему какие-то необычайно подлые позы: выворачивал голову на спину, всячески выгибал ноги. Я искренне страдала. Читая перед сном «Лучше не жить» — роман из японской жизни, я всё время взглядывала на о́сло, сидевшую рядом на столе, умилительно растопырив ноги.

На след<ующее> утро — Алиного полутарогодия — я ей дала его. Сначала она очень обрадовалась, гладила его, трогала за уши, целовала в головку, в первую минуту приняв его за «ау». Но когда он, потихоньку нажатый мной, вдруг неожиданно пискнул, она вся затряслась, заплакала и стала его отпихивать, недовольно и испуганно завывая и повторяя: «но, но, но, но, но, но, но!» «Няня! Няня!» «Ма-ма-ма...»

«ух!» С этой минуты она его боится. Позабудет его голос — и целует, обнимает; он пискнет — сразу отмахивается и возмущенно воет — именно воет — без слез, нечто, вроде: «у-у-у», или «о-о-о!» С<ережа> всё время им ее пугает, наслаждаясь ее страхом.

В 10 час. мы отправились с ней к фотографу — уже не к Гольдштейну, а к Стамболи, к к<отор>ому я предварительно заходила. По дороге мы зашли к Асе, где повторилась обычная сцена с Андриюшей: Андриюша на руках у няни восторженно тянулся к Але и трогал ее за лицо. Аля говорила «ip» и недовольно клонила голову на плечо своей няни. Совсем, к<а>к 11 месяцев назад, на

<Запись не окончена, не заполнена нижняя половина страницы.>

Феодосия, 9ая марта (1ый день весны); 1914 г., воскресенье.

Алины новые слова

«Мурри» — крик кота

который

боится

дать

«Маррина» — Марина

«карей» — скорей (раньше «каей»)

«Кусика» — Кусака

барыня

Утром, когда мы пьем чай, Аля стоит у стола и ест бублик. Я намазываю ей его маслом. Слизав масло, она вновь подает мне бублик: «на! на!» Вчера и сегодня она ежеминутно меня целует — куда попало, зная, что я умилюсь, скажу: «душя» и возьму ее на руки. Сегодня она в первый раз бежала по двору, широко раскинув руки. Недавно я ее снимала стереоскопом — плачущую, злобную, но все-таки слегка похожую на себя (en laid¹). Два раза на руках у няни, раз стоя, причем наклоненная над ней няня вышла жирафной. Нужно сказать, что лучше всего вышли ее шубка, капор и муфта. Морда — злобная, глаза почти совсем закрыты — от солнца и слез. На одной карточке вышел Ваня, случайно ставший рядом. Сегодня С<ережа> подарил ему пугач и галстук.

Феодосия, 10ая марта 1914 г., понед<ельник>

Сегодня утром я зашла к Стамболи за Алиной пробной карточкой. Звонок резко зазвенел еще внизу. Я вошла — никого. И вдруг голос старшего фотографа: «Приготовьте карточку ребенка М^{elle} Цветаевой!»

¹ в безобразии (фр.).

Он вошел.

— «К<a>к Вы узнали, что я пришла? Ведь дверь закрыта!»

— «Я Вас видел в шелку!» — смеясь ответил он.

Посмотрев карточку — очень милую — я собралась уходить, когда раздался звонок.

— «Вас верно ждет Ваша сестричка?» спросил фотограф.

— «Да!» — не расслыхав в точности ответила я.

— «А-ах!» раздался тотчас же изумленный возглас ф<ото>графа, увидевшего стоящего внизу высокого молодого человека в драповом модном пальто и фетровой шляпе — Сережу. Это сестричка-то!

Сегодня Аля слегка разочаровала меня: 1) никак не могу понять, что она говорит: «Марина», или «барыня»; 2) на вопрос: «к<a>к зовут маму?» она определенно отвечает: «и-а» т.е. криком осла.

Сейчас вернулась от портнихи — мерила черное платье с лиловыми цветочками (à la приживалка). На обратном пути было свежо, веял ветер. Небо было ясное и прохладное, в окнах горели огни. Я шла легко и быстро, взволнованная, к<a>к всегда, когда одна.

«Быть совсем одной
Под луной»

или

«И совсем одной
Под луной.»

Сверкнула и обожгла мысль: «Если бы я лет 10^м увидела себя сейчас, в этой узкой улочке без одного фонаря, бегущей куда-то — куда-то определенно «домой»...

Стало т<a>к тоскливо, что я насильно перестала думать и заглянула в будущее Али.

Совсем наверху я поравнялась с пьяным и не то от настоящего, не то от «нарочного» страха — пожалуй и от того и от другого — еще ускорила шаг, позорно оглядываясь.

Сейчас я жадно думаю об ужине.

Феодосия, 11ая марта 1914 г., вторник.

Алины слова:

пить

«таит» — стоит

Алёк

Сегодня мы снимали Алю и Андрюшу — в первый раз вместе, кроме стереоскопических снимков на Пасху прошлого года — сначала в ф<отогра>фии «Moderne» — одна на стульях, стоя — потом у Стамболи: 2 раза одних, сидящих на столе, 2 раза с Асей и мной. Я на одном снимке шевельнулась. Если второй удачен, Стамболи переставит с него меня на первый. Снимки — все — удачны, мы смотрели негативы.

Аля и Андрюша вели себя превосходно. Андрюша, к<a>к всегда, ухаживал; Аля отвергала. Во время снимания они не ломались, после — начали ходить по ателье: Аля — к<a>к всегда озабоченно, не притрагиваясь ни к чему; Андрюша — наоборот — весело и любопытно, то садясь на зеленую скамеечку для ног, то влезая на causeuse¹, то пихая Алю в спину. Единственный предмет, заинтересовавший Алю в ателье — было большое зеркало, перед к<отор>ым она проделывала какие-то движения. Их бегство друг за другом (т.е. Андрюши за Алей) и друг от друга (читай: Али от Андрюши!) Ася сравнила с пластическими танцами. На прощание ф<отогра>ф подарил мне три пачки папирос Стамболи, — каких-то особенных. Я обещала ему книжку стихов.

На улицах весна. Аля гуляет уже в летнем пальто и бархатной шляпе. Всех новых снимков 5 — 5 разных Алиных выражений!

С<ережа> глубоко и горячо возмущен моим частым сниманием Али. — «Меня бы совершенно удовлетворила Алина карточка с пальчиком, — все остальные я свободно мог бы выбросить. Одна только карточка от Алиного детства!»

— «Ну, хорошо, и оставайтесь с этой одной, а я останусь с целым альбомом» — полусерьезно ответила я.

Думаю в следующий раз снять Алю у ф<отогра>фа не раньше, к<a>к через ½ года, а дома — месяца через два — 5^м мая, в день трехлетия нашей первой встречи с Сережей. (5^м мая 1911 г. — 5^м мая 1914 г. — и дочь 1 г. 8 мес.!)

Феодосия, 24^м марта 1914 г., понед<ельник>.

Алины новые слова:

«бом, иди» — бом, бом, беда бом и т.д. (песенка.)

«бу́си» — бусы

«ка́тинка» — картинка

«па́ситься» — проситься

---

¹ диванчик для двоих (фр.).

«изі́к» — язык	марш
«ці́зик» — чижик (песенка)	«па́тя» — платье
Куса́ка	«Оля» — Вера
кися	Аленька
кисенька	«сява́» — сова
«бе» — бедный	шапочка
корова (сначала «каро́ля»)	«ки́ня» — книга
бух	«но́тка» — ножка
дуся	вон
дусенька	ой-ой-ой
«тюки́» — чулки	сядь
«тюло́к» — чулок	татарин
«мить» — мыть	Лёва
«миться» — мыться	буду
«мо́кий» — мокрый	на-на-на́ — когда зовет собаку
нос	пять
рот	копейка
«хо́цю» — не хочу	«бизі́т» — бежит
«аре́к» — орех	«а́почка» — лапочка
«пасибо» — спасибо	«са́пка» — шапка
Соня	«той» — стой
«тетыре» — четыре	«тай́т» — стоит
гадюка	«па́тя» — платье
«паде́т» — упадет	«му́та» — муфта
«мя́тика» — мячик	дурак
дура	
«пасёл» — пошел	
«сью́мка» — сумка	
рано	
скоро	
«ка́ся» — каша	

Около 10^{мн} дней я пролежала в постели: болела нога. За это время, вернее 21^{мн} — приехали Пра, Майя и Толстые. Накануне из К<окте>-беля пришли Макс и Людвиг в сопровождении Лапко, Одноглаза и Шокколада. А еще раньше приехал из Москвы Рогозинский. — К<а>к я бессвязно пишу! —

Дело в следующем: Рогозинский, не пригласив, даже не предупредив ни С<ережу>, ни меня, уехал на авт<омобиле> в К<окте>бель с Богаевским. Мы, конечно, закипели — сначала вдвоем, а затем, с приходом Аси — втроем.

— «Господа, ведь странно!» — говорила Ася — «я с утра сегодня почувствовала, что придет Макс, — у меня даже в дневнике записано.» Мы решили, что Макс, конечно, придет на автомобиле с Р<ого>зинским и Б<огаев>ским. Злословя и возмущаясь мы говорили о бестактности почти всех наших знакомых и яростно восхваляли свою тактичность, когда раздался стук в дверь, сопровождаемый громкими головами и какой-то буйной возней.

— «Марина, я тебе привел твоего крестника!» — послышался голос Макса. С<ережа> и Ася кинулись к двери, в к<отор>ую мгновенно ворвался Шоколад. Через секунду он исчез, «к<a>к видение». Раздался грохот разбиваемого стекла, возня усилилась.

Наконец вошли Макс и Людвиг, за ними — робея — великолепный Лапко, суетливый Одноглаз и мой крестник Шоколад, похожий на лисицу. (Это он за дверью перебил все бутылки.)

— «Господа, вы на автомобиле?»

— «Нет, пешком!»

— «Честное слово?!»

Макс поднял два пальца.

— «А к вам Рогозинский и Богаевский поехали!»

Мы прямо захлебывались от счастья.

Подали ужин. Вскоре С<ережа> выпроводил Одноглаза и Шоколада в соседнюю пустую комнату. Оставшийся Лапко сначала лежал «по светски», подняв голову и вытянув передние лапы, потом развалился по летнему, в коктебельской позе, к<a>к где-н<i>и>б<удь> в саду, на дорожке, под жарким солнцем.

Макс вскоре ушел к Богаевскому, опасаясь разойтись с ним, когда тот вернется.

Людвиг, С<ережа> и Ася решили пойти к дяде. Вскоре я, потихоньку одевшись, пришла туда. Меня всю качало.

На следующий день, — рано утром — приехали Пра, Майя и Толстые.

К нам пришла одна Майя...

Феодосия, Благовещение <25 марта> 1914 г., вторник.

Феодосия, 14ая апреля 1914 г., понед<ельник>

Алины слова:

«папа́рoсья» — папироса
 «ка́мешка» — камешек
 «тетóчки» — цветочки
 ворота
 море
 синее
 «дайoн» — медальон
 «пато́ны» — панталоны
 «Серёза» — Сережа
 Лев
 «камейка» — скамейка
 «байáна» — обезьяна
 «тава́» — трава
 «та́вка» — травка
 «горрка» — горка
 «ма́чки» — башмачки
 «тюло́чки» — чулочки
 резинки
 «казя́» — коза
 «паси́та» — спасибо
 «мати́» — смотри
 бяка
 рука
 «суха́ха» — сухая
 «мо́крый» — мокрый
 «пать» — спать
 «дасиданья» — до свиданья
 «ге́три» — гетры
 лошадь
 (франц<узское> «l»)
 «Кара́к» — Шоколад (собака)

«бoсья́ка» } — собака
 «саса́пка» }
 дусяка
 дуся
 дусенька
 кисенька
 «ко́сетка» — кошечка
 «ко́тка» — кошка
 горит
 «тепо́» — тепло
 «хо́нана» — холодно
 «Ванька-танька» — Ванька-
 встанька
 «гайáтий» — горячий
 дуй
 дуть
 дать
 даст
 «гуля́а» — гуляла
 «у́мица́» } — умница
 «у́мицка́» }
 боится
 «пуси́» — пусти
 «на́ пол» — на пол
 раз — раз
 да — два
 три
 «теты́ре» — четыре
 пять
 «шесь» — шесть
 «сем» — семь
 восем
 девять десять

После каждого возвращения с прогулки Аля заявляет мне: — «Гу-
 ля́а».

Получив что-н<и>б<удь> в рот иногда самостоятельно говорит: «паси́та» — спасибо. После совершения известного похвального действия объявляет: — «Всё» и затем: «У́мица!»

Кстати, у нее уже опять новая няня, в Феодосии третья, вообще, считая кормилиц, десятая. Зовут ее Ксенией Гавва́, ей 16 лет. Она хорошенькая, маленького роста, краснощекая, с большими глазами и очень правильным носом. Характер — веселый, голос — звонкий и резкий. Часто по вечерам, слыша, как она баюкает Алю, я прихожу в ужас, — сплошной крик.

Но за одно я ей благодарна: в 2 дня она приучила Алю проситься, а то Аля, просившаяся еще при Аннетте, 1 г. 4½ мес., при второй няне совершенно отвыкла и поливала комнаты раз по десяти в день, несмотря на самые строгие меры.

Смешная черта: когда она уже начала привыкать проситься, то до «прошения» ходила по комнате с совершенно искаженным лицом, повторяя: «мокрый! мокрый!»

— «Аля, ведь ты сухая!»

— «Суха́ха!» плачевным голосом повторяла она.

Потом она уже на вопрос: «Ты мокрая, или сухая?», стала отвечать: «суха́ха», шупая себе панталоны.

Она очаровательно играет с Ваней, тащит его куда-то за руки, спихивает со скамейки, разглядывает его пальцы, пуговицы, старается свалить на землю, вчера даже играла с ним в лошадки.

Считает она т<а>к:

«Раз!» — «Ряс!»

«Два» — «Да!»

«Три» — «Три!»

«Четыре» — «Тетьре!»

«Пять» — «Пять!!»

«Шесть» — «Сем!»

«Восемь» — «Восем!»

«Девять» — «Девять!»

«Десять» — «Пять!!»

Еще слова

поет

«ка́сий» — красный

«бе́яя» — белая

«ка́сит» — кашляет

«Ма́рини́тька» — Мариночка

«Ле́вуська» — Левушка

небо

«сися́с» — сейчас

«катает» — катается
качается

«гайка» — гадко

«кареку́» — кукареку

«кот кудá» — куриный крик

«кусатька» — Кусачка

А иногда сама: «Ря-ас! Пять! Сем!»

Когда чего-н<и>б<удь> испугается, а пугается постоянно — очень нервна — тотчас же кричит: «Бойтся!» И когда Шоколад убегает от нее тоже кричит: «Бойтся!»

- «Аля, какое море?» — «Синее!»
- «Какой медальон?» — «Синий!»
- «Какой у тебя пояс?» — «Кáсий!»
- «Какое море?» — «И́-á?»

И лукаво смеется.

Вообще, когда расшалится, или не хочет отвечать, говорит: «И́-á!» (Ослиный крик)

Недавно я с Алей и Ася с Андрюшей гуляли на молу. Я поднесла Алю к морю.

— «Ада́! Мокрый! Бойтся!» закричала она, отворачиваясь.

Потом Ася на Итальянской купила им по вертушке с разноцветными бумажными звездочками. Аля было взяла, но при первом порыве ветра, завертешем звездочки, бросила вертушку на троттуар, с криком: — «Бойтся! Бойтся!»

Что, если эта прогулка по Итальянской, море и вертушки, ветер и плачущий Андрюша — останутся ее первым воспоминанием?

Недавно няня научила ее на вопрос: «К<a>к Андрюша плачет?» отвечать — плачем.

Вчера я снимала ее с Ваней на ступеньках у Сережиной двери.

В саду цветут акации, сирень, желтые бархотки.

Аля хорошо бегает с горки и сама влезает на нянину кровать.

Еще слова

кусает

«кушу́» — укушу

«куси́ла» — укусила

ест

ку́сала́» — кусала

ботинки

«са́потька» — шапочка

«а́потька» — лапочка

дерется

мурри́-мурри́ — крик кота

«ми́ля» — милая

«Адюся» — Андрюша

«бо́но» — больно

па́тит — плачет

«па́тице» — платьице

ботинки

«со́нца» — солнце

«уна́» — луна

«тимó» — темно

Несколько времени тому назад я купила у П<етра> Н<иколаевича> для Али 1) вышитую картину: барашек, лежащий на гирлянде роз 2) две картинки масляными красками: мальчик с кошкой и девочка с собачкой (у собачки человечесьё лицо) 3) две раскрашенные гравюры 60ых годов: мальчик с венком повилики в крупных кудрях, держащий человекообразную собачку, другая — девушка, прижимающая к груди такую же собачку. Особенно хорош барашек, его очень хвалил Богаевский. Все вещи — старинные.

Только сейчас ушла Аннета, Алина первая феодосийская няня, не выдавшая ее около 2½ мес. Аля ее совершенно не узнала, — а ведь узнала же Пра 1 г. 2½ мес. после 2½ мес. разлуки! Аннета находит, что Аля очень выросла и что лицо у нее стало меньше. В ней сейчас 83 сантиметра длины. За 2 месяца она выросла на 2 сантиметра. 1½ месяца назад она весила 28½ ф<унта>, — интересно, сколько теперь.

Сегодня у меня явилась мысль: если юность — весна, зрелость — лето, пожилые годы — осень и старость — зима, то что же — детство? Это — весна, лето, осень и зима в один день. Кажется, т<а>к.

Пишу стихи Эллису, — всего пока 308 стр<ок>. Выходит, вроде поэмы.

Усиленно «шьюсь», т.е. заказываю портнихе платье за платьем, на всех «тетóчки», к<а>к говорит Аля.

Пасху мы встречали в Коктебеле.

Феодосия, 16ая апреля 1914 г., вторник.

Алины новые слова:

«теёно́тька» — телёночек

«зеёный» — зеленый

«па́кхет» — пахнет

«пасо́тим» — посмотрим

«каёши» — калоши

«хи́питя» — щиплется

«папасáнка» — попрошайка

«деётька» — девочка

барин

Вчера я купила для нее у П<етра> Н<иколаевича> три немецких книги 70ых гг. — 3 тома «Töchteralbum»¹ с очаровательными романти-

¹ Дочернего альбома (нем.).

ческими картинками: девочки в пышных юбочках, с длинными панталонами; дамы, причесанные на пробор, с волосами, покрытыми сеточкой; господа во фраках в талью и цилиндрах; элегантные миссионеры, окруженные добросовестно-черными неграми; тропические заросли, змеи, морские животные; похищение какой-то девочки неграми; вдруг ни с того ни с сего Бетховен; матери, шьющие платья тут же играющим детям; громадный слон с задраным хоботом и танцующий перед ним от страха крошечный человек в штатском; кораблекрушения, руины, короли, гномы, пастухи, барашки, и т.д. и т.д. Я целый вечер с наслаждением рассматривала эти картинки и — клянусь! — они меня волнуют в несчетное число раз больше великих мастеров — старых и новых! Сегодня утром я показывала их Але, пришедшей ко мне на постель. Могу сказать, что она смотрела их чрезвычайно умно и внимательно.

— «Тавá... зеёный» (Трава... зеленая).

— «Теточки...» (Цветочки). Негра она назвала Лёвой и, пощупав ему красные панталоны — единственное, что было на нем надето — объявила: — «Сухáха!» (Сухой). Маленьких девочек она называла Алей и целовала. Называла части тела и одежды, море, цветы, — не пропускала ничего знакомого. Рассмотрев картинку, она говорила: — «Всё!» и добавляла: «Пасóтим!» (посмотрим). — Различала мальчиков и девочек; видя траву или цветы просила: «Дай!» и старалась их сорвать.

Феодосия, 17^а апреля 1914 г., четверг.

Вчера Аля начала говорить фразы — запомнить! 1г. 7½ мес.! —

— «Пасён... Барбос... гайкий!» (Пошел Барбос, гадкий!)

— «Огонь... горит.» — «Мамотька, дуся!» — «Макó... гаятий.» (Молоко горячее), «Няня.. поет.» «Пусí...áпол!» (Пусти на пол!)

Я думаю — через месяц она будет говорить совсем хорошо.

Сегодня утром она, сидя у меня на постели, «мыла» меня следующим обр<азом>: облизав палец, она водила им по моему лицу, или руке, приговаривая: — «Мíться! Мíться!» — Это она уже делает давно, — очевидно, научилась у Кусяки.

Вчера за ужином она сидела у Людвигу на коленях — это при ее дикости! вообще он ее приручил, — и вдруг, увидев няню, входящую с блюдом, изрекла: — «Няня... поет!»

Мы все ужасно смеялись, смеялась и страшно сконфуженная няня.

Аля говорит сейчас около 300 слов, а 2 месяца назад знала всего 60. Значит, за 2 месяца она выучила 240.

Сережа учит латынь, Аля русский.

Феодосия, 22ая апреля 1914 г., вторник.

Алины фразы:

«Мама... ку́сит» (Мама кушает)

«Кот... кусает»

«Сюмка... па́ля» (Сумка упала)

«Ваня... иезет» (Ваня лезет)

«Буба... дать» (Бублик дать)

«Мням-мям — будет?»

Всё это, конечно, в разных комбинациях.

Еще: «Ку́рится... коткúда» (Кудаханье курицы)

Новые слова:

«па́литька» — палочка

«а́мка» — лампа

«иерёвителька» — веревочка

«гайо́вка» — головка

«пахо́д» — пароход

«ё́нтик» — зонтик

дудит

«пи́цька» — птичка

петух

«ку́рится» — курица

«тайё́литька» — тарелочка

Уже почти невозможно записывать все ее слова.

Третьего дня у нас был Андрюша. Пока мы обедали они с Алей сидоровились по комнате. Стоило только Андрюше протянуть руку за какой-н<и>б<удь> вещью, к<а>к Аля с криком: — «Адюся, изья!» изо всех сил толкала и тащила его в противоположную сторону.

Сама она никогда ничего не трогает, кроме своих игрушек и вещей.

Нервна она ужасно: хлопнет ли дверь, загудит ли пароход, войдут ли несколько человек сразу, — уж она кричит: «Боится!» и плачет, схватившись руками за голову.

Вчера мы напр<имер> с С<ережей> стали показывать ей зонтик: то ли, что он черный, то ли, что т<а>к быстро меняет вид, внезапно из узкого делаюсь широким и круглым, но он произвел на нее ужасное — в смысле ужаса — впечатление. Она кричала: «Боится! боится!», пла-

кала, дергалась, дрожала и, когда С<ережа> подержал ее над ним (зонтик лежал на полу, палкой кверху) стала так отчаянно se démener¹, что пришлось всё это прекратить.

Аля нервна, но не капризна.

Андрюша — наоборот. Аля выше его на 4 сантиметра, в ней 83, в нем — 79.

Недели две, к<а>к она засыпает без укачивания и просится — во время дневного сна — всегда, ночью — иногда. И недели три, к<а>к ведет себя прилично без одного исключения.

Ах, какими словами передать ее очаровательность?!

Она благоразумна, послушна, ласкова, лукава, — всё это à la lettre². Напр<имер> она дразнится: «Мя́-ямя! Мя́-ямя!»

— «Что такое за «мямя»?» —

— «Мама!» — и вся сияет.

Целуется она обворожительно. То обхватит руками за шею, то необыкновенно-осторожно подопрет руками ваш подбородок, то просто приблизит личико, иногда улыбающееся, чаще — серьезное.

Феодосия, 30ая апреля 1914 г., среда.

Аля стоит на зеленой, густо заросшей площадке, с к<оторой> видна вся Феодосия. Из окон Редлихов доносится музыка. И вдруг Аля восклицает:

— «Музыка! Синяя!»

Я даю ей одуванчик.

— «Аля, дуй!» Аля дует, но слишком слабо.

— «Аля, смотри!» — и я задуваю одуванчик.

— «Потусила!» — протяжно говорит Аля.

Трава доходит ей выше пояса. Она в одном платъице и белой пикейной шляпе. Солнце жжет и сверкает. Цветут сирень и акации. Я сижу на скамейке перед овальным садовым столом. Иногда Аля подбегает ко мне, влезает на скамейку, снова слезает, уходит за цветочком, спотыкается о невидимый в траве камень, падает, встает и вновь подходит ко мне.

Другой день, — еще более летний. Мы только что кончили пить кофе в саду, у Сережиной двери. С<ережа> ушел спать — совершенно

¹ метаться (фр.).

² в буквальном смысле (фр.).

измученный занятиями. Аля бегаёт одна по дорожкам в пышном белом платье.

— «Аля, туда нельзя!» — «Аля, иди сюда!»

— «Пáлитька!» — «Тетóчки!» — «Кайят писёл!» — «Море синее!» — «Тава зиённая!» — «Паход!» раздаются в ответ Алины словечки и фразы. И вот она стоит передо мной, с высоко поднятыми над головой руками, сияющая, слегка загоревшая.

— «Пислá!» И уже опять мелькает между кустами роз и сирени её белое платье.

Лежим в траве — Ася, Кусака и я. Ася подложила под голову сумку, я — руки. Пахнет русским настоящим летом. Жужжат мухи и пчелы. Небо — ярко синее, море сквозь ярко зеленую траву — еще синей. Жарко, сонно, лениво, — чудно.

Аля сидит на мне, к<a>к амазонка. Кусака то и дело выпрыгивает из травы, — голубовато-серый, к<a>к густой дым.

Прибежала рыжая Тюнька и обнюхала Асю. Медленно, слегка смущаясь, всем своим пушистым лисьим телом — подошел Шоколад (по Алиному «Каррак» и «Кайяд».)

В окне показывается тонкий силуэт Сережи. Прелестное бледное лицо его с огромными серо-сине-зелеными глазами улыбается.

На море густой туман. Вечер. Аля смотрит в окно и вдруг, в ужасе: — «Море, — куда?» — «Море! Куда?» — «Море, на, на, нá!» Это мне рассказывал Сережа.

Сегодня утром я просыпаюсь от Алиного голоса:

— «Дай! Дай! Дай!» Молчание. За ним возглас: — «Папаса́нка!» (Попрошайка)

Только что сейчас мы с ней сидели на няниной кровати и рассматривали коробочки от папирос «Южные». (Я изменила Кеф'у). Аля открыла коробочку и увидав пепел (я его стряхиваю туда за временным неимением рядом пепельницы) восклицает — «Фу, гадость!» — И с настоящим возмущением.

Вчера утром, Аля сидя у меня на диване — я еще не вставала — вдруг изрекла следующее — нежно и нараспев:

— «Мама...титаёт,
Бўси...катяют.»

Над диваном со старинного трехсвечника спускаются бусы.

Часто по утрам и среди дня она начинает просить: «Катїнки — пасотїм!»

Т<а>к раз двадцать сряду. И смотрит их с наслаждением. После картинок, а вернее наравне с ними ее любимое занятие «писать» палочкой по песку. (См. стихи Эллису!)

— «Палитька пїсет!» — приговаривает она, подымая клубы пыли.

Еще другое ее любимое занятие ходить попеременно от С<ережи> ко мне, от меня к С<ереже> и передавать от одного к другому какое н<и>б<удь> слово, вроде:

— «Мама дура!» — «Лёва, пасёл!» — «Мекекек!» — «Папасанка!» — «Осел: іа́, іа́, іа́!» Иногда она, забыв, что ей сказали или желая сказать своё, вместо «осел» напр<имер> говорит — «Казя́!» (коза), или что-н<и>б<удь> другое.

А. Толстой о ней сказал: «Да, глаза у нее будут губительные. Когда она их прищуривает, они, к<а>к два полумесяца.» — Это, Аля, на случай, если ты полюбишь Толстого, или он тебя. Первого я тебе не советую, а второго не пожелаю!

О, к<а>к тебя будут любить!

Ты будешь красавицей, будешь звездой и твои огромные голубые глаза feront pleurer

«Comme on pleure à vingt ans!»¹

(Старинный франц<узский> романс, к<отор>ый чудно поет Ариадна Николаевна Латри, в чью честь я тебя не назвала!)

Ты будешь красавицей, будешь звездой, ты уже сейчас красавица и звезда. Ты уже сейчас умна и очаровательна до умопомрачения. Я в тебя верю, к<а>к в свой лучший стих. Через 4 дня тебе будет 1г. 8 мес. В этом возрасте ты уже свела с ума от восторга свою мать 21^м года, — возраст, когда м<ожет> б<ыть> любят только себя.

¹ заставят плакать «Как плачут только в двадцать лет!» (фр.)

Я тебя почуяла раньше всех и чем бы ты ни была, какой любовью бы тебя ни окружали и какие стихи бы тебе ни писали, — помни, читая эти строки, что первым поэтом ставшим перед тобой на колени, была твоя мать.

Феодосия, 4ая мая 1914 г., воскресенье.

Я не знаю женщины, талантливее себя к стихам. — Нужно было бы сказать — человека.

Я смело могу сказать, что могла бы писать и писала бы, к<а>к Пушкин, если бы не какое-то отсутствие плана, группировки — *просто полное неимение драматических способностей*. «Евгений Онегин» и «Горе от ума» — вот вещи вполне *à la portée*¹. Вещи гениальные, да. Возьми я вместо Эллиса какого-н<и>-б<удь> исторического героя, вместо дома в Трехпрудном — какой-н<и>-б<удь> терем, или дворец, вместо нас с Асей — какую-н<и>-б<удь> Марину Мнишек, или Шарлотту Кордэ — и вышла бы вещь, признанная гениальной и прогрессивная бы на всю Россию. А сейчас о поэме Эллису скажут: одни критики: «скучно, мелко, доморощено» и т.п., другие: «мило, свежо, интимно». Клянусь, что большего никто не скажет.

Мое отношение к славе?

В детстве — особенно 11^м лет — я была вся честолюбие. Впрочем с тех пор, к<а>к себя помню! Теперь — особенно с прошлого лета — я безразлична к нападкам — их мало и они глупы — и безразлична к похвалам — их мало, но они мелки.

«Второй Пушкин», или «первый поэт-женщина» — вот чего я заслуживаю и м<ожет> б<ыть> дождусь и при жизни.

Меньшего не надо, меньшее плывет мимо, не задевая ничего.

Внешне я очень скромна и даже стесняюсь похвал.

В своих стихах я уверена непоколебимо, — к<а>к в Але.

Стихи Эллису почти закончены. Остается дописать вторую половину ночи: его сказки, тухнущую лампу, прощание у тополя. Эпилог закончен сегодня. Всего пока написано 500 стр<ок>. Это — не длинные стихи, а маленькая поэма.

Стихи я пишу очень легко, но не небрежно. Никогда не «затыкаю» пустые места, чем попало. Почти всегда начинаю с конца. Пишу

---

¹ в моих возможностях (фр.).

с удовольствием, иногда с восторгом. Написав, читаю, к<а>к новое, не свое и поражаюсь.

Если бы у меня было много денег — т<а>к, чтобы не слишком часто считать — я хотела бы иметь много детей, — еще по крайней мере троих. Если у меня будет еще дочь, я назову ее Мариной, или Зинаидой, или Татьяной. Если сын — Глебом, или Алексеем. Я бы больше хотела для себя дочь, для С<ережи> — сына. Впрочем, никто не предвидится.

Читаю в своей записной книжке: «Записать отношение к нам и нашим костюмам в Феодосии.»

Во-первых нас знают решительно все: приказчики, прохожие, уличные мальчишки на улицах.

Когда мы с Асей идем по Итальянской, за спиной сплошь да рядом такие фразы: — «Цветаевы!» — «Поэтессы идут». — «Дочери царя» (из «Декабрьской сказки», — любимых стихов публики.) Раз шесть или семь по крайней мере мы слышали этих «дочерей царя» от уличных мальчишек и газетчиков. Приказчики провожают нас возгласами, вроде: «Погиб поэт во цвете лет». Это, впрочем, воскресные.

В магазинах они очень вежливы и предупредительны. Мужчины нас определенно любят. О женщинах — умолчим.

<Под строкой, предположительно, рукой С.Я. Эфрона:>

Не забудьте, как я В<ас> спас с монетой!

(Продолжение будет)

Феодосия, 5ая мая 1914 г., понед<ельник>

3 года с нашей встречи с С<ережей>

<Далее рукой С.Я.Эфрона:>

Четвертый год начинается с разлуки.

Где бы вы ни были я всегда буду с Вами и этот четвертый год, как те три.

Все, что Вы делаете, прекрасно. Честное слово, говорю искренно.

Ласковый и любящий С.

Когда я ворчу — я плохой! Простите меня!

Сегодня Але 1 г. 8 мес.

Сейчас прочли в газетах, что в Малом театре сгорели декорации Б<ольшого> и М<алого> театров, все коллекции Кандаурова (картины Коровина, Богаевского, Врубеля, Сапунова; фарфор, миниатюры). Между ними сгорел и большой портрет Сережи во весь рост, написанный прошлым летом М.Нахман.

«И пальцы, в движущемся ряду
На золотистом переплете»...

(Из стихов Ю. Оболенской об этом портрете)

Эти стихи — вот всё, что осталось от Лёвского портрета. В горле стоит и не расходится какой-то ком. — А у Кандаурова ничего не осталось из коллекции всей жизни — ни картин, ни книг, ни писем, — ничего, чем он жил. Последние 600 р. были украдены. У Коровина погбли 15 лет жизни, — его декорации за 15 лет.

<Под записью — рисунок С.Я. Эфрона, воспроизводящий утраченный портрет>

(Это рисунок С<ережи> — не всерьез!)

—

Феодосия 7^м мая 1914 г., среда.

12^м — первый Сережин экзамен.

Сейчас темно-синее небо, слегка светлеющее к краю. Черные ветви на этом небе, — вот всё, что видно в окно.

Около 8½ ч. вечера. Бренчат балалайки (это няня учится играть у какого-то парня на горке), лают собаки, кричат играющие дети, — и всё-таки очень тихо, к<а>к всегда поздним вечером.

Я недавно остриглась. Волосы спереди остались, обрезаны лишь по бокам и сзади. Очень хорошо, лицо сделалось каким-то строгим и значительным. Пра утверждает, что я сделалась похожей на мальчика. Макс, наоборот сказал: «Ты была мальчиком, а стала женщиной.» В общем похоже на прическу Mme de Noailles.

У меня масса летних платьев — около 10^м одних пестрых. Одно совсем золотое — турецкое, с черным по желтому, — прямо горит. Юбка в три волана, пышная. Талья у меня — 63 сент<иметра> без корсета (в корсете 64). Интересно будет когда-н<и>б<удь> сравнить с Алиной.

Об Але : во-первых она говорит почти всё и почти всё правильно. Память блестящая. Вот некоторые ее фразы: «Мама моет гооу», «Мама села а скамейку», «Тютя-тютя упала», «Асадка поехала», «Папароса дымит», «Пицька итит», «Тап тарап», «Буба дать», «Копейка дать», «Осел дать», «Папасилась и делала», «Дай поята», «То-то зе» и много др.

Просит она обыкновенно т<а>к:

— «Кубика дать!»

— «Аля, к<а>к надо просить?»

— «Дай паята!»

— «А что надо сказать?»

— «Пасида!» (Спасибо)

Еще разговор:

— «Мя́ — ямя! Мя́ — ямя!» (с лукавой мордой)

— «Что такое за “мямя”?»

— «Мама!»

И прибавляет уже за меня: «То-то зе!»

— «Аля, к<а>к тебя зовут?»

— «Аля Эфон»

— «К<а>к надо сказать?»

— «Эф — рон»

— «К<а>к тебя зовут?»

— «Аля Эф — рон!»

— «Говорила, говорила “Эфрон”, — рассказывает мне сегодня няня, одевая Алю на прогулку, — и вдруг говорит: “Эфрон бежит”» — Аля немедленно подтвердила примером.

Ее лицо — нечто поразительное. На нем уже отражаются все человеческие чувства: возмущение, ласка, лукавство, радость, обида, страх.

На улице при виде ее — одно восклицание: «Голубоглазая!» И действительно: голубее и больше этих глаз нельзя себе представить. Это — звезды, озера, кусочки (огромные!) неба, — только не глаза. Они необыкновенно светлы и блестящи.

Брови — очень длинные и тонкие. Губки — резные, узкие, бледно-розовые, почти всегда сжатые. Только нос еще детский, слегка вздернутый, слегка круглый, но только слегка, — самый обыкновенный детский нос не большой и не маленький. Грудка выпуклая, плечи покатые, шейка длинная. Во всей фигурке — какая-то значительность, твердость, упругость.

Лицо прямо ангельское. Сначала видишь только глаза. Блеск — не блеск, а сияние! Два кусочка (огромных!) сияющей синевы. Веки крупные, нежные, с сетью жилок. Лоб, прикрытый челкой густых светло, очень светло-русых волос, занимает чуть ли не пол-лица. Строение черепа — совершенно Серезино, хотя морда у нее пока еще довольно круглая. (У Серези — к<a>к шпага).

Что в Але поразительно — это ее сознательность. Все слова и жесты осмысленны. Быстрое послушание. Почти полное отсутствие капризов и слёз. Умение сдерживаться: не заплакать, когда уже слезы дрожат на ресницах.

Любовь к картинкам. Желание новых слов. Понимание своего и чужого.

Résumé¹: хочется сказать — к<a>к это ни смешно! — что на нее можно положиться.

Утром, просыпаясь, или после дневного сна, она сразу, открыв глаза, начинает: — «Баррашечка! Толь! Собака! Девуська! Патице! Папайоны! Кусака! Макó! Питька итит! Катинки пасотим? Байя дать! Тавка зеёная! Паход гудит!» — Все это сразу, без передышки. Прошлой ночью я подошла на ее плач. Она сразу — совсем сонная — потянулась поцеловаться и, сказав: «Матíха» (мартыха) сделала по Серезиному примеру обезьянино лицо, что у нее выражается сокращением и закруглением рта в виде «о».

Утром С<ережа> — я еще лежала — рассматривал в бинокль только что пришедший мино- или броне-носец и сказал мне об этом. И вот Аля через час начинает упорно повторять: «наноса гудит». Я даже сначала не поняла, о чем она.

Феодосия, 11ая мая 1914г., воскресенье.

Я курю.

— «Аля, что мама делает?»

— «Мама курит!»

— «Папироса...»

— «Папароса дымит, дым итит.»

Вот некоторые Алины фразы: «Девотька пацит», «Пуси á пол», «Дай пайята буба», «Бóсе нету», «Мама кусит кафет.» Это уже не за-

---

¹ В итоге (фр.).

ученные, а ею самой скомбинированные фразы, кроме «дай паята» (дай пожалуйста).

Говорит она очень много, так что эти фразы первые выхваченные из ее репертуара.

Вот, как она говорят стихи:

— «Аля, скажи «конь бежит!»

— «Конь бизит.»

— «Ну?»

— «Зем-ля, зем-ля»...

— «Ну?»

— «Зем-ля дазит.»

А вот еще другое:

— «Аля, бим-бом...»

— «Бим-бом, бим-бом,

Гайся котинк дом.»

— «Ну?»

— «Бизит куритя, бизит»...

— «С ведром!»

— «Сидом, заять котин дом.»

Между словами маленькие паузы.

А вот, как она вчера ела шпинат. Только завидев его, — пронзительно зеленый на белой тарелке — она тихо проговорила: — «Фу, гадость». Приближающаяся ложка была встречена длинной и певучей — первой нотой близкого плача. Эту ложку она *жевала* минуты две, следующие — уже по пяти. Слезы, шпинат, желтый крем с розовым вареньем, — всё это превратило ее лицо в футуристическую вакханалию.

Эти двадцать ложек она ела около сорока пяти минут. Под конец вокруг ее голубого стульчика уже стояли Сережа, няня и я. Аля плакала, говорила: «хóчет» (т.е. *не* хочет), выпихивала шпинат, вновь принимала его в свой дергающийся рот, три раза стояла в углу, три раза из него выходила и, наконец, вне себя, заплаканная, невероятная, уже не в состоянии закрыть рта из-за переполняющего его шпината, сказала: — «Фу, гадость!»

Я взвешивала и мерила ее ровно 1 года 8^{ми} мес. В ней 29½ ф<унта> веса и 84 сент<иметра> длины. За год — ровно-ровно — она выросла на 14 сент<иметров>.

На днях к нам вечером заходил Хрустачев — молодой художник, манерой говорить — быть может отчасти и обращаться — похожий на

Юркевичей, преподаватель рисования в здешнем Учительском Институте.

Ася много рассказывала — и с восторгом — о том, как он чудно играл с Андрюшей, как Андрюша сразу к нему пошел, как не хотел уходить и т.п.

С Алей он был очень мил, давал ей свою палку, показывал фотографии (NB! Сарра в Aiglon — ô, mes seize ans!¹), случайно заложенные в Асину «Анну Каренину», спрашивал, что ей больше нравится — нарисованная палка Сарры, или его настоящая...

Но — обращался с ней, как с банальным ребенком — по верному замечанию С<ережи>. У меня все время было такое чувство: «да ведь так говорят с маленькими!» С Алей я говорю как с большой и занимаю ее тем, что мне самой интересно.

Как чудно в Феодосии! Сколько солнца и зелени! Сколько праздника! Золотой дождь акаций осыпается. Везде, на улицах и в садах, цветут белые. Запах fleur d'orange'a!² — запах Сицилии!

Каждая улица — большая, теплая, душистая волна. Сам цветок белой акации — точно восковой. И это — как у fleur d'orange'a. С<ережа> обожает феодосийские акации и не любит пирамидальных тополей. — «Они так не идут к Феодосии! Такие пыльные, серые. Еще зимой они были ничего, да и то...» И он прав: в низких пышных акациях что-то совсем сливающееся с белыми стенами домов, крытых черепицей, — со всем духом Феодосии.

Сегодня Ася обрилась.

Сегодня я в магазине Цвибака влюбилась в шарманку (вроде уличной! с ручкой!) и завтра ее куплю для Али и... для себя!!!

Завтра в 9 час. первый Сережин экз<амен>, — русское сочинение. Утром мы были у Могилевского, звавшего С<ережу> по какому-то делу. Его жена крикнула нам с балкона, что Могилевский ушел, но что «дело» — радостное. Мы зашли. — «Узнаны тема латинской работы и тригонометрические задачи. Только не говорите ему, что я Вам сказала!» — Посидев на балконе минут 15, мы пошли домой, по дороге встретили Могилевского (возглас: «земля!»), дошли до Гольдштейна, здесь увидели, как городской бьет какую-то женщину — свою жену — пригрозили ему полицеймейстером, услышали, что это не наше дело,

¹ Сарра <Бернар> в «Орленке» — о, мои шестнадцать лет! (фр.)

² флёр д'оранжа (фр.).

пошли к Попову, его не застали, написали — моей рукой — жалобу на городского, расстрожили секретаря, тотчас принявшегося звонить по участкам, поблагодарили его за любезность, сели на извозчика и вернулись домой. Дома мы застали Асю. Обедали, снимались. Потом мы с Асей пошли к ней — ее брили.

Сейчас у С<ережи> француз.

Недавно я подстригла Алю, — высвободила ей уши. Она стала еще больше похожа на С<ережу> и очень — на мальчика, вернее на «Roi de Rome» с портрета Lawtence'a¹.

Стихи Эллису подвигаются. Осталось еще кончить лекцию Черного и написать Золотой Город и прощание у тополя. — Стихи великолепные! — недавно я в день написала 80 стр<ок>, — в первый раз т<a>к много за один день. Эти 80 стр<ок> я писала часа 3½.

Феодосия, 12^{ка} мая 1914 г., понед<ельник>.

Первый Серезин экз<амен>.

Хочу рассказать весь день:

Я проснулась гораздо раньше шести, в ½^{7^{ка}} вскочила, охваченная ужасом, и побежала смотреть будильник, — мне показалось, что С<ережа> уже проспал экзамен.

В 8 ч. пришла Ася. Пили чай. В 8½ спустились с горы. У гимназии мы разделились — С<ережа> подошел к группе гимназистов, стоявших у дверей, и спросил время. Оказалось, что ровно 8½. Пошли по Итальянской — почти пустой — в сторону д<ачи> Айвазовских, но не дойдя и до площади, повернули обратно. На углу Суворовской ул. (где ф<отогра>фия Гольдштейн) нам повстречался полицеймейстер, маленький, корректный, сияющий. — «Я получил ваше письмо и очень благодарю вас», — обратился он к нам с С<ережей>. — «Я всегда благодарен за всякие указания на беспорядки в моем городе. Там кто-то кого-то где-то зачем-то бил. Но я, конечно, всё уже сделал. Куда вы так рано идете?» — «Да, вот, в гимназию, — сегодня первый экз<амен>» — сказал С<ережа>.

— «Вы держите на аттестат зрелости? Ну, желаю Вам полного успеха!»

— «Надеюсь, что Ваше пожелание принесет счастье!» крикнула я, когда мы уже расстались.

---

¹ «Римского короля» с портрета Лоуренса (фр.).

— «Да, да, конечно!»

С<ережа> и Ася обратили мое внимание на то, что в его замечании: «кто-то кого-то и т.д.» была ирония. Но я не смутилась. Непонятая собеседником ирония может смутить только иронизировавшего. Я же чистосердечно поблагодарила его за то, что «всё, конечно, сделано».

Кстати: у этого полициймейстера попугай эпохи Александра I. При первом моем визите полициймейстеру он мне рассказал следующую историю. Попугай — «Попочка» — заболел. Полициймейстер — Попов — зовет «птичьего д<окто>ра». И что же советует д<окто>р? — Попугая отравить, а клетку дезинфицировать! —

Попову около 70^л лет. Он бодр, тверд, весел и моложав — на вид ему лет под 50. Носит маленькие черные усики. Сияет. Говорит в рифму. Лицо круглое, глаза пронзительные — черные из-под черных бровей.

Дальше о Серезином дне:

У гимназии мы расстались. Когда он отошел, мы незаметно уехали на мостик и провожали его глазами до гимназической двери, у к<отор>ой он сначала постоял немного с каким-то гимназистом и в к<отор>ую, наконец, исчез.

Допроводив его, мы с Асей пошли сначала к А<лександре> М<ихайловне>, потом за шарманкой. Ася ругала ее, надеясь на уступку, я же портила всё дело, не в силах скрыть свой восторг и желание купить.

И вот мы, наконец, на извозчике. Сама драгоценная шарманка у меня на коленях, пакет с кругами и ручкой, напротив, на свободном диване.

У гимназии Ася слезла, но не успела я развернуть дома своей бесценной — 8^л рублевой! — покупки, к<а>к в комнату вошли Ася с П<етром> Н<иколаевичем>.

Почти всё время до прихода С<ережи> мы просидели на площадке, заводя шарманку.

Вертели Ася и П<етр> Н<иколаевич>. Я восторженно приближалась и отодвигалась, желая всячески узнать ее звук — звук настоящей уличной шарманки. Нужно сказать, что некоторые пьесы невыносимы. (Гопак, «Еі, Uchnem» и др.) П<етр> Н<иколаевич> сначала улыбался т<а>к же восторженно, к<а>к я, вспоминал детство, аристократы, танцы, — всё ушедшее безвозвратно. К 12ой пьесе его улыбка утратила искренность — к 20ой — любезность. После 24ой — Гопака — он

скромно произнес: «А не лучше ли нам теперь побеседовать?» Вскоре Ася ушла и мы с П<етром> Н<иколаевичем> вернулись в комнаты.

Проснулась Аля. Я лежала на ковре и заводила шарманку. П<етр> Н<иколаевич> читал Островского. Вдруг дверь открывается. Входит С<ережа> — совершенно зеленый, с воспаленными глазами — привидение.

— «Ну, какая была тема?» — спрашивает П<етр> Н<иколаевич>.

— «Тема-то была легкая, прекрасная! «Патриотизм в русской литературе» второй половины XIX в.» И план я написал отлично. Но я провалился, я отлично знаю, что провалился. Я даже не успел проверить ошибок. Написал 6 листов, — черновик вышел ужасно грязным, ничего не разберут. Начал переписывать, а тут инспектор всё время подходит: «еще 15, еще 10 мин., еще 5 мин.» Я т<а>к торопился, что даже не перечел. Грищенко был очень мил, несколько раз подходил, спрашивал, освоился ли я с темой, поправил мне одно слово — воззрение. Я сначала написал верно, но вдруг мне показалось, что оно пишется с одним з. Я спросил Грищенко. Директор тоже был мил: я ему поклонился почти в пояс и он мне. Но инспектор! Во-первых мне дали худшее место: прямо перед кафедрой. Места были именованные и нужно было видеть, с каким наслаждением он меня подвел к моему. — Вам здесь, г-н Эфрон. — Это определенно человек злой, — худой, испитой... Но я провалился, я даже готовиться дальше не буду! Я же знаю, к<а>к написал!»

Весь день до вечера С<ережа> ничего не говорил, кроме этого. Тотчас после обеда П<етр> Н<иколаевич> поехал к Грищенко спрашивать о результатах С<ережи>ной работы.

— «Пусть они не боятся», — сказал Грищенко, — «тема была легкая, он не мог не написать, да к тому же за него очень стоит д<иректор>, Сергей Иванович. Он получил письмо от Цветаева, д<иректор> Музея¹. Вообще, беспокоиться нечего.»

Но С<ережа> как с цепи сорвался.

В тот же день, пока С<ережа> был у Могилевского, мы с П<етром> Н<иколаевичем> встретили Марти́. Это — помещик, француз, 35^{ти} лет державший и выдержавший экз<амен> на аттестат зрелости, бывший красавец. Ему сейчас лет за сорок. Это — высокий, очень смуглый, широкоплечий человек с зоркими карими глазами, — недалекий,

¹ За С<ережу> хлопотал папин брат, Д.В. Цветаев, директор моск<овского> Архива. Грищенко спутал с папой. (Примечание М. Цветаевой).

но милый, простой, любезный той редкой у нас любезностью француза, помещика и бывшего красавца.

Мы шли по какой-то улице, и вдруг П<етр> Н<иколаевич> и Марти́ в один голос сказали:

— «Вот здесь у меня был дом!» — один показал направо, другой — налево.

У обоих было по миллиону, у обоих сейчас ни копейки. Один арендует имение, другой — городской судья.

Такие судьбы сплошь да рядом в Феодосии. По дороге они мне показали худого старика, одетого почти бедно. У него 15 миллионов. Утром он из скупости пьет чашку черного кофе с бубликом, на что́ тратит 3 коп. Всю жизнь просидел и теперь еще сидит у прилавка.

Марти́ предложил зайти к Рёсслеру. Я согласилась, в случае, если С<ережа> еще у Могилевского. Мы постучали — звонок у М<огилев>ского не действует. К нам вышел сам С<ережа>, — улыбающийся, усталый.

— «Вы еще занимаетесь?»

— «Да, я кончу через полчаса.»

— «Ну, отлично, мы сейчас пойдем к Рёсслеру, а через полчаса я буду у Александры Михайловны, — приходите.»

— «Отлично.»

— «Ну, до свидания, Сереженька!»

— «До свидания.»

Только что закрылась дверь, Марти́ что-то сказал о женах и о мужьях, — я не расслышала.

— «Что Вы сказали?»

— «Да, вот, говорю: какие бывают прекрасные мужья и чудные жены. Да я, если бы узнал, что моя жена ушла с двумя какими-то мужчинами, не знаю, что бы сделал. А он только посмотрел своими прекрасными глазами и — т<а>к просто — «до свидания».

— «А к<а>к же еще? Я совсем не понимаю ревности, ревную только к моей дочке. Я твердо уверена, что человек, знающий меня до конца, будет любить меня больше всех. Но не все знают, потому не все и любят.»

— «Разве можно знать до конца?»

— «Можно.»

— «Никогда!! Нужно много лет прожить с человеком, и живешь, и всё-таки ничего не знаешь.»

— «А можно узнать с первой минуты, — просто чутьем.»

— «Это уже какой-то особенный ум...»

— «Нет, просто чутье.»

В ресторане — я сидела профилем — Марти́ сказал, что я похожа на девушку из Эльзас-Лотарингии.

— «Вас бы нужно написать т<a>к, с лилией в руке. Совсем Жанна Д'Арк! Если бы я был художником, я бы только т<a>к Вас писал — в профиль.»

Потом он приглашал летом к себе в имение.

— «Гарантирую Вам полную неприкосновенность — я очень занят — лошадей, прекрасное молоко, прекрасные сливки, кур, молодого барашка, зелень...»

— «И 15 собак!» — смеясь добавила я. (В имении у него, действительно, 15 овчарок)

Феодосия, 16ая мая 1914 г.

Латинский у С<ережи> прошел благополучно — был перевод из Тита-Ливия «Осада Казилина» (известный заранее через М<огилевс>кого. Учитель дал в классе три слова, гимназисты запомнили, С<ережа> подал М<огилевс>кому идею разыскать по этим словам главу — «тогда Вы сможете воскликнуть: «Земля!» — М<огилевс>кий пересмотрел 300 стр<аниц> и остановил С<ережу> на улице возгласом: «Земля!»)

Сегодня была алгебра. Ход первой задачи и объяснение — удачны, но пустяшная ошибка в вычислении испортила всё дело.

Вторая задача осталась неоконченной. Притом в первой С<ережа> нечаянно избрал более трудный способ — решение с тремя неизвестными, тогда к<a>к проще было решать с одним. — Надеемся на тройку.

Об Але: недавно мы были с ней у д<окто>ра Яхниса. Спускаясь с горы — у няни на руках — Аля говорила:

— «Мама идет, няня идет...»

— «А Аля что делает?»

— «Едет.»

У Яхниса она вела себя ужасно, но он всё-таки подарил ей розу. Прощаясь, он спросил у Андрюши (Ася тоже его показывала)

— «К<a>к тебя зовут?»

И вдруг ошеломляющий ответ:

— «Девотья!»

— «А тебя к<а>к зовут?» обратился он к Але.

— «Эф-рон», серьезно ответила она.

Он только руками развел.

Вчера вечером Аля декламировала «Кошкин дом», — уже вполне самостоятельно — потом «Конь бежит», потом я начала ее учить: «Тише, мыши, кот на крыше.»

— «Тише... миси... кот... на...»

— «Ну, Аля?»

— «Небо!» громко и весело закончила она.

Глядя на картинку — мальчик с собачкой — она говорит: «Мáтик дэзит руках собаку.» Вот еще другие фразы: — «Дай паята розочку» (или «буба», или печенье, или вообще что-н<и>б<удь> — игрушку, или еду) — «Розочка тарáпится», «Сама паду́», «Девотья пацит», «Паход идет», — иногда бывают неожиданности вроде: «Дерево дует» (т.е. ветер дует и качает дерево).

Хочу записать еще несколько фраз: «Шаманка гает», — «Мама ручку вéтит», — «Кусака пьет макó», «Пи сделала» (т.е. за маленькое) — «Купаться будем?» — «Музику пúсим?». Теперь я ее приучаю — и успешно — говорить о себе в первом лице. Она уже на вопросы: «будешь? хочешь?» отвечает: «хотю́, буду». В общем она очень много говорит, — фразы заучивает моментально, часто составляет сама. Иногда она, желая что-н<и>б<удь> сказать, несколько раз, захлебываясь, повторяет первое слово.

Последние 2 дня она на диете. Сегодня я начала делать ей обтирания теплой морской водой.

Феодосия, 20го мая 1914 г., вторник.

Возмущение на Рогозинского из-за Майи и квартиры. Поездка в Коктебель с Асей и Андрюшей. Сад Спящей Красавицы. —

У Али вот уже 10 дней — расстройство. Теперь я твердо решила кроме рисовой каши на воде, сушеной франц<узской> булки и полуразведенного молока, не давать ей ничего. А то — нет-нет и дашь ей кусочек бублика, склоняясь на ее непрерывные жалобные просьбы: «Дай паята буба». Она похудела, но весела и оживлена. Сегодня я ей купила матросскую куртку для мальчика, к<отор>ую превратила в пальто для девочки. В нем у нее замечательно-благородный вид. — «У Глеба всегда б<ыли> такие курточки», — сказал С<ережа>.

Недавно я мыла Але руки. — «Какая ручка мíliaля!» — вдруг медленно, с расстановкой проговорила она. Потом, сидя у меня на коленях — я раздевала ее к дневному сну — она, услышав, к<a>к С<ережа> посылает няню за мороженым, сказала: «Морóзено... арéково». (Ореховое). Откуда? С<ережа> даже не говорил об ореховом. На др<угой> день — вчера — она, опять-таки сидя у меня на коленях и указывая на различные части моего лица, называла:

— «Мами нос, мамии гаски, мамии мóда!» (т.е. морда). Потом, уронив на пол маленькую красную розу:

— «Розочка упала, розочка — гадость!»

Глядя в окно, она рассказывает всё, что видит:

— «Татарин идет! Девочка а полю! Матик бизит! Розочка — вот! Розочка — иссё! Собака лаает! Питька итит! Кайадина изит!»

Между прочим, татар она, действительно, отличает.

Сегодня я иду с нею на руках.

— «Что Аля делает?» — «Едет». — «Скажи, еду!» — «Еду». — «А кто мама?» — «Асатка».

За обедом у нас был П<етр> Н<иколаевич> — говорили о Рогозинском — дружно ругали.

На второе подали мясо с салатом. Аля стояла рядом со мной и, увидев, что я ем салат, сказала:

— «Мама кусит тетóчки!» — «Нет, Аля, травку!» — «Мама кусит тавку!» — Иногда она прямо захлебывается от желания рассказать, что видит. Напр<имер>: «Кусака прик прик... Папа... папа... титаает... Гром гимит...» и не может досказать. Сегодня она, кажется, в первый раз осознала гром, и потом уже на каждый стук говорила:

— «Гром гимит!»

Писала ли я, что она, ложась спать — еле коснувшись головой подушки начинает считать: «Раз, барá, три, тетыре, пять, шесть, семь, восемь, девять...» — т<a>к раза два сряду. Потом быстро засыпает. Ее уже месяца 1½ к<a>к не укачивают. Только ляжет и уже через 2-3 мин. спит.

Она говорит — больше повторяет за мной — новые стихи:

— «Гори... гори... яса,
Тоби... не... пога́са,
Глянь-ка... на... небо,
Питьки итят!»

Когда я говорю их ей нараспев, особенно быстро и громко произнося последнюю строчку, она непременно просит: «Иссё!» Теперь она, уходя в соседнюю комнату, с лукавой и довольной мордой говорит: — Титанья» («До свиданья», — Ася уверяет, что она говорит: «Титаник»).

Ах, эта ужасная вчерашняя газета! Смерть Артёма — я его мало видела и вообще не люблю театра, но он был старый, трогательный, обижался, когда молодежь не устраивала ему оваций! — мнимая смерть Ямбо, уже стоившего мне столько слез — С<ережа> закрыл пальцем слово «Слон» (Ямбо) и мне показалось, что «Смерть» — и, наконец, эта ужасная гибель «Императрицы Ирландии». Сегодня С<ережа> читал мне подробности. Катастрофа произошла в 2 ч. ночи, к<a>к раз в то время, когда несколько офицеров и пассажиров покатывались со смеху, слушая рассказ капитана о том, к<a>к он однажды узнал и поймал одного важного преступника, благодаря его золотой челюсти — он подошел к мнимому священнику и рассказал ему анекдот. Тот рассмеялся — капитан увидел золотую челюсть, данную ему, к<a>к главная примета. И вот, в этот самый момент — слушатели хохотали — «Императрица Ирландии» столкнулась с др<угим> пароходом. Из 1400 с лишком пассажиров (считая и команду) спасены всего 432, из них *ОДНА* женщина и *НИ ОДНОГО* ребенка. Главная часть спасенных — команда. Спасся капитан. Погиб актер Ирвинг и его жена. Телеграфист успел только сообщить: — «Спасите наши души!» Сам он спасся. Из пассажиров, спавших в каюте, спаслись только двое: муж и жена, — она единств<енная> спасающаяся женщина. Все остальные и все дети — погибли. Больше 1000 человек!

22ая мая 1914 г., четверг.

Какой у нас сад! Сколько роз! Аля всегда возвращается с прогулки с розой в руке.

Утром пахнет Россией, летом, деревней. Ах, я бы для Али хотела имения, — нет, лучше нашей дачи в Тарусе не найдешь! Этот запах в окно малины и дождя, эти голубые дали за золотом нив, эта *ужасная* тоска по вечерам, эта каменоломня над сияющей синей Окой, эти желтые отмели, эти холмы, эти луга, эта воля! — Вообще я для Али хотела бы настоящего барского строя жизни, — сенных девушек, нянюшек, лакеев, девчонок, — чтобы всё и все были к ее услугам.

А то недавно: я послала няню с Алей в лавочку за сахаром — совсем близко, минуты две ходьбы. Потом, забыв, что они в лавочке, долго звала их по саду и т<a>к, не дозвавшись, ушла. Проходя мимо лавочки, я остолбенела: на пороге возится Аля, совсем к<a>к уличная девчонка. Няня, не обращая на нее внимания, сидит в глубине лавки на стуле и с кем-то разговаривает. Я вообще вежлива с прислугой, очень редко раздражаюсь, никогда почти не кричу, но тут я не своим голосом завопила: — «Вон отсюда! Моментально! К<a>к, Вы сидите и говорите какую-то ерунду, а Аля, к<a>к какая-то уличная девчонка копается в грязи. Фу, какой стыд! Фу, фу!» Няня летела стремглав, не взяв даже пакетов. — Возмущение мое было непередаваемым. Я отношусь к Але, к<a>к к принцессе. У нее + надо мной: полный аристократизм физической природы.

Несколько ее фраз.

Она защемила пальчик и жалобно: «Дверь кусается!» Это мне рассказывал Сережа. Вчера она ушибла голову. Я обыкновенно, к<a>к 1000 лет назад, дую на ушибленное место. И вот она поднимает со лба волосы и спрашивает: «Тусить — будет?» (Дуть и тушить у нее синонимы)

А вечером был такой разговор. Услыхав, что няня приготавливает ванну, она сказала:

— «Купаться — будет?»

— «Аля, к<a>к надо сказать?»

И, вместо: «купаться буду», я услышала:

— «Дай, паята, купаться!»

Сегодня утром она, сидя на лежащей мне, говорила свое: «Бим-бом». Дойдя до «бежит курица» она продолжила:

— «Бизит куритя, дазит...» (Дрожит)

Со вчерашнего дня она говорит «ради Бога».

Сегодня же утром она сказала, глядя на Кусаку:

— «Кусака будет мить ручку».

А когда мы стояли с ней в дверях С<ережи>ной комнаты и слушали дождь, она вдруг сказала: «Дождь пи сделал» (т.е. за маленькое) — «Что дождь сделал?» — переспросила я. — «Пи!» —

Феодосия, Троицын день 1914 г. (25ая мая, воскресенье).

У меня началось легкое *Reisefieber*¹, выражающееся в жажде укладываться и в чем-н<и>б<удь> забытья, — в торопливом ли надевании ключей на только что купленные кольца (одно я уже сломала), в чтении ли чего попало, в отдаче ли каких-то спешных приказаний няне... И к тому — близкий отъезд хорошая отговорка для неписания стихов Эллису.

Странная вещь: т<а>к легко и с такой радостью писать и с таким наслаждением откладывать писание!

Розы, розы, розы... Когда проходишь Серезиной комнатой, невольно останавливаешься от этого теплого сладкого запаха, круглыми волнами вливающегося в широко открытые двери.

Недавно А<лиса> Ф<едоровна> прислала нам только что сваренного розового варенья.

1. Ешь — и чувствуешь во рту вкус 1001 Ночи.
2. Вкус розового варенья — вкус 1001 Ночи.
3. В ложечке розового варенья — вся 1001 Ночь.

Мне ужасно понравилось это сравнение и хотелось сделать его возможно точнее и короче. Третье, кажется, самое лучшее. Первое — худшее.

Нет, что бы ни говорил Макс, — проза *должна* быть музыкальной. Я могу великолепно писать прозой, но всегда тороплюсь, или ленюсь.

Еще о розах: у меня есть чудное платье — крупные красные розы с зелеными листьями — не стилизованные и не деревенские — скорее вроде старинных. — Подарок Аси. — И есть еще большой кусок такой же материи, из него я сделаю Але и себе по одеялу. Что может быть волшебнее ватного стеганого монашками одеяла с крупными красными розами! Живой монастырский сад! Ах, Алины воспоминания детства!

Матери 22 года (говорю о будущем), с виду она — семнадцатилетняя девушка, — тонкая, легкая, с худыми, длинными руками. Короткие золотистые волосы. Нежный голос. Целует собак и кошек, заводит часами шарманку, пишет стихи. Летом ходит в шароварах, зимой — в цветных, усеянных цветами платьях — иногда старинных. На руке у нее тяжелый старинный бюрзовый браслет. А волшебные сверкающие кольца! А аметистовое ожерелье, а синий медальон, а гранатовая брошь, цвета темного вина! А эти бусы на стенах! Эти старинные гра-

---

¹ предотъездная лихорадка (нем.).

вюры и гобелэны! Эти альбомы! Это множество музыкальных ящиков! Эти книги, книги без конца! Эта волчья шкура! Этот запах папиросы!

—

Отцу — 21 год (говорю о будущей зиме, когда уже Аля сможет кое-что помнить, — ей пойдет третий год).

Красавец. Громадный рост; стройная, хрупкая фигура; руки со старинной гравюры; длинное, узкое, ярко-бледное лицо, на к<отор>-ом горят и сияют *огромные* глаза — не то зеленые, не то серые, не то синие, — и зеленые, и серые и синие. Крупный изогнутый рот. Лицо единственное и незабвенное под волной темных, с темно-золотым отливом, пышных, густых волос. Я не сказала о крутом, высоком, ослепительно-белом лбе, в к<отор>ом сосредоточились весь ум и всё благородство мира, к<а>к в глазах — вся грусть.

А этот голос — глубокий, мягкий, нежный, этот голос, сразу покоряющий всех. А смех его — такой светлый, детский, неотразимый! А эти ослепительные зубы меж полосок изогнутых губ. А жесты принца!

Коктебель, 12²² июня 1914 г., четверг.

Сначала несколько черт из Алиной феодосийской жизни. Вот, что в моей записной книжке:

Аля — 29²² мая 1914 г., четв<ерг>

В 6 ч. за кашей.

— «Мама гасётек пи сделала» (захлебывается от смеха, но старается стянуть губы)

— «Что-о?»

— «Мама гасётек... пи... сделала...» (хохочет уже громко)

— «Кто-о сделал?»

— «Мама!»

И вскоре:

— «Лóзетька пи сделала, лóзетька бяка.»

—

— «Аля, ты любишь маму?»

— «Любишь.»

— «Нет» — «люблю!»

— «Люблю.»

— «Кого ты любишь?»

- «Корову!»
- «А меня любишь?»
- «Люблю маму.»
- «А папу любишь?»
- «Люблю.»
- «А помнишь Асю?»
- «Помню.»
- «А какая Ася?»
- «Синя!»

— «Мама, паси́тся надо!»

30²² мая 1914 г., у нас Хрустачев — Николай Иванович.

- «Аля, скажи «Николай» — «Ни»
- «Ни».
- «Ко».
- «Ко.»
- «Лай».
- «Ау!»

С 1²³ июня мы в Коктебеле. Ехали — Аля, Кусака в корзинке, Аля¹ и я. Сначала езда ее очаровывала. Когда мы остановились на базаре купить черешен, она несколько раз повторила: «Иссё, паяйта». Кусака в корзинке орал и спал попеременно. А когда мы приехали, сразу залез в стеной шкаф, где пробыл целых два дня; оттуда он на третий день перебрался на подоконник. Т<a>к и сидел за занавеской, окруженный кастрюльками, подсвечниками и всякой дрянью.

Когда Пра увидела Алю, она воскликнула:

— «И это Ася называется толстым ребенком! Да она совсем худая! Посмотрите на ее лицо!» — Пока мы с няней раскладывали вещи, Ася ходила по саду с Алей и Андрюшей на руках.

Андрюша без ума от Али. Увидев на столе у Пра ее карточку, он сразу закричал «Аля», взял ее, целовал, носил по саду и всем, кого видел, давал целовать. Это было до нашего приезда.

¹ Описка: Аля упоминается дважды.

Чем я сейчас живу?! Ненавистью, возмущением, сознанием одиночества, тоскою о Пете Эфрон и Игоре Северяnine, — стихами. В первый же вечер всё это хлынуло на меня. Молодой человек 22^х лет — некто Форреггер фон Грейфентурм — хорошенький, безобидный, поверхностный, довольной милый, но любящий свою глупую, вульгарную 19^ш летнюю жену — пел Игора Северянина. — «Это было у моря», «Я вскочила в Стокгольме на крылатую яхту», «На Ваших эффектных нервах» и «Каретка куртизанки». — Полудекламация, полу-пение. Волнующе-бессмысленные, острые, трагические слова, пленительный мотив. Что-то с чем нельзя бороться и конечно — не надо! Романтизм, идеализация, самая прекрасная форма чувственности, сравнимая с рукопожатием — слишком долгим и поцелуем — слишком легким, — вот, что такое Игорь Северянин.

Эти песенки неустанно звучат у меня в сердце и на губах.

Первый вечер был прелестен — я почти простила молодому человеку его жену, хотя всё это — только Игорь Северянин!

На следующее утро он пел специально (гнусное слово!!!) для Али. Она сидела у меня на коленях с сухарем в руке — вся застыла — молчала — безмерно открыла глаза — забыла о сухарике — и после каждой песенки просила: «Еще, пожалуйста!» Пра ею восторгалась.

Об Але: новая манера.

— «Мамка!»

— «Что-о?»

— «Мамочка-чка-чка-чка-чка».

Я целую Кусаку. Она тянет губы: — «Меня!».

Играет сама с собою. Басом: «Татарин, ибери Алю!» И тонко: — «Боюсь!»

Однажды я слишком напудрила ее перед сном и показала ей себя в зеркале. Когда же его взяла, она попросила: — «Картинку — пасотрим?»

Такие фразы: «Гуси нету, ябаки нету, пёсики нету.» — «Ваню пасотрим? Ваня Фидосии!» Ночью она к<а>к-то проснулась с криком «Боюсь!» — «Чего ты боишься?» — «Макс!» В эту секунду кто-то сильно стукнул в дверь. Няня, Аля и я застыли в одинаковом ужасе. — Гром, дождь, потоки. Аля в ужасе. — «Боюсь!» — «Чего ты боишься?» — «Гром!» — «А дать тебе гром в руки?» — «Уи!» и искаженное лицо.

Ветер треплет деревья. Аля бежит по дорожке и вдруг останавливается в ужасе: — «Дерево! Боюсь!» — На дорожке кусочек ваты, готовящийся улететь. И снова Аля ни с места. Когда Ася привезла ей из Феодосии тачку, она минут 20 не хотела к ней притронуться. Вчера она, сидя у меня на коленях, говорила, глядя на бегущее перо:

— «Перо безит. Мама, писи́, паяйта! Перо упало!! Горы! Горы! Мама, кушай! Па́лиська. Мама, писи́, паяйта!» Я, молча, записывала всё это, наслаждаясь тем, к<a>к она говорит, а она — тем, к<a>к я пишу. (Не совсем правильное построение фразы).

Алины самые большие радости: духи, кольца, картинки, пенье.

Клянусь, что это не «стилизация» — самое ненавистное мне в мире, т.е. подделка, — а «стиль» — неподдельное и не могущее быть подделанным, собственное, гениальное.

Вчера вечером мы гуляли — Андрюшина няня Клавдия — жирафа — бывшая Алина — Андрюша, Аля и я, и я в первый раз увидела у Али определенное желание итти именно в таком-то направлении. — «Мама, тут пойдём!»

Аля любит горы, море, камешки, палки, — вообще свободу. Стоит ей прийти в комнату, к<a>к начинается: «Гуйять идем! Сапотьку оденем!»

Здесь она стала капризной в еде. Увидя суп, заранее плачет; курицу «петусок» держала во рту около часу, отказываясь глотать. Всё время старается извергнуть то, что не нравится, но меня более или менее слушается. Ненавидит утренние обтирания комнатной водой. — Сейчас она пришла надеть чулочки — днем ходит в одних чувках — и, увидев на ковре шнурок, воскликнула: «Верево́тька бедная упала!»

Сегодня мы с ней и няней дошли до «Змеино́го Грота». Шли мимо высоких песчаных гор, сначала мягкой, ровной дорогой, потом узенькой тропинкой, бегущей то вниз, то вверх. Море — буйное, вдали — зеленое, у берега — грязное — катило к берегу громадные пенистые волны. У рыбацкой хижины мы сели в лодку, наклоненную к самой воде. Аля сидела на самом конце и бросала в воду камни. Волны с грохотом разбивались о нашу лодку. Казалось — мы плыли. Аля сидела в одной рубашечке. В Змеиный грот нельзя было войти, мы спустились в крошечную, ни откуда не видную бухточку. Алюшка сидела на камнях, мы с няней в море. Волны швыряли нас с невероятной силой. Это было чудное купанье. Интересно — что сказали бы какие-н<i>б<удь> очень мирные люди, глядя к<a>к мы карабкаемся с Алей по крутым, местами опасным тропинкам?! Мать в шароварах, тонкая, к<a>к девочка — дочка в

рубашечке — синее небо — грохот моря — высокие желтые горы. Это могло быть 100, 200, 300 лет назад! Ни турецкие узоры на шароварах, ни Алина рубашечка не выдавали XX века! Прелестная и незабвенная прогулка! Алина первая большая — около 8^{ми} верст! Когда няня или я сбежали с нею на руках по крутой тропинке, она громко смеялась. Море этого дня — 12^{ми} июня! — шуми вечно! Вечно стой у этого моря рыбацкий баркас! Тонкая, легкая я в голубых шароварах, не старься! Не старьтсь и Вы, загорелая, круглолицая, большеглазая няня! Но, Алюшка, — расти!

Коктебель, 19^{ми} июня 1914 г., четверг.

С<ережа> кончил экзамены. В местной газете «Южный Край» такая отметка: «Из экстернов феодосийской мужской гимназии уцелел один г-н Эфрон». В его экзаменационной судьбе принимал участие весь город.

Хочется записать одну часть его ответа по истории: — «Клавдий должен был быть великим императором, но к несчастью помешала семейная жизнь: он был женат два раза, — первый на Мессалине, второй — на Агриппине, и обе страшно ему изменяли».

Это всё, что он знал о Клавдии. Экзаменаторы кусали губы.

Экс<амен> по Закону, — 12^{ми} июня 1914 г.

Свящ<енник>: «К<a>к отнеслись стражи к Воскресению Христову?»

С<ережа>: — «Пали ниц.»

Свящ<енник>: — «А потом?»

С<ережа>: — «Пришли в себя»

Свящ<енник>: — «Гм...расскажите нам жизнеописание кого-н<i>и>б<i>удь> из Отцов церкви, — кого Вы лучше знаете.»

С<ережа> молчит.

Свящ<енник>: — «Что такое Сретение Господне?»

С<ережа> молчит.

Директор, ласково: — «Ну, Эфрон, вспомните!»

Молчание.

Свящ<енник>: — «Кто встретил Христа во храме?»

С<ережа>: — «Первосвященник».

Свящ<енник>: — «Нет!»

С<ережа>: — «Священник».

Свя<енник>: — «Знаете ли Вы молитву: “Ныне отпускаеши”?»

С<ережа> быстро: — «Ныне отпускаеши...»

Свящ<енник>: — «Дальше?»

Молчание.

Свящ<енник>: — «Что такое чревоугодие?»

Долгое молчание, затем мычание, и ответ:

— «Угождение чреву».

Свящ<енник>: — «Нет. Это, когда чрево почитают к<a>к Бога».

С<ережа> изумленно молчит, делает мертвенное лицо и просит позволения сесть. Порывисто дышит. Все молчат, ожидая последнего вдоха. Директор предлагает закончить экз<амен> — Тройка.

13^ю июня я узнала о смерти Ямбо.

Я лежала на постели у С<ережи>, в Феодосии.

— «Я Вам лучше не буду рассказывать. Вы не сможете слушать.»

— «Нет, расскажите!»

— «Ему выбили глаза...»

— «А — ах!»

Что-то ударило меня в грудь, я задохнулась и в одну секунду всё лицо залилось нестерпимыми слезами. Такого ужаса я еще никогда не испытывала. Такой боли! Такой жалости! Такой жадности мести!

Ямбо! Прекрасный, умный слон, расстрелянный 230 разрывными пулями! Ямбо, никому не делавший зла! Ямбо с длинным хоботом и добрыми глазами (и хобот и глаза перебили!). Ямбо, не хотевший умирать, топтавший апельсины и пирожки с ядом и при виде солдат поднявший над головой трехпудовую балку. Ямбо, к<оторо>го расстреляли хамы из Охотничьего клуба, позорно скрывшие свои имена. Ямбо! Ты моя вечная рана! Сколько я о тебе плакала еще 2 месяца назад, к<a>к радовалась твоему спасению! Клянусь, что я бы с *наслаждением* собственноручно повесила твоих добровольных палачей — одного за другим. Расстрел Ямбо — 100 000 раз хуже сожжения христианских мучеников, потому что Ямбо был зверем, — умным, совсем невинным и *не хотел* умирать! — Каждый раз, к<a>к говорят о Ямбо, я плачу.

Недавно приезжала Аделаида Казимировна с мужем. Вот, что она сказала об Але: — «Elle me plaît de plus en plus!»¹ (трогательно воображая, что Аля может понять по-русски) — «Это ничего, что она ни к кому не идет. Это прекрасно. Идут ко всем только банальные дети. Какие у нее глаза! Озера!»

— «Какая у Вас крестница!» сказала она потом Пра, влагая в первое слово — всё!

— «Да, моя крестница»... Пра остановилась, ища и не находя слов. — «Моя крестница — всем крестницам крестница!»

Да, увидев Алю, А<делаида> К<азимировна> сказала: — «Вот она какая! «Пленительная госпожа!»» (Из моих последних стихов Але)

После чая мы с А<делаидой> К<азимировной> пошли ко мне. Она говорила о Беттине, к<отор>ую сейчас переводит, о ее сходстве со мной и сказала две строчки ст<ихотво>рения:

— «К<a>к светлое в мире виденье,
Мне снятся: Беттина, Марина».

Были в башне у Макса, сидели на берегу. Я умоляла ее остаться ночевать.

— «Да, да, я останусь!» — радостно говорила она, не зная решения мужа непременно уезжать сегодня вечером.

На берегу мы говорили о моей нетерпимости к людям.

— «В Вас еще большая наивность, большая детскость, — Вы всё требуете сходства с собой и возмущаетесь, когда его нет. Потом, — когда-нибудь! — Вы увидите, что мы одиноки с самыми близкими людьми и что с каждым из них приходится переживать горечь возврата к свободе. Вас возмущают все эти люди, их мелкая бестактность, — разве стоит обращать на это внимание? Уходите к морю, не говорите с ними...»

Обращаясь к подошедшему Сереже, она добавила: — «Вот я всё хочу научить Марину терпеливее относиться к людям. Но ее ничему нельзя научить!» — грустно-восхищенно воскликнула она.

— «Разве можно научить отношению к людям?» — спросил С<ережа>.

Говорили о Максе.

— «Ведь до того Коктебеля, к<отор>ый Вы знаете, был другой: с Анной Рудольфовной Минцловой, Маргаритой Васильевной, Черубиной. И мне кажется — Макс сейчас живет в нем гораздо сильнее, чем в этом. Надо понять. Я знаю, к<a>к он ужасно страдал, к<a>к нечелове-

¹ «Она нравится мне все больше и больше!» (фр.)

чески-благородно себя вел однажды, когда у него отняли всё. Знаете, если бы он был более человечен, он бы не т<a>к поступил. Я помню его согнутую фигуру, его голову, — он страдал, к<a>к животное, к<a>к бык. Вообще я часто гляжу на него, к<a>к на большую, теплую, лохматую шкуру. Тогда его ужасно жаль».

— «Он совсем не человек. С ним нельзя говорить ни о жизни, ни о любви, ни о смерти. Знаете, я к<a>к-то, смеясь рассказывала Асе, к<a>к Макс утешал умирающего...»

— «Макс никогда не пойдет к умирающему!»

— «Знаю. Но представьте, что судьба к несчастью обоих свела их в такую минуту. И вот Макс начинает рассказывать умирающему историю, к<a>к однажды в Испании — в таком-то городе, в таком-то веке — к одному кардиналу пришел один аббат и к<a>к этот аббат вдруг понюхал розу и к<a>к вдруг умер и к<a>к эта смерть прекрасна. — Представьте себе ужас этого умирающего! Какая-то Испания, уже ни к чорту не нужная, раз кончается весь мир!»

А<делаида> К<азимировна> смеялась.

— «Да, Вы правы. С ним нельзя говорить ни о жизни, ни о любви, ни о смерти. Он не человек. Для меня он нечто вроде химеры с Notre-Dame¹. Он мне приятен своей монументальностью, архитектурностью. Я люблю его видеть на каком-нибудь торжестве, к<a>к украшение

<Не дописано; следующая страница оставлена пустой.>

27^ю июня 1914 г., суббота².

Аля купается и видит в открытое окно огонек какой-то дачи.

— «Огонь»

— «Да, огонь загорелся!»

— «Котин... дом. Загорелся котин дом»

«Поцелуй ручку, другую ручку поцелуй, поталуй Алю, хотю́. Поталуй тювяку, поталуй меня!»

Сама о себе: — «Бяка така́-ая!»

¹ Собор Парижской Богоматери (фр.).

² В действительности: пятница.

Аля и Андрюша гуляют вечером по огромному пустырю — две фигурки в одинаковых коричневых пальто и белых шляпах. Тонкий серп месяца.

Андрюша: — «Луны нету!»

Аля: — «Луна есть!»

— «Аля, как стыдно! Кто плачет?» Она сквозь слезы: — «Морда пátит!»

23го июня утром, разглядывая сначала фигурки, потом другую гладкую блестящую сторону моего черного лукутинского порт-сигара:

— «Посмотри, мама, — море!»

Настоящее, бесспорное сходство.

Глядя на пеструю ракушку: — «Патице, посмотри, — красивое!»

Вечная фраза: «Кóро гулять пойдем, сапотьку одеем?»

24го июня, за кашей: — «Я кáсию, теточек кáссиет!»

— «Хлеб — красивый!»

— «Мозно одеть кольцо?»

— «Кусака, друг милый!»

25-го июня, разглядываю картинки к басням Крылова и в данный момент — лисицу:

— «Кусака, милый друг. Пасíться надо!»

— «Няня, пойдí сюда минутку!» (за дверью)

— «Мама, делай т<a>к!»

— «Ах, какой красивый камешек!» — «Ах, какие косточки!» — «Нá камесек красивый!»

- «Мама не хочет!»
  - «Чего мама не хочет?»
  - «Кушать камески!».
-

Внезапно: «Гасо́к, иди сюда!»

Уходя, обезьяне: — «Ибезьяна, дасиданья! Ибезьяна, рутьку давай!»

Они бегают с Андрюшей по комнате, страшно крича и размахивая руками. Я верчу шарманку. Оба в иступлении.

Аля, подбегая к двери: — «Татарин, бери Андрюшу!» — «Гром, бери Андрюшу!» — «Андрюсу поставлю угол!»

Безумный страх грома.

Сегодня утром. Страшно лукаво:

- «Мама, кусай хлеб!» — дает спичку.
  - «Спасибо, Алечка, кушай сама!»
  - «Не хочет!»
  - «К<a>к надо сказать?»
  - «Не хотю!»
-

- «Хана, иди сюда!»
  - «Что это за “хана”»? Что это — человек? собака?»
  - «Тилавэка дать! Дай, по-за-луй-та тилавэка!»
-

- «Мама, кусай “пи”!»
-

Вот ее фраза в данную минуту: «Няня, сандалии одень позалуй-та!»

Разговор Андриюши:

— «Павел, котоли тяс?»

— «Семь часов, Андриюша!»

— «Паси́ба!»

— «Павел, котоли тяс?»

Ответа нет.

— «Не сы́сит!»

— «Гли цясса́ каску валить!» — «Алёк, иди, мама зовет!» — «Каме-сек болсой, калухленький!» (кругленький)

Мне: — «Селёзецка, возьмите!»

— «Сипатия! (Симпатия) Долоха́я, миляля! Сипатия холóсая!» (К ужасу няни, от к<отор>ой он слышал это слово).

Андриюша упорно зовет меня «Селёзей», всем говорит на «Вы».

Напр<имер>: — «Аля, текайте!» (По местному — уходите)

Он, за исключением р т<a>к же много говорит, к<a>к Аля, но иначе: Аля слово учит по слогам и выговаривает отчетливее.

<Далес до конца тетради 14 листов не заполнены.>

**ЗАПИСНАЯ
КНИЖКА**

2

1914—1916

NOTE

88-92

D.C. Teale

(Director of Survey)

111 West Chesapeake
Avenue

Dec 1913

Woods Bay

(2nd floor)
Woods Bay
1913

111 West Chesapeake
Avenue
Woods Bay
1913
Director of Survey
U.S. Geological Survey
Washington, D.C.

Записать отношение в Ф<еодосии> к нашим костюмам.

Толчек.

—

Дети — и их отношение к клоунам.

—

Поцелуй белых наезд<ниц>.

—

Были мы — помни об этом

. . .

Я — твоим первым поэтом,
Ты — моим лучшим стихом.

1ое мая 1914 г.

БЕЛЫЙ АНГЕЛ

Маленький лорд — подруга — апельсин
похищение цыгана — канат<ный> плясун —
белый ангел — пробуждение в замке —
апельсин у изголовья — большой добрый
апельсин — смерть

—

Шелковые шлейфы по ступеням. Маскарад. Горбун и женщи-
на — Возмущение ее — Горбун бросается к ее ногам — 2ая встреча.
IV Бог, возмутьившись непокор<ностью> женщины хочет сделать ее
горбуньей.

Жертва горбуна. Жест герцогини.

—

Монах и кролик.

I Казаки
Поезда

V Золотой город

II Засов
Шаровая молния
лайковые перчатки
почта

Папироса... гудит
Загорелся Куса<ка>

Кот... на небо
I. Аля едет
Благодарн<ость> Фридомину

«Какая ручка миляля»
Воскресение.
Мороженое — ореховое

Понед<ельник>:
у мамы гаски, нос, мо́да

розочка упала, розочка гадость
Дверь кусается
Тушить — будет (т.е. дуть на ушибленное место)
Дай, паята, купаться!

Среда

Дождь пи сделал
 Кусака будет мыть ручку.
 Бежит курица, дрожит
 Ради Бога.

Няне дано   19 р. 15 коп.
                   + 4 р. 60 коп.

---

                   23 р. 75 к.

Не забыть:

1. Купить Але матрас
2. взять у А<лисы> Ф<едоровны> фотографии
3. собрать всю посуду
4. купить судки
5. купить еще одну бельевую корзину, бумаги, стружек, веревок
6. фотограф<ические> принадле<ежности>, замки

Есть: 1 большая корз<ина>
           1 высокая (Алина)
           2 больших саквояжа
           1 средний
           1 порт-плэд
           1 мешок (зеленый)
           1 мал<енькая> корзиночка
           1 бельевая

Здесь останется 1 больш<ая> корз<ина> с верхн<ими> вещами, платьями, книгами, карт<инами>, 1 ящик (к<отор>ый надо купить) с ненужн<ой> посудой, канд<елябрами>, висячей лампой

со мной поедут:

- 1) большой саквояж
- 2) Алина высокая корзиночка
- 3) маленькая корз<иночка>
- 4) узел в синем одеяле с подушк<ами>
- 5) зеленый мешок
- 6) бельевая корзина с нужн<ой> посуд<ой>

Аля 2ая июня 1914 г. (день С. и Л.А.)

Пенье

- «Мама-чка-чка» и т.д.
- «Это замечательный реб<енок>. Когда она сегодня слушала...»
- «Меня» (поцелов<ать>)
- «Татарин, бери Алю»
- Напудр<енное> лицо
- «Картинку посм<отрим>?»

—

- «Огонь».
- «Да, огонь загорелся!»
- «Котин дом. Загорелся котин дом.»
- (во время купания)

Поцелуй ручку, другую ручку поцелуй; поцелуй Алю, хочу;
поцелуй чувяку, поцелуй меня

—

Бяка така́я!

—

Анд<рюша>: Луны нету
Аля: Луна есть!

—

Морда плачет.

—

23ая июня утром

Разглядывая портсигар — «Посмотри, мама, — море!»

Глядя на ракушку

— «Платьице, посмотри, красивое!»

Фраза: «Гулять пойдем скоро, — пальто наденем?»

24ая июня 1914 г.

Я кашляла.

Теточек кашляет.

Хлеб — красивый!

Можно одеть кольцо?

Кусака, друг милый.

25ая июня

Кусака, милый друг, проситься надо!

(На лисицу)

Няня, пойдн сюда, минутку!

(за дверью)

Сделай так!

Море дома

---

1 р. 25 к.
 15 к. спички
 16 марки
 8 к.
 10 к.
 5 к.

---

1 р. 79 к.

3 р. 26

45

---

2 р. 81 к.

Ай, какие косточки!

Ай, какой красивый камешек!

На, камешки красивые

Мама не хочет...

– Чего мама не хочет?

– Кушать камешки.

– Горшок, иди сюда?

– Обезьяна, до свидания. Обезьяна, ручку давай!

Андрюша, забери гром! _____

Андрюша, татар бери!

Андрюшу поставили угол. _____

страх грома _____

Мама, на́ хлеб (спичка)

Мама, осушай пи.

«Хана!»

– «Что такое за «ханя» _____

4го июля

Марина!

Барыня!

Кира, не пать, дорогая, вот так сиди! _____

Кира без сапотьки, нету сапотьки. _____

Мама, кушай карандаш! _____

На Венеру: «Тетья! Тетенька! Поди сюда! На руки!» _____

Марина, поди сюда!

– «Мама, не пать!»

(Я делаю вид, что плачу.)

– Еще, пожалуйста, – потом!

Модные груши танго.
Скоро привезу шантеклер Вам.

Два детства: фартуки <под строкой: платки> и боа.

— «Марина, прицеси Альке волосы!»

Ветер, иди сюда!
Ветер гадкий, забори ветер.

Мама, садись тимодан!

5^ю июля 1914 г.

— «Больно!»
— «Где?»
— «Фантази!»

— «Мама, слушай!»
— «Что?»
— «Музыку!»
— «Где?»
— «По дорожке ушла».

6^ю июля

Кира, ножку побью! Больше не будешь! Кира, перетань!
«Мама, почитай вот эту каранда!»

(С Кирой)
Вот это красивый носик!

«Аля, что твоя улыбка одна стоит»

Хана, поди сюда тоже! Я иду. Хана, бери корзинку!

8го июля в вагоне

— «Ваня! По дорожке иди сюда!»

8го июля 1914 г. Каз<анская> Б<ожья> М<атерь>

Когда я получил эти стихи, мне так хотелось написать Вам... ну хоть два слова, выжать из себя... две строчки, пусть бездарные ... Но нет, ничего! И раньше — после Ваших писем! — сколько раз я думал написать Вам... Но пришлось бы писать так много, много, много... А теперь после стихов нужно было только два слова. Но теперь я уже не могу писать...

Эта рука выжимала 14 пудов. Ах, если бы сейчас хоть ½ п<уда>?... Нет, не говорите! Все-таки хорошо чувств<овать> свое тело здоровым!

Это портрет единств<енный> ни у кого нет такого портрета.

К<а>к глупо! Когда я узнал, что Вы приедете, я причесался. Кому это надо? К<а>к глупо!

Раньше, когда меня д<окто>ра приговаривали, давали мне жить 2 нед<ели> — я верил в выздоровление. А теперь — нет, не верю! Вот уже месяц!

— «Можно поцеловать Вас?»

— «Можно. (Я хочу в губы.) Заразитель!»

— «Ну, в лоб!»

Целую в лоб и в губы.

<Далее пять страниц не заполнены.>

Март 1915 г.

«На прощанье я тебе еще дам».

– «Прощай, Сонечка!»

– «Я говорю – А.С. Эфрон, а люди смеются».

– «Ты – гадкая!»

– «Нет, я не гадкая, – я А.С. Эфрон».

В первый раз войдя в церковь:

– «Мама, это хорошая комната?»

Хочешь быть мальчиком или девочкой?

– «Хочу быть Алей».

– «Я тебя супом поцеловала. Я чихнула борным вазелином».

– «Мама!»

С<ережа>: – «Что, Аля?»

Аля: – «Ты не мама, ты – Лёва».

12ая марта 1915 г.

В гостях у Фефы:

– «Аля, кто лучше всех здесь?»

– «Я – и ты».

– «Фефа, приходи к нам ночью, потому что все спят».

Слова Толстого: «У нее глаза вдвое больше рта».

Слова Туси: «Глаза, а к ним приделана девочка».

10ая марта, понедельник¹

— «Ты мне дала кусочек сыра — такой ма-аленький, а я его любила, он был такой приятный».

—

15ая марта

Папа, нельзя выгонять изо рта конфету.

—

16ая марта: 1915 г.

За супом:

— «Гм... мерзость какая!»

—

— «Я говорю глупости, — стихи».

—

18ая марта 1915 г.

Я стою на двух ногах, как лисица.

—

19ая марта 1915 г.

— «Человек человека отбил».

— «Мама, ты страшно милая мартыха».

(Новая манера прятать морду в морду или шею и так застывать.)

—

«У тебя есть подмышка и у папы есть подмышка и у меня есть подмышка, — и у людей, — у всех?»

—

---

¹ В действительности: вторник.

— «И ты — человек, и Лев человек, и я человек, а самовар — вещь, стена — вещь и т.д.»

— «Марина, самов<ар> разговаривает — нет?»

«Нарисуй такую себя: большую, сделай себя большую, громадную, и палу большого, и Сергея Яковл<евича> больш<ого>, и книгу папину сделай.»

Нет, я спрашиваю этого, к<отор>ый в кресле сидит (Серезу)
— «Папа, ты любишь себя на карточке?»

К мартыхе:

— «Не ешь Андрюшу (куклу), какой ты человек?»

— «А люди какие, — они гадкие?»

Хнычет.

— «Я хнычу, Марина, я плачу то есть».

21ая марта, Страст<ная> субб<ота>.

— «Я А.С.Эфрон и котик, — да, Марина?»

«Папа сидит в кресле и смотрит на солнце».

С<ережа> (ласково): — «У тебя собачья морда».

Аля: — «Нет, не собачья».

С<ережа>: — «Какая же?»

Аля: — «Моя!»

Я делаю вид, что плачу и сквозь пальцы вижу:

Аля яростно бьет себя по рукам и со слезами: «Я себя била! Я себя била!»

– «Мама, ты от меня не уйдешь?»

– «Нет.»

– «Папа, ты от меня не уйдешь?»

– «Нет.»

– «А я от тебя уйду, – нет?»

23ая марта, 2ая день Пасхи.

Аля, раздраж<енная> на Сережу за то, что он пил чай без меня

– «Это глупости! Свинья!»

– «Аля, т<а>к нельзя говорить.»

– «Я говорю – свиношка!»

– «И свиношка – нельзя!»

Аля, разъяренная:

– «Я говорю – маленькая свиношка. Няня, не смейся!!!»

25ая марта 1915 г., среда

Я ем, ем, ем, я люблю, люблю, люблю, я ма-аленькая свиношечка.

26ая марта 1915 г., четв<ерг>

– «Я ругаю его ногами» (топая ногами на Джэка)

– «Ляг, ляг, чудовише!»

– «Когда я буду большая, у меня душа будет болеть, а пока души нет.»

(На бегу, с только что вымытыми волосами)

– «У меня волосы бегут, как вода.»

27ая м<арта> 1915 г., пятн<ица>, день С<ережи>ного отъезда.

С<ереж>е, подымая его с постели:

– «Ну, вставай, молодой человек, вставай!»

— «Лев, не ешь маму, а то она фыркает, к<а>к кот». Мне — «Такая здоровая, взрослая, громадная, а вот папа тебя свалит с дивана, ты упадешь на ков<ер> и будешь плакать».

— «Пра — милая, умная, — всех девчонкой зовет, и меня девчонкой, и тебя девчонкой, и папу девчонкой».

Мы с Сережей гов<орим> об Алином хар<актере>

С<ережа>: — «Но она вообще очень поддается ласк<овому> обращению.»

Аля: — «Нет, не поддаюсь, я милая, хорошая девочка, у меня нет характера, — раньше болел, а теперь не болит.»

Аля: — «Марина, я удивлена.»

Я: — «Чем?»

Аля: — «Тобою».

— «Я тебе дам хлеба с маслом, когда твой животик поправится».
(Аля одерг<ивает> платье.)

— «Я уже поправила животик.»

На прогулке (Земск<ий> Союз)

— «Смотри, не забудь!»

Я: — «Что «не забудь?»»

Аля: — «Это не глупости, я хорошо говорю.»

Я: — «Что же мне надо помнить?»

Аля: — «Меня.»

Через неск<олько> мин<ут>

— «Марина, ты меня не ругаешь?»

— «Нет, я тебя очень люблю, ты мое солнышко.»

Аля: — «Тебе не грустно?»

— «Нет, ничего.»

Аля: — «У тебя душа не болит?»

— «Нет.»

— «Уже прошло?»

— «Что?»

Аля: — «Душа.»

28го марта 1915 г., суббота, день С<ережи>ного отъезда.

Я мою голову.

Аля: — «Марина, что ты делаешь?»

Я: — «Аля, как ты думаешь, — что я делаю?»

Аля: — «Я думаю, — ты моешь волосы конские.»

Аля вопит на Серезу:

— «Лев, не трогай мамины вещи!»

С<ережа> целует ее.

Аля: — «Хорошо?»

При встрече похорон

— «Мама, это королева поехала?»

7го апр<еля>

— «Муха, нельзя лезть, — я тебя нашлапаю!»

Письмо к С<ереже>

От меня для папы такое большое дерево, — я тебе словами сказала.

Папа (дальше?) мама дерево напишет другое, а дальше другое мама напишет. Мама написала деревья. Значит, мама написала еще дерево. — Папа будет читать, так что невероятно. —

Милый папа, мама написала дерево и еще напишет.

Милый папа, ты меня любишь. Милый папа, пишу тебе письмо, я говорю про папу.

Милый папа, я сегодня гуляла уже и не видела никого, я была у себя дома, а мама ушла и больше ее нету — и так гуляла с ботиками, с калошами, — со мной утром гуляла.

Милый Лев, я пойду одна и получу — знаешь что? — свои бусы, а папа скажет: «очень хорошие».

— Мама написала еще дерево, и еще дерево, и еще дерево.

Милый Лев, я подарила тебе бусы, а ты померил и мне надел. Лев давал мне хлеба с маслом, а я ничего не говорила, — ни спасибо, ничего.

Папа, ты Расскажи мне сказки. Я у Льва спрошу хлеба с маслом, а Лев скажет: хорошо. Я буду пить чай и дам тебе хлеба с маслом.

Недели две назад

Впечатление цирка: «студенты на тигре». Нюхание воздуха.

11ая апр<еля> Зачем ты меня с собой не взяла?

Это — глупости. Я тебя выброшу через форт<очку>.

12ая апреля 1915 г.

Город — это такое место, где много домов, улиц, где магазины, авт<омобили>, тра<мвай>.

Что такое город.

Аля: — «Город — это такое место, где шоколад в магазине и конфеты — много-много.»

Аля (глядя, к<а>к я пишу)

Там луна есть?

Это волк лает?

Вот лошадка бежит — скоро-скоро.

Милый Лев, я хочу тебе сказать утром хорошие стихи, я напишу тебе письмо.

Я ломалась и плакала — нет, так птичка летела, и я не плакала.

Мы с мамой покупали шляпу в магазине, — такую рыженькую. Я шла в новом пальто с пуговицами.

Я: Что ты хочешь Льву сказать?

Аля: Сейчас подумаю.

Через неск<олько> времени

– «Про кирпичики – я уже подумала.»

—

Письмо: Папа, я тебя страшно-страшно люблю.

Папа, купи мне шоколаду и конфет.

Волк был еще и другой Лев и другой – и мама тоже была. Мы в Крым скоро поедem, сядем в вагон, увидим в окно воду, еще котов увидим, реков (реки) увидим. Много много будем видеть людей и потом слезем. Я посмотрю в окошко и тебе скажу:

– «Марина, посмотри. Папа, до свидания. Целую», – я так ему скажу.

—

16го апреля 1915 г.

– «Аля, где твоя прежняя няня?»

– «Я ее растрепала, – вот так, так, так, и больше ее нету.»

18го апреля 1915 г.

– «Марина, стул улыбается?»

– «Нет, Алечка, стул не улыбается, – это не человек.»

– «У него нет губ?»

– «Нету.»

– «А когда стул вырастет, он будет маленький и у него будут губы.»

—

Залезая ко мне подмышку, предусмотрительно:

– «Здесь нет злой силы?»

—

Стихи «Тихий вечер догорает», «Уж за горой дремучею», «Облаком волнистым» – особенно ясно и хорошо говорит первое и третье, в третьем последнюю строчку – почти шепотом, *не подражая мне*.

Начинает петь уличный мотив шарманки.

—

<Пропуск восьми строк (14 слов) неразборчивой детской абракадабры.>

— Хорошо, а теперь ты говори так, чтобы ты сама понимала. Ведь ты не понимаешь, что говоришь?

— Нет, не понимаю.

— Что это — навулабикала?

— Это глупости!

—

<На странице желтое пятно, отмеченное знаком «X» и внизу примечание: Жаркое пятно губами сделал пёс. АЦ.>

Аля: Я с тобой подружилась.

—

— «Мы с тобой встретимся, — да?»

—

— «Сторож — это чел<овек>, он сторожит зверей и бросается только на людей»...

—

— «Ты хорошая девочка?»

—

4ая мая 1915 г.

Наглобли виндарози

Наглобли виндара

—

Раньше. Повед<ение> в Зоолог<ическом> саду.

— «Я посмотрела уже. Теперь довольно.»

Пуговицы — песок — злоба на то, что обезьяна — не кошка.

—

— «Мар<ина>, я замужем?»

—

Письмо к Сереже 5ая мая 1915 г.

— «Ты напиши ему — знаешь что? — голову ему напиши. Я была с мамой в Зоолог<ическом> саду и видела — знаешь, что видела? — цве-

ты и — знаешь, что видела? — тебя! — я подумала уже. Я воды не видала, а песок видала и зверей видала, а звери одетые.

Целую Вас крепко.
Я похожа на муху.»

Через 2 дня после новой няни

(7ое мая)

Аля крестится и целует на картинке «Боженьку».

8ое мая 1915 г., у Лили

— «Марина, меня уже пообедали.»

Письмо Али — 10ое мая 1915 г.

У меня новая няня, и Лев у меня есть. Няня всегда мне строит домик. Я Богу молюсь, — как нужно Богу молиться? — Марина, у тебя есть Бог? Где твой Бог? — У меня игрушки есть вообще — знаешь какие? — вообще игрушки новые, никак перебрать их не умею. Мне их подарила мама.

Папа, я тебя люблю, как ангел Бога. А папа скажет: как? А я скажу: как ангел Бога. А папа скажет: что? А я спрошу, сколько ему лет, а он скажет мне: двадцать один. У меня вообще — знаешь какое? — новое пальто и шляпа тоже — с лентой красной.

Папа, до свидания, целую Вас крепко, поедem кататься. — И больше ничего.

17ое мая.

— «Мы завтра пойдем гулять и свою Марину с собой возьмем.» (16ое)

— «Паяц что-н<и>б<удь> хочет?»

— «Нет, Алечка, он танцует!»

Аля (мрачно, про себя):

– «Я знаю, что он хочет, он хочет на горшок.»

19ая мая

... Люстру подари мне в подвязке (чехле). Такой стул подари мне...

– Еще что?

– Книги всякие, я буду смотреть, – много-много!

– И еще что?

– Не знаю – (молчание) – очки!

—

Я встала за записной книжкой и сижу в раздумии.

– «Что это я»... (хотела запис<ать>)

Аля – Очки!

—

3 дня назад

Ужас Али, ее царапание себя – меня за то, что она не могла выговорить какого-то слова.

—

– «На чем же ты будешь спать – на кровати или на диване?»

– «На диване.»

– «Какой будет у тебя диван?»

– «Такой же, к<а>к у тебя, и голова такая же.»

—

Кокт<ебель> 26ая мая

Господь – не знаю что, Царица Небесная, не знаю, что – могила, не знаю что – бесконечное бормотание и вдруг как из пушки: – «Бог!»

28ая мая 1915 г.

Няня утешает Алю: – «Ты умница, ты хорошая!»

Аля: – «Нет, я гадкая, не приучай меня, я яйца плевала.»

—

Вчера, возвращаясь из аптеки:

— «Ты меня на руки не бери, потому что я тяжелая, а когда я буду маленькая, я буду легкая, и ты меня возьмешь.»

— «Аля, ты помнишь Льва?»

— «Он вчера приходил?»

— «Нет, не вчера, в Москве.»

— Спасибо.

<Далее три записи — на перевернутых листах.>

Няне дано

4р. 60к.	27 ^{го} мая
19р. 15к.	27 ^{го} июня
<u>1р. 25к. (чувяки)</u>	и 1 р. из денег, к<отор>ые
25р. 00	я должна уплатить 27 ^{го} июля

4р. 60
19р. 15
1р. 25
1р. 49
<u>39</u>
26р. 88 коп.

по 27 июля — 24 р.

2р. 88 коп.

40 40

30 9

12 3р. 60

<Далее четыре страницы не заполнены.>

*Вода*2го июня — 1 ведро3^{го} июня — 1 ведро5^{го} июня — 1 ведро6^{го} июня — 1 ведро

1

1

1

1

13го июня — 1

1

1

16го июня — 1

 10го июня 1915 г. (2г. 9 мес.)

«Милый Лев, я тебя страшно люблю. Я живу в этой комнате спокойно. Утром встаю я и Мишка и Бобка и Лев, потом няня стирает, а я сплю. Потом раньше встала — поспала, поспала чуть-чуть и заснула. У Пра хорошо на балконе. Я хожу туда с Мариной. Я у Пра в комнате играю с злой силой, с петухом и с девочкой, и с звоночком играю. Скамеечка моя дорогая, я на ней сижу. Я надеваю платок, иду в лавку, в лавке я покупаю часы, платок себе, шоколад и конфеты. Я кушаю — знаешь что? — кашу и пью молоко, и шоколад, и морковь пью.

А потом я иду гулять на море, собираю камни. Море синее, еще бывает белое, и светлое бывает, а волны белые.

Мы с Мариной ходили на гору, сидели, а потом на горе мы кидали камни, в яму бросали. Я написала стихи, вот такие, с зелеными полосками и с белыми:

Зеленые полоски,
И воротник мой
И Лев мой,
Еще моя Марина.

Целую Вас крепко.
Вот и всё.»

26ая
июня
1915 г.   «Потому что человек был хороший, а другой был плохой, человек целовал другого, а другой не целовал, — потому я грустная.» (в ответ на вопрос: «почему ты такая грустная?»)

«Солнце в луже валяется.»

15ая июля, утром.

— Аля, что ты видала во сне?
— Стихи!
— Нет! Вспомни!
(Молчание.)
— Свои ноги видала.

«Маленькую мясу съела». — «Ма-аленькая зелень, ма-аленькая гадость.»

20ая июля 1915 г.

— «И я была маленькая, как ты, как Андрюша.»
— «Я не видала. Я у няни была, а ты была у С<офии> Я<ковлевны>, ты росла, росла, выросла и ко мне пришла, а я дала тебе руку.»

— «Закрою глаза и увижу во сне стихи.»
— «Какие?»
— «Белые.»

— «Ты не будешь спать?»
— «Нет, я буду играть. А смотреть картинки кто же будет?» —

— «Я свои башмаки сюда положу, чтобы им не было холодно.»

- «Кого ты любишь?»
- «Льва своего, который над моей кроватью.»
- «А кого еще?»
- «Своего льва, еще Боженьку, и другую, и халат свой люблю, еще ангела, еще папу люблю, и твой халат.»
- «А меня-то?»
- «Да, и тебя. И себя люблю. И мешочек люблю.»

Басом к Андрюше:

- «Маленький котенок, теленок.»

...«и кровать люблю, и твою люблю, и свою люблю».

- «Почему зайчик не целуется, к<отор>ый на стене?»

- «Ты — мой большой ангел.»

На вокзале в Харькове.

Почему небо не звенит? (Колокола.)

Громко: Этот дядя похож на обезьяну.

А кота в лавке продают? А бусы? А черешни? А бублики? А мал<енького> Боженьку? А мал<енького> дядю на брошке? А ангела? А мал<енькие> звезды?

Случай в бане.

Св<ятые> горы

Ты немножечко зашумела,
как дерево.

На прогулке

- «Колокола звонят!»
- «Нет, не колокола, — это небо звенит.»

- «Я маленькую злую силу видала, – она летела!»
- «Какая она была?»
- «Травинная».
- «На что она была похожа?»
- «А на траву».

31ое июля 1915 г.

2ое авг<уста> 1915 г.

Громко: Мальчик, к<отор>ый сидел – (тихо) похож на обезьяну,
а я нет.

3^{ее} авг<уста> 1915 г., утром, гуляя

- «Я распустила глаза, и земля стала зеленая, – ты видала?»
- Играя в песке, сама себе:
- «Кош-мар, кош-мар!»
- «Что ты говоришь?»
- «Я говорю: кошмар!»
- «А что это?»
- «Это такой дядя, я у него была с мамой, вошла в комнату и его поцеловала.»
- «Кого поцеловала?»
- «А кошмара.»
- «Какой он? Какие у него волосы?»
- «Черные, а глаза голубые, – нет, тоже черные. Сокол.»
- «Значит, это – Сокол?»
- «Он, он!»

-
- «Няня, скажи: пан-та-ло-ны!»
  - «Пал-та-ло-ны!»
  - «Нет, так не говорят, надо пан-та-ло-ны!»

и т.д. и т.д.

Засыпая 1ая авг<уста> днем

Про себя: «Фут-ляр, фут-ляр». Громко: — «Марина, я могу сказать фут-ляр!»

3^{ья} авг<уста> 1915 г. утром, играя с 4ехлетней девочкой — Верочкой.

— «Девочка, нельзя трогать мой песок, а то я тебя убью!»

Девочка, тихо и совершенно спокойно:

— «Я сама тебя убью.»

9ая авг<уста> после купания.

— «Я не могу утопиться в корыте — я большая, а пальцы у меня маленькие, руки ма-аленькие и они могут утопиться.»

— «А кострюлька не человек, она — животное.»

— «Она не человек, но и не животное. Что же она?»

— «Она ни-чего.»

10ая авг<уста>

— «Няня говорит неправильно, а мы с тобой — правильно.»

(Я в лесу делала вид, что сплю)

Я, после того, как сказала ей, что не спала:

— «А ты что думала?»

— «Я думала гадости про тебя.»

— «Какие же?»

— «Я думала, — это чучело лежит, а это — ты.»

11ая авг<уста> вечером, в кровати.

Когда я была большая, мне прислуга сказала, что мой Сокол — больной и еще, что Андрей больной.

(Гуляя днем, у кофейни)

— «Вот солнце, оно далеко, его не достанешь. А ты достанешь? Нет?»

— «Аля, а кто еще на небе?»

— «Боженька.»

— «Ты его видала?»

— «Видала. Мы сидели в комнате и я посмотрела на небо и увидела Боженьку.»

— «Какой же он был?»

— «Голубой, в голубом платье и в голубой шляпе. А его звали хранитель. Я вспомнила. И он там молился.»

Вечером, в постели: среди водоворота слов...

— «И еще напиши папе, что я хорошо ела мед и хорошо пила молоко, и что ты хорошо пила чай и ела мед, и что ты хорошая и что я хорошая... и что мы гуляли и я тебе сказала про Боженьку...»

Вечером, за чаем, про куклу: «И она была такая противная, с обиженным (обиженным) лицом.»

В постели. ...«И шоколадку дашь? Только ты в Бубнах не покупай, — там ничего нету, — ты в лавке покупай, где мы с тобой были, — там и сыру купи.»

— С неделю, как она меня зовет «мамонькой». Любимое слово сейчас «правильно».

Среди страшных обоюдных нежностей, поцелуев, полной тишины от нежности

— «А когда я вырасту, ты мне дашь копеечку на хлеб. Я положу ее в карман.»

— «Ты мой ангелёнок. Ты моя деточка! А ты скажи «Ох, ты мой родный!» Когда я буду говорить тебе «деточка», ты мне говори: «Ох, ты мой рѳдный». А теперь <не дописано>

— «Ты только не говори!»

— «Ты моя деточка!»

— «Ох, ты мой родный!»

(так раз 5 подряд и страшное веселье)

— «Подойди ко мне и похвали меня. Иди подойди и похвали меня!» — «Спой мне песню, про очи голубые, знаешь?» (Я пою про очи, потом «старый фрак», потом Стеньку Разина)

— «Брови черные сошлись...»

Аля, захлебываясь, ища слов:

— «Мальчик был черный, и княжна тоже стала черная, — и куртка у него была черная, и панталоны... И дождь шел — это называется гроза.»

— «И за борт ее бросает

В набежавшую волну.»

— «А потом злая сила подняла княжну и вытерла и пошла с девочкой гулять, а потом ее выгнала, сказала: ты больше не будешь и посадила ее в лодку.»

Бесконечное прощание. Я иду писать.

— «Ты меня любишь?»

— «Я тебя страшно люблю.»

— «И я тебя страшно люблю, — ты моя деточка. Можно еще один раз сказать «ты моя деточка?»

— «Можно.»

— «Ты моя деточка!»

— «Ох, ты мой родный!»

Так раз пять сряду.

По дороге из Св<ятых> гор в Москву, у окна вагона:

— «Дорога пахнет духами.»

На станции «Серпухов».

— «Это — не моя Москва.»

24⁰⁰ авг<уста> Москва, за чаем:

— «А у тебя в животе что-нибудь есть?»

- «Да, – кофе и хлеб.»
 – «Зачем туда положила? Надо в голову.»

—

(Слыша «Маруся отравилась» под шарманку)
 – «Вот королевы поют, – т.е. девушки.»

—

28ая авг<уста> 1915 г.

– «Ветер есть – ма-аленький, видишь – листочки дрожат. Ничего – пускай ветер нас поветрит, пускай тебя поветрит, и меня поветрит.»

29ая ав<густа>

- «А у меня бабушка есть?»
 – «Нет, Алечка.»
 – «У меня бабушка была и прошла – и нет ее!»

—

– «А меня мальчик провожал, – такой, в синем пальто. Ходил-ходил, сам не знает что, няня говорит «нельзя», а он идет. Потом няня его взяла.»

—

И горошек у вас есть
     потертый
 И уголь, затащенный
     руками,
 Детки трогали и ели
     песок вместе с камушками,
 И большие трогали, и
     маленькие,
 – Большие не трогали,
     а маленькие трогали.

—

(Чтение вслух 31ая авг<уста>)

30ая авг<уста> – С<ережа> не хочет ехать со мной на кладбище:
 – «Мама, возьми его за руку и положи в трамвай, и дверь закрой на крючек, чтобы не убежал.»

С<ережа>: «Это – отвратительный поступок.»

– «Нет! Это у меня пастух!» (несколько раз)

31^м авг<уста> у входной двери

Чужая дама звонит.

– «Нельзя трогать – это моя дверь!»

Дама стучит.

– «Нельзя стучать, только мама может стучать.»

Глядя на картинку:

– «Вот дама плачет, оттого, что у нее нет куколки, т.е. девочки. А ты не плачешь, у тебя есть, вот она сидит.»

– «Дама плачет: кто у нее пропал?»

Указывая на Кусаку:

– «Вот кот, он живой был, мурлыкал, лизался, был милый, а потом помер и души у него больше нету, – одна кость! – когда я вырасту большая, я куплю ему душу, и ты вложишь – вденешь – и он к нам придет и ляжет с нами.»

(7^м и 8^м сент<ября>)

Одна из ежечасных сцен:

С<ережа>: – «Мариночка, не давайте ей по утрам яиц, – вполне достаточно каши и какао.»

Аля, яростно: «Надо есть яйца! Я всё равно буду есть яйца! Я всегда буду есть яйца, всё время! Нельзя маме говорить глупостей.»

Причем – яйца ненавидит. Страшный дух защиты и ласковость по отношению меня:

– «Драгоценный кот мой! Дорогой, интересный мой котик. Моя умная Марина, моя хорошая, дорогая Марина!»

(5^м сент<ября> ей исполнилось 3 г.)

12ая сент <ября> 1915 г.

— «Мама, не уходи! Я тебя умоляю! Я же тебя умоляю!»

Я подарила ей игрушку — старика, похож <его> на Пра, качающе-го на ноге мальчика. Игрушка приходит в движение от нажима.

Аля минуточку нажимает, не глядя

— «Уже, мама. А теперь дай мне мою книгу.»

Другая игрушка — того же устройства — мальчик и зайчики.

— «Я попробовала. Больше ничего не будет?»

— «Почему тебе эти игрушки не нравятся?»

— «Да мне нравятся, — немножко нравятся.»

Я спрятала игрушку.

— «Ты ее больше не хочешь?»

Аля, радостно: — «Не хо-чу!»

Она сейчас спит со мной, в одной кровати. Утром Наташа ее одевает: «Вставай, Алечка, там в детскую сейчас солнышко придет.» —

— «А я солнцу скажу: «Уходи, нельзя на меня смотреть!»

17ая сент <ября>, ночью

— «Я теперь выросла, и меня зовут «барышня», а тебя — Марина.»

18ая сент <ября> день ее именин, вечером, у меня в комнате — на диване

— «А вот, мамонька, мы жили с тобой в таком большом черном саду, и там был Мавел.»

Я — «Кто? Мавел? Кто это: зверь, человек?»

— «Нет. — Мавел.»

(Губы у нее уже дрожат)

С <ережа>: «Она, наверное, хочет сказать «Мальва». Это — собака, да, Аля?»

Истерически:

— «Нет, это — Мавел.»

После неск<ольких> минут сосредоточенности, радостно: — «Павел!»

Бубны

21 коп.

20ая сент<ября> 1915 г.

«Когда свет потушили, детская — чужая комната, а когда свет зажгли — опять детская.»

— «Ты еще кисель будешь есть?»

— «Да, папа позволил. Он сказал: «можно, можно», потому-что ему надо было читать.»

— «Стой, электричество, а то мы тебя сию минуту погасим и разобьем.»

24ая сент<ября> 1915 г.

— «Я скажу «папа», а ты скажи «лапа»!»

(24ая сент<ября>)

— «У тебя будет синее шелковое платье и шляпа с пером»...

— «А потом?»

— «А потом ты выйдешь замуж.»

— «А потом мы поедем.»

— «Куда поедете?»

— «К Боженьке!»

— «Мама, я люблю вокза-ал, пойдем на вокза-ал!»
(жалобно)

26ая сент<ября> 1915 г. — день С<ережи>ного 22хлетия и моего
23хлетия

— «Не надо терять пепел и огонь!» (По поводу искорки, упавшей с
папиросы на волка.)

2ая окт<ября> 1915 г.

«Мама, знаешь, что мне хочется с тобой сделать? — С тобой поце-
ловаться.»

30ая сент<ября> веч<ером> перед сном

«Ты ляжешь и я тебя страшно обниму и страшно поцелую.»

«Мне тебе хочется лицо полизать.»

На улице — 3^{ья} окт<ября> 1915 г.

Едет офицер на велосипеде.

— «Посмотри, какой офицер хороший! Только ты его не бери с
собой!»

— «Почему?»

— «А то он скажет: я Вас люблю!»

После каши и стояния в углу.

Я: «Вот видишь, Аля, теперь ты сразу проглотила. Почему же ты
тогда не глотала?»

— «Я думала — я ем злую силу!»

13ое окт<ября>

Андр<юша>: Марина мне отдаст твоё платье, а ты обидишься и будешь плакать, а я тебя поставлю в угол.

Аля: А я возьму тебя на руки и хлопну — на базар. Там есть колодец большой, и я тебя ногой протопчу.

Раньше, утром.

Аля: «Я страшно хочу тебя поцеловать!»

Андр<юша> уже у меня на коленях

— «А я Вас целую.»

Битва поцелуев.

Аля: «Это моя мама! Иди к своей маме, она по тебе соскучила!» — «Что это такое, что это такое?» — «Я не люблю Андрюшу!»

Оба целуют меня. Андрюша бьет Алю. Рев. Аля зажимает ему рот рукой. Андрюша в углу. Мирю их. Аля, кладя руки за спину, хмуро:

— «Довольно мириться.»

— «Я была в церкви с няней. Видала там боги, покойники, могилы, ангелы. Боги ходили друг к другу в гости и пили чай с сахаром.»

20ое окт<ября> 1915 г.

— «Я тебя всегда буду звать «Император»!»

— «Ах, ты моя лоскутья!»

— «Ах, ты моя лохмотья!»

— «Тварь моя! Тварюшечка!»

— «Дорогая моя дрянь, Марина!»

23ая октя<бря> 1915 г.

Взяв в руки «Töchteralbum»¹ 1870 г.

— «Эта книга — старинная?»

29ая окт<ября> 1915 г., перед сном.

Я тебя буду любить целую ночь.

31ая окт<ября> 1915 г., я уезжаю в театр.

Я тебя буду любить понемножечку и помногу и по всяческому.

Твоей души милость я люблю.

(Глядя на карт<ину> Врубеля)

«Вот Боженька валяется на полу, как собака.»

«История очень понравилась им, и они толкнули свою мать, плакали, смеялись»...

2ая ноября 1915 г.

Я: «А если ты меня задушишь, как ты думаешь, что со мной случится?»

Аля: «Я думаю — ты издохнешь.»

Играя одна в кубики

— «А это будет сад, а здесь будет фонарь — царский фонарь, а это будет еще фонарь — равнодушный.»

---

¹ «Дочерний альбом» (нем.).

Разные господа

Цыганку молодую

О дегте

Я не боюсь дегтя, ведь это не может быть с бородой.

Я тебя слишком люблю.

Коля, я Вас люблю за то, что у Вас голубые панталоны.

Я люблю Колю за то, что у него такие маленькие губы.

(Борису:)

Нет, я мамина, а ты чужой. Мама про меня пишет, покупает мне игрушки, мама со мной спит, а с тобой не спит.

<Внизу страницы перевернутая запись:>

туманен

нежданен

ранен

Милый Игорь Северянин

27^{но} ноября

— «У меня новая бабушка!»

— «Где она?»

— «А вот здесь, в шкафу. У меня была др<угая> бабушка и умерла.»

— «А эта не умрет?»

— «Не-ет!»

— «Почему же?»

— «Ведь она моя!»

Две дочери: Надя и Церера.

<Чужим почерком:>

29ое ноября 1915 г.

6ая Рождеств<енская>

д. 9 кв.9

тел. 267-29

Захаревич

29ое ноября утро

— «У меня два мужа, — Володя и Федя.»

— «Что же Володя сказал, когда ты обвенчалась с Федей?»

— «Я ему сказала: если ты пойдешь в церковь, там тебе монахи зададут, и свечи загорятся и ты сгоришь.»

— «Ну, а если ты Володю разлюбишь и полюбишь какого-н<и>-б<удь> Петю?»

— «Я Петю тоже разлюблю и возьму кого-н<и>б<удь>другого.»

«Вот я выйду замуж. Мол<одой> человек скажет: «Не уходи, Аля.» А я скажу: — «Не уйду.» Он мне кольцо подарит и вуаль и мы поедем венчаться в церковь. Там будут гореть свечи, там будут фонарики, певчие. Они будут петь: — «Господи помилуй» (дважды) — так. И потом мол<одой> чел<овек> пойдет домой, а я к тебе поеду, на лошади, верхом, — к тебе в комнату. А офицер уедет. А я тебе всё расскажу, как было.»

«Мы поедем на вокзал, — да, приедем. Приехали. Мы сядем в поезд. Я его толкну к стенке значит, у него голова разобьется вся, у него рот разоб<ьется>, нос, я его стукнула руками, у него руки разобьются, у него живота не будет, я ему глаза стукну, брови, и он будет разбитый. — И ноги, и плечи, и волосы, и шею. Разорву ему рубашку. — И с тобой мы уедем. — Я его сначала превращу в мышь, а потом раздавлю и брошу в колодец, вот.»

- «А жалко тебе его не будет?»
  - «Нет. Мы с тобой поедem вместе.»
  - «А потом я превращу его в свинью и в другую свинью превр<а-
щу> – в синюю и в красную и в белую.»
  - А когда спр<осят> где в<аш> муж?
  - «Я скажу: я его превратила в свинью.»
-

5ая <декабря> 1915 г.

- «Старость из нее вышла?»
-

О Миронове

- «Он хочет, чтобы его застрелили? Чтобы его не было?» –
-

8ая <декабря> 1915 г.

- «А когда я состарюсь, ты меня будешь любить?»
  - «Нет, я тебя буду жалеть»
-

- «А когда я войду к тебе в комнату, что ты сделаешь?»
  - «Я тебя прогоню... А потом я опять буду маленькая, а ты молодая, а потом я опять вырасту» (смеясь)
-

21ая дек<абря> 1915 г.

- «Марина, что ж ты трясешь головой, когда ты умеешь разговари-
вать?»
-

19ая янв<аря> <1916 г.>, после моего приезда из Петербурга.

- «Когда будет лето, мы с тобой будем ходить голые и собирать
цветы.»

Глядя на дым:

— «Смотри! Смотри, как он подымается! Он не боится, потому что ничего не чувствует. А мы с тобой чувствуем.

А когда он подымается, он делается человеком.»

(Два дня — сияние, смех, ласковость.

Изменение характера: юмор и тонкое его понимание, смех над словесными ошибками.)

Вчера С<ережа> искушал ее:

— «Аля, хочешь, мама опять уедет в П<етербург>, а я с тобой останусь, подарю тебе конфет, игрушек, лошадку...»

— «Довольно!!! У меня уже есть лошадка!»

23^е янв<аря> 1916 г.

Разглядываю иллюстрации к «Вию» (Хома Брут, панночка, нечистые силы)

— «Вот барышня просит у кухарки жареных обезьян.»

(аналой — плита)

— «Я люблю тебя крепко, а ты меня сильно.»

(Продолжение разговора.)

— «А мы не утопились в колодце?» — «Нет.»

— «А то бы к нам пришли разные неприятные вещи, — а мы должны любить только хорошие вещи!»

— «Вот женщина, вот дерево — всё, к<а>к следует, и мать умерла в постели.»

— «Вот я видала мальчика, он сидел в колясочке, смеялся и говорил: — «А-ах!, а-ах!»

— «И ничего больше?»

— «
<Реплика не вписана.>

- «Странный мальчик! Откуда ты его взяла?»
– «Я его не взяла, он чужой.»
– «А ты бы хотела, чтобы он был твой? Не хочешь ли купить его?»
– «Нет, лучше – продать!»
-

- «Я тебя так люблю – и вдруг мне делать тебе неприятное!»
-

Наверху, у С<ережи>

- «Марина, поди-ка сюда, что я тебе скажу на ушко.» Я становлюсь на колени. Аля – гром<ким> шеп<отом>:
– «Когда я вырасту большая, я подарю тебе красные башмаки и голубые туфельки.»
– «А Асе что?»
– «Асе – шкаф, такой большой-большой, мы с тобой его вместе понесем.»
– «А что ты подаришь Борису?»
– «Подушку – такую большую, легкую, и одеяло – красное, с птицами и цветами.»
– «А Осипу Эмильевичу?»
– «Ему – сундук, там будет большой Пушкин и маленький Пушкин, и еще доктор». (Goethe)
– «А папе, Алечка?»
– «Я ему, когда вырасту, куплю новые пуговицы и пришью.»
– «Ну, Аля, а мне что?»
– «Тебе я подарю брошку – коралловую – с Государыней и там еще будет жить барыня. И барышню подарю живую, она будет есть снег и умрет. Моя уже умерла.»
-

В начале февраля

Мы с Алей на волке, играет граммофон.

- «Алечка, скажи мне, надо любить одного или можно любить многих?»
– «Нет, надо любить многих.»
– «Ну, а если кто-н<и>б<удь> за это рассердится?»
– «Тогда я скажу (взволнованно, низким голосом) «Нельзя на маму сердиться, – разве можно на маму сердиться!»

Вяльцева поет «Вспомни! Вспомни!»

Аля: — «Почему она так грустно поет?» — «Она любила человека, а он ее бросил». Аля: «Он вернется к ней? Он скоро вернется? Скажи, чтобы он вернулся.»

Долго думает, страшно взволнованная.

— «Ну, если он к ней не вернется, — так я ее буду любить.»

И весь вечер вздыхает — «Мне жалко цыганку», чуть ли не плача.

—

Стихи. Уже не летние, почти все слова осмыслены, для размера иногда повторяет слог, причем сама смеется. Среди другого — след<ующие> строчки:

— «Что это за сердце?
Из мамы — сердце.
Умерла мама, —
Вот ее сердце.»

—

5ая февр<аля>

Осипу Эмильевичу: — «Зачем ты уезжаешь с мамой?»

Мне (я сказала, что провожу О.Э. на вокзал):

— «А ты проводи его в переднюю — просто к двери — и уже (вот и всё)».

—

6ая февр<аля>

«Я хотела тебя от любви — укусить.»

—

Сердце лежало от больной мамы, подушки лежали на полу, один мальчик бегал-бегал и ушиб себе нос, спички лежали чьи-то, картинки стояли около окон, окна свистели, как трубы, тигры шли-пели, как мальчик.

Идет мачеха злая и мотает головой, цветочки растут-растут (дважды), мачеха злая шла-шла-шла, съела и цветочки. Чернильница стояла чья-то, оставили чернила. Зеленая курточка, коробочка лежит, все звездочки на небе, — очень темно. Лежали на диване — две девочки одни — большие очень стали — и говорят они. А говорят они про карточку одну.

Цветочки росли на чернильнице с водой, подушка лежала, как в острых ушах, уши те острые были. Церкви на воздухе встали, окно стало очень пушистое; церкви звонили, как он не мог услышать.

Идет большая Соня в церковь молиться Богу. А церкви на воздухе стали. Тигр большой пришел — полосатый сюда. Будто бы окошко лежало на стене моей. Пришел охотник — нашу девочку плохую застрелить. Девочка очень мала стала, и плакала.

Охотники стояли всё время. Мачеха злая встала под коврик и коврик зашатался. Козел бежит н<ет>мóчи, к мачехе своей злой. Доктор лежал очень больной, и болела у него голова. Доктор выздоровел уже. Думает мачеха: съел меня кто-н<и>б<удь> и оттого меня нету; как блюдечко очистнулась, стала чистая она.»

«Материя, это — материал.»

Любовь к Миронову
(конец февраля)

— «Мионов, почему ты так красиво ходишь?»

— «Я люблю Миронова за то, что он так хорошо одет.»

Сама его целует, прижимается к нему. Он целует ей руку, почтительно.

Ревность к О.Э. М<андельштаму>. Отнимает у меня его руку, обращает мое внимание на Миронова, когда он трогает круглую лису, — плачет навзрыд. Предлог: «Он у нее уши ломает!»

Вчера, Сереже (2го марта):

— «Не играй на балалайке, мне хочется плакать».

Раньше, в конце февраля:

— «Мне было грустно в детской и грустно в столовой и будет грустно в передней.» — «Когда я не хочу гулять, когда дотрагиваюсь пальцем до печки и когда кусаю какую-н<и>б<удь> невкусную вещь, — игрушку.»

Сегодня утром. (3го марта)

— «Почему ты не любила О<сипа> Э<мильевича>?»

— «Мне не хотелось его любить.»

- «Волк, как трава, я утонула в волке.»
- «Я так тебя люблю, что хочется плакать.»
- «Стукни меня от любви и потом скажи «прости».»

Исполняю – она целует мне руку.

Неистовая и ревнивая любовь ко мне. С¹<ережа> говорит:

– «Иди ко мне», она бросается мне на колени, О<сип> Э<милевич> просит – «дай руку», она мгновенно подает мне обе.

Мне: – «Я больше всего люблю женщину.» (На вопрос: кого ты больше всего любишь из мужчин?)

Жажда всё мне отдать, дарить все свои игрушки. – «Ты уйди к лестнице, а я войду к тебе в комнату и подарю тебе такой чудный подарок. Ты войдешь и увидишь.» Подарков *никогда* не берет обратно. Жажда путешествий:

– «Мы с тобой поедем на вокзал! Мы с тобой когда-нибудь поедем к морю! Ты хотела бы жить здесь?» (Указывая на какую-н<и>б<удь> картинку).

Грусть от музыки и поиска объекта: «Мне жалко цыганку. Мне жалко Пра.» – «Мы когда-н<и>б<удь> пойдем с тобой гулять ночью и поглядим, как выглядит город.»

<Далее на двух пропущенных страница более ранние записи:>

Долги

Борис въехал 5⁰⁰

Должен за комн<ату> и ужины	– 50
взял у меня	– 5
взял у меня	– 12
билет	– 2 р. 25 к.

Борис должен

по 5^е янв<аря> за комн<ату> и ужины – 50

билет – 2 р. 25

– «Хорошенькая –
темнота?»

Темнота – красивая?»

блузки цветные

голубая креповая

желтая

оранжевая

серая шелк<овая>
 желтая шелк<овая>
 синяя шелк<овая>
 голубая с разводами
 лиловая шелковая
 Сонина полос<атая> из Анг<лии>

белые

Сонина широкая
 Сонина полосатая маленьк<ая>
 Сонина белая (подар.)
 Сонина с цветочками
 Белая с пестр<ым> вор<отником>
 Белая с оранж<евым> вор<отником>
 Белая крэповая (шелк.)
 Белая из летн<его> платья

<Далее следуют записи с обратного конца записной книжки.>

Кар<етный> ряд
 Б. Спасский
 д. 20, кв. 11

68	25	
+ 60 р. еда	12	
128 р.	10	
	4	
	12	
	5	
	68 р. без стола	

Мясо — 40 коп.
 Жаркое — 60 коп.
 Сало и масло — 20 коп.
 Овощи, припр<ава> — 20 коп.

1 р. 40		170
+ 30		
1 р. 70		30
30		
51 р. 00		51 р. 00 коп.

Асе — 4 р. поезд

4 р.

3 р.

Алиных воротничков — 6

Простынь — 6

Летних рубашек — 7

Бумазейных — 6 (с голубой)

Панталон — 6 п<ар> (с бумаз<ейными>)

Бумазейных платъиц — 6

Кофточек — 3

Чулоч — 9 тепл<ых>, 4 летних

Носок — 3 п<ары>

Лифчиков — 2

Фартукочков — 3

Няниных фартуков — 5 белых

2 пестрых

Алиных башмак — 2 п<ары>

Чувяк — 4 п<ары>

Наволочек — 2 п<ары>

---

7 белых

1 голубое

1 Пра

2 татарских

2 красных

1 с голуб<ими> крап<инками>

1 мал<енькое> голуб<ое>

45

12

1

Платъиц тепл<ых> — 7

Летних —

Простынь	— 8
Наволочек	— 8 (2 мал<еньких>)
Панталон	— 7
Кофточек	— 3
Рубашек т<еплых>	— 6
Летних	— 7
Фартуков	— 3
Чулоч	— 9 т<еплых> 7 л<етних>
Носков	— 6 п<ар>
Лифчиков	— 2
Башмаков	— 2 п<ары>
Чувяк	— 2 п<ары>
Пеленок	— 4
Салф<еток>	— 4
Нян<иных> фарт<уков>	— 1 б<елый> 2 п<естрых>
Воротн<ичков>	— 6
Одеял	— 4
Полотенец	— 6 свет<лых>

Вернула Соне

5 р.	
3 р.	Дала Асе
3 р.	80
3 р.	35
1 р. 10	
1 р. 20	

1 р. 40
30
 42 р. 00

Сшить еще
 3 платья
 6 кофточек
 2 юбки
 4 платяца Але
 3 лифчика Але
 переделать мне лифчики
 4 рубашки верх<них> С<ереже>
 белье С<ереже>

Асе дано
 Ася отдала
     6 р.
 Должна мне
     + 50 за извозч<ика>
 Дала 1 р. за мой матер<иал> Бабаджану.

Белое платье — 50
 4 бумаз<ейных> — 2 р.
 Серое — 1 р.
 Сережино — 2 р.
 Турецкое — 2 р.
 Юбка бел<ая> — 60 к.
                     10 р. 10
                     — 5 р.
 Долг портн<ихе> 5 р. 10 к.

Долг портнихе   2 р. 50
 В магазин   3 р. 50

Д<амских> рубашек — 6
 Пантал<он> — 6
 Чулок — 9
 Подвязок — 9
 Лифчиков — 3
 М<ужских> рубашек — 4
 Кальсон — 6
 Носок — 8
 Платков — 14
 Простынь — 11
 Наволочек — 9
 Полотенец — 11
 Пикейн<ых> од<еял> — 3

Ася должна мне	13 р. 30
(д<окто>р и еще 1 р. 10)	+ 3 р. 10
	16 р. 40 коп.
	+ 1 р. 50
П.Н.	- 6 р.
	50
	18 р. 40 к.

23 00
 1 00 Асе
 1 50 М.М.

---

25 50

25 кв.
 12 ф<отографии?>
 10 присл<уга>
 30 р.

---

 77 -

Получено из Банка
 534 р. 30 коп.
 (24го мая 1914 г.)

Але пуговицы	- 32 к.
Алин матрас	- 3 р.
замки	- 70 к.
кольца для ключей	- 20 к.
бельевая корз<ина>	- 1 р. 10 к.
извозчик	- 30 к.
судки	- 1 р. 55 к.
съестное	- 1 р.
Редлихам (до 1 ^{го})	- 19 р.

---

27 р. 17

мне – фотограф<ические> принадл<ежности>
 калоши
 штопальн<ых> ниток (крэм и желтых)
 марок и откр<ыток>

веревки
 достать корыто, кофейник
 материю
 разменять 100 р.
 картонку для шляпы
 желтые шнурки
 пряжки для корс<ета>

М! Не забыть ведер, аппаратов, треножника, зонтика
М! Купить Але 2 матросские шапочки, Асе подарок

С собой:

- 1,2) мои два саквояжа
- 3) Алина корзинка
- 4) Нянина корз<ина>
- 5) ванна
- 6) корыто
- 7) корз<ина> для посуды
- 8) ведра
- 9) корз<инка> с котом
- 10) Алина кроватка
- 11) шарманка
- 12) узел с одеялами, или портплед
- 13) картонки

к А<лександр> М<ихайловне>

- 1) большая корз<ина>
- 2) коляска
- 3) ящик с фот<ографическими принадлежностями>
- 4) бельевая корз<ина> с посудой

Аля, 29го мая 1914 г., четв<ерг>

Мама госётек пи сделала	} в 6 ч., за кашей
Ложечка пи сделала	
Мама – бяка	

- Аля, ты любишь маму?
- Любишь.
- Нет, люблю.
- Люблю.
- Кого ты любишь?
- Корову!
- А меня любишь?
- Люблю маму.
- А папу любишь?
- Люблю.
- А Асю любишь?
- Люблю.
- А помнишь Асю?
- Помню!
- А какая Ася?
- Синяя!

Мама, паситься надо!

30ая мая 1914 г.

- «Аля, скажи Николай. Ни!»
- «Ни»
- «Ко»
- «Ко»
- «Лай»
- «Ау!»

ЛВ! Запис<ать> адр<ес> порт<нихи>
Мерить и заплатить

Вещи к А<лександре> М<ихайловне>

- 1) больш<ая> корзина
- 2) бельевые корз<ины>
- 3) ящик с фот<ографическими принадлежностями>

- 4) швейная машинка
- 5) Алина коляска
- 6) большая рама, картины

Взять Алин берет

Купить: Асе подарок
           рисовой пудры
           спичек
           свечей
           С<ереже> зеркало

Уложить

лампу обезьяну
 аппараты книги
 зонтик блокноты
 треножник, Геркул<?>
 Алины мелочи, тазик

С собой

- 1) чемодан
- 2) чемодан
- 3) Алина корз<инка>
- 4) корз<ина> с посудой
- 5) маленькая корз<инка>
- 6) кошачья
- 7) шарманка
- 8) треножник, зонтик
- 9) картонка
- 10) ванна
- 11) кроватька
- 12) корыто
- 13) узел с одеялами
- 14) нянина корз<ина>
- 15) 3 стола
- 16) 3 кровати
- 17) ведра
- 18) жестянку от керос<ина>
- 19) ковер

- 20) Алин стульчик
- 21) 2 табурета
- 22) самовар Пра

<На перевернутой странице, на свободном месте от списков 1914 г. – хронологически последняя запись этой книжки:>

3²² марта 1916 г., утром.

– «А если бы ночь была милая, – звездная?»

—

– «Где ты чувствуешь грусть?»

– «В сердце!» (показывает)

– «Только два друга, – ты и Соня.»

—

– «Ты со мной и одна.»

—

<Продолжение записей 1914 г.>

Ася должна – 18 р. 40 к.

92 к.

3 р. (извоз<чик>)

1 р. (виш<ни?>)

+ 23 р. 32
92 р.

— 115 р. 32
50

12²² мая 1914 г. 114 р. 32
1 р. 25

— 116 р. 07
5 р.

16²² мая 111 р. 07
106 р. 50

5 р.

5 р.
1 р. 20
 6 р. 20

кофе (банка)
 пёсика нету и т.д.
 Макс! Боюсь!
 Боюсь! Дерево! (ветер)
 Перо безит.
 Мама, пиши, паята.
 Перо упало.
 Гори! Гори! Мама, кушай!
 Палиська.
 Мама, пиши, паята.

Духи, кольца, картинки, пенье,
 Мама, тут идем.
 Не хочу!

11ое июня 1914 г.

2 р. 43 к. 16ое июня.

74	2 р. 43
32	– 1 р. 42
12	<u>1 р. 01 к.</u>
6	
10	
8	
<u>1 р. 42 к.</u>	

<Далее на свободном месте коктебельские записи лета 1915 г.>

есть 1 Сереже	
есть мне – темный	
истрачено на кофе	5.50
	5.50
3 больших, 1 средний,	5.50
	2 р. 50
1 маленький	1 р. 50
обменяю Сонин,	20 р. 50
куплю еще один	
средний (3 р.) и один большой.	
у Сережи – со звездами	
у меня – со звездами	
и темный	
у Сони – со звездами	
для Али – маленький квадратный	
Асе – один средний	
Адел<аиде> Каз<имировне> – один средний	

или: сейчас 3 больших, 1 средний,
1 маленький.
Обменяю 2 – со звездами Соне и мне,
куплю 1 средний и еще 1 маленький.
Куплю 1 за 6 р. со звездами,
один обменяю.
Со звездами:
у С<ережи> – 1
у Сони – 1
у меня – 1
полосатый перед диванами в столовой
средний – Асе
маленький – Але.

Сегодня

марганц<евый> к<алий>
англ<ийские> булавки
вз<?>

Няне дано

19 р. 15 коп.

4 р. 60 коп.

1 р. 49 коп.

---

25 р. 24 к.

– 24 р.

---

1 р. 24 коп. из денег за июль
(27^м ей получать)

Обеды у Е.П. с 2^м июня

2 обеда – 16^м и 17^м – Сереже

1) Отдать Е.П. 1 р. 20 к.

2) Взять у Пра векселя

10 р. 00

– 7 р. 25

---

2 р. 75 я должна без воды, кофе и т.д.

3) Взять у Майи тетрадь

ВЕЩИ

В багаж:

2 б<ольших> корзины

серый чемодан

ванна

корыто

кроватька

Алина корзинка

3 ведра

С СОБОЙ

1. шарманка

2. Кусачья корз<инка>

3. рыжий чемодан

4. ящик с фот<оаппаратом>

5. моя корзиночка

6. зеленый мешок

7. порт-плэд

8. картонка

всех 18 вещей

Не забыть бутылку с молоком, улож<ить> мелочи,
взять у П<этра> Н<иколаевича> вещи

<На обороте заднего шмуцтитула и обороте заднего форзаца – записи, вероятно, августа 1913 г.>

Слесарь

Ремни

Банк<овские> бумаги

Улож<ить> блюдо, подсв<ечники>

Взять нянин паспорт

Улож<ить> кост<юм> Ж<анны> Д'Арк

достать портрет Сережи

Улож<ить> верблюда

Милые мне письма

в несгораемый,

подпись Наполеона

Купить; ремни, затворы, треножник,

Але шляпу

Уложить: кострюли, зеленую скатерть,

кост<юм> Жанны Д'Арк

Достать: примус, башмаки

Покрыть Сережин стол линолеумом

Отдать жилище ключ от двери, от

несгор<аемого>, оставить адр<ес>

Надеть всюду замки

<Рукой С.Я.Эфрона – первые строки микроскопической мелкописью, последние – буквами обычной величины:>

Уж я не верю увереньям,

Уж я не верую в любовь,

И не могу предаться вновь
Раз изменившим сновиденьям.
Слепой тоски моей не множь,
Не заводи о прошлом слова
О друг заботливый больнова
В его дремоте не тревожь.

Милая дорогая

Марина — я Ваш <рисунок головы льва>
преданный

Прощайте

Прощайте Прощайте

**ЗАПИСНАЯ
КНИЖКА**

3

1916—1918

— Чито Ви интересна на зото изразјати? —

(Долгопрод.)

Мл.

(Ведоград капајте и аорен Мл.);

Для полной согласованности душ нужна согласованность дыхания, ибо что — дыхание, как не ритм души?

Итак, чтобы люди друг друга понимали, надо, чтобы они шли или лежали рядом.

7го декабря 1916 г.

Календарь на март.

17го — на Алексея с гор вода.

25го — третья встреча весны.

На Благовещение воры заворовывают на счастье на весь год.

В Воспитательном доме. Апрель.

Нянька, подавая касторку: — «Так себе — масло... Пейте безо всякой мечты!»

В коридоре — две фигуры, одна чудовищная, другая приблизительно чудовищная. Нянька, о них: — «Оне ба-арышни, одне ожидают, а другия за ними наблюдают, — и тоже ожидают. И тоже барышни.»

Героизм — это противоестественность. Любить соперницу, спать с прокаженным. Христос — главным образом — проповедник героизма!

Героизм, как ремесло: пожарные. Божественность его ремесла, <не дописано>

Странность ремесл: пожарного, циркового, могильщика.

На целую толпу, глядевшую, как ведут арестанта Уйальда, — только один человек, плюнувший ему в лицо, и только один (Робби), снявший перед ним шляпу. — Остальные глядели.

Христос завещал всему еврейству свое великое «жаление» женщины. — Еврей, бьющий женщину, немислим.

Самое главное — родиться, *alles andere gibt sich schon.*¹

Когда я пишу лежа, в рубашке, приставив тетрадь к приподнятым коленям, я неизбежно чувствую себя Некрасовым на смертном одре.

Нянька рассказывает: — «И цвѣты мне снятся алые, и цвѣты мне снятся синие, всё с глазочками, ровно павлины».

Одного болезнь печени делает Печориным, другого — Савонаролой, третьего — просто учителем математики, выводящим в четверти кол.

— «И была промеж ними такая игра. Он ей поет — ее аккурат Марусей звали — «Маруся ты Маруся, открой свои глаза», а она сейчас же на постелю ляжет, простынею себя накроет, — как есть покойница. Он к ней: — «Маруся! Ты не умри совсем! Маруся! Ты взаправду не умри!» — Каждый раз плакал. — На одной фабрике работали, ей пятнадцать годов, ему шешнадцать.»

Кошунство сопоставления Христа и Ницше не в том, что Христос больше страдал, а Ницше меньше. Кошунство — очевидно — в несоответствии плоскостей.

---

¹ Остальное придет само собой (нем.).

Из письма: — Как медленно сходится с Вами такая-то! Она делает миллиметры там, где я делала — мили!

Ирина вопит. — «Не беспокойтесь, это она разговаривает!»— Может быть Богу тоже кажется, что мы «разговариваем»?

— «Не называйте Ирина, назовите Светлана, Тамара...»— Уж лучше просто — Демон!

Начинаю понимать пристрастие маленьких детей к бессмысленным занятиям: открыванию и закрыванию дверей, игре — часами — в мяч. У меня над кроватью висячий звонок. Раскачиваю его с наслаждением. В эти минуты меня — действительно — нет.

Лицо — свет. И оно, действительно, загорается и гаснет.

Умирает Сарра Бернар. Умирает глубочайшее в мире — голос.

— Вы любите двоих, значит Вы никого не любите! — Простите, но если я, кроме своего друга, люблю еще Гейнриха Гейне, Вы же не скажете, что я того, первого, не люблю. Значит любить одновременно живого и мертвого — можно.

Но представьте себе, что Г. Гейне ожил и в любую минуту может войти в комнату. Я та же, Г. Гейне — тот же, вся разница в том, что он *может войти в комнату*.

И так, формулируем: любовь к двум лицам, из которых каждое в любую минуту может войти в комнату, — не любовь.

Для того, чтобы одновременная моя любовь к двум лицам была любовью, необходимо, чтобы одно из этих лиц родилось на 100 лет раньше меня, или совсем не рождалось (портрет, книга). Если оба — еще лучше.

— Не всегда выполнимое условие! —

— И все-таки Изольда, любящая еще кого-нибудь, кроме Тристана, немислима, и крик Сарры (Маргариты Готье) — *O l'amour, l'amour!*¹ — относящийся еще к кому-нибудь, кроме ее молодого друга — смешон.

Я бы предложила другую формулу: женщина, не забывающая о Гейнрихе Гейне в ту минуту, когда входит ее возлюбленный, любит только Гейнриха Гейне.

Каждый раз, когда узнаю, что человек меня любит — удивляюсь, не любит — удивляюсь, но больше всего удивляюсь, когда человек ко мне равнодушен.

— Ирина! Твой первый матрасик был набит соломой, а вырастешь ты все-таки принцессой на горошине.

Бесконечная благодарность за малейшее внимание, восторг от просто приличного поведения. Господин в трамвае уступает место. Мое первое движение в ответ: Да нет! Ради Бога! Сидите, я так тронута... Я даже от благодарности пешком готова идти! (Тайное желание уничтожения во имя...). Но стоит только молодому человеку в том же трамвае не уступить места старику, как с губ моих неудержимо рвется: «Хам!».

Всегда уступаю место старикам, старухам. Старухам с радостью, старикам — с наслаждением. (Только не тем, бритым, это значило бы — оскорбить. Бритым — улыбаюсь.)

Одного старика даже этим смертельно испугала. А другой, которому я предложила пятак (было раннее утро, и денег ему не меняли), долго-долго смотрел на меня, не понимая: — «А как же я Вам верну?» — «Господи! Пять копеек!» — «Да нет, сударыня, это невозможно». (Старик был старинный.) — Ну, господин, платите или сходите! — топоропит кондуктор. — Ради Бога! — молила я. Старик всё еще глядел подозрительно. — Да берите, коли дают! — раздраженно сказал какой-то

---

¹ О любовь, любовь! (фр.)

рабочий. Старик всё еще колебался. И вдруг, с вдохновенным лицом: — Как Ваше имя? — Мое?.. Марина. — Ну, так вот, сударыня. Я, как слезу, в первой же церкви поставлю на этот пятак свечку за Ваше здравие. — Вот и ладно!»— И радостно рассмеялся.

Мужчина, кончающий с собой из-за любви — патетичен, женщина — как-то жалка. Кармен можно убить и Кармен может убить, но Кармен никогда не убьет — себя. Ей это даже в голову не придет. А Казанова, любивший 1001 раз, наверное 100 раз из них думал о смерти.

Женщина — жизнь: жизнедательница, недра.

В женщине, влюбленной безнадежно, есть что-то смешное, недостойное. — Какая же ты женщина, раз безнадежно? — И даже женщина, боготворящая всю жизнь одного, как-то не выходит. Данте и Беатриче. Перемените роли, и ничего не останется от Божественной Комедии.

Таинственная скука великих произведений искусства, одних уже их имен: Венера Милосская, Мадонна Рафаэля, Колизей, Божественная Комедия. (Исключение — музыка.)

И таинственное притяжение мировых имен: Елена, Наполеон, Бетховен.

Старики и старухи. Бритый, стройный старик всегда немножко старинен, всегда немножко маркиз. И его внимание мне более лестно, чем внимание любого двадцатилетнего. Выражаясь преувеличенно: здесь чувство, что меня любит целое столетие. Тут и тоска о его двадцати годах, и радость за свои, за возможность быть щедрой, — и вся невозможность. Есть какая-то песенка Беранже:

...Взгляд мой зорок...
Но тебе двенадцать лет,
Мне уж сорок.

17 л<ет> и 50 л<ет> совсем не чудовищно, а главное — совсем не смешно. Возможность настоящего пафоса.

А старуха, влюбленная в молодого человека — в лучшем случае — трогательна. Исключение: актрисы. Старая актриса — это мумия розы.

Обратный пример: Беттина, полюбившая в 45 лет юношу восемнадцати. Но та же Беттина в двадцать лет любила шестидесятипятилетнего Гёте!

О творчестве Ахматовой. — «Всё о себе, всё о любви!». Да, о себе, о любви — и еще — изумительно — о серебряном голосе оленя, о неярких просторах рязанской губ<ернии>, о смуглых глазах Херсонесского храма, о красном кленовом листе, заложенном на Песне Песней, о воздухе — «подарке Божиим», об адском танце танцовщицы, — и так, без конца.

И есть у нее одно восьмистишие о юном Пушкине, которое покрывает все изыскания всех его биографов.

— Ахматова пишет о себе — о вечном. И Ахматова, не написав ни одной отвлеченно-общественной строчки, глубже всего — через описание пера на шляпе — передаст потомкам свой век.

О маленькой книжке Ахматовой можно написать десять томов — и ничего не прибавишь. А о бесчисленных томах полного собрания сочинений Брюсова напишешь только одну книжку — величиной с ахматовскую — и тоже ничего не прибавишь.

— Что с него спрашивать? Он еще так молод! — Что с него спрашивать? Он уже так стар! — Спрашивают, очевидно, только с сорокалетних.

Два пронзительных места в Казанове. Казанова, через тринадцать лет останавливающийся в той же гостинице, в той же комнате, где жил с Генриэттой, и читающий на окне надпись, вырезанную бриллиантом (его подарок) — «Tu oublieras aussi Henriette»¹.

И Казанова, пишущий впервые: — «Et comme je ressemblais déjà plutôt à un papa qu'à un amant»...²

---

¹ «Ты забудешь и Генриетту» (фр.).

² «И насколько больше походил я на отца, нежели на возлюбленного» (фр.).

О Казанове: блестящий ум (вечные проэскты <пропуск одной строки> сердце – вечно настроже (п<отому> ч<то> в любовных приключениях Казановы – сердца столько же, сколько пола). Наконец – дух: вечная потребность в Тассо <пропуск половины строки>

И полное отсутствие души. Отсюда полнейшее незамечание природы. Музыкальность же его и стихотворчество – музыкальность и стихотворчество всей Италии.

Блестящий комплимент человеку? – О, Калиостро с сердцем Казановы! –

Умилительное зрелище: Казанова, до того заслушавшийся Калиостро, что в первый раз в жизни не обратил внимания на то, что ел.

Некоторым людям ужасно не подходит всё торжественное. Уильям Локк например – и Страшный Суд.

Жених и петух, – в обоих какая-то напыщенность. Даже слова похожи.

– Как, Вы любите граммофон? Ведь это ужасно!

– Да, ужасно.

– Неужели Вы не чувствуете пошлости этой трубы? Граммофон – ведь это станция, телеграфисты, подсолнухи...

– Граммофон – это музыка. Возможность Шопена, Шумана...

– И танго.

– О, да! – И танго.

Танго... Полицмейстер одного южного провинц<иального> города запретил танцевать его вдвоем. И танцевали – каждый в отдельности. Танцевали и говорили: – «Да, хорошо! А вдвоем, должно быть, еще лучше». У этого полицмейстера был попугай, кажется времен Алек-

сандра I. И сам он был приблизительно того же времени. Весь вставной — необычайно галантен — спал в чепце.

«Татарин: — «Груши танго! Груши танго! А скоро Шантеклэр вам привезу!»

Смеюсь. И горничная смеётся.

— Чего Вы смеетесь? — Это груши-то — Шантеклэр!! — А что — по Вашему — Шантеклэр? — Узкая юбка!

Благородство сердца — органа. Необычайная настороженность. Всегда первое бьет тревогу. Я могла бы сказать: Не любовь вызывает во мне сердцебиение, а сердцебиение — любовь.

Душу я определенно чувствую посредине груди. Она овальная, как яйцо, и когда я вздыхаю, это она дышет.

Наташа Ростова, Lise (Братья Карамазовы), Софья (Александр I Мережковского) — всё это — подростки одной породы, обратной девишкой Тургенева.

Конец Н<аташи> Р<остовой> — гнусное чудо. Н<аташа> Р<остова> до брака и Н<аташа> Р<остова> после брака — два существа столь же враждующих, как первая Наташа и кн<яжна> Марья.

Кн<яжна> Марья! Великая ненависть моей жизни! — Не вижу прекрасных глаз, вижу только красный, наплаканный нос. И эта юродивая покорность отцу, и эти слезливые письма к Жюли, и это страстное желание замужества! —

Женщинам, впрочем, свойственно ее любить — за ее ничтожество, как соперницы.

Мужчины, искренно любящего княжну Марью — нет.

Почему Штейнер, если он ясновидящий, не видит, как скучны его произведения?

Первая невинность – неведение. (Грудные дети, девушки.) Я люблю только вторую – через ведение – невинность.

Главная обязанность стихотворного критика – не писать самому плохих стихов.

Имена. У здешней няньки сын – Евгений. А один служащий моего отца – свою фамилию Иванов всегда подписывал через два латинских *f* на конце.

Нянька рассуждает так: «У меня ничего нет, дам я ему хоть имя красивое.» – Нас 30 человек сидит за отчетами, – рассуждает Иванов, – и только я один знаю, что в Париже есть Вандомская колонна. Надо же мне как-нибудь показать, доказать им, что я другой! – И вот – пишет два ф. Жажда выйти из себя, из своего круга. Чистейший романтизм.

Возглас в коридоре: – «Хоть бы руки мои отвалились, чтобы не делать ничего!»

Не женщина дарит мужчине ребенка, а мужчина – женщине. Отсюда возмущение женщины, когда у нее хотят отнять ребенка (подачок), – и вечная, бесконечная – за ребенка – благодарность.

Худший враг Христа – это не язычник, а присяжный поверенный.

Отдайте Кесарево – Кесарю. Какая в этом бесконечная усталость!

Одна из нянек рассказывает своим подругам:

– А у меня муж, милые, был!!! Только и человекского, что обличие. Ничего не ел, всё пил. Подушку мою пропил, одеяло с девками прогулял... Всё ему, милые, скушно: и работать скушно, и со мной чай пить

скушно. А собой хорош, как ангел: волоса кучерявые, брови прямые, глаза синие... – Пятый год пропадает.

Сарра в L'Aiglon¹ предпоследний слог стиха произносила очень медленно, почти что пела. Французская школа? Нет. Гениальность.

Ирина – это что-то очень длинное, гибкое. Шея лебедя, хлыст. Это натянуто и певуче, как струна.

Я сначала хотела назвать ее своим именем, потом Анной (в честь Ахматовой). – Но ведь судьбы не повторяются! – Пусть лучше потом ее именем кто-нибудь назовет свою дочь!

Христос – может быть он и не был Богом. Но мне всегда режет ухо, когда называют рядом Христа и Ницше. (Кошунство, очевидно, в несоотв<етствии> плоскостей.)

Если бы у меня родился сын, я бы назвала его – Димитрий, а уменьшительное сделала бы – «Лже».

Танго! – Сколько судеб оно свело и развело!

И вдруг – как молния – воспоминание о Сиракузах. Огромный, буйный, черно-зеленый сад. Розы, розы, розы. И девочка лет четырнадцати. Лохмы волос, лохмы одежд. – Лоскут пламени. – Глухонемая. Бежит, бежит, бежит вперед по узкой тропинке. (Слева спуск). Сердце бьется от ее бега. И вдруг – встала. И в повороту: рукой: Смотрите! Что-то белое в зелени. Памятник. Подходим.

– «August von Platen. Seine Freunde»².

---

¹ Орленке (*фр.*).

² «Август фон Платен. Его друзья» (*нем.*).

Сарра Бернар и Ахматова. Видела и слышала Сарру, Ахматову – никогда. Но любила я их какой-то одной волной.

– Вы знакомы с Ахматовой? – О, Ахматова! – Полузакрытые глаза. Полупоклон. – «Расскажите мне про нее: какие у нее глаза, походка, голос.» Черная ночь. Я – на перилах, он внизу, на скамейке. Грохочет море. – Голос у Ахматовой... Я знаю два таких голоса... Голос Сарры Бернар – и голос Анны Ахматовой...

—
XVIII век. – «Сударь, сударыня». – «Эй, господин! Пожалуйте, Мадам!» – XX век.

—
Разговор: А раньше как я стеснялась! Вдруг, думаю, у меня начнется, а Андрей Андреевич (д<окто>р) войдет.

– А теперь?

– А теперь, – хоть бы сам царь!

– Царя-то нету...

– Ну, кто у нас вместо него? – Керенский!

—
– Уж как мне хотелось дочку! Лидочкой хотела назвать! Д<окто>р, рассеянно: – «Ну и сына так же назовете».

—
Единственный мужчина, которому к лицу грудной ребенок – это чиновник. А может быть к этому нас приучил Достоевский.

—
Здесь порошки дают обернутыми в какие-то отчеты: Поступило столько-то, умерло столько-то. Француз бы непременно сказал: *Avales de la mort*¹.

—
Встреча Наполеона с Гёте. В духе Наполеона было бы сказать: «Если бы я не был Наполеоном, я желал бы быть Гёте». И в духе Гёте – ответить: «*Votre Majesté me comble*»², опуская глаза, чтобы Наполеон не прочел в них настоящего ответа.

¹ Векселя смерти (*фр.*).

² Ваше Величество слишком добры ко мне (*фр.*).

Полнейшее равнодушие ко всякой не любовной трагедии. (Трагедии Авраама, Люцифера, Антигоны...)

Если трагедия не любовна, она – или трагедия с небом (Авраам, Люцифер) – или трагедия с родственниками (Король Лир, Антигона). К первым я равнодушна, вторые мне всегда немножко смешны.

Исключение: трагедия материнства. Но она уже почти любовная.

Есть нелюбовные трагедии и в природе: смерч, ураган, град. (Град я бы назвала семейной трагедией в природе).

– Единственная любовная трагедия в природе: гроза.

– Почему музыканты всегда отказываются – играть, певцы – петь, поэты – говорить стихи? И почему все они – музыканты, певцы, поэты – никогда не откажутся говорить – вздор?

Тончайшая гамма от физического недоверия до отвращения.

Триединство: голос, глаза, походка.

Кого мы больше любим, читая Дневник Башкирцевой? Башкирцеву – или Дину? Башкирцеву – или Пьетро Антонелли? Башкирцеву – или г-жу Бреслау? – Конечно – Башкирцеву. – То же делала сама Башкирцева.

Чем любовь к себе неосознанней, тем она животней. Пример: все эти люди, воображающие, что себя не любят, и бессознательно садятся поближе к именинному пирогу.

А Башкирцевой любовь к себе не давала есть.

Один любит свое брюхо, другой – свою душу. Последнее не прощается.

Если бы Башкирцева в зеркале видела только свое лицо, – кто бы с этим спорил? Но Башкирцева в зеркале видела и свою душу. Это уже слишком.

Мужчинам в Башкирцевой мешает ум, женщинам – красота.

Любовь к себе, вознесенная до пафоса – вот Б<ашкир>цева. Было что-то спартанское в этой любви.

Миф о Нарциссе – правда о Башкирцевой.

Б<ашкир>цева – настоящий дэнди. Есть и спать перед зеркалом. (Бодлэр.)

И эта нежнейшая внешность при этой внутренней мужественности! – Русские предпочитают – наоборот.

Внешность Б<ашкир>цевой: сталь и золото. Какое-то сухое сияние.

Дар ли богов, божественное ли проклятие – любовь к себе Б<ашкир>цевой – но в этой судьбе бесспорно побывали боги.

Всякий дар богов – проклятье.

Попытки «оправдать» Б<ашкир>цеву. – «Да, конечно, нельзя так с собой носиться, но всё-таки жаль, так рано умерла».

– Господа, в Воспитательном доме умирают еще раньше! –

И другое «оправдание» Б<ашкир>цевой – таланты. Живопись, прекрасный слог, игра на арфе. Живопись (то, что я видела) – сухая, скупая, нелюбовная. – Ее пресловутый Митинг. – Прекрасный слог, – да. Точный, как она сама. Верю в игру на арфе.

Главная, основная, единственная ценность Б<ашкир>цевой – в том, что она – она.

Никого, кроме себя не любила! – А Пинчио I, а Пинчио II, а Пинчио III?

– Вы любите дневник Б<ашкир>цевой? – «Да, и еще люблю дневник Дьяконовой.» – В этом ответе вся русская интеллигенция.

Последние (случайные) слова в ее дневнике: «мне слишком трудно подниматься по лестнице» можно читать и так:

– «Летать – умею, ходить – нет.»

Две вещи во мне неразрывны: Мопассан. – Бифштекс.

– O mon tableau! mon tableau!¹ – Это надо читать: O ma vie! ma vie!²

Б<ашкирцева> не понимала стихов. – Пусть себе рифмуют, лишь бы только это мне не мешало! – Думаю, что она – как многие люди – после какого-нибудь дурного стихотворения раз навсегда отождествила «поэтическое» (в дурном смысле) – с поэзией.

Б<ашкир>цева – сама стихи, такой же подарок поэтам, как Дон-Жуан, Жанна д'Арк.

(И какой трудный и соблазнительный подарок поэтам – Анна Ахматова!)

¹ О моя картина! моя картина! (фр.)

² О моя жизнь! моя жизнь! (фр.)

Если бы вы себя, действительно, господа, не любили, вы бы так не желали иметь похожих на себя детей. И рождаются у вас похожие на вас дети, а у них в свою очередь будут дети, похожие на них. — Потому что вы — повторимы: неосуществлены.

А нежелание Б<ашкир>цевой иметь детей — бессознательное сознание, что род ее — на ней — кончен.

Арфа — это ледяная буря. То же можно сказать о Б<ашкир>цевой.

Рай я вижу совершенно круглым. И слово рай — круглым. И вижу правильно.

«Раб Божий» — этого нет в Европе. И нет поэтому в Европе Ивана Карамазова.

Ищут шестого чувства обыкновенно люди, не подозревающие о существовании собственных пяти.

Душа — это пять чувств. Virtuозность одного из них — дарование, virtuозность всех пяти — гениальность.

Вся пресловутая «фантазия» поэтов — не что иное, как точность наблюдения и передачи. Всё существует с начала века, но не всё — *так* — названо. — Дело поэта — заново крестить мир.

Род Р<омано>вых зажат между двумя Григориями. Между падением первого и падением второго — вся его история. Тожество имен. Сходство — лучше не выдумашь — фамилий. Некая причастность обоих к духовенству. (Один — чернец, другой — старец). И одинаковый конец (полет из окна, полет с моста.)

И любопытно, что сходство — чисто внешнее. Причуда истории.

Сон. Мне приносят № какого-то журнала. Темно-зеленый сафьян. Серебр<яные> застёжки. Открываю: А. Ахматова — «Новая книга словес Голубиных». Печать старинная, почти церковная.

— Напишет ли ее когда-нибудь Ахматова?

Curriculum vitae¹ девицы времен Екатерины. Дворянский Институт — Воспитательный дом — дворянская богадельня.

Подробность какого-нибудь описания почти всегда в ущерб его точности.

Меримэ и Кармен. Меримэ так уверил нас в Кармен, что мы перестали верить в Меримэ.

Крайности сходятся, — это для меня так же туманно, как история Ахиллеса и черепахи.

На выпускном экзамене:

— «Так назовите же мне трех главных деятелей франц<узской> революции.» — «Марат, Мюрат и Прогресс!» —

Слово для поэта — собирательное стекло. Солнце — душа. Но какое же собирательное стекло без солнца?

Словесное дарование должно быть в уровень дарования душевного. Иначе — в обоих случаях — трагедия. (Я бы на выбор конечно взяла перевес души.)

Вымирание между поэтами переписки. Духовное обнищание. Скорее всё в стихи! — Стихи пожрали всё.

---

¹ Жизненный путь (лат.).

«Анна Ахматова». — Какое в этом великолепное отсутствие уюта!

Наружность Сарры. Что-то ледяное и лунное. — Серафический лед. —

И как эта женщина, в обаянии которой не было ничего телесного, играла Федру!

— «Пушкин? Моя бабушка помнит, — веселый такой. Никогда не сидел, всё бежал. И очень на лодке кататься любил. И девушек любил, — добрый был, орехи давал, деньги давал. И волосы такие...» (не зная как сказать быстро-быстро перебирает в воздухе пальцами.)

— Рассказ мальчика Османа в Гурзуфе, весной 1911 г.

Стендаль. Геометр любви.

Лунатик и геометр. Разная безошибочность.

— Иду, потому что луна светит. — Какой магический довод!

Первый любовный взгляд — то кратчайшее расстояние между двумя точками, та божественная прямая, которой нет второй.

Классическое название для бульварного романа. Роман на смертном одре.

Тяготение некоторых женщин к жемчугам, некоторых юношей — к эполетам, — только: «Хочу домой!» заблудившегося на базаре ребенка.

— Si jeune et si décoré!¹ — В этом весь 12 г<од>!

---

¹ Столь юн и столь орденосен (*фр.*).

Одно из главных опьянений Большого театра. Жест, которым, выходя из горячего фойе, распахиваешь обеими руками стеклянные белые двери.

И часто, сидя в первый раз с человеком, посреди равнодушного разговора, безумная мысль: — «А что если я его сейчас поцелую?!» — Эротическое помешательство? — Нет. То же, должно быть, что у игрока перед ставкой. — Поставлю или нет? Поставлю или нет? — С той разницей, что настоящие игроки — ставят.

Тирэ и курсив, — вот единственные, в печати, передатчики интонаций.

(Начало теоремы: допустим, что Брюсов — Сальери...)

С<ергей> Э<фрон> — Знаете, кто настоящий Моцарт — Брюсова?

Я: — Бальмонт?

С<ергей> Э<фрон> — Пушкин.

С<ергей> Э<фрон> в 1913 г. — о танго: «Такой танец возможен только накануне мировой катастрофы».

— Я люблю осенних мух. Это самое одинокое, что есть на свете. (Он же.)

— Вы оправдываете каждый мой поступок?

— Каждый поступок, который оправдываете — Вы.

— Даже тот, которого Вы не оправдываете.

Первый ответ на высшей ступени человеческого. Во втором уже что-то божеское. — Я предпочитаю первый.

2ая мая 1917 г., среда¹ (послед<ний> день в Воспит<ательном> доме.)

— Любите ближнего своего, как самого себя. Ну, не поздоровится же тогда моему ближнему! Для меня и подобных мне.

«Приказал долго жить». Человек приказал долго жить. Удивительное чутье народа. Значит, умирая, человек понял, что жизнь, несмотря на всё, — прекрасна — и властно — как умирающий — именно *приказал* остающимся — долго жить.

«...и сотвори ему вечную память.» — Где? — В мире, конечно, в мире, что «весь во зле лежит». — Умилительная уступка церкви — миру.

Князь тьмы. — Fürst der Finsternis. Prince des ténèbres.² — Какой, на всех языках, великолепный титул! — Но есть что-то, в Prince des ténèbres, от beau ténébreux³. И сам beau ténébreux бесспорно, отдаленный потомок Prince des ténèbres.

Любопытная судьба человека, рожденного в Крещенский Сочельник.

Казанова — последний день карнавала.

Пыталась сейчас найти формулу для особенностей обаяния века Manon Lescaut. Тщетно пыталась. И вдруг — как молния — стих Кузьмина <Кузьмина>:

Зарыта шпагой, — не лопатой —
Манон Леско.

Формула.

---

¹ В действительности: вторник.

² Князь тьмы (*нем., фр.*).

³ мрачного красавца (*фр.*).

После рондели Кузьмина «Манон Леско» — можно быть вполне уверенным, что его небрежность, в других стихах, — необходимость.

Слепец на Калужской дороге и incroyable¹ времен Директории, — вот Кузьмин.

Обаяние Игоря Северянина так же *неоправимо*, как обаяние цыганских романсов.

Любить Игоря Северянина — это немножко s'encanailler.² Неотразимый соблазн.

Игорь Северянин. Танго в поэзии.

Один И<горь> С<еверянин> на эстраде. Его знают все. А есть еще другой — грустный, простой и милый. Нежный любовник, верный друг, трогательный отец. И об этом никто не помнит. («Ты ко мне не вернешься», «Обе вы мне жены», «На смерть Фофанова», «Ты так мне нравишься, что ты не молода»...)

Берусь из многочисл<енных> томов И<горя> С<еверянина> выбрать книжку вечных, прекрасных, вне-временных стихов. Утверждаю, что это поэт определенно Божьей милостью. Некая сомнительность его в том, что он третий сорт в мире любит явно, а первый — тайно. — Поэт пронзительной человечности. (Прим<еры> обратного.)

О зловещее молчание притаившейся колыбели!

Легче быть запертым в одну клетку со львом, чем в одну комнату с грудным ребенком.

(Ирина, прости!)

---

¹ щёголь (фр.).

² попасть в дурную компанию (фр.).

Дома. Лето 1917 г.

В стихотворении «Со дня купальницы Аграфены» – целый будущий этап творчества Ахматовой.

Верхнее веко, опущенное к вискам. Глаза сенбернаров. Глаза Оскара Уйальда.

Для аристократа, воспитанного на дуэли, революция – всегда дуэль. За прекрасную ли даму – монархию, за прекрасную ли даму – революцию, – за прекрасную даму.

Два источника героизма: – «Терять нечего!» (рабочий) – «Приобретать нечего!» (аристократ.)

Старуха на улице: – «Говорят, всю землю поделят! Чтоб ни у кого, значит, ничего»...

– Чтоб у всех – всё – бабушка!

– А я-то себе на той неделе место на Ваганьковском купила!..

Как это еще Совет Солд<атских> и Раб<очих> Депутатов не издал приказа об уменьшении порции льва и орла в Зоологич<еском> саду?

Первого сорта у меня в жизни были только стихи и дети.

Что я делаю на свете? – Слушаю свою душу.

Две возможности биографии человека: по снам, которые он видит сам, и по снам, которые о нем видят другие.

Из письма: — «Если бы Вы сейчас вошли и сказали: — Я уезжаю надолго, навсегда, — или: — Я не знаю, но мне кажется, я Вас больше не люблю, — я бы, кажется, не почувствовала ничего нового. — Каждый раз, когда Вы уезжаете, каждый час, когда Вас нет — Вас нет навсегда и Вы меня не любите.»

Самое оскорбительное для меня было бы, если бы Вы по моему поводу стали думать *вообще* о смерти: есть ли душа, и где моя душа, и что такое — жизнь, и что такое — смерть.

Помните одно: пока я *была*, я Вас любила и во всем понимала, потому что всё любила и всё понимала. И мы были равны. Поэтому — не нарушайте равенства и не соединяйте меня с моей могилой. Это — для меня — случайность.

Ходя на мою могилу, Вы уйдете *от меня*. NB! Сожжение.

Ни народностей, друг, ни сословий. Две расы: божественная и скотская. Первые всегда слышат музыку, вторые — никогда. Первые — друзья, вторые — враги. Есть впрочем, еще третья: те, что слышат музыку раз в неделю. — «Знакомые».

Полового *вопроса* нет ни в первой, ни во второй: боги и животные не спрашивают. Думают, вообще, о вопросах — только люди.

4го июня 1917 г.

Душа — под музыку — странствует. Странствует — изменяется. Вся моя жизнь — под музыку.

Первая победа женщины над мужчиной — рассказ мужчины о его любви к другой женщине. А окончательная ее победа — рассказ этой другой о своей любви к нему, о его любви к ней. Тайное стало явным, ваша любовь — моя. И до тех пор, пока этого нет, нельзя спать спокойно.

Всё нерасказанное – непрерывно.

Иногда молчание в комнате – как гром.

Поэт, это человек, который сбрасывает с себя – одну за другой – все тяжести. И эти тяжести, сброшенные путем слова, несут потом на себе – в виде рифмованных строчек – другие люди.

Вздых – слово – вздох. Вот единственный путь поэта.

Бесшумное движение револьвера к виску – последний крик о жизни. Щелканье курка – уже гробовое молчание.

Поэт – утопающий, снабженный от природы великолепным спасательным кругом. Знает об этом и всё-таки верит, что тонет.

Вчера на Лубянской площади обрубок: ноги по колено, руки – по локоть. Лет семнадцать. Похож на цыгана. Красавец. – «Господа, обратите внимание!»

И вчера, на той же площади, шегольское ландо, превращенное в газетный киоск. Господин и дама. Щеголи, красавцы. – «Господа! Покупайте газету «Свободная церковь»! 23 коп. с добавлением.» – Я купила, – за красоту. Такие в былые времена танцевали на открытых сценах танго.

Еврейские похороны. Речитатив над гробом. – «Да, Бог, ты победил, но мы с тобою говорим – громко!»

Бриллиантом по стеклу –
Бритвой по стеклу –

Из всех людей на свете только Иоанн один знал, как у Христа бьется сердце.

Вы не хотите, чтобы знали, что Вы такого-то — любите? Тогда говорите о нем: «Я его обожаю!» — Впрочем — некоторые — знают, что это значит.

Чем меньше внешних прав, тем больше внутренних. Обратная пропорция. У меня.

Пока я молчу, никто не вздумает оспаривать у меня Рим. (Владение под веками.)

— Я бы безумно хотела написать стихи о князе тьмы.

— Я бы хотел, чтобы Вы написали их позже. Впрочем, Вы их никогда не кончите.

Рассказ. — «Когда мне было восемнадцать лет, в меня был безумно влюблен один банкир, еврей. Я была замужем, он женат, я его не любила. Толстый такой, но удивительно трогательный. Мы почти никогда не оставались вдвоем, но когда это случалось, он мне говорил только одно слово: — «Живите! Живите!» И никогда не целовал руки. Однажды он устроил вечер, нарочно для меня, назвал прекрасных танцоров — я тогда страшно любила танцевать. Сам он не мог танцевать, потому что был слишком толст. Обыкновенно на этих вечерах он играл в карты. В этот вечер он не играл».

Лучше потерять человека всей своей сущностью, чем удержать его одним своим краем.

(Еще 21ое сент<ября> 1916 г.)

— У Вас на руке кольцо с черным камнем. Вы носите его, потому что Вы к нему привыкли, потому что носите его уже десять лет. Но в маленьком городе, где Вы живете, никто не знает его названия. Вы но-

сите его просто и весело, как носили бы на его месте — всякий другой: в первый день, потому что Вам его только что подарили, сегодня, потому что Вам его подарили десять лет назад. Подмени его черным стеклом, Вы и не заметите. — Чей камень в Вашем кольце?

11ое июля 1917 г.

Полководец после победы, поэт после поэмы — куда? — к женщине.

Страсть — последняя возможность человеку высказаться, как небо — единственная возможность — быть — буре.

Человек — буря, страсть — небо, ее растворяющее.

Буря, это вздох всего неба. Душа, это вздох всего мира.

Человек — единственная возможность *быть* — Богу.

Отсутствие уличной жизни в стране — отсутствие азарта. Плохо бы в России пришлось Казанове!

Женщина — единственный азарт, п<отому> ч<то> исток и устье всех азартов.

Испанию все женщины мира чувствуют любовником, все мужчины мира — любовницей. Безнадежное, мировое материнство России.

— «Не могу не уйти, но не могу не вернуться.» Так сын говорит матери, так русский говорит России.

Запад — это безнадежная любовь России.

О, поэты! поэты! Единственные – настоящие любовники женщин!

—

Что заставляет нас утверждать с такой уверенностью: «На этом портрете Байрон не похож»?

—

Желание вглубь: вглубь ночи, вглубь любви.

время   время   Любовь – провал во времени.

—

«Во имя свое» – любовь через жизнь, «во имя твое» – через смерть.

—

Дух – ввысь, душа – вглубь. Физическое ощущение.

—

– «Старуха... Что я буду делать со старухой?!» – Божеств<енное> бесстыдство. Восхитительная – в своей обнаженности – формула мужского.

—

– Не мешай мне – писать о тебе стихи! –

– Помешай мне писать стихи о себе! –

В промежутке – вся моя любовная гамма.

—

Казанове дано прожить свою жизнь, нам – пережить ее.

—

Любовь – через всех – к себе. Духовное объяснение многолюбия.

—

Половая страсть прежде всего – пожар души.

—

Разговор.

Я: – Что же не изменяется в реке?

Н<икодим> – Ее чаша.

Забывтая мысль, как смерть. – Пришло из хаоса, вернулось в хаос.

Всё осуществленное *вырвано* у хаоса.

Единственная победа над хаосом – формула.

Хаос – всё нерожденное.

Третье лицо – всегда отвод. В начале любви – от богатства, в конце любви – от нищеты.

Глаза и голос, это слишком много сразу. Поэтому, когда слышу голос, опускаю глаза.

История некоторых встреч. Эквилибристика чувств.

Рассказ юнкера: ...«объясняюсь ей в любви, конечно напеваю»...

Телефонный звонок – всегда приказание.

– Нужно было бы евреев соединить с Ж<енским> Батальоном Смерти. Получилась бы двойственная, таинственная армия – полумужчин, полуженщин – однородная в своих возможностях и невозможно-стях. – Может быть – героическая армия.

Еврей не менее женщина, чем русская женщина.

Любовность и материнство взаимно исключают друг друга. Настоящее материнство – мужественно.

Любовь к животным (кошкам, собакам) почти всегда исключает любовь к грудным детям (как чувственность – материнство.)

Сколько материнских поцелуев падает на недетские головы – и сколько нематеринских – на детские!

Страстная материнская любовь – не по адресу.

Там, где я должна думать (из-за других) о поступке, он всегда нецелен, – начат и не кончен, – необъясним, не мой. Я точно запомнила А и не помню Б – и сразу вместо Б – мои блаженные иероглифы.

Офицер, о бое: – «Это был какой-то смертельный парад.»

Разговор.

Я (о романе, который хотела бы написать) – «Понимаете, в сыне я люблю отца, в отце – сына... Если Бог пошлет мне веку, я непременно это напишу!»

Он, спокойно: – «Если Бог пошлет Вам веку, Вы непременно это сделаете».

Песня Песней действует на меня, как слон: и страшно, и смешно.

Песнь Песней: флора и фауна всех пяти частей света в одной единственной женщине.

Лучшее в Песне Песней, это стихи Ахматовой:

А в Библии, красный кленовый лист
Заложен на Песне Песней.

Песня Песней написана в стране, где виноград – с булыжник.

Чтобы не быть обвиняемым, надо сразу сделаться обвинителем.

– «...только станет самодержавнее на улицах...»

Идем по Воздвиженке. Хочу говорить стихи. Грохочут ломовые.
Ломовые сильнее меня, поэтому молчу.

В мире ограниченное количество душ и неограниченное количество тел. (Н<икодим>)

Н<икодим>: О, я понимаю! Материнство – большая роскошь. Это как миллионер, строящий для себя одного театр.

(Реплика в июле 1918 г.: – «А потом этот театр национализируют!»).

«Ошармовал и ошельмовал». (С<ережа>).

Карьеризм – сосредоточение воли – избирает себе подходящее – хорошо сосредоточенное – тело. Я не представляю себе очень высоко-го карьериста. – Слишком большая площадь души. Высокому росту остается одно: героизм.

Есть тела, удивительно похожие на душу.

– Зачем старухи одеваются? Это бессмысленно! (Н<икодим>)

— Я бы заказал им всем одинаковый... *uniforme*¹, а так как они все богаты, я бы создал кассу, из которой бы одевал — и очень хорошо одевал бы — всех молодых и красивых.

Любовь — от планеты до планеты. Промежуток — безвоздушное пространство.

Август 1917 г.

Бальмонт: Публика любит, чтобы ее хлестали с эстрады.

Бальмонт в Кисловодске читает лекцию, к <отор>ую заканчивает стихами о России:

Этим летом — унижение нашей воли,
Этим летом — расточение наших сил,
Этим летом — я один в пустынном поле,
Этим летом — я Россию разлюбил!

И вдруг — отчаянный вопль из публики: — «Это правда! Правда!» —
Офицер, слепой на оба глаза.

Мужик и баба перед лубочной картинкой: поле, усеянное немецкими трупами — и гарцующие казаки.

Баба: — А где же наши-то убитые?

Мужик: — Наши? — У них на картинке.

Я бы никогда не мог любить танцовщиц, мне бы всегда казалось, что у меня в руках барахтается птица. (Н<икодим>)

Молодой бык и молодой бог. (Два восприятия греческой мужской красоты.)

---

¹ мундир (фр.).

Крапоткин – пешком на Московское Совещание.

Крапоткин, Плеханов и еще кто-то, приглашенные на Московское Совещание в качестве «представителей Русской Истории».

Плеханов: «Это, без сомнения, очень лестно, но я, подобно Ахиллу, предпочитаю быть погонщиком мулов в этом мире, чем царем в царстве теней.»

Безумье и благоразумье. Я восхитительно оправдала свой знак Весов. (Сентябрь.) Еще 16 л. обо мне ... сказ<ал>: «Архив в хаосе».

Бог, создавая меня, сказал: Я создал тебя так, что ты неизбежно должна сломать себе шею. Смотри, не ломай!

По ночам я ненавижу свое: «во имя свое», днем: «во имя твое».

Мы не хотим быть выше! Мы хотим быть – как вы!
(Женщины и политика.)

Человеческая судьба – птица в руке. Жалко и жутко. (Н<икодим>)

Вдова, выходящая замуж. Долго искала формулу этой отвращающей меня общепринятости. И вдруг – в одной франц<узской> книге – очевидно женской (автора *Amitié amoureuse*¹) – моя формула: «Le remariage est un adultère posthume».²

Инстинкт – хребет души.

---

¹ «Любовная дружба» (фр.).

² «Повторный брак – это посмертная измена. (фр.).

Раньше всё, что я любила, называлось — я, теперь — Вы. Но оно всё то же.

Откуда в моем возрасте это старческое умиление над любовью? — Откуда — всё? —

Заметили ли Вы, после стихов или музыки — какую-то робость в комнате? Никто — минуты три — не решается говорить громко. — Ритм. <Под строкой: Орфей.>

Круг — высшая напряженность и высший покой.

Вы слово «еврей» произносите так, точно переводите его с «жид». (Н<икодим>)

Жен — много, любовниц — мало. Настоящая жена от недостатка (любовного), настоящая любовница — от избытка.

Слушаю не музыку, слушаю свою душу.

Музыка: через душу в тело. — Через тело в душу: любовь.

Как музыкант — меньше музыки! И как любовник меньше любви!

— «Там женщине не место!» (Крик прежнего общества). Правильно. Женщине место — любовь.

Не гляди! Не люби! Ты сам не знаешь, что́ на тебя обрушится.
(Обо мне и Беттине).

Я должна была бы пить Вас из четвертной, а пью по каплям, от к<отор>ых кашляю.

Есть две ревности. Одна *в* себя, другая — *от* себя. Чем это низко — вонзить в себя нож? (Бальмонт).

...На диване сидел молодой человек, напоминающий свободную любовь... (Рассказ одного — об одном.)

— Опущенные глаза или очень открытые? (Н<икодим>)

Музыка! Ведь это страшно опасно! Ведь можно поцеловать тогда всякую руку. (Н<икодим>)

Сентябрь 1917 г.

С<ережа>, стерегущий Михеева.

«Душа» Вы произносите, как другие — «тело», «тело» — так же неуверенно как другие — «душа».

Адам, Ева, змея. Другого не было и не будет.

— Зачем змей, когда Ева?

Изнуренная больными детьми молодая мать*. (Россия)

Цветущая молодая деревенская мать**. (Германия)

Бесплодная прекрасная дама***. (Франция)

---

* Не до красоты тут: дети больны!

** Красота замужней женщины — здоровье мужа и детей.

*** До красоты тут! Скоро умру. (Примечания М. Цветаевой).

Поэт, как ребенок во сне: всё скажет.

Я не могу себе представить негра в маленьком городе: он или швейцар в больших отелях или консул. (Н<икодим>)

Любовь: зимой от холода, летом от жары, весной от первых листьев, осенью от последних, — всегда от всего.

Это большая разница: расширилось ли ощущение тела до духа, или тело съежилось настолько, что духу стало много места. (Н<икодим>)

Октябрь 1917 г.

Феодосия.

(Первая дорога в Феодосию, в вагоне)

Старуха. Ребенок. Я. Старуха спит, ребенок плачет, я читаю любовную книгу.

Розовая — в начале октября — береза. В этом, кажется, всё мое христианство.

— «Погляди, Петя! Здесь и у деревьев совсем другой фасон!» (Жена послереволюционного прапорщика.)

Нет чувства собственности своего тела.

Феодосия.

Андрюша танцует. Я на полу, на подушках, ноги скрещены, одна опирается в пол, другая вытянута, как палка. Одна рука поддерживает

другую под локоть, в той, вытянутой, папироса. Чувствую себя столетней старухой, курящей трубку.

Два отношения к миру: любовное, материнское.

— И у нас два: любовное, сыновнее. А отцовского — нет. (Реплика Антокольского, в декабре 1917 г.)

Единственный выход в старости — ведьма. Не бабушка, а бабка.

Любовница и ведьма. Одно стоит другого.

Сон о С<ереже> (3го—4го ноября 1917 г., в ночь. — Обратная дорога. — В Москве восстание).

Спасаемся. Из подвала человек с ружьем. Делаю вид, что стреляю. — Опускает. — Солнечный день. Влезаем на какие-то обломки. С<ережа> говорит о Владивостоке. Едем в экипаже по развалинам. Человек с серной кислотой.

2½ суток — ни куска хлеба, ни глотка воды. Солдаты приносят газеты — на розовой бумаге. Кремль и все памятники взорваны. 56 полк. Взорваны здания с юнкерами и офицерами, отказавшимися сдаться. 16.000 убитых. На след<ующей> ст<анции> — уже 25.000 чел<овек>.

Читаю. Курю. — Можно ли въехать в Москву? — Пойду, конечно, пешком.

«Сереженька!

Если Вы живы, если мне суждено еще раз с Вами увидеться — слушайте: Вчера, подезжая к Х<арькову> я прочла Южный Край. 9.000 убитых. Я не могу Вам рассказать этой ночи, п<отому> ч<то> она не кончилась. Сейчас серое утро. Я в коридоре.

Сереженька! Поймите! Я еду и пишу Вам и не знаю, что Вы сейчас, сию эту секунду.

Подъезжаем к Орлу. Сереженька, я боюсь писать Вам, как мне хочется, п<отому> ч<то> расплачусь. Всё это — страшный сон. Стара-

юсь спать. Я не знаю, как Вам писать. Когда я пишу, Вы есть, — раз я Вам пишу. А потом — ах! — 56 запасный полк, Кремль. И я иду в коридор к солдатам и спрашиваю, скоро ли Орел.

Серезенька, если Бог сделает это чудо — оставит Вас живым — отдаю Вам всё: Ирину, Алю и себя — до конца моих дней и на все века.

И буду ходить за Вами, как собака.

Серезенька! Известия неопределенны, не знаю чему верить. Читаю о Кремле, Тверской, Арбате, Метрополе, Вознес^{енской} площади, о горах трупов. В с.р. <эсеровской> газете «Курская Жизнь» от сегодняшнего дня (4го) — что началось разоружение. Другие газеты (от 3го) пишут о бое.

Где Вы сейчас? Что с Ириной, Алей? Я сейчас не даю себе воли писать, но я 1000 раз видела, как я вхожу в дом. Можно ли будет проникнуть в город?

— Скоро Орел. Сейчас около 2х часов дня. В Москве будем в 2 ч<аса> ночи. А если я войду в квартиру — и никого нет, ни души? Где мне искать Вас? М<ожет> б<ыть> и дома уже нет?

У меня всё время чувство: это страшный сон. Я всё жду, что вот что-то случится, и не было ни газет, ничего. *Что это мне снится, что я проснусь.*

Горло сжато точно пальцами. Всё время оттягиваю, растягиваю ворот. Серезенька

Я написала Ваше имя и не могу писать дальше».

Снова в Феодосии.

(в Астории, слушая музыку:)

Человек — с грустными глазами слушающий веселую музыку — слушай он ее хоть через 300 лет после моей смерти — слушает меня.

Кофейня в Отузах. (На стенах: большев<истские> воззвания. Я с С. Г<оль>цевым). Позы татар. Лунные сумерки. Мечеть. Стадо коров. Девочка в малиновом до полу платье. Кисеты. Noblesse¹ древних рас.

---

¹ Благородство (фр.).

Во время московского восстания защищал Иверскую Божию Матерь юнкер Моисей Хальман.

Отсутствие духовности у женщин.
Главный враг духа не тело, а душа.

Тела и сердца у мужчин и женщин – поровну. Потом: бездна, – у мужчин – дух, у женщин – душа.

Слушаю музыку, как утопающий. Люди жестоки. Никому нет дела *до моей души*. Моя жизнь, как эта записная книжка: сны, отрывки стихов *тонут* в записях долгов, керосина, сала. Я действительно гибну, моя душа гибнет. От стихов или музыки – сейчас слезы.

– Господи Боже! Дай мне быть нищей, уличной нищей, с одним ребенком на руках, с другим – за руку. Мои башмаки всё равно плохи, я всё равно стираю сама, – уж лучше босиком, в лохмотьях.

– Достойнее!

Пусть не увидят в этом озлобления. Никто не виноват. Я не устаю это повторять. Мое *несчастье* в том, что я башмаками своими еще *удивляю*, что еще не верят.

Если бы поверили, убедились, мне стало бы легче.

– Дом в Москве! – И 50 тысяч в Банке! – Да, но стираю сама, и не потому что *люблю* стирать. Я *люблю* читать стихи и слушать музыку.

– Будьте молоды, мальчики! Вам дано умирать за монарха – или за «российскую республику».

Нам, женщинам, дано стирать пеленки и чистить картофель.

– Так Бог велел.

Je n'ai ni le courage du malheur, ni celui du bonheur.¹

---

¹ У меня нет ни мужества несчастья, ни мужества счастья (фр.).

— Будьте молоды (вы!), потому что завтра, может быть, вы умрете.
Будьте молоды (мы!), потому что завтра мы — твердо — состаримся.

Лично мне плохо в жизни, п<отому> ч<то> у меня нет ни опоры
(взамен свободы), ни свободы (взамен опоры).

Детям своим я пожелаю не другой души, а другой жизни, а если
это невозможно — своего же несчастного счастья.

Аля мне нужна, как страстная любовь — ее ко мне. Но это висит
на волоске.

Я бы хотела жить на улице и слушать музыку.

В вагоне (2ой обр<атный> путь в Москву. Выхала 25го ноября)

— «Брешко-Брешковская — тоже сволочь! Сказала: «надо воевать
вам!»»

— «Сгубить больше бедного классу и самим опять блаженствовать!»»

— «Бедная матушка-Москва весь фронт одевает и обувает! Мы
Москвой не обижены! Больше всё газеты смущают. Большевики пра-
вильно говорят, не хотят кровь проливать, смотрят за делом.»

...«Чтоб им торговля была лучше!»

— «У нас молодая революция, а у них, во Франции, старая, бур-
жуазная!»

— «Что крестьянин, что князь — шкура одинакая!»

— «А офицер, товарищи, первый подлец. Я считаю: он самого низкого образования».

Против меня на лавке спит унылый, тощий, благоразумный Вик-
жель.

— «Бог, товарищи, первый революционер!»

Есть невинность богатства, как невинность нищеты.

Сейчас в моем распоряжении только один способ благодарности: стихи. Накормят обедом, одолжат детскую кроватку: скажу стихи, перепишу стихи, напишу стихи.

Душа платит за тело.

Как мне бы хотелось говорить стихи бескорыстно, — просто, чтобы меня любили! — И платить за обед — обедом!

Я бесконечно-легко отказываюсь, когда дело идет о *моей душе*. Беспокоюсь о том, что не достану билета на поезд и, между прочим, совсем не беспокоюсь о том, что этот поезд увезет меня от человека, который... человека, которого...

Моя душа отсутствует в моей жизни. Моя жизнь минует мою душу. Моей жизни нет дела до моей души.

Поэтому — привыкаю легко принимать услуги.

— Господи, ведь это не *мне*, не для меня! *Мне* ничего не нужно!

— «Вы москвичка, вероятно? У нас на юге таких типов нет!»
(Прапорщик из Керчи.)

— «Воздушок какой!»

(У распахнутого окна. — Большевик. — Орел.)

Москва.

Аля: Утренняя ночь.

Молитва Али во время и с времен восстания:

«Спаси, Господи, и помилуй: Марину, Сережу, Ирину, Любу, Асю, Андрюшу, офицеров и не офицеров, русских и не русских, французских и не французских, раненых и не раненых, здоровых и нездоровых, — всех знакомых и незнакомых».

Судьба: то, что задумал Бог.

Жизнь: то, что сделали (с нами) люди.

1ая дек <абр> 1917 г.

Аля: — «Меня сон накормил!»

— «Вот мухи ползают по Русским Ведомостям, по Съездам...»
(Потолок кухни оклеен газетами.)

Я: — Он очаровательно рассказывает мне о том, как он меня не любит. И я — внимательно — одобряя — слушаю.

Аля. — «Марина! У тебя на волосах звездочка, и ты сейчас совсем как Царица Небесная!»

— «Снежинки — это небесные саламандры».

— «Небо. Белый огонь».

— «Марина! Знаешь, у Пушкина не так сказано! У него сказано:
Пушки с пристани палят,
Кораблям пристать велят!

А надо:

– Пушки – *из дому* – палат!»
(После восстания.)

Аля, во время восстания: (по рассказам, меня не было, я была в Ф<еодосии>)

– «Бедная ты Ирина! Как поздно ты родилась! И летают над тобой головой какие-то гадости!»

Крапоткин *пешком* на Московское Совещание. (За 80 л., забыли прислать автомобиль. – Его, между прочим, потом выселили из квартиры.)

В цветочном магазине, продавщица:

– «Это П.А. Крапоткину? – И от меня 2 цветочка ему передайте. Скажите: пусть спасет Россию!»

1905 г. На приисках. Бунт богаделов. Требование за 20 л. трудоспособности. И бабушка, возмущенная: «Их выгнать совсем! Если они неблагодарные – выгнать совсем!»

(2х старух и одного старика отправили в *глухую* деревню – самую глухую – в Ангару!)

Потом они прислали счет.

30ое ноября 1917 г.

Иду по Поварской. Через улицу – офицер на костылях. Не успеваю подумать, крещусь.

Н<икодим> – «Я люблю такие дни: низкое небо, большие белые тучи почти на самых крышах. И с утра огонь. – И какие тогда у женщин бывают глаза.»

— «Ну, а если бы Вам пришлось набивать папиросы?»

— «Мне кажется, я бы тогда от лени стал *есть* табак».

Жизнь или ставит между нами ледяной столик кофейни или сажает нас в одно кресло. Отсутствие человеческой обстановки. (Круглый стол в столовой.)

Душа — это сопротивление.

Душа, это парус. Ветер — жизнь.

Аля:

— «Марина! Что мне делать? Я не хочу за мужчину выйти замуж!»

— «Марина! Если бы я вышла замуж за М<ироно>ва, вдруг я сразу — когда он еще спал бы — вышла замуж за другого? — Правда, глупо? — И он проснулся бы и увидел, что никого нет. — Только он и кухарка.»

14ое дек<абря> 1917 г.

Аля молится: — «Спаси, Господи, и помилуй: нищих, Андерсена...»

Слово — вторая плоть человека. Триединство: душа, тело, слово. Поэтому — совершенен только поэт.

Голос: совсем душа и почти тело.

У поэта одна душа и два тела. (1ое — слово.) Трагически, если любишь только первое.

Мне иногда хочется так сказать: — «Удельный вес такого-то слова»...

Почему я всех целую? Нельзя сказать: «Вы мне не нравитесь». Ведь мне-то «Вы», а ему-то «я», — всё, что он имеет!

— У Вас нет соперников: я — после Ваших губ — могу льститься только на души, а все они меньше Вашей!

У меня есть соперники: Вы — после моей души — можете льститься только на губы, а у скольких они лучше, чем у меня!

Я люблю две вещи: Вас — и Любовь.

Я люблю одно: Вас, потому что Вы, это вся любовь.

— А зачем тогда рветесь к другому? —

— Оттого что, оттого что... —

Моя любовь к другим, (вне одного), это избыток любви, обыкновенно идущий к Богу.

Насыщенный раствор. Вода *не может* растворить больше. Таков закон. Вы — насыщенный мною раствор.

Я же — бездонный чан.

— Любите! Любите!

Любовь: я счастлива сначала тем, что я люблю, потом уже тем, что меня любят.

Очарование: второе на первом месте, иногда только второе.

Нужно научиться (мне) жить любовным настоящим человека, как его любовным прошлым.

Соперник всегда — или бог (молишься) — или дурак (даже не презираешь.)

16ая дек <абря> 1917 г., бледный рассвет.

Аля: — «Какой темный, слабый, жалкий свет! Как мне грустно, когда гудят поезда в таких временах!»

18ая дек <абря> 1917 г.

Антокольский: — «У Господа был Иуда. А кто же у Дьявола — Иуда?»

Я: — «Это, конечно, будет женщина. Дьявол ее полюбит, и она захочет вернуть его к Богу — и вернет.»

Антокольский: — «А она застрелится. — Но я утверждаю, что это будет мужчина.»

Я: — «Мужчина? Как может мужчина предать Дьявола? У него же нет никакого доступа к Дьяволу, он Дьяволу не нужен, какое дело Дьяволу до мужчин? Дьявол сам мужчина. Дьявол — это вся мужественность. Дьявола можно соблазнить только любовью, т.е. женщиной.»

Антокольский: — «И найдется мужчина, который припишет себе честь этого завоевания.»

Я: — «И знаете, как это будет? Женщина полюбит Дьявола — а ее полюбит мужчина. Он придет к ней и скажет: — Ты его любишь, неужели тебе его не жаль? Ведь ему плохо, верни его к Богу. — И она вернет...»

Антокольский: — «И разлюбит.»

Я: — «Нет, она не разлюбит! Он ее разлюбит, п<отому> ч<то> теперь у него Бог, она ему больше не нужна. — И бросится к тому.»

Антокольский: — «И, смотря в его глаза, увидит, что всё те же глаза, и что она сама побеждена — Дьяволом.»

Я: — «Но был же час, когда Дьявол был побежден, — час, когда он вернулся к Богу.»

А<нтоколь>ский: — «И предал его — мужчина!»

Я: — «Ах, я говорю о любовной драме!»

А<нтоколь>ский: — «А я говорю об имени, которое останется на скрижалях.»

Я: — «Женщина невинна (что я делала? я только любила!), — орудие, медиум».

А<нтоколь>ский: — «Женщина — не только орудие Дьявола, она и орудие Бога, и единственное их орудие».

Я: — «А мужчина виновен.»

А<нтоколь>ский: — «Да, но если только представить, что Дьявол и Бог — женщины, у мужчины тоже остается только эта прекрасная реплика: «Я только любила».

Я: — «Женщина — одержимая. Женщина идет по пути вздоха.»

А<нтоколь>ский: — «А мужчина хочет — так: (Протянутая рука. — Прыжок.)

Я: — «Женщина идет по пути вздоха. Женщина, это вздох. Мужчина, — это жест. (Какое безобразное слово «мужчина»!) Мужчина никогда не хочет первый. Если мужчина захотел, женщина уже хочет.»

А<нтоколь>ский: — «А что же мы сделаем с трагической любовью? — Когда женщина — действительно — не хочет?»

Я: — «Значит, она хотела — одну секундочку! — и расхотела! Значит, не она хотела, а какая-нибудь рядом. А тот ошибся. Ошибся дважды.»

Я, робко: — «А<нтоколь>ский, можно ли назвать то, что мы сейчас делаем — мыслью?»

А<нтоколь>ский, еще более робко: — «Это — вселенское дело. То же самое, что сидеть в облаках и править миром.»

Я: — «Вы знаете, наш разговор напоминает мне комедии Уйальда.»

А<нтоколь>ский: — «Только — русского Уйальда. Там бридж, и хоккэй, и сэндвичи...»

Я: — «А у нас натошак и в нетопленной комнате.»

А<нтоколь>ский: — «Нам необходим стенограф или, по крайней мере, пустая граммофонная пластинка.»

Я: — «Я выучусь стенографии. Это необходимо, когда в комнате Вы и я.»

А<нтокольс>кий: — «А сколько времени на это убьешь! Еще разучишься вести такие диалоги и придется тогда стенографировать речи Викжелей и Центросахаров!»

Я, возвращаясь к прежнему разговору: — «А Вам не странно, что их — четыре? — Две пары. — Нужно кого-нибудь выбросить. — Впрочем, я забываю, что это трое мужчин — и одна женщина — значит три соперника.»

А<нтокольс>кий: — «Значит, двух пар все-таки не получается. — А женщина скажет так: нас было четверо. — Я и они. —»

А<нтокольс>кий: — «Неужели Вы думаете, что в С.Р.Д. Республике не поймут Ваших стихов? О, какое сейчас время для стихов! — Выйдешь на улицу, и первый встречный поймет!»

Я: — «У Розанова есть книга: Люди Лунного Света. Только он берет ее как пол, а я беру ее как дух. — Она идет под знаком Дианы.»

А<нтокольс>кий: — «А ведь Диана дала обет безбрачия. — Значит, Кармен — весталка?»

А<нтокольс>кий: — «Диана. Двойственная девственность.»

Я: — «Иоанна д'Арк, Диана, одна раса.»

А<нтокольс>кий — о Розанове: — «Только Розанов подошел к духу через кровь, Вы же к крови — через дух. Но для обоих дух и кровь — одно.»

А<нтокольс>кий: — «Что такое отцовство?»

Я: — «Отцовства вообще нету. Есть материнство — стихия — Мать — большое М.»

А<нтокольс>кий: — «А отцовство — большое О, т.е. нуль.»

Я: — «Стихи, это Wachträumen»¹.

А<нтоколь>ский: — «Брут сказал: Я Цезаря любил, но Рим я любил больше Цезаря, и поэтому я убил Цезаря.»

Продолжим: — «Рим я любил, но себя я люблю больше Рима, поэтому...» (Нерон, Герострат.)

Н<икодим> — «Мужчина, это дух. Дьявол и Бог борются из-за мужчины посредством женщины. Дьяволу и Богу — дело только до мужчины.»

Клятвы крылаты.

А<нтоколь>ский: — «Любить Мадонну — всё равно, что застраховаться от кредиторов.»

— «Любовь к будущему — Отцовство.»

Я, смеясь: — «Вы любите Чуму?»

А<нтоколь>ский, молниеносно: — «Ради пира.»

Я: — «Восторг ко всему, что не скептицизм, и скептицизм ко всему, что не восторг.»

Я: — «А<нтоколь>ский, Вы бы хотели, чтобы Вас звали Урия?»

А<нтоколь>ский: — «Уж лучше — Фурия.»

---

¹ Вахта мечты (нем.).

Кронпринц, в Тиргартене, перед львиной клеткой:

– «Ganz der Papa!»¹

А<нтоколь>ский, об Иоанне д'Арк:

– «А Королю совсем не нужно царства, он хочет то, что больше царства: Иоанну. А ей до него нет никакого дела. – «Нет, ты должен быть Королем! Иди на царство!» – как говорят: – «Иди в гимназию!»

– «Не правда ли, Голос, к<отор>ый слышала Иоанна – мужской?
Не Богоматери!»

– Королева Виктория – парламент – скороходы – поезда, пролетающие по Бельгии – ночью – мимо красных доменных печей.

22ая дек<абря> 1917 г.

Одни продают себя за деньги, я за стихи (душу).

Юнга, юнга, юнга мой,
Юнга, морской службы юнкер!

23ая дек<абря> 1917 г.

Кто-то – мне: «Вы человек столько же наслаждения, как подвига».
(Неверно.)

Предательство уже указывает на любовь. Нельзя предать знакомого.

---

¹ Вылитый папа! (нем.)

Сочельник 1917 г.

— «Вы не знаете бытовой жизни: это сплошной несчастный случай!»

— «Это не демонизм, я обижен за демонизм!»

Я: — «Демонизм — одержимость собственной душой.»

Собеседник: — «Обольщенность собственной душой.»

26ая дек<абря> 1917 г.

«Man soll das Leben, wie die Frau den ungeliebten Mann, über sich ergehen lassen.»¹

<Рукой С.Я. Эфрона:>

У одних — сердце-пламя

У других — воткнутый в грудь нож

Одни набирают воздух полной грудью и как мехами раздувают свое пламя.

Другие вздохнут чуть, чуть и скрючившись кричат от боли.

Висла — пароход — низкие холмы — дом с гербом — каменная ограда — дорога — еврейское кладбище. А потом — обратно на пароход — весело — вокзал — Берлин — кафэ — музыка...

С<ережа>: — «Мариночка, у Вас рука, как икона Нечаянной Радости.»

¹ «Жизнь надо перетерпеть, как женщина — нелюбимого мужчину» (нем.).

«Творить золотую краску».
(Выражение старинных иконописцев.)

Архангел Михаил с радугой.

1918 г.

Он умел целовать собаку, как женщину, и женщину, как собаку.

<Далее несколько страниц в тетради оставлены незаполненными, несколько листов вырезано.>

У меня совсем нет досуга Вам писать, — а столько нужно! Вся моя тетрадь исчеркана пометками <не дописано; в этом месте между листами положен синий подснежник; далее оставлены незаполненными несколько страниц, вырваны два двойных листа>

<Осень 1923 г.>

Начин<аю> письмо со скром<ного> треб<ования>. Р<одзевич> мне нужно — чудо. Я сейч<ас> соверш<енно> разб<ита> и Вам предст<оят> чудовищ<ные> трудн<ости>. — Не боюсь! — Нет, бойтесь.

Мы люди чужих пород. Я, поним<ая> Вас, до глуб<ины> — не примим<аю>, Вы примим<ая> меня, до глубины — не поним<аете>. Вы вер<ите> мне в кред<ит>,

Вы заст<али> меня в час огромн<ой> душевн<ой> разб<итости>. — Бывает! — И чело<век>, если не сле<дует> для меня чуда, для меня нич<его> не сдел<ает>. А чудо вот в чем: мне нуж<ен> дом, дом для кажд<ой> моей тоски, для кажд<ого> м<оего> безум<ия>, для голо<с>а кажд<ой> фабр<ичной> трубы во мне, мне нужна бескон<ечная> бережн<ость> и одновр<еменно> созн<ание> силы другого, дающая нам покой.

Р<одзевич>, будя во мне мою женск<ую> сущн<ость>, знаете, что Вы будите: мою тос<ку>, мою слаб<ость>, мои метания, мою безудерж<ность>, всю стихию и весь хаос. Вы вм<есто> цельн<ой> сильн<ой> стр<астной> сущ<ности> получ<или> в руки концы без нач<ал> и нач<ла> без концов, целую огромн<ую> смуту, некую такую разноголос<ицу>, что — прост<ите>! — выдерж<ат> ли: уши, руки, душа?

Дитя родн<ое>, приди В<ы> ко мне в др<угой> час (?) Вы бы заст<али> меня др<угой>, но сейч<ас> я после огромн<ого> срыва, не смейт<есь>, де<ло> не в Х и в Игр<еке>, дело во мне.

И вот, — ожен<ите> полож<ение>! — я у Вас прошу уверен<ности>. То же самое, что ид<ти>

Я, не увер<енная> ни в чем, кроме себя, у Вас, неувер<енного> вообще ни в чем

Вы не в тот час пр<ишли> ко мне, мне сейч<ас> всё — слишк<ом> больно, живая рана. Болев<ая> восприимч<ивость> (способн<ость> страдать) у меня вообще чудов<ищная>, сейч<ас> я растравл<ена>, я на ту карту пост<авила> всю свою душу, Знаете, в химии — насыщ<енный> раств<ор>. Так вот, насыщ<енный> раство<р> горечи.

Слуш<айте> вним<ательно>: будь я сейчас собой, т.е. Ахилл<е-сом>, я бы с рад<остью> вплыла в этот нов<ый> бой, сейчас я — живое мясо, места жив<ого> нет! Всяк<ое> невн<имание>, всяк<ая> зан<о-за> всё, в естеств<енное> врем<я> души — <пропуск одного слова>, сейч<ас> для меня *немыслим<ы>*. Я перестрадала и б<ольше> не могу.

Еще не поздно, друж<очек> родн<ой>, останов<итесь>. Ну, встр<етились>, ну, постояли рядом — быв<ает>! — не дайте мне выкн<уться> и не вык<айтесь> сами. — Переболит! — Я, в так<ом> сост<оянии>, как сейч<ас>, слишк<ом> трудн<ая> рад<ость>, больше тр<удность>, чем рад<ость>, мне нужен врач души, а не — друг.

Ну, подум<айте> себя в такой роли: утеш<ать>, дышать, убаюки<вать>, нянчиться, — а ребен<ок> (душа!) непонят<ный> и дик<ий> и сам не зн<ает> чего хочет и сам не зн<ает> от чего плач<ет>, и прос<ит> луну с небес и сердце из груди. — Весело? —

О, я не преувели<чиваю>, я *очень* точна, не улыб<айтесь> торже<ствующе>: слова! справимся! — больше всего я В<ам> верю, когда я с В<ами> ближе всего: рука в руку, а этих средств убежд<ения> у Вас не будет — ввиду всей жизни!

<Далее две страницы не заполнены.>

Милый друг,

Сейчас идут самые ужасные дни моей жизни и Вам нужно пере<родиться>, чтобы меня внутренне не утратить. Я разорвана пополам. Меня нет. Есть трещина, только ее и слышу. Моя вина (фурии совести во мне!) началась с секунды его боли, пока он не знал — я НЕ была виновата. (Право на свою душу и ее отдельную жизнь.)

Все эти дни я неустанно боролась в себе за Вас, я Вас у фурий отстояла, дальнейшее — дело Вашей СИЛЫ. Это моя единственная надежда. *Вся* моя надежда на Вас, я сейчас выбыла из строя, во мне живого места нет, только боль. *Та́к* жить нельзя, я и не живу.

<Далее до конца тетради несколько страниц не заполнены.>

**ЗАПИСНАЯ
КНИЖКА**

4

1917–1918

Primeros días
de la temporada
de invierno

El primer día
de la temporada
de invierno
es el día de
la cosecha

El primer día
de la temporada
de invierno
es el día de
la cosecha

El primer día
de la temporada
de invierno
es el día de
la cosecha

El primer día
de la temporada
de invierno
es el día de
la cosecha

El primer día
de la temporada
de invierno
es el día de
la cosecha

El primer día
de la temporada
de invierno
es el día de
la cosecha

El primer día
de la temporada
de invierno
es el día de
la cosecha

El primer día
de la temporada
de invierno
es el día de
la cosecha

El primer día
de la temporada
de invierno
es el día de
la cosecha

Летняя заря
Взглянула на них,
Зеленые глаза
Взглянули на них

Ангелы летят,
Ветер дует,
Ласточки поют
Глаза смотрят.

●
Ах вы ангелы — куда?
— Вот за эту ночку.
Улетаем мы туда,
За деревья, к лодкам.

Милый Коля, ты вот тут,
Ты сидишь за чаем,
Ты в холодной комнате,
Около кровати.

Ах вы ангелы летите
И

Вот Сережа милый мой
Ты вошел к квартире.
Там заря горит, горит,
Ласточки влетели.
Вот огонь горит, горит,
Ласточки поют, поют
И лампада нежная
Взглянет на меня.
Вот Сережа подошел
И молился Богу,
А теперь уже нельзя:
Богу — неприятно.
Ласточки поют, поют,
Ангелы летают.

Аля на Брестс<ком> вокз<але>
(Динго)
— Я еще не знала такого
сильного горя.
Не знаю, что мне делать.

19ая июня 1917 г.

Я люблю очень небо п<отому>
ч<то> — правда? — небо меняется,
а цветы не мен<яются>.

(Глядя в черную, решетч<атулю>
дыру у пам<ятника> Ал<ександ-
ру> III) — Я вижу черные глаза
и черный плащ.

19ое июня 1917 г., понед<ельник>

Милый папа, я вместе люблю бабочек, ангелов и Бога. Вместе, одинаково. И еще люблю название «алый цвет» и «алая роза» — название. Милый папа, я тебя люблю и еще одного человека. Он наз<ывается> М<иро>нов. И еще люблю рисованье — твое и Марино — и то, что вы пишете. Дор<огой> папа, я буду тебя называть «Вы» и теперь Вам пишу: как Ваша собака живет? Красивый мой папа, когда эти буквы высохнут, М<арина> положит письмо в конверт и еще др<угое> что-то такое красивое, но я не хочу Вам этого говорить.

Вы знаете, что у М<арины> есть один браслет красивый с лебедем.

Лебедь по морю летает,
Церкви так звонят, звонят.
Я дала одно колечко
На́ руку ему.

Словно спящий лед заснул,
И горюю я одна.
— Аленька! мне тоже грустно,
Так же, как тебе.

—
● Не хотелось, не хотелось
Мне писать.
Не хотелось, не хотелось
И играть.
Мне так розово хотелось
Розичку сорвать.
Но нельзя мне, невозможно
За решетку встать.

—
Говорила я ему:
На́ тебе колечко.
— Так волосы выются
У тебя на глазах.

—
(«Да-а! Очень красиво!»)
— Ах, вот милый мой Сережа,
Ты не вспомнил про меня.
Как вы сели на скамейку,
Я пошла тогда одна.

—
Аля.

А нельзя так? — Милый моя красавец!

Милый мой красавец,
 Я скажу тебе одно:
 Чтоб не уезжал ты,
 Приезжал всегда.
 И за это, милый мой,
 Подарю тебе цветок.
 Он красивый, темно-синий,
 С серебристым лепестком.

— Это было письмо, а теперь стихи:

Я видала темно-черные глаза,
 Я сидела на коленях у тебя.

(Темно-черные глаза, это мне очень нравится)
 — Я очень захотела ему про белую розу написать. Начинается очень красиво:

Я видала розу белую,
 А росла она в Крыму.
 И я целый день смотрела
 На нее одну.

И другие так мне нравились, —

Так же, как и та.
 Я смотрела нежно-нежно,
 Целовала их.

Граммофон играет ярко,
 И Марина пишет так.
 А я тоже рядом с нею
 Сажу и пишу.

Все похожия слова
 Нравятся мне очень.

Писательное чтение.

Я люблю тебя за то, что у тебя глаза красивые,
 и я рада, что ты прочтешь эти мои слова.
 — Милый Н.! Как ты хочешь, — чтобы я тебе
 розу подарил — или лепесток розы?

Аля.

19^е июня 1917 г., понед <ельник >

Ах, злодейка я не злая!

Мне не нравится быть злой.

Говорю тебе, дружочек:

Ты мой милый, дорогой.

время

любовь

влюбь

Днем с маленьким мальчиком > Лизал себе лапу и мыл лицо, — морду
ночью с большим.

Розовый цвет на платье, —

Вспоминаю я эту красу.

Церкви так звонко звонили,

Икона красивая ждет.

Браслет на руке — горячий,

Нежное солнце жжет.

Небо смотрело глазами своими:

Красиво, темно — и ночь.

Тоже ресницы темнеют,

Сердце, как колокол бьет.

Москва, 21ое июня 1917 г., среда.

Милый папа, мы с М<иро>новым гуляли в З<оологическом> саду и видали льва, к<отор>ый был в клетке. Мы с М<ироно>вым смотрели. Он ничего не ел, только держал мясо во рту, а лапами поддерживал. М<арина> смеялась — и М<иро>нов. Лев вспрыгнул, М<арина> испугалась и сказала: — «Боюсь, боюсь», а М<ироно>в ответил, что левы не лобят, когда над ними смеются. Лев смотрел очень страшными желтыми глазами.

Потом мы заметили барса, к<отор>ый очень хорошо мылся: лапой. Лизал себе лапу и мыл лицо, — морду.

Д<он> Ж<уан> гулял в саду,

Он красиво смотрит.

И пришла к нему одна

Милая красотка.

И красotka говорит:

— «Дон-Жуан мой милый,

Ты не знаешь, как зовут

Этот день красивый?»

Отвечает Дон-Жуан:

— Знаю, Донна Анна!

Называется мой день —

Солнце золотое.

Сколько материнских поцелуев падает на недетские головы, — и сколько нематеринских — на детские!

Мы лучше всех,
Мы любим всех,

Мы ко всем идем,
Обо всем поем.

Когда ты спишь и тебе какой-н<и>б<удь> хороший сон снится, ты помни, что это назыв<ается>:
яркий сон.

— Знаешь, из чего сделано железо? Из самых, самых злых сил, — злых и крепких.

Вот был час! Настало солнце
И от солнца — луч.
И так сильно сердце бьется
У меня.

Ночь — яркая была,
И теперь уже прошла
Дорогая ночь.

(Вот это половинка для тебя, а другую, к<отор>ую
мы напишем, будет для папы.)

(Это так ты говоришь.)
На чем мы сейчас кончали?

Ах, ты любишь ли меня
Как птица — ангела?

И летит прекрасная сова
И взглянули очи серые — глаза
(Серые глаза у папы, а очи — твои)
Так темно-прекрасно стало у меня.

(Эти стихи я папе оставила, а теперь я тебе буду
вспоминать.)

Вот раз ангел пролетел
С нежною красоткой

(Эта красотка нежная — ты!)
И ты вспомнил обо мне,
Нежный мой красавец.

(А красавец — это был папа. Это ты говоришь,
твои слова.)

Изменился мой цветок
Голубой мой цвет.
Ты подумал про меня:
Ты заметил это.

Расцвел букет мой золотой,
Как будто нежный ангел

(Если тебе очень нравится, — твои стихи будут. А если еще лучше — опять твои. А если тихие и смешные — тогда, значит, папины.)

И время жизни, время лет —
Как будто бы расцвел в саду
Букет мой нежный.

(Глядя на ручку: «Мне кажется, — это перо — молодое!»)

(Знаешь почему мы «лет» написали, п<отому> ч<то> — если десять лет проходит у человека, тогда лучше человеку.)

Лев золотой — ты был!

Помни это совс<ем> посл<еднее> слово:

Ты прошел — мимо меня,
И узнал красотку.
Ты узнал, что это я —
Милая красотка.

26ая июня 1917 г.

Мы с Алей — как цыганщицы. Сегодня я в первый раз водила Алю в кинемат<ограф> («Дикарка» — Коонен, молодой человек<ек>, вроде Сережи Игнатьев<ского> и старик, похожий на Гёте). Аля была в коротком роз<овом> платье и синей с розами шали, — как цирковое дитя. Я — в большой черной шали, к<отор>ая вздувалась, как парус. И эти три браслета, и эти пять колец.

26ая июня 1917 г.

— М<арина>! Ты не видела никогда под землей голу лому какую-нибудь? — Нет. — А я видела: на картинке в книжке: крокодилы смотрят.

(27ая июня 1917 г., вторник.)

Голубой цветок растет,
Небо смотрит нежно,
И мне нравится оно —
Голубое небо.

—
(На волке, перед сном.)

Нежные листья веют над нами —
Глубоко-глубоко
(На вечерней прогулке.)

Солнце светит, небо смотрит,
И цветы растут
И деревья нежно смотрят,
Голубой сон спит.

—
Я люблю — дождь,
Голубое небо

—
Деревья шумят.
Ночью — играют в домах
Синий — цвет цветов...

—
Свежий ветер дует,
Птицы поют,
Распустился белый,
Милый мой цветок.

Ангельский цвет — платье,
И огонь — кругом

(Знаешь почему огонь? Такие люстры
всё маленькие, серебр<яные> люстры,
желтые, синие, как у тебя)

—
Ты цвет красивый, нежный,
Ты голубой мой цвет
Ты любишь только душу
Прекрасную свою.

—
(Если ты <не дописано>)

Серебристый ландыш
Светит на поляне
А деревья смотрят
Так-же, как всегда.

(М<арина>! всё лучше и лучше стихи становятся —
или всё хуже и хуже? — Властно: Что сейчас
писали?)

Навсегда я расту —
И теперь расцвету.

(Это была такая волш<ебная> роза,
<отор>ая умела говорить. Вот она и сказала.)

Цветок любимый мой
Ты рос всегда — спасибо
Ты любишь ночь и роскошь
— Мою.

(А др<угой> не желаешь?)

Занавески закрыты.

Все спят, — кругом тихо.

И ночь — глубокая

Залилась.

Ромашки расцветают,

Тихо всё кругом.

И меня ласкает

Дерево мое.

Цветок растет.

Любимый ждет меня.

Я люблю тебя, золотое солнце,

Я люблю тебя, золотое солнце,

И твой — голубой ветер

С синим сердцем — люблю.

(М<арина>! Как я рада, что я такие стихи пишу!)

28ая июня 1917 г.

(Ты такие стихи, как я, пишешь?

— Очень похожие. — Похожие слова или похожие стихи?)

— А теперь иди за своим глазом!

(Кукольный голубой глаз — подарок.)

Всё это перед сном.

(Раньше, до прогулки):

— Свет! Ты светишь?

— Да, свечу.

Иногда.

А теперь не буду.

В лесу волк ломает дерево.

Я не буду петь.

А деревья так поют, —

Яркими слезами

Заливают ствол.

Я любила сон — всегда,

Нежная всегда была.

Тополь золотой растет

В поле золотом.

Возле тополя — цветы

Расцветают.

Проливался проливной дождь

Во дворе одном.

— Цветок! Ты рос? — Я рос — всегда.

Но больше я расту тогда,

Когда темно.

М<арина>! Если ты ночью будешь итти одна — совсем-совсем одна — и увидишь далеко — человека, ты скажи только одно слово: — «Я к тебе не пойду, я пойду на море.

Молитва: «Спаси, Господи, и помилуй (перечисление всех) — потом: — «И чтобы каждый день шел дождь... Чтобы деревья росли... Чтобы цветы росли...» — «Когда я стою с тобой рядом, мне жарко от любви.»

(Безумные поцелуи)

(29ое июня) Ресницы глаз — падают)
утром Глаза глядят — грустно.

Синий ландыш растет
В поле золотом.
И серебряное жжет
Солнце нас с тобой.

Розы росли в саду на Садовой,
Розы на клумбах нежно росли.

(Поставь точку.)

(М<арина>! Яркий сон — мы говорили?)
Яркий сон звенел в ушах принцессы,
Тихо так кругом.
Горы яркие заснули,
Море не шумит.

Синее небо звонко смотрело вниз
(Знаешь почему вниз? У Бога такое
низкое небо, ниже меня, ниже Ирины —
вот такое — и низкое солнце)

У тебя дыра на локте, как полу-месяц!

В небе поют

Тихо и глухо.

Никто не слышит,

Как там поют!

Милый цветок!

Как тебя любит Бог!

30ое июня 1917 г. вечером.

Небо зазвенело,

И закат прошел.

Дерева так нежно целуют, —
Прощание милого ветра.

И ветер сказал на прощанье:
— «Давай мне скорее — себя!»

Золотое небо

Целует облака.

В облаках скорее

Львицы прибегут

(Не смешно — нет? Смеется.)

(Хочешь про камни, к<огор>ые у тебя на браслете?)

Браслет на руке — надет:
Красивые камни — блещут
И камни похожи на солнце, —
Яркий мой луч.

(Если тебе эта половина очень нравится,
я тебе ее отдаю.)

Княжна сидит, читает.
Так ярко солнце вьст.
Княжна сидит, рыдает:
— Мой милый брат уйдет.
Уйдет он в дальний путь,
Меня он не возьмет.

Львица ярко и волшебю
Вспрыгнула туда,
Где сидела белка
Яркая одна.

Темная ночь —
Веселая и красивая —
Любит меня,
Как княжна золотая моя.
(Знаешь, кто это слово говорит?
М.И.Эфрон!)

(Я тебе скажу, и ты мне что-н<и>б<удь> ответь.)
Цветок! Я расту —
В ночь золотую.

Бог и львица

Львица! Я летаю!
Но ты не улети никогда.
— Спасибо, Бог,
За утро раннее.

Яркое небо (будет назыв<аться>)

Ты, небо, знаешь мое названиее.
Оно серебряное, — оно.

Слова красивее, умнее,
Чем сердце яркое мое.

Вечер в кухне — Золушки (2^я июля 1917 г.)
— «Когда цветок рос и вдруг перестает расти, —
это значит — людям на свете плохо.»

М<арина>! Ты не похожа на кухарку, п<отому>
ч<то> кухарка — где работает, там и ночует, а ты
здесь только работаешь, а спишь у себя.

Как бы я хотела на тебя стирать! Одевать тебя!
Мне ка<жется>, всё это тебе так трудно. Когда
принцы приедут, мы не будем готовить.

Когда ты смотр<ишь> в форт<очку> у тебя лицо
нежное и грустное.

Голубые глаза,
Вы так нежно смотрели,
И фиалки росли,
Вы смотрели на них.

Принцесса сидит у окна
И горько так плачет она. —
Отчего?

Принц приедет на коне, —
К нам и к Але нежной.
Он в кафтане сером,
В шапке голубой.

Деревья шумели и ласково пели,
Цветы расцветали в полях.
И башня играла, и люстры горели
В высоких, прекрасных домах.

(Про небо — жалеешь? Сказать тебе
назв<ание>? Запишешь его?)

Голубое небо
Голубое небо
Со слезами светит.

(А знаешь почему у неба слезы бьются?
П<отому> ч<то> когда ночь, небо всегда плачет.
П<отому> ч<то> людям ночью плохо бывает и они
долго не спят, — к<отор>ые на войне и в
Нижнем Новгороде.)

Шарманка голубая
Играла так красиво.
Змея золотая ползла.

(В ванне — поет: «Ты забудешь меня»... — Аля,
откуда это? — Так в сказке написано, а я в
песне пою.»)

— «А ты седые волосы не любишь? Черные больше? —
М<арина>! помни, когда ты обожжешься, это не от керо-
синки, не от спички, это от моей любви ты жжешь-
ся, обжигашься.»

Нерон — собака желтая,
Облезлая шерсть

(М<арина>! Мне кажется — «усачей» (Песня — Гусары-усачи)
похоже на Исаак (Т<атьяна> И<саковна>)

Лампы светят в домах,
И глубоко спала я — одна.
(Знаешь, почему «одна»? П<отому> ч<то> не все люди сразу
спят. Ты пишешь, др<угие> обедают, — могут есть, могут
пить, могут иногда писать.)

(Я) — Ты будешь меня помнить? — Я хочу вместе с тобой умереть.
 — Мы с тобой жить вм<есте> будем, Алечка! — Нет, я хочу умер<еть> с тобой!
 — Там, где ты меня целуешь, я не хочу чтобы стиралось.

(Аля):

— «Те, кто могут писать стихи, те принцессы. А те, у кого такое лицо, как у папы — те принцы. Ах, как я хочу, чтобы у меня были зел<еные> глаза, как у тебя! Такое лицо, как у тебя.»
 — Алечка, ты на меня душой похожа. — «И, кажется, еще волосами. И хочу еще — телом.»

(Я)

И будут у нас с Асей по б чел<овек> детей — и будут нас звать «барышня» и будут говорить о нас, что мы пропов<едуем> «св<ободную> любовь» (Н.А.Б<ердяев>) — и будем мы стирать, гладить, варить каши, гулять с детьми, пришив<ать> пуговицы — и писать — она — безум<ную> «прозу», я — безумн<ые> стихи.

Глубокое слово обо мне Коли М<иро>нова. — «Вы с людьми обра<щаетесь>, как Аля. И неизв<естно> кто у кого учится.» (т.е. я — у Али, Аля у меня = тождество).

«Будьте, как дети» — это значит: Любите, жалейте, целуйте — всех. Я не женщина, не амазонка, не ребенок. Я — существо. Поэтому — как я ни борись! — мне всё позволено. И глубокое — основное — чувство невинности. Изменяя себя (ради людей — всегда ради людей!) je ne regrette jamais¹ — изменить себе — т.е. окончательно изменить себя. Там, где я должна думать (из-за других) о поступке, он всегда нецелен, — начат и не кончен — необъясним, не мой. Я точно запомнила А и не помню Б, — и сразу вместо Б — мои иероглифы, необъяснимые никому, ясные только мне.

2^я июля 1917 г.

¹ мне никогда не удастся (фр.).

30 июля 1917 г. — «Я гадкая, я грешная». — Почему? П<отому> ч<то> я делаю иногда грешные вещи. И мне каж<ется>, что Бог больше любит всех людей, чем меня. — Почему? — П<отому> ч<то> я иногда думаю, что я лучше всех. — Когда напр<имер>? — Когда я гляжу из окна.
(Магия высоты.)

(На Поварской, гуляя)

— У меня лицо каменное, — такое бледное, как у всех моих кукол. А ноги глиняные. А живот — стеклянный.

(Глядя на зол<отую> кайму огромн<ого> облака.)

Вот золотая змея ползет к Богу, а когда доползет, останется одна черная туча.

4ая июля 1917 г.

Драгоценные камни блестели,

И так жалобно пели они

(Это такие волш<ебные> бив<ают> камни,
к<отор>ые могут петь)

Бусы громкие звенели,

Колокольня смотрит вдаль.

И красивые узоры,

Будто зрелая трава.

Цветок голубой, он горюет

И любит он листья свои,

И так же <слово не вписано> целует

Свои лепестки.

СОН.

М<арина>! Когда я спала, мне снился очень груст<ный> век мой (жизнь моя). Я стояла на мост<овой> и Люба постав<ила> меня туда, чтобы посм<отреть> — как, я умею стоять? И вдруг рядом ехали лошади. Но они меня снач<ала> не задав<или>. Но потом ломовой слез знач<ит>, а у меня в руке была копилка, и он взял мою руку и стукнул о телегу. И я горько заплакала, п<отому> ч<то> лошадь меня задав<ила>. Но ходить я всё-таки умела, п<отому> ч<то> лошадь меня не так задавила, как всех. — М<арина>! А тебе от этого сна грустно стало? Я думала во сне, что я больше никогда с тобой не увижусь.

Цветок-смерти растет в поляне
(Знаешь, почему смерти? П<отому> ч<то> когда
челов<ек> не хочет умирать — а смерть
идет — тогда рядом с чело<вом> рас-
стет цветок.) — А тебе не очень нравится
это объяснение?

А птицы поют.
И нежно так, нежно целует
меня лепесток.

От Али к папе:

Я люблю так, умирая,
Яркою память свою.
Кольцо на руке, —
Кольцо голубое.
Как будто фиалка цветка.

Но я отвечала:
Ты брат мой красивый,
Ты любишь ли смерть мою?
— Но он отвечал мне:
— Смерть некрасива.

— Актриса моя ты красивая,
Ты любишь цветы на поляне?
Она отвечала: Не надо,
Не надо мне ваших цветов.

Ты меня любишь, я знаю
И всех те<x> собак
<Строка внизу распашной страницы:>
Я вздохнул, запел, сказал

Назв<ание> «Деревья с неба падают.»
(хочешь — для тебя?)

М. И. Эфрон
Деревья с неба падают,
Как будто синий лед.

(Два словечка для тебя.)
Бульдог смотрел красиво,
Глаза у него желтые.

Анастасии Ив<ановне> — Асе моей.
Ах, вздохнул я так глубоко,
(Знаешь — он над смертью)

Ася милая моя,
Я скажу тебе два слова
Про меня.

Елка, елка голубая
Ты в цветах, одна.
И так с неба я вздохнула
Про тебя.

(Знаешь, когда я на небе буду, я тебе эти
слова говорю, а ты еще на земле, сидишь
и пишешь стихи.)

Коле М<ироно>ву от Али
Ты мой милый, драгоценный,
Я люблю тебя.
Как красивого, большого
Бога моего.

Ах, цветы вы цветы
 Голубые мои!
 Вы хотели узнать
 И узнали меня.

Ж<ила> б<ыла> девочка, у нее были 2 сестры: одна Анюта, др<угая> Ирина.
 — «Ах, Анюточка,» сказала дев<очка>, «я сегодня на улицу вышла и сильный вет<ер> был, но я на этот ветер не обращ<ала> внимания, и я узнала про тебя и сразу пошла домой». <Вычеркнуто пятью вертикальными линиями.>

(Это не мой сон — так, это не стихи, это сон.)

Мне снится во сне будто я сижу на диване, и серебро вокруг. Я кричу: «Мама! Мама! Серебро вокруг!» И львицы там же. Они в клетках, смотрят. И сердитые львы. И смешные, смешные — без ушей — красивые, красивые кошки. Я говорю: «Марина! Смотри, какие красивые кошки-львицы!» И ты оглянулась. А лев рычит, мясо — в лапах. — «Ты, лев, красивый, а глаза у тебя страшные.»

(А что мы сон пишем, или историю?)

М<арина> спрашивает: «Аля, ты любишь зверей?» — Темно вокруг. Ночь. Звери в клетках танцуют. И тихо. Сторожа нет. Совсем тихо, — как пальцы тихие — так тихо. И никто не едет: ни извозч<ик>, ни автомобиль<иль>, ни трамваев никаких. Только львы рычат. И М<арина> говорит: «Аля! Видишь, какие красивые тут розы». А Аля отвечает: «Я их люблю, но рвать не буду. Я их боюсь рвать. Сторожа нет, но завтра он придет и скажет: «У меня остал<ась> всего только одна роза».

5ая июля 1917 г., среда.

— «М<арина>! В больших комнатах слова отражаются, большая комната — говорит.»
 (Когда-то, лет двух: — «М<арина>! М<арина>! Море с небом сражаются!»)

Львица ангела любила,
Ангел львицу целовал, —
Львица так всегда хотела
Ангела любить!

Орех растет,
Любимый ждет меня,
Любимец красоты
Меня убил.

Ох, мне жалко тебя! Ты уедешь
К Богу милому —

Голубое небо,
Пыль по дорогам, —
А у Бога есть
Сын молодой.

20ое Июля 1917 г.

Колокольная гудит
И так нежно говорит.
И как будто звон красивый
К нам пришел.

19ое июля, вечером.
— Надень черную шаль
и иди в черную ночь! —

Если ты кого-н<и>б<удь> будешь любить,
ты всегда будешь читать эти стихи
или вспоминать их.

Но сегодня всю красу
Подымает ветер.

Аромат. Извесье — скоро.
Он ночует под горой.

Шерсть кошачая, ты милая,
И ты сколько раз растешь.

Струны. Ячная гора
И красивая зола.

(Вот М<аврикий> умер, и ты не можешь этот лист с красивыми
словами с собой взять и над могилой повесить.)

И сирень залилась
Комната — вся злая.

Ах, мой милый ты дружок!
Так — любя — сказала.

Но, мой милый соловей,
Он так мило говорил:
— Аленька, прощайте.

(Мы теперь эти слова кончили и напишем: от Али к М<аври>-
кию, чтобы люди незнакомые, когда придут, знали, что это ему.)

Веселая и страшная
гроза

У одной царевны было семь сыновей. И им хотелось пойти посм<отреть> на цветы и на яблоки. И старший сын сорвал яблоко, и слышит шум и ветер. Да еще гром подлетел. И возвратился этот самый змей, к<отор>ый яблоки ел. И старший сын, к<отор>ый тоже ябл<око> ел, поймал этого змея, схв<атил> его и сказал: «Ну, теперь, братец, пойд<ем> домой. Теперь ты узн<аешь>, как есть чужие яблоки. Только я могу. И царь мой, и царевна.» Он пришел домой и змея выкинул в окно, и змей разбился на куски.

(Это конечно, если тебе очень нрав<ится>, то твое будет. Еще про розу мы напишем.)

Вот роза растет. И одна девочка сорвала этот цветок, и вышла из эт<ого> цветка прекрасная царевна. И эта царевна сказала: — «Ну, зачем ты меня отс<юда> взяла, моя дочь. Теперь я не могу жить на свете. Я еще никогда не была, я боюсь жить». Она таким неж<ным> голосом говорила, — тонким. И она скрылась, куда скрыл<ась> она — я не знаю. И дев<очка> думает: — «Куда теперь скрыл<ась> моя мать-царевна?»

Цыган, к<отор>ый очень любил рвать ягоды.

Ну, слушай: Жила одна дев<очка>. У нее была мать. Она всегда любила ее и назыв<ала> ее: Цветок алый — Мария. И вот раз пришел к ним цыг<ан> и говорит: «Продай мне вот эту палочку железную, к<отор>ая у вас в руке». — «Ну, что же, я вам ее дарю и все даже вещи свои!» Это гов<орит> мать, а дев<очка> слушает. И цыган гов<орит>: «Мне все вещи не нужны, не поместятся. Мне

нужна только эта палочка, три книги и зеркало. Больше мне ничего не нужно.» — «А на кой они тебе?» — «Да мне хочется, у меня книг нет». — «А зато у тебя серебро и золото». — «Из серебра разве можно что-н<и>б<удь> сделать?» — Она гов<орит>: «Ну конечно. Из серебра даже можно след<аг> корону, кольца и браслет.»

—
У алого цветка — мать.

Жила была одна добрая женщ<ина>. Она очень люб<ила> детей. Ее звали Марина. У нее много брошек было, много серебра. Она любила очень розовые фиалки и разн<ые> цветы. Раз пошла ее дочь Аля с няней гулять, нарв<ала> ей много цветов и принесла домой. И вдруг М<арина> говорит: — «Аля! Аля! Зач<ем> ты принесла?» — «Да, вот видишь, я хочу на память.»

(Я б написала! Бог со мной!) [б строчек]

А синее небо говорит: — «Дай ей на память, Аля. Не бойся! Хорошо ведь так — с цветами.»

(И еще тебе какой роскошный расскажу, — только длинный — рассказ.)
Назв<ание>:

Лето, осень, ночь и королева

Раз М<арина> — она любила очень цветы — захот<ела> сорвать хотя бы один лист. И М<арина> сорвала. И все др<угие> фиалки гов<орят>: — «Не рви наши последние ручки!» А М<арина> гов<орит>:

«Ну, что ж, извините. Ведь др<угие> вырастут!» Но они не простили. И приходит к маргаритке толпа пионов, фиалок и роз — и шиповников, и голубых ромашек. И чайные розы еще.

Название: *Звериная клетка*.

Звери в полночь расплозились по домам и всё время ныли. А львы хотели оторвать им лапы. Сирень растет в поляне. Ждет.

Темная ночь.
И зоркий взгляд — глаз.
Милые пионы!
Они растут по ночам,
Как голубые глазки царевны.

23^ю июля 1917 г.

Цыганская жизнь.
Цыганы! И в полночь скорее!
Вас ждут золотые цветы.
Им нужно от вас получить.
Но ты, мой цыган золотистый,
Купи мне один из цветов.

Время идет,
И сирень цветет,
И глазки Анютины смотрят.

Парк. А время всё идет.
Поезда гудят, гудят.
И как львицы бешеные
Всё бегут, бегут.

Барин и девица вместе
Там гуляют

Серебряный лут
Цветы заливает лучем.

Называется: *Табор цыганский*
Цыгане идут и поют.
— Красиво!

Никто так не вспомнит о них.
Одетые бедно цыгане,
В тряпки и в гадость все.

В церкви звонят.
Люди идут
В церковь. — Поют.

Небо. Пламя летит
Полночь. И темно, как в замке.
Королева спит.
И всё тихо, тихо, тихо,
Как крыло.

Чайный вздох и алый вечер...
Облака сиренью пахнут.

Вечера и громкий хохот.
Над деревней — тъма.

Огни кругом, и песни птиц

24ое июля 1917 г. Москва-река! Как шумный город,
И так деревья там шумят!
И сильный ветер их качает,
Деревья милые мои.

- Солнце. Луч. _____
- Серебро и золото. _____
- Ягоды малиновые. _____
- _____
- Принцессы золотые.
Комнаты злые. _____
- Сирень. Луч. _____
- Цветы. Львицы. _____
- Львы. Волосы _____
- И глаза Маринины. _____
- Перо — пишет. _____
- Ангельский лев _____
- Живет в домах. _____
- _____
- Сирень. Ночь. _____
- Золото. Серебро. _____
- _____
- Блюдец. Ягоды. Марина. _____
- И солдаты. И духи. _____
- _____
- (Аля — мне:) — Я так тебя люблю! Как мне жить? —
Я так тебя люблю! Ты никого так никогда не любила! _____
- Смерть мыши. — Папа, я тебя жалею, но мышью больше,
чем тебя. П<отому> ч<то> ты вернешься, а мышью уже никогда не встанет.
— Мышь умерла, и мне совсем не хочется жить. _____
- Когда я опять себя буду так вести, возьми меч
и выколи мне глаза. _____
- Когда ты так сидишь — спокойно — не двигаешься —
и мухи по тебе ползают, ты похожа на памятник. _____
- Ох, я ночью — улыбаюсь,
Расцветаю по ночам. _____
- Горько плачет. Тьма идет.
И ко мне ступает крепко
Ночь злая. Тьма идет.
Красота идет. _____
- Плач и множество людей,
Танцы и голубки. _____

- Бал, — игрушки, — танцы, — звон.
 Ах, тогда тебя любя, —
 Это всё, Марина милая,
 Для тебя, краса моя! —
 —————
- Память Маринина.
 —————
- Сундуки. Известье скоро,
 И веселый час.
 —————
- Волосы длинные — пламя красы
 —————
- И, так скоро расцветая,
 Полночью говорила:
 Я краса.
 —————
- Нежной и нежно, скоро
 Гонит тьма уже.
 Гонит тройка столбовая.
 Кончен день красы.
 —————
- Площадь. Звонкий крик детей.
 Лошадиный топ.
 —————
- Рассказ: — «Когда настал час, я любя
 отвечала: «Барин, ты скоро приедешь?» Барин
 отвечал: Скоро — Если ты приедешь, ты дол-
 жен мне что-н<и>б<удь> подарить: или книгу, или карточку,
 или цветы.
 Настал др<угой> день. Солнце светит и мчится,
 как жадный столб. И когда это кончится всё, мы
 поедem в Сибирь и устроимся там, как яблоко зи-
 мой. Я сейчас поеду. Мне только нужны деньги,
 а то я опоздаю на поезд. Поезд тронулся, она
 вспрыгнула в вагон и подумала: — «Прощай зима,
 я еду на солнце, на небеса, и слёзы меня унесут
 туда, в яркую ночь.»
-
- Аэроплан. Громкий день.
 Я сказала: Небо! Небо!
 Опустись ко мне скорей,
 На руки — скорее!
 —————
- Расскажите барыня,
 Как любите меня! —
 Рассказала барыня
 И скрылась, как звезда.

Серебряная память. (Название.)

Серебряная память

Горит как огонь.

И вест как ветер —

В зорь.

—

И льет на меня — ночь.

—

Как солдатская вдова

Стонет серая сова

—

Голубой мой ветер дует,

Солнце, золото в пыли.

Дорогие дамы с зонтиком

На Садовую пошли.

—

Назв<анье> *Белый свет. Белый Божий свет.*

Вот огненное солнце.

Прекрасно дует ветер

И льюнный голос мчится —

И льюница за горой.

—

Ах, мой милый зонтик

Он уже устал!

И как дама — вьюга

Вдруг пошла домой.

—

Туманные зори, негромкие.

И путь далеких людей.

— В случае, если барыня будет дома,
будет ужасно. В случае, если барыни не
будет дома, у барыни будет в комнате одно
серебро.

Птичий голос за горою
И прекрасная вдова.

—

Никодим и дама с внучкой

Вышли погулять.

Но кольцо блестящее

Мучает его.

—

Ах, Маврикий миленький,

Ты уже — умер.

Ты у Бога, миленький,

Но мне жаль тебя.

(А Маврикий на небе слушает и ему тоже
жаль.)

Ты смотришь на милую жизнь мою.

—

Загар цветочный

—

Ох, белый свет! Ох, белый свет?

Ты когда кончаешься? — Незаметно.

—

Ого. И тень моя смотрела

В глаза мои, глаза.

—

Люстра в лампочках горела.

—

3 /²⁰
июля Милый Миронов, дорогой М<иро>нов! Мне очень грустно. Я сейчас только заплакала, и эти слова пишу очень грустно, мне и то хочется плакать. Милый М<иро>нов, мне так тебя жаль, что я хочу сейчас за тебя выйти. Мне тебя жаль, как милый цветок.

Вот решетка расступилась,
Снег по улицам погнал.
Офицер мой милый вышел
Он на волю на свою.

—
Офицер мой милый вышел,
Стал гоняться по лесам.
И так хочется в кибитку
Посмотреть, что там.

—
кольца золотые». Мы после свадьбы — знаешь что делаем? Мы подем с тобой в К<окте>бель, я там буду собирать камни, строить дома, собирать рыбы, с тобой разговаривать и встречать Асю с Андр<юшей>. Разные слова будем говорить, и ты узнаешь, как будет тогда весело. — М<иро>нов! М<иро>нов! Руки, ноги и сама я всё тянется к тебе. И глаза мои, и всё тело тянется к тебе. (М<арина>! Ты пока можешь отдох<нуть>, а пойду на него перекрещусь). М<иро>нов! М<иро>нов! Я сейчас знаю такие тихие для тебя слова. Последнее мое слово: как моя любовь идет к тебе! (Теперь точку поставь.)

Аля.

Назв<ание> — Чужой дом.

Чужие дома. И ветер так сильно дует. Деревья шумят. Волчьи пальцы лезут, реку пьют. Железный костыль подымается, потолки ломаются. Календари все разорваны. Кусочки бумаги лежат в камине. Камин горит страшным огнем. Всё сломано. Потолки, стены. — На куски!

Про судьбу

Вот судьба, судьба. Идет ко мне чело<век> и говорит: «Память, память, память! Чем меньше, тем хуже, чем больше, тем лучше!» Громкий, громкий крик. Листья падают. Дома падают. Люди чуть не умирают от этого крика. Это, оказ<ывается>, на небе не Бог был, а чорт. И море расстиляется, нигде берегов нет. (М<арина>! Это правда — в мире так бывает, такое место есть, назыв<ается> богатый дом. Раньше в мире такие дома были: в них люди сидели, в трубы играли. Солдаты пели, как война кончилась. Банты были. Потолки ломались от радости.) Тротуары шагают. Солнце, солнце всё бега<ет> кругом по небу. И как буйный ветер, так прыгают по домам все люди. Комнаты все веселым игра<нием> заливаются. Все цветы ломались от радости. Все люди выскаки<вают> по лестн<ицам> с колясками, с детьми. Радуга свет<ила> над ними. Дождевое пламя уже летит. И как весело светит домашний полк. И как серьги звонят! Колокольни бегают! Все мыльные пузыри от радости лопаются. Ангелы летают! Бог смотр<ит> вниз! И радостно, радостно поднимается полк — к небу! Всё смех, смех! Деревья шумят, шумят! Деревья ломаются, ломаются, растут опять. Дети бегут на улицу, хватают деревья!

Все портреты качаются! Все турки бегут! Война кончается! Кончается гадкий мир!

— Разбиваются стекла! Вылетают оттуда птицы! Веселой памяти! — Фарфоры ломаются, диваны качаются, все бегает кругом, кругом! — Подымается буйный ветер! И веселое поле качается! Ковры висят прекрас<ые>, золотые, серебр<яные>. И радуги качаются! И судьба венчается! И как звонко, звонко бегает лошади! — И веселая память придет к нам! — Ковры! Ковры! — Идемте на улицу! И все дома разломались.

Веселой памяти! Все от радости плевать хотят! Цветы рвут. Цветы вырываются, — ангелы получают!

Горькая, горькая память! Возьмут револьверы солдаты, сломают окна, застрелятся. И радуга весело танцует над ними! — Рельсы! Дома качаются! Крики детские! Звон! Звон! Все царевны ходят по тротуарам, прыгают до неба.

Ох, веселая память! Уже скачут солдаты! Кони прыгают до неба! И как цветы радужные, волосы длинные до полу. Косы льются. Целуют женщины. Память их звонкая. Револьверы падают. Война кончилась. Ноги дрожат от этого. Золото, серебро повсюду. Весело, весело серги звонят! Колокольни поют, как птицы. Все к<отор>ые бедные, нищие — радуются. Дети у них родятся! Веселые дети по улицам бегают. Веселится память моя.

Радуга, радуга, летит снизу в небо. Веселые снизу подым<аются> ангелы с детьми. В беседке танц<уют>. Музык<анты> пришли. Цветы растут у муз<ыкантов> в руках. Вечная память — веселая! — Облака красные! Такого на св<ете> нет!

Как роза запела.

И как взглянет небо, на солнышко взглянет, и как вспыхнет небо.

5^я авг<уста> 1917 г., в постели, разговор.

— Ну, Аля, а если тебе надоест Ника и захочется с др<угим> мальчиком играть? — Тогда я буду играть с др<угим> мальчиком. — А если Ника начнет плакать и умолять тебя, чтобы ты играла только с ним? — Тогда я скажу: Ника, мне немножечко надоело с тобой играть, ты же ведь тоже можешь взять себе какую-н<и>б<удь> др<угую> девочку. — А если он скажет: не хочу? — Тогда я с тем др<угим> мальчиком буду играть рядом с ним. — Ну, хорошо, а если он все-таки скажет: Аля, если ты будешь играть с кем-н<и>б<удь> др<угим> — я умру! — Я тогда скажу: Ну что ж! Умирай, — как хочешь!

— Мне кажется, солнце — это Бог!

— Знаешь, как облака называются? Наследники злых ангелов.

Радужный месяц

Радуга

5^е авг<уста> 1917 г.

Александровский мальчик.

(Это Андрюша)

Андрюша говор<ит>: «Аля! Аля! Пойдем с тобой на реку и мы кинем туда палки, это будут наши рыбы.» Андр<юша> забывает, что ему нужно себя хорошо вести, и Аля то же самое. Ну как быть? Мы такие только одни дети. Но как разбойник взглянет! Андр<юша> бежит домой, Аля у него сидит на плечах. Пришли домой к Асе. А полковник едет за ними. (М<арина>! А бывает назв<ание> — Блондин Иванович?)

Мы с тобой ехали в трамвае, я смотр<ела> в окно открытое. Там я видела площади и пропустила Театральную. И потом мы приехали с тобой в деревню, мы там с тобой ходили по горке, и я не замечала, и побежала в траву, и — оказ<алось> — это — болото. Тогда я упала в воду и вся испачкалась и очень громко кричала — от грусти и грязи. Потом я вышла на берег и там сидела и высыхала — голая — и мне было грустно — и смотрела на поезд. И он меня утешил. (О поезде: Они как будто дразнят!) Я сидела под деревом, и плыли доски по Москве-реке, и на них сидели люди в белых панталонах, и на них ничего больше не было одето. Они слыхали мой крик. Потом мы пошли с тобой за руку по мосту, и поезд всё ехал-ехал рядом с нами, близко-близко. А мы смотрели. И никто в окно не смотрел, — всё товарный поезд был. И потом, когда он кончился, мы уже были давно внизу. Мы сели на лесенку, а часовой сказал, что нельзя. — Не садиться. —

Поезд едет. Один поезд едет в Харьков, а второй в Нижний Новгород, а третий в К<окте>бель, а пятый в *Петербур*г, а шестой в Петергоф, а восемнадцатый — в Москву.

6²⁰ авг<уста> 1917 г., пон<едельник> — Успение.¹ —

Милый Коля! Миронов! Что ты в тюрьме делаешь? Мне очень жарко от любви. Мне очень грустно становится, всё грустней и грустнее. У тебя лицо ласковое, нежное такое. М<иро>нов, ты знаешь, у тебя очень голос красивый, я помню твой разговор, твое пенье, как мы вместе сидели, ели и я тебе подарила свою книгу. М<иро>нов, ты знаешь, я очень беспокоюсь о тебе, сегодня очень беспокойная. Когда ты был у нас — помнишь я тебе подарила хороший пакетик от кофе? — Миронов, Марина мне расск<азала>, что написано в газете, что белый медведь в З<оологическом> Саду съел сторожа. Мне было немножко радостно и немножко грустно. Грустно — за медведя, п<о>тому ч<то> он злой, а радостно, п<о>тому ч<то> он теперь сыт.

¹ Описание; набо — Преображение; в действительности: воскресенье.

Небо золотое.
В полночь — облака.

—
Наз<вание> *Госпиталь ангелов*.
Мост. Ангелы по нему идут
И облако несут.
Река шумит, река летит
Как серебряный пух.

—
10^я авг <уста> 1917 г.
М<арина>! Иногда мне кажется,
я глупо говорю, — не те слова.
Хочу сказать какую-н<и>б<удь> хорошую
вещь, а выходят — глупости!

—
Я запрещаю тебе делать то,
чего ты не хочешь!

—
М<арина>! Ты как царь — с
пером в руке!

11^я августа 1917 г.

Милая Пра, мне очень бы хотелось к тебе,
или чтобы ты ко мне приехала. Я бы к тебе
в гости ходила, и было бы так же хорошо, как
всегда, когда я к тебе ходила.

Пра! Знаешь, я недавно попала в болото.
Я в это время была в деревне с М<ариной>. Там
я видела всё время Москву-реку — и еще траву,
и я думала, что это правда трава, и пошла по
ней — и поплыла. Я очень испачкалась. М<арина>
позвала меня, а я ничего не говорила, только
всё кричала. Потом я сидела голая под деревьями,
а М<арина> полоскала мои панталоны. Я кап-
ризначала.

Когда я сидела голая, я увидела лодочный
автомобиль с флагом. Он плыл по Москве-реке.

И мы с М<ариной> шли через мост, — из досок
сделанный, внизу река была, а рядом поезд ехал.
М<арина> боялась итти, но я ей дала руку, и мы
пошли. И скоро мост кончился. М<арина> интересо-
валась этим поездом, и я тоже самое.

И когда поезд кончился, мы пошли вниз, и скоро была Москва. Мы только ехали на трамвае, в поезде не ехали.

Пра! Знаешь, я больше всего на свете люблю море, горы, и морские хорошие камни, и как мы с Андр<юшей> ходили по морю — и я чуть не упала и удержалась за волны морские. Люблю большие хорошие деревья — тополя — сосны — и сады с цветами. И больше всего ёлку, на к<отор>ой Вы были. И ты помнишь, какой Людвиг был хитрый? М<арина> мне дала шоколад и сказала, чтобы я всех угостила. Я пошла всем дала, а Людвиг от хитрости своей сказал: — «Давай мне весь шоколад, или оставь это». Тогда я сказала: — «Бери весь!», а он сказал: — «Не надо». Тогда я Людвиг оставила и пошла к другим господам. — Я помню еще, как все снимали свечи с ёлки — ночью — я смотрела с удовольствием. В середине ёлки лежали: шоколад, мячик мой, ёлочные книги и всё, что угодно.

Пра, знаешь, что я буду делать, когда я вырасту большая? Я буду писать стихи — кажется, как Маринины — о всей ее жизни, о музыке, о войне. (Растрогавшись: Ты родная моя мать!)

Огни в темной вечерней комнате.

И ветер дует.

С огня — тепло идет.

Всем грустно становится.

—
Ново-Девичий монастырь

Горюет об огнях.

В переходящее время — когда война кончилась —

прилетали птицы, грели солнце своими хорошими глазами.

И вот тогда всё лучше, лучше делалось. Война, когда

кончилась, никогда не была, процесс было столько-

столько! И столько серебра!

— И когда М<арина> одна вышла гулять, ей сделалось

6 лет. Она собирала цветы, покупала всё, что ей угодно,

— ковры самоцветные и камни.

А в К<окте>беле было прекрасное небо, страшная жара, шумело море, летали птицы разные. И одно место я называла «Коктебельная роза».

До свидания, милая Пра. Целую тебя крепко-крепко. Кланяюсь Сане и Люсе. И передай Макс, что я очень его долго не видела и очень его горячо люблю. Мне нравятся его хорошие волосы. Прошай, мой милый Макс!

Горькая жисть

Настал веселый хороший день. Дети вышли гулять. Искры поднимались высоко-высоко, прямо к небу. Вдруг видят: гадкая змея ползет: красные глаза, сама зеленая, уши серые-серые. Змея эта называлась Н (буквой). Она называлась Н., п<отому> ч<то> у нее была девочка-змея, к<отор>ая называлась Ниной.

Змея эта была царская и не любила, чтобы ее кто-нибудь боялся.

15ая авг<уста>

Аля: — Я вздыхаю, п<огому> ч<то> они ко мне не придут. — Кто «они»? — Боги.

— М<арина>! Ты знаешь, когда Бог был маленький, он только мылся и брился.

На улице, провожая Сережу. Идем мимо подвального темного окна, затянутого легкой кудрявой про-
волокой. — «Марина! Окно, как шелк!»

Голубое небо — тихо.

Голубое небо просит милости.

Тихо, тихо.

Ни вечер, ни полночь,

Ни утро, ни день.

(В постели, со мной)

— М<арина>! Когда молодой человек умер, —

знаешь, как это называется? — Мертвая дичь.

А если старик умирает, это просто смерть.

— Когда кого-н<и>б<удь> гладишь, ласкаешь, это
назыв<ается> любовью.

— М<арина>! Ты заметила, когда воходишь в чужую комнату, всё так интересно, интересно,
всё рассматриваешь, рассматриваешь... А потом — живешь, живешь, надоедает, надоедает...
И когда человека чужого видишь, всёмотришь, смотришь, какой он прекрасный... — А я тебе
надоела? — Нет, ведь ты — родная.

Я сейчас закрыла глаза и знаешь что увидела? Клетку. В ней черные глаза и черные волосы. А на
клетке надпись «Миронов».

(По поводу ареста М<иро>нова.)

17ое августа 1917 г.

Милая Ася! Тебе не грустно? — Миронов попал в тюрьму. И вот, д<о> с<их> п<ор> сидит. Когда он уезжал на фронт, я его с М<ариной> вместе провожала. Был такой невеселый день. Ася! Ты знаешь, как М<иро>нов Марину называл? Не *Марина*, а *Морина*, как-то такое «О».

Окна блестящие. Тихо.
И занавески закрыты.

Получает дама письмо,
Но уж старая она.
Есть у ней седые волосы,
Нет у ней блестящих глаз.

—
Кудрявые волосы длинные,
На них корона блестит.
В руке — волшебная палочка
Со львом голубым.

— Аля.

— Душа — из воздуху, прозрачная, возле груди.

— 20ое августа > М<арина>! Гиэна — дама. Когда мы в послед<ний> раз были в Зоологич<еском> саду, она была такая страшная, изменливая. Глаза страшные, прекрасные, — желтые. Она так на меня смотрела!

2^я авг <уста> 1917 г., воскрес<енье>!

Аля: — «Ты думаешь я тебя когда-н<и>б<уду> забуду? Такую Серебряную даму? Ты думаешь я тебя забуду, когда буду жениться?» — А на ком ты будешь жениться? — Так и быть, на Миронове! — А на Н<икодиме> не хочешь? — Нет, ведь я М<ироно>ву обещала. Да Н<икодим> уже замужем, Таня — его жена...

«Я только люблю говорить о смерти, а умирать не хочу!»

«А в другом небе Бог пишет стихи,
а дочерь его не пишет совсем»

Слова.

Тихо. Вечер. И нисколько.
И нисколько.

«Ты полюби меня!» Это жена мужу говорит. (Он ее не любил, а она хотела, чтобы он ее любил.) — «Нет, я не буду тебя любить никогда», отвечает муж. Жена говорит:

Земля и небо.
Заботливое время.

— «Ты злой, значит. Я от тебя уеду в такое место, куда ты даже не сможешь приехать. Я уеду в такую хорошую землю, где нет войны.» Муж говорит: — «Ты будешь от меня уезжать, а я туда же.» — «Нет, нет, я уеду в такое место, где ты меня увидишь!» — И муж не успел даже шляпы надеть и пальто. Зима была. Было очень холодно.

Волосы и небо.
(Волосы — твои, а небо — Бога)

(Кто тебе из них больше нравится? — Жена. Жена вернее. Муж ее был злой дьякон.)

Ты, Бог, не страшись!
(Людей, к<отор>ые Богу неприятны)

В действительности: понедельник.

И жена ему пишет: — «Муж мой милый, я уехала в Крым, если хочешь — приезжай ко мне.» Муж, как это письмо прочел, вскочил сразу из-за стола, оделся и сел в поезд.

— М<арина>! Ты меня за мои стихи и рассказы должна помнить.

Вечером.

М<арина>! Я тебе скажу, кого больше всего ненавилят черти, только тихо скажу, — чтоб они не слышали. (Шепотом): Бога!

А у Бога какие обезьяны веселые! Всё для него делают, на него работают. А у Бога ногги тоже длинные, он ведь сам ничего не делает, — только молится.

— Мы Богу молимся, а Бог — кому?

— Нам!

О Бальмонте: «Такого имени на небе нет «Бальмонт», — там он просто назывался «нежный».

Ты знаешь, как Япония стихи говорит?

М<арина>! Ты меня забудь, совсем забудь. Только ресницы мои помни, и глаза мои, и брови мои, и волосы мои...

(Сместся)

М<арина>! Как я бы хотела, чтобы ты куда-н<и>б<удь> уехала! Тогда я бы тебе написала письмо и какое-н<и>б<удь> одно место облизала, а наверху написала: «Это место, Марина, лизаное».

Милый К<онстантин> Д<митриевич>! Я помню Ваш голос и Ваши волосы. У Вас голос смеющийся, а волосы прекрасные, желтые на солнце.

24ая авг<уста> 1917 г. «Я помню ястреба над Кремлем.» — «Ты знаешь, лед идет, как поезд.» — «В Москве нет ночи. Ночь только на небе. Ночь чернее чернил, в чернилах есть отраженье, в ночи — ничего, тень. Ночь, как две руки.»

Как луна застрянет,
То темно.
Как луна воспрянет,
То светло.

Жара. Ум. Облака.

(Это кончено, п<отому> ч<то> я дальше такого похожего
не могу вспомнить.)

Тучи взглянули. Ветер хлынул.
Волосы львиные вздулись.

Дождь громкий пошел. Ветер хлынул. На небе такой сильный гром был, что во всем царстве Божьем было страшно. Нищий улыбнулся и сказал: «Не время мне итти.» Лохмотья разорвались.

Святые говорят ангелам: «Пойдем, ангелы, на Божий свет. Увидят люди ангельское время. А мы увидим, как поезда идут, как люди живут, и какие у них лица, и какие одежды.»

И ангелы полетели вниз. И взяли Бога за руки два ангела (Бог не летает, у него крыльев нет.) И Бог не боялся. И второго числа они прилетели. Видели они на земле всё, что хотели: людей: их волосы, их одежды. И святые сказали Богу: «Бог посмотри, багюшка, как красиво на Божьем свете.» И две недели пробыли они в этом городе. Семнадцатого числа-же — они улетели опять.

Ты меня забыла в тот день, в который я тебя просила не забыть. Милая Марина, там у меня молодые девы, братья. Облака голубые, зеленые, и глаза голубые, зеленые светят на облаках. Церкви все звонят, колоколами наполнились. Звезды все вскочили обратно. Казаки скачут на Божий мир. Ты меня не забудешь в этот раз.

26ая авг <уста> 1917 г. — «Дерева — Божьи, небо — Божье, а дома — людские, тротуары — людские». — «А Бог?» — «А Бог — человек любит, — то его».

Москва, 27ая авг <уста> 1917 г.

Дорогой Андрюша! Мне очень нравится твой медведь. Ты очень хорошо раскрасил. Кто тебе купил эти разноц<етные> карандаши? — Андрюша, мы с М<ариной> кормили из окна голубей. Они говорили горлом. — Помнишь, как ты на ёлке у меня был? Когда узнала, что ты приедешь, я все игрушки спрятала, чтобы ты их не сломал, — подумай, в один вечер. Но ты всё не ехал, и я опять их вынула. — Андрюша, знаешь, сейчас только выпрыгнул на открытку прекрасный свет. Ты помнишь мои глаза? Ты помнишь мои волосы? Ты помнишь мои брови? — И ты знаешь, как сейчас

мама одета? Вся в черном. И она очень похожа в этой одежде на монашку. У мамы есть прекрасная такая штука с нитками разными. Андрюша, это последние мои слова, больше никогда тебе таких не напишу: у М<арины> есть старуха. В ней гвозди.

Аля

(Нюрнбергская Eisetze Jungfrau¹)

<Рукой С.Я. Эфрона – запись адреса:>

Кира Николаевна Зимовнова-Лаврова
Кисловодск, Крутой Спуск, № 9.

Часы и голубой веер. _____

Лев и сбруя. _____

Окруженная гимназия и дети. _____

Для меня

(Для Никодима)

Сидит в кресле

Дама молодая

Вся – в шали. (Марина)

Огонь вспыхнул.

Человек сказал:

«Огонь, огонь

Я тебя боюсь!»

Один господин –

В кресле.

У дамы своей

Нежной.

Говорит он разговор

Тихим голосом...

Слова

Роскошь: браслет и кольца.

(Для С.Я. Парнок)

Пора нам с тобою венчаться, –

Дороже золота и серебра.

Семья и зима.

_____

Свинья и пыль.

_____

Ангелы и любовь.

Любовь и огонь.

Огонь и веер. _____

Не торьма, не веер, не письмо.

До последнего позднего вечера

Я сидела и пела в тюрьме.

Блестят глаза и смотрят,

Хотят сказать: не смей!

Земля и порох.

Одно время.

¹ Железная дева (нем.).

2^я сентября 1917 г.

Музыка играет,
Из нее — огонь.

Тихо воеет
Пень в огне.

Собака воеет и лает,
Глаза у нее закрыты.
И тихо умирает
Собака — волк.

Низко над домом
Летел голубоватый дождь.

Горит фонарь прекрасный
В комнате одной,
В маленькой, конечно, —
Голубой.

Вышивка с цветами,

Огонь горит в камине, —
И ночь и темнота.

Полынь растет на тротуаре.
Ты не спеши туда.
Там буря, ветер, там темница,
Там сторожа стоят.

Про дом, где жил Пушкин.

Белый с желтым дом стоит
Около площадки.
В этом доме Пушкин жил, —
Пушкин, до свиданья!

(Это ему жена говорит, п<отому> ч<то> он умирает,
Пушкин!)

Когда мне весело, тогда такая большая полоса поперек
груди, ∪ — как бусы. И какой-то шар внутри катается.

М<арина>! Моя любовь такая огромная! Она растягивает-
ся по всем городам.

9^я сент<ября> — М<арина>! У Бога папирсы тоже
из овса, но там где пепел — у него овес, а там
где овес — пепел.

М<арина>! Бог любит только слова: церковь, лев, роза. А
такие, как: метла, суп, судки он не любит.

9ая сент <ября >

Тихо вздохнула дама
И пошла в далекий путь,
Но пошла уже не дама,
А старуха — в путь.

Сердце тихо забилось,
Тихо забилось, вздохнуло.

О К <ерен >ском.

Павлин — нежность — ум.

О моей судьбе.

Судьба горит. Павлиний
хвост любит.

На судьбу К <еренско >го

Нежность к этому господину.
Прекрасное небо. Трехлетний ангел.

На судьбу Н <икодима >

Судьба горит. Небесные звезды
жужжат.

На судьбу С <ережи >

Семнадцать лет было человеку
молодому. Нежная память,
до свидания.

На судьбу Аси

Семь лет Асе. И она так приятно
— передними зубами — живет.

На Маврикия.

Умер — это лучше.
Умерший человек
в могиле живет.
Это его дом теперь.
Ангелы летают
над ним, спасают,
на небо несут.

На Андриюшину судьбу.

Живи долго, мальчик,
раз тебе уже пять лет.
— Нравится жить! —

На Ирину судьбу

Ирина! Люби свою
жизнь и мало очень
старайся плакать.

На Алёшину

Алёша! Мой любимый
на свете мальчик!
А.С. Эфрон

На собственную

Люби два слова,
Ариадна! — Любовь
и ветер дует.

Любовь большая, длинная!

Всех любит любовь! И враги воркуют,
как голуби. Убиться надо когда-ни-
будь! Любовь горит! Всё вздрогнуло,
как живое! Началась она в сердце,
клубок выскочил. Проснулись дети,
вспыхнули. Руки — до неба. Пышные
юбки играли на арфах, танцуют девуш-
ки в цирках. Звонок звонит. Входит
человек.

(Аля! Двери открыты?)

— Все — дóсыга открыты.)

Прекрасные тихие руки
с браслетами золотыми.

Бог рад очень, думает:

— Никогда так весело у
меня не было наверху!

Деревянные дома с тополями
прекрасными, с разноцветными
окнами, с пепельницами золотыми,
с львами, бегающими по воздуху.

М<арина>! У меня спина болит от любви.

В память самоцветных

15ое сентября 1917 г.

Глядя на А<лександра> II:

Я бы хотела выйти замуж за этого
царя.

У тебя 2 детей, значит —

2 сердца, 2 жизни, и ты всегда
будешь расти.

— Я у тебя такая дочь — для стихов!

В память самоцветных листьев желтых
И огневых.

*15ое сент<ября> 1917 г. (раз<овор> с купчихой
в Неч<аянной> Радости)*

Ты сказала: «Вьюга там уж!

Ночью смех стоит, ютится

У ворот.»

В степи родился райский сад.

Роскошные цветы завивали свои кудри.

В горах заметили, что в синих небесах

тоже есть вьюга.

Вот в замке — королевы

Пели нежно-нежно.

И в церкви всё затихло.

Священник потушил

Свои летние свечи.

В тихих именах

Замерзали, превращались в лед.

В сухой, белый лед.

И дома все замерзали в льды.

Священники все на небе очутились.

Все грамотные книги,

Все грамотные люди —

Лед.

В жемчужинных горах стоял город из всяких домов. И маленькие дети играли. Река стала бить своими волнами в небо, которое совсем уже превратилось в лед.

В тихих городах,
В тихих морях
Росли тростники.
Ягоды все спелые,
Можно их рвать.

В другом мире — страстей,
В другом мире — смертей
Жил огонь золотой.
Горячее время, царство огня.
Смертельное время.

Родился Иисус Христос —
бедный мальчик. Ангел уронил ему
слезу на грудь.

Мальчику хотелось сказать
«бы», а говорил «мы».

В трех морях,
В трех городах,
Пятнадцать верст —
Надо ехать в поезде.

В именах царевичей
Разрастался памятник.
Ягоды огромные
Всё росли в иконах.

20ая сент <ября> 1917 г.

— М<арина>! Это не твой муж,
это чужой, а он муж таких женщин у
к<отор>ых нет детей и к<отор>ые
вовсе не замужем.

В зеленом плаще
Идет человек.
С надписью: Царь.

Семь лет исполнилось
мальчику-путешественнику.

(Влюбленно): Ты такая мать,
что у меня волосы дыбом становятся!

В семь лет он родился.
Он — герой, стоял сам у дверей
с иконой в руках.

За последней горой
Где жил маленький юноша,
Он в день именин
Всё помнил молитву ангелов.

Большие глаза иконы смотрели
в детскую мальчика.
Ангел прилетел и сказал:
— «Это сын Иисуса Христа.»

Разговор и лишний день.
За кусочками домов —
Маленькая золотая башня,
Которая называлась
Несколько радостей.
Вспомнил один юноша
Свое маленькое царство
С большими окнами,
Блестящими радостью.
— Как я родился! Не понимаю!
Никто ведь с неба
Не бросает людей.

(А знаешь, почему мальчик заплакал?
Он не знал, что он в св<оем> месте,
с ним всегда случилось, что он попадал к
Бабе-Яге!)

В горах забытых — море. Ехал маленький товарный поезд с паровозом. Паровоз гудел на всё царство, но царь на это не возмущался, а всё любовался. Огонь горел, темнота была ужасная, рельсы было не видно, а поезд всё гудел.

Бог, когда ещё был маленький, спасал всех людей: Марину, Ариадну, всех знакомых и незнакомых, он всех знал тогда и не знал.

В комнату два раза принесли самовар. Но Иисус Христос этому не был рад, он больше всего на свете любил какао.

Мирная / людская

— Ты не мирная девушка, а людская. П<отому> ч<то> ведь в тебе есть кости, а у Бога — один дух.

(Слушаю в чуж<ом> дворе шарм<анку>). М<арина>! Я люблю тебя — с грустью.

Москва, 23^я сент<ября> 1917 г.

Дорогая Ася! Нежная судьба горит в прекрасном золотом амине (аминь). Как нежно улыбаются лица! Ангельская точность. Всё темно, замерли прекрасные глаза человека и заснули. Но когда глаза проснутся, в тихих ночах, — человеку надоедает и он читает книгу. Всё темно, замерли прекрасные глаза человека, Ангельская инородная степь, она уже далеко — семь верст! И горят иконы, как будто они поют. И все в разноцветных перьях горят дорожие ночи. И встречают эту даму с одним прекр<асным> челов<еком>, к<отор>ого зовут — я еще пока не знаю — как. Они идут в прекрасный город. Небеса прозрачные. Ангельская речь всё темнее и теплей. — До свиданья.

Ангельский час.
Молитвы. Горы.
Степи, где жил
Христос прекрасный.
Забывает о своем царстве
Молодой государь
Которого звали:
Император первый.
Граф молодой,
Который ходит
В голубом плаще.

Вскоре ангелы прилетели
В прекрасное гнездо
Иисуса Христа.
В село, где Христос был маленький.
Христос лежал,
Ничего не понимал
И всё улыбался.

В месяц второго февраля
Родился маленький мальчик,
Которого звали
Иисус Христос.
Вскоре он вырос большим
И всё превращался в лучшего ангела.
Но мальчик всё возмущался:
— Ну зачем я ангел?
Был я мальчиком —
А это лучше!

Звезды, небо нежно вздыхают на человека. Ангельская инородная степь, она уже далеко — семь верст! И горят иконы, как будто они поют. И все в разноцветных перьях горят дорожие ночи. И встречают эту даму с одним прекр<асным> челов<еком>, к<отор>ого зовут — я еще пока не знаю — как. Они идут в прекрасный город. Небеса прозрачные. Ангельская речь всё темнее и теплей. — До свиданья.

— (М<арина>! Мне всё кажется, что я уродом выросла. Губы мне как-то не нравятся. Может, зеркало пыльное, — оттого так?)

В прекрасных темных его глазах, в прекрасных темных его волосах — золотые перья. И он в красной курточке ходит по ночам, и в черных — или голубых — панталонах. Он настоящей художник, живет в училище. Она с ним познакомилась в одном месте, она была на почте, видит мужчина стоит. — «Как зовут Вас?» — Ася. — Потом они всё другие слова говорили. Но как у этого человека загорелись глаза! Волосы почернели, как у цыгана! Они пошли домой. — «Уж не заблудился ли мы?» Но они никак не могли заблудиться, п<отому> ч<то> дорога была волшебная. Если в канаву попадут, — вода высохнет, если змея поползет, — всё загорится на змее: глаза, кожа, и станет змея — большим дымом. Когда вечер настанет, они всё ходят по прекрасным местам, пишут стихи — разноцветные бусы. Когда вечер пройдет, они идут в сад, идут дальше, в рекекупаются, выдут чистыми, оденутся в прежнюю одежду: он в свою синюю курточку с черными панталонами, она в голубое платье с синими бантами. Они потанцовали в церкви и повенчались. Там так удобно было танцевать. — Все с ними! Все с ними! — Танцуют. Темно и тепло. Дети их сидели и пели и махали маленькими руками своими в браслетах.

(Гуляя) Моя самая прекрасная жизнь — молния.

26ая сент<ября> 1917 г. — Я: «А кого не пустят в рай?» — Нетров и сестер милосердия.

Рыцарский проезд

Когда рыцарь поехал к себе домой, он отпер свой прекрасный замок. Было темно и тепло, окна блестящие, ожерелья висели. Чудесные глаза его заныкли и заснули. — Прошой! сказал Димитрий-царь.

Сяду на вокзале и совершенно не знаю, что Вам скажу. Меня сейчас нет, есть Прохля мимо Иверской, я перекрестилась. Вы и Ваше отношение к тому, что я сейчас скажу. <Не окончено.>

Никодим,

26ая сент<ября> 1917 г.

Осень сторела и небесное царство — впереди. С осени падают листья, дети их собирают по горам. Они очень любят ходить по стенам крепости. Матери думают о своих прекрасных снах и вздыхают, а дети думают о деревьях и очень любят свою жизнь.

С короной мать сидела,
Младенца она качала.
На стенке голубоватой
Висела Божия мать.
И пела она так тихо,
Ребенок всё время спал.
Красивый вдруг господин
вошел

В шляпе с закрытыми перьями.
И в руках — с цветами.
А мать не замечала его
И всё пела.
Нагнув голову,
Она играла в карты.
А он всё кланялся
и говорил:

— Знаю, знаю кто ты!

Прекрасный порох горел.
Над огнем сидел юноша...

— Там стоял большой берег, над ним — стена извосточная. И извостки всё падали, и страшный шум был, точно куры дерутся.

— Я сказала бы: «здравствуйте». И перекрестилась.

А Бог сказал: «Ну, А<риадна> С<ергеевна>, пока ложитесь спать, а когда встанете, я подарю Вам сияние, к<отор>ое у меня над головой.»
Я сказала «спасибо», разделась и легла спать.

Несколько раз.

30ая сентября 1917 г. — М<арина>! Я раз сказала Андрюше:
— «А<ндрюша>! Мы торфом топим!» А он сказал: «Как «торгом»?!»
(Раз<говор>) — А что если бы меня в детс<тве> украла цыгане.
Возм<ущенно> и жалобно) — «Тебя бы цыганка кормила своей
цыганской грудью, в к<отор>ой совсем молока нет!»

Ноябрь 1917 г.

Аля, глядя на первый рассвет:

— М<арина>! Знаешь, как это назыв<ается>? Утренняя ночь!

МОЛИТВА АЛИ во время окт<ябрьского> восст<ания>

(Так молилась и потом при мне:)

Спаси Господи и помилуй: М<арину>, Сережу, Ирину, Любу, Асю, Андриюшу, офицеров и не офицеров, русских и не русских, франц<узских> и не франц<узских>, раненых и не раненых, здор<овых> и не здор<овых>, — всех знак<омых> и незнакомых.

Ишь дек<абря>:

Меня сон накормил!

(В кухне, разгляд<ывая> в кухне потолок, оклеенный газетами:)

— Вон мухи ползают по Русским Ведом<остям>, по Съездам...

Черная ночь — буйная,

Ветер будет — всегда.

В темном прекрасном доме

Сидели Марина и я.

Любовь моя нежная, сладкая,

Я нежно искала тебя.

Но ты не сказала ни слова:

Тихо любила меня.

Часто вижу с< Т<аней>. Она получила твоё письмо и, кажется, тебе уже написала. Мы с М<ирроно> вым и Алей однажды зашли к ней, я сидела на ее сундуке, у окна. Сундук покрыт зеленым пледом, на столе мои книги. М<ирроно> в рассказывал о базарах в Иркутске, Аля играла с ленточками, к<отор>ые ей подарила Т<аня>, я в тоск <не дописано>

8ая декабря 1917 г.

Я когда-то в детстве
Смотрела, как играют
Дети на дворе.
А теперь смотрю я
На тебя.

Смотрела в нежные глаза,
Смотрела в дальние пути.

В два часа ложусь я спать.
Смотрю в окошко перед этим.
Там дети кланяются, смотрят,
Тем расцветает бузина.

Бузина растет
И никто не рвет
Она радуется
Своим воздухом.

Церковь звонит,
Церковь Божия.
Там облака плавают
Там небо дуется,
Надувается.
Там все смотрят
на Бога
Жалостными лицами.

Надену я белое платье,
Со свечкою красной пойду,
Пойду в свою церковь любимую
И буду там Бога молить:
— Подай же мне, Боженька милый,
Подай мне скорей жениха.
Жених мой пусть будет высокий,
Высокий — без бороды!
Глаза у него темно-карие
А брови его — чернобровые.
Мне Бог отвечает: — «Гм. Гм.»

М<арина>! Я тоже выберу себе мальчика, к<отор>ого зовут
Сережа. И мы вместе вырастем и обвенчаемся. — А Миронов?
— А М<иро>нов так останется.

— М<арина>! Как же я выйду за него замуж? Когда я
вырасту, он совсем уже будет старый. А вдруг его уже
совсем не будет, когда я вырасту? —

16ая дек <абр> 1917 г.

Зеленого цвета глаза.

Чьи-то глаза смотрели

Осторожно и тихо

В какую-то сильную ночь.

Сильный ветер — или вечер.

Вечные глаза.

Надоедливый наш грохот.

— Бедное дитя!

Спят глаза. Сегодня вечер.

И сегодня — ночь.

Я увижу нежный пламень,

И скажу: вот, вот...

Сильный ветер

Сбившись с ног

Вошел ребенок

И заплакал горько он.

Он сказал: — «А я замерзший, —

Можно жить у вас?»

В тот вечер, который остался,
Я долго смот <не дописано>

Стихи А <нтоколь >скому.

Семнадцатый век. Тихий раз.

Сижу у окна с папиросой.

Смотрю на огонь, на огонь,

Хочу поиграть, поиграть.

На половину века я смотрю и вижу тихий свой огонь.

Хочу бросить ещё немножко угольков, или посмотреть лебедей, как за ними: маленькие перышки плавают и лодки гонят их. «И правда чудесные птицы», спросила она — его.

Ваша прекрасная голова — черная. (Поставим точку.) Этот год холодный, Вы его не сможете терпеть, как моя мама. Вы любите своих друзей, Вы любите небо — такое нежное сейчас, и как поезд гудит — ласково, (но он уже кончил) Вы наверно немножко похожи на звезду. Вы видите ночью прекрасных ангелов, которые несут Вас и целуют Вам руки.

Вы войдете и скажете: «Здравствуйте, скажите мне имя, я не знаю.» Мы скажем: «Марина, Аля.» Марина будет Вам отвечать ласковые слова.

Темная ночь,
Закрытые занавески,
Лампа горит,
Вошел человек.

И отвечает ему А<нтоколь>ский:

— Что Вам нужно? —
— Мне ничего не нужно,
Я пришел к Вам в гости,
Разговаривать с Вами.
Голосом звонким
Говорит А<нтоколь>ский:
— Что Вы нам скажете?
— Я скажу Вам про мою
Точную жизнь. —

ЖИЗНЬ.

Я живу в большом каменном доме. Мой самый верхний этаж, и окно с красной занавеской. Ночью горит лампа. Если Вы подымете голову, Вы увидите меня. Тогда Вы пойдете на верхний этаж, войдете в комнату и поцелуете меня. (А<нтоколь>ский улыбается.)
— Как морская звезда жила, как она дышала, как плавала, — всё Вам скажу.

ЯНВАРЬ 1918 г.

А<нтоколь>скому.

Вы тихий, лучший человек.
Вы всех людей любезней.

У Вас в груди светло, легко.

Лучи упираются в Вашу грудь,

Вы глядите на них и думаете,

Какие стихи Вам писать.

Вы любите, верно, темные ночи,

Белые звезды.

Вы видите летний сад... —

Мне.

Саламандры танцуют,

А Марина думает:

— Как хорошо жить в огне! —

10ое янв<аря> 1918 г. Судьба (Ю.З.)

Мы Вас не видели,

Мы Вас не видели,

Про Вашу судьбу мы пишем.

Судьба светлая,

Судьба нетемная,

Ночью еще светлей.

У Вас глаза темные,

У Вас глаза темные,

Мы с мамой думаем так.

Наверное Вы знаете

Немножко про старину.

**ЗАПИСНАЯ
КНИЖКА**

5

1918–1919

Вот все что у нас есть из документов
книжки, в том числе, и есть еще другие
или с 10:00 в 10:00 по 14:00 февраля
весь.

10:00 в 10:00.

Ано:

"Вот в свое время в жизни, у нас была
серьезно, слышала. При этом мы не
сейчас по поводу дружбы, по которой
не мажешь думать не один человек.
Вот в свое время — это так. При этом в
думать как можно больше."

- Вот сейчас как же так.
- И как же по поводу будущего не так же,
зависит от какой степени есть. При этом
как же в 10:00 в 10:00 по 14:00.

Состояние на территории Восточной

8:00 в 10:00.

- "Вот в 10:00?"
- "Да?"
- (Ано. Ш. С. Ш. С.)

Ано: "У меня тоже есть книга —
Может по делу как же вы слышите
все же."

*Выписки из прежней записной книжки,
верой и правдой служившей мне с 1го июня 1918 г.
по 14^{му} февраля 1919 г.*

1го июня 1918 г.

Аля:

«В твоей душе тишина, грустность, строгость, смелость. Ты умеешь лазить по таким вершинам, по которым не может пройти ни один человек. В твоей душе — еще ты. Ты иногда в душе наклоняешь голову».

— Ты сожженная какая-то.

— Я никак не могу выдумать тебе подходящего ласкательного слова. Ты на небе была и в другое тело перешла.

—
Солдатик на Казанском вокзале.

8го июня 1918 г.

— «Вы придете?»

— «Да!»

(Адм<ирал> Щастный)

—
Аля: «У меня тоже есть книга — Толстого Льва: как лев от любви задохся».

В деревне я — город, в городе — деревня. В городе — летом — хожу без шляпы, в деревне — не хожу босиком (распушенность). Вернее всего — оттуда: с окраин, с застав.

— Вы любите детей? — Нет. —

Могла бы прибавить: «не всех, так же, как людей, таких, которые» и т.д.

Могла бы — думая об 11-летнем мальчике Османе в Гурзуфе, о «Сердце Аппе» Бромлей и о себе в детстве — сказать «да».

Но зная, как другие говорят это «да» — определенно говорю: «нет».

Не люблю (не моя стихия) детей, простонародья (солдатик на Казанском вокзале!), пластических искусств, деревенской жизни, семьи.

Моя стихия — всё, встающее от музыки. А от музыки не встают ни дети, ни простонародье, ни пластические искусства, ни деревенская жизнь, ни семья.

Тем, кто танцует Шопена — или это оправдывает:

Господи, сколько нужно было Шопену (пусть бессознательно!) прибавлять к женщине, убавлять от женщины, чтобы дать нам — в чистом виде — Любовь!

А вы опять с женщиной!

Шопен женщину (плоть) перевел в Музыку (дух), вы же Музыку (дух) переводите в женщину (плоть).

— Бессмысленная работа! —

Дело Бетховена нести — через века — Бурю, дело Шопена нести — через века — Любовь.

— И никаких босоножек!

Босоножка – разрушение одиночества моего с Шопеном, моего с собой, третье лицо на любовном свидании.

И – лучший довод – когда слушаешь музыку, хочется закрыть глаза.

Глаза, когда слушаешь музыку, или закрываются или – открытые – не видят, видят не то, что есть – *видят*.

Любовь ли вышла из Музыки – или Музыка из Любви?

Милый друг, Вы говорите – и Вы правы – что и желание смерти – желание страсти.

Я только переставляю.

Куда пропадает Алина прекрасная душа, когда она бежит по двору с палкой, крича: Ва-ва-ва-ва-ва!

Почему я люблю веселящихся собак и **НЕ ЛЮБЛЮ** (не выношу) веселящихся детей?!

Детское веселье – не звериное. Душа у животного – подарок, от ребенка (человека) я ее требую и, когда не получаю, ненавижу ребенка.

Люблю (выношу) зверя в ребенке – в прыжках, движениях, криках, но когда этот зверь переходит в область *слова* (что уже нелепо, ибо зверь бессловесен) – получается глупость, идиотизм, отвращение.

Зверь тем лучше человека, что никогда не вульгарен.

Когда Аля с детьми, она глупа, бездарна, бездушна, и я страдаю, чувствуя отвращение, чуждость, никак не могу любить.

МОЙ СОН – 9ое июня 1918 г. – 1 ч. дня.

Город на горе. Безумный ветер. Вот-вот дом сорвется, как уже сорвалось – сердце. Но знаю во сне, что дом не сорвется, потому что нужно, чтобы сон снился дальше.

– Просыпаюсь. –

В комнате – очень женственный мальчик лет 17^{ти}, в военном. Говорит мне «ты», смеется. (Он художник, большевик.) – «Но я не знаю, кто Вы». – «Неужели не узнаешь? Ну, подумай». – Я не угадываю. – «Я отец Жана». – Какого Жана? – «Такой новый человек – Жан».

– Просыпаюсь. –

В темной передней, у телефона. Я ем: «Но ведь телефон не звонит!»

– Просыпаюсь. –

Бешеный автомобиль. Я и еще люди. Мчимся. *Точное* видение: слева – высоких холмов, сплошь покрытых красным осенним листом. Летим на огромное дерево (дуб). Разобьемся. – Мимо. – На холмах работают рабочие. Впереди – лужайка. Тропинки, отдельные огромные деревья. Я во сне думаю: выдумать я всего этого не могу, д<олжно> б<ыть> я это где-то, в детстве, видела. Д<олжно> б<ыть> во Фрейбурге (12 л., сосновый лес).

– Просыпаюсь. –

Мчимся. Кто-то догоняет. Не велосипед, не автомобиль. Опережает. Возвращается. Хочу к нему. Хочу сказать шофферу, чтобы оставил автомобиль. Шоффера нет. Останавливаю. На дороге – мой прежний мальчик. Вижу, что он стал меньше ростом, подымаю для поцелуя голову выше, чем следует, делаю вид, что *тянусь* к нему, зная, что от этого он станет выше. И вдруг замечаю на нем женское – белое с цветами – платье. Но все-таки хочу уйти с ним от других.

Просыпаюсь. От груди – огромная, горячая волна.

Аля принесла цветы Лиле. Узнаю случайно. — С 10 ч. утра до 2 ч. Аля обратилась ко мне всего один раз: «Мама, можно» и т.д.

Когда она с детьми, она меня определенно *забывает*. Только к вечеру, когда закат: «Марина! Какое красивое небо!».

Сейчас лежу во мху, колючая, уже сухая трава колет руки, на кудрявом стебельке — шмель. Солнце на самой голове. Земля жжет насквозь. Тела нет, души нет. Есть одно горячее облако — я.

Я знаю почему X и Z — *incompatibles*¹. Z — 20-летняя девушка, ждущая любви и ждущая ее, как девушка: как-то законно.

Я не любовная героиня, я никогда не уйду в любовника, всегда — в Любовь.

Милый друг! Когда я *не* с Вами, я не лицемерна. Защищая при Вас детей, я глубоко равнодушна к ним, когда я одна. Здесь четверо детей, ни один из них *д<о> с<их> п<ор>* не знает, как меня зовут.

Дети глупы, как птицы. Душа в ребенке постоянно присутствует, очевидно, только с пробуждением пола.

Птички, цветочки, росинки, соринки, — я оглушена этой невинностью.

Когда в детстве (7 лет) я играла со взрослыми в карты, и взятка была моя, я никогда не говорила *<над строкой: заявляла>*.

Так всю жизнь. Тогда от целомудрия *<над строкой: деликатн<ости>*, сейчас от брезгливости.

«Взрослые не понимают детей». Да, но как дети не понимают взрослых! И зачем они вместе?!

---

¹ несовместимы (фр.).

Сытый голодному не товарищ. Ребенок сыт, взрослый голоден.

Аля (5 л. 9 мес.) с др<угими> детьми *абсолютно* банальна <над строкой: ничтожна>: повторяет — с наслаждением — чужие глупости, гоняет кур. Где она дома: в своей гениальности <над строкой: вселенскости> (со мной) или здесь?

Всё у меня романтизм (и Корнилов, и Аля, и Любовь!)

Детство. 6 или 7 лет. Таруса. Рябина. Рубят котлеты. Хлыстовки ягоды при<несли>.

В детстве я всегда рвалась от детей к взрослым, 4 л. от игр к книгам. Не любила — стеснялась и презирала — кукол. Единств<енная> игра, к<отор>ую я любила: аих bagges¹, 11 л., в Лозанне — за то, что две партии <под строкой: два стана> и героизм.

Письмо.

Милый друг! Когда я, в отчаянии от нищенства дней, задушенная бытом и чужой глупостью, живая только Вами вхожу, наконец, к Вам в дом — я всем существом в праве на Вас.

Можно оспаривать право человека на хлеб, нельзя оспаривать право человека на воздух. Я Вами дышу, я только Вами дышу. Отсюда мое оскорбление.

— Вам жарко, Вы раздражены, Вы измучены, кто-то звонит, Вы лениво подходите к двери — «Ах, это Вы!». И жалобы на жару, на усталость, любованье собственной ленью, — да восхищайтесь же мной, я так хорош! —

Вам нет дела до меня, до моей души, три дня — бездна, что было? Вам всё равно. Вам жарко.

Вы говорите: «Как я могу любить Вас? Я и себя не люблю». Любовь ко мне входит в Вашу любовь к себе.

---

¹ бег наперегонки (фр.).

То, что Вы называете любовью, я называю у Вас хорошим расположением духа. Чуть Вам плохо (нелады дома, дела, жара) — я уже не существую.

— Милый друг, я не хочу так, я не дышу так. Я хочу такой скромной, убийственно-простой вещи — чтобы, когда я вхожу, человек радовался.

— «И знаете — Бог любит неожиданности!»

Конец письма:

— «Тут, дружок, я заснула с карандашом в руке. Видела страшные сны — летела с ньюйоркских этажей. Просыпаюсь: свет горит. Кошка на моей груди делает верблюда.»

16ое июня 1918 г.

Н<икодим>— «Вся жизнь делится на три периода: предчувствие любви, действие любви и воспоминание о любви».

Я: — «Причем середина длится от 5 л. до 75^{ти}, — да?»

Я — А<нтоколь>скому: «Если наложить друг на друга все образы женщины в произвед<ениях> поэта, получится общий тип любимой им женщины, как путем накладывания друг на друга снимков с преступников, получается общий тип преступника.»

(Неясно, можно лучше.)

В мире у меня есть дело только до военной музыки (подвига) и до не-военной (наслаждения). К остальному я безразлична.

Антокольский о теософских, беатрических, ясновидящих — непременно девических! — шеях:

«Такое впечатление, что они ее из лейки поливают!»

А<нтоколь>кий о Н<икодиме> — «Он гетееянец. Т.е. — нет — я неверно сказал, я хочу сказать, что к нему по ночам является пудель или Mater Dolorosa¹.

25^ю июня 1918 г., 2 ч. ночи, у моего подъезда.

Полная луна, я в 10^м серебр<яных> кольцах, часы, браслет, брошь, через плечо С<ережина> кожаная сумка, в руке коробка с папиросами и немецкая книга. Из подъезда малый лет 18^м, в военном, из-под фуражки — лихой вихор.

— Оружие есть?

— Не-ет...

— Что это у Вас тут?

— Смотрите, пожалуйста.

Внимаю из сумки и подаю ему один за другим: новый велико-лепный портсигар со львами (Dieu<est> mon droit² — английский), кошелек, спички.

— «А вот еще гребень, ключи... — Если Вы сомневаетесь, кто я — я здесь живу, зайдемте к дворнику.»

— «А докүмент есть?»

Тут, вспоминая наставления друзей о том, как поступать в таких случаях, добросовестно и бессмысленно парирую:

— А у Вас докүмент есть?

— Вот!

При свете луны — сталь револьвера. («Значит револьвер — белый, а я почему-то думала, что черный!»). В ту же секунду через мою голову, душа меня и цепляясь за шляпу, летит цепь от лорнета. Только тут я понимаю, в чем дело.

— «Опустите револьвер и снимайте обеими руками. Вы меня души-те».

— «А Вы не кричите».

— «Вы же видите, что я говорю тихо».

Действие с цепочкой — последнее.

— «Товарищи!» — Этот крик я слышу уже за спиной, заноса ногу через железку ворот. Забыла сказать, что за всё время (1/2 минуты) на-

¹ Матерь Скорбящая (лат.).

² Бог — мое право (фр.).

шей беседы, по той стороне переулка ходили взад и вперед четверо каких-то людей.

Жулик оставил мне: все кольца, брошь, самой сумку, браслет, часы, книгу.

Взял: кошелек со старым чеком на 1000 р., новый чудный портсигар, цепь с лорнетом, папиросы.

На следующий день, в 6 ч. вечера его убили. Это оказался один из 3-х сыновей церковного сторожа соседней церкви (Ржевской), вернувшихся — по случаю революции — с каторги.

В Польше есть почетная должность сторожа могилы Костюшко.

— Шпага действия.
(выражение графа Мирбаха.)

Собака с неистойвой грудной клеткой.

4ое июля 1918 г.

Аля: — «М<арина>! Что такое — бездна?»

Я: — «Без дна».

Аля: — «Значит, небо — единственная бездна, потому что только оно одно и есть — без дна».

— «Марина! Я тебя люблю, а папу жалею. Когда я жалею, я чувствую какое-то загорание, а когда люблю — огонь».

— «Марина! Неужели ты все эти стихи написала? Мне даже не верится — так прекрасно!»

6ая июля 1918 г.

— «Марина! Мы с тобою в разряженных именах: Ариадна — Марина.»

— «Марина! Прочти мне какие-нибудь стихи — только не русские.»

Читаю ей Comtesse de Noailles:

«J'ai vu Constantinople, étant petite fille»¹ и т.д.

— «А теперь я тебе объясню, что́ это значит.»

Аля, восторженно и умоляюще:

— «Не надо! Не надо! Я и так сыта!» <под строкой: (т.е. ошастливлена)>.

Н<икодим> (о подвиге)

— Самоуничтожение такой же инстинкт, как самосохранение.

Разница между мной (ребенком) и Алей:

— У Али восторг к своему (своей породе в мире) перевешивает отвращение к чужому.

У меня наоборот (было и есть.)

Аля (пропустив, по свойственной ей медлительности, шарманщика):

— «Марина! Я не особенно жалею, когда пропускаю какую-нибудь радость, а когда горе — жалею. Я только одного горя бы не жалела: видеть чорта.»

После купания: — «Марина! Если бы совсем не было хлеба, я бы была сыта купанием.»

О Сереже: личная скромность и честолюбие расы.

(Кровь.)

¹ Графиню де Ноай: «Я видела Константинополь, будучи маленькой девочкой» (фр.).

Безумная влюбленность Али в «Волшебный Фонарь». Любимые
– до исступления – стихи «Рождественская Дама».

Письмо по телеф<ону> от гр<афини> Капнист <над строкой: (Случайно) Подым<аю> телеф<онную> труб<ку>:

– «Романенко, Вириневич, X, Z, – это гордость и боль России.
А сколько мы еще не знаем!»

Аля: – «Марина!

– С какой стороны – страна старины?»

(В Кремле, т.е. у Храма).

– Марина! Как старый лев лучше, чем старая женщина!

Ночью, в столовой, сонно:

– «Марина! Твое платье взметнулось, как серая туча!»

Глядя на небо:

– «Марина! Как белизна загребает голубизну!»

– «Марина! Голова у меня тяжелая, как у памятника, только не на вес.»

Ф.А. Степун:

...«за преподавание мужикам скульптурного инстинкта»...

...«увенчать чело Республики от Олега до Ленина»...

– «О, это человек, чрезвычайно услужливый по отношению к собственной душе!»

Широковетвистая мелочь быта.

17го июля 1918 г.

Хаос, взятый на учет. (Россия.)

Беззащитность рукописи. (Я.)

Для многих Революция прошла под знаком домовых комитетов.

Patrie avant tout. France avant tout. — France ou mort.¹

А русские газеты перепечатаывают: «Partie, avant tout»² и т. д.

— Роковая опечатка! —

30го июля 1918 г.

Аля: — «Марина! Если бы твое кресло не было мягкое, оно было бы настоящее княжеское кресло.»

НАПОЛЕОН:

Н<аполеон> был лучший из наследников. Он приехал за границу, любовался всеми дворцами и считал всё своим. (Когда я говорю такие вещи, у меня всё разгорается в словах, и мне так странно становится!)

— Александр Македонский, разрубая Гордиев узел — просто груб.

Слушаю Марсельезу и — клянусь Богом и Б<елой> Г<вардией> — всё-таки в восторге!

(день большев<истского> парада)

---

¹ Родина превыше всего. — Франция превыше всего. Франция или смерть (фр.).

² Партия превыше всего (фр.).

Лунная ночь в городе всегда готична.

Саламандра не огненна, она огнеупорна. Какой безумный холод, чтобы *жить* в огне!

31ая июля 1918 г.

Аля:

— «Мама! Знаешь, что я тебе скажу? Ты душа стихов, ты сама длинный стих, но никто не может прочесть, что на тебе написано, ни другие, ни ты сама, — никто.»

— «Марина! Мне кажется — великая тайна — это крепость.»

«Мне кажется, что принимать — это обнять и тащить человека к себе».

Я об Ундине: — «Но она длинная!»

Аля: «Ах, Марина! Дело не в длине, а в любви, в нравлении!»

— «Мама! Я не могу спать! У меня такие острые думы!»

— «Марина! Мне кажется, нет людей духа. Не духа, когда дышем, а того, другого. — Ты понимаешь?»

1ая августа 1918 г.

Читать — *faire la bête*¹, жить
писать } — *faire la belle*²!

---

¹ прикидываться дурочкой (фр.).

² прикидываться красавицей (фр.).

— «Где дыра, а сквозь дыру — синее небо, там Италия». (Н<икодим>)

Фили — 1ое августа 1918 г. — раннее утро. Мимо красной церкви, собираю рябинник. (Свидание с бел<огвардейским> офиц<ером>. Зов<ет> на Дон. Ах, если бы не дети!)

Людовик XVI — Король-Слесарь.
Николай II — Царь-Огородник.

3^{ья} авг<уста>, возвр<ащаясь> из Быкова.

Боже мой! Как я ненавижу деревню и как я несчастна среди коров, похожих на крестьян, и крестьян, похожих на коров!

Аля:

5ая авг<уста>

— «Марина! Ты не чувствуешь, как мне хочется быть тобой!»

«Когда я с тобой, у меня ничего нет, кроме души, сердца и внутренних.»

— «Марина! Когда ты пишешь, ты только водишь рукой, а пишет душа.»

— «Марина! Когда я с тобой, меня какая-то волна захлестывает.»

— «Марина! У меня какое-то огромное горе в душе, какое не знаю.»

— «Марина! Я только — знаешь? — каких книг не люблю? Прохимию. Мне кажется, если бы мне подарили такую книгу, я бы никак не могла ее читать.»

О видении ангела: лицо неяркое, как луна, а глаза нарисованные, а внутри — точно простокваша.

У меня горе тяжелое, как железо, как бомба.

7го августа > 1918 г.

«Марина! Ты знаешь? Всё — сон. Днем снится, как ночью. Всё снится: Пасха, колокола... И смерть — сон.»

— «Марина! Я буду тебе рассказывать, а ты — так — свяжешь, и выйдут стихи.»

«Всё меняется: сегодня видишь так, а завтра так. — Всё как-будто кружится.»

Я: Ангелы — Божьи крепостные.

Аля: Мне снилось, как-будто я с Надей иду голая гулять, и вдруг идет дождь, и мы прячемся, и там еще другая компания. И там еще старуха, к<отор>ая заставляет себя любить, а то она исчезнет.

— Марина! Мы с тобой сейчас, как на сцене: ты спрашиваешь, я отвечаю.

— Марина! Правда — слово Лира похоже на имя? — Как белокурая красавица!

– Воспоминание: этим летом я как-то после купанья сидела на песке. Подошла огромная белая лохматая собака и села рядом. И вот, Надя:

• «Чтой-то, барыня, странно на вас глядеть: на одного-то слишком много надето, а у другого недостает <над строкой: чего-то не хватает.> (Много шерсти – у пса, отсутствие одежды – у меня.)

Два источника гениальности женщины:

- 1) ее любовь к кому-нибудь (взаимная или нет – всё равно)
  - 2) чужая нелюбовь.
-

Бездарна женщина: когда не любит (никого), когда ее любит тот, кого она *не* любит.

(Все эти положения проверены на собственной шкуре.)

Когда нет мужчин, я о них никогда не думаю, как-будто их никогда и не было.

21ая августа 1918 г.

Еда иногда пахнет совсем не едой: приключением, грустью (запах кухни большого отеля.)

Аля: – «Марина! Я хотела бы написать книгу про всё.

Только я бы не хотела ее продавать, я бы хотела, чтобы она у нас осталась, чтобы ее могли читать только родные: душевно-родные и другие...»

– Марина! А у тебя иногда дикие глаза: в них степь, ночь...

На днях разбился верхний свет в столовой. Стекла вдребезги, кирпичи, штукатурка, звон. Мы с Алей еле спаслись.

Аля, в слезах: – «Марина! Я жалею книги!»

– Какие книги?!

– Ведь *ДОМ РУШИТСЯ!*

Обожает книги, когда ухожу – всегда читает. Читает сейчас «Весну» Чистякова.

– Можете Вы проводить меня до соседней деревни?

– Нет, до деревни я Вас не провожу.

– А можно мне посидеть у Вашего огня?

– Если хотите.

Это она повторяет наизусть – 1000 раз в день – вкрадчиво, нареспев, наслаждаясь *диалогом*.

– «Да! И если ты через 10 минут не будешь готова, я тебя не возьму ни гулять, ни в Кремль, и не дам тебе чаю!»

– А я тогда буду жить, как святые! И буду писать 8 страниц в день!

(В реплике – ни самолюбия, ни самомнения, ни смирения, – простое изложение предстоящего curriculum vitae.) <Над строкой: сразу вжилась.>

– «Марина! Когда я тебе помогаю носить книги, я чувствую какой-то огонь, – ты не чувствуешь? И холод – к<отор>ый внутри, к<отор>ого никто не замечает».

– «Марина! Я хочу, чтобы книгам было тепло, я хочу их прикрыть, защитить, как ребенка.»

Я – le contre-coup du fait¹.

Что мне нужно в мире? Собственное волнение, высшая точка своей души. <Над строкой: Наисильнейшее напряжение. Присутствие собственной души.> Любое средство – лучшее.

---

¹ по сути ответный удар (*фр.*).

Мужчины и женщины мне – не равно близки, равно – чужды. Я так же могу сказать: «вы, женщины», как: «вы, мужчины».

Говоря «мы, женщины» всегда немножко преувеличиваю, веселюсь, играю.

Июльское солнце я чувствую черным.

Ирине 1г. 4 мес.

½ года своей жизни (октябрь и ноябрь, когда я была в Крыму и 3 летних месяца) она провела без меня.

В Алю я верила с первой минуты, даже до ее рождения, об Але я (по сумасбродному!) мечтала.

Ирина – Zufallskind¹. Я с ней не чувствую никакой связи. (Прости меня, Господи!) – Как это будет дальше?

АЛИН СОН

«Мне снилось, что – тебя уже нет... (взгляд вниз, тихо:) – в земле.»

– А ты сама где была?

– В глубокой свободе.

Мне снилось, что ты умерла и, умирая, сказала: «Прочти надо мной молитву!» И ты умерла, и я стала читать молитву: – «Да сохранит Господь твою душу. Душа для Бога драгоценней, чем золото и жизнь. И самое драгоценное для Бога – твоя душа!»

А ты из-под земли ответила – напевом, как священник. И потом все заплакали. А ты опять говоришь:

– «Не плачьте, вы только мне еще хуже делаете!»

Я: – Аля, а если бы я умерла, ты бы действительно была в глубокой свободе.

Аля, задумчиво: «Нет, ведь тогда бы еще папа остался!»

2ой сон:

А еще мне снилось, что мы покинули дом и живем на улице. Улица узкая, высокие, темные дома, кое-где виднеются верхушки церк-

¹ случайный ребенок (нем.).

вей. Все дома темные, только один светлый – желтоватый – со львами. Когда мы уставали, мы садились на ступеньках этого дома и дело доходило до того, что мы с тобой варили в какой-то чужой кухне в огромных чугунах обед. Всё кипело – такие огромные пены – и была страшная жара. Улица та была пустая и всё какое-то каменное.

Аля, 27го августа 1918 г., в кухне, за ужином – ко мне и Наде:

«Вы тут всё про дворников говорите, а я думаю про свою серебряную страну.»

– Марина! А я думаю, что я скоро *правда* сделаюсь привидением и ты меня будешь бояться.

Насколько твои теперешние стихи лучше, чем детские!

– Марина! Ты замечаешь, что горе – уютное? Какой-то круг.

Аля – о письме А<нтоколь>ского: – «Марина! Это мне что-то напоминает, только я не знаю – что, – м<ожет> б<ыть> стихи? Такие торжественные слова. Только глаже, чем стихи – торжественная гладь.

Молитва Али:

– «Спаси, Господи, и помилуй: папу, дорогого папу, чтобы он приехал живым и здоровым, сделай также, Господи, чтобы мама была жива и здорова – и Ирина – и Надя – и Ася – и Андрюша – и Никодим – Таня... Спаси, Господи, и помилуй – как его?! – Андрея, – Сокола, Пра, Бальмонта и всех его жен... И, спаси, Господи, и помилуй всех кто на море... Дай, Господи, чтобы те кто уехали, не пропали... Упокой, Господи, душу царя... Упокой, Господи, душу Белого Генерала... Упокой, Господи, душу Гольцева... Упокой, Господи, душу ген<ерала> К<орнило>ва... Упокой, Господи, душу Пушкина... Душу Андерсена...»

Я была в каменном сне... А потом, в *полусонье* я встала на колени и стала креститься... Ох, Марина, я *правда* лунатика!

27ая—28ая августа 1918 г.

Брянский вокзал — за молоком — 5½ ч. утра по старому. Небо в розовых гирляндах, стальная (голубой стали) Москва-река, первая свежесть утра, видение спящего города. Я в неизменной зеленой крылатке, — кувшин с молоком в руке — несусь.

Ах, я понимаю, что больше всего на свете люблю себя, свой душу, которую бросаю всем встречным в руки, и тело <над строкой: шкуру>, которое бросаю во все вагоны 3^{ья} кл<асса>. — И им ничего не делается!

Чувство нежнейшей camaraderie¹ — восторга — дружеского уговора.

Такое чувство — отчасти — у меня есть только к Але.

— Анна Ахматова! Вы когда-нибудь вонзались, как ястреб, в грязную юбку какой-нибудь бабы² — в 6 ч. утра — на Богом забытом вокзале, чтобы добыть Вашему сыну — молоко?!

Из письма:

Нас делят, дружочек, не вещи высокого порядка, а быт. Согласитесь, что не может быть одинаковое видение от жизни у человека, к<отор>ый весь день кружится среди кошёлков, кухонных полотенец, простонародных морд, вскипевшего и не вскипевшего молока — и человека, в полном чистосердечии никогда не выдавшего сырой моркови.

— Да, но на то и любовь, чтобы сравнивать быт. (Принц в Ослиной Коже и судомойка.)

— Да, принцу-то легко забыть о никогда не виденных им кастрюльках, а судомойка знает, что принц уйдет, а грязные кастрюли — останутся!

Женщине, если она человек, мужчина нужен, как роскошь, — очень, очень иногда. Книги, дом, заботы о детях, радости от детей, одинокие прогулки, часы горечи, часы восторга, — что тут делать мужчине?

У женщины, вне мужчины, целых два моря: быт и собственная душа.

---

¹ товарищества (фр.).

² летучие вокзальные молочные хвосты (Примечание М. Цветаевой).

Кошёлку я несу, как котомку, — отсюда восторг.

О, мои подруги по очередям — нарядные мещанки и грязные бабы! — вы никогда не научитесь так быстро ходить, и так весело покупать <над строкой: так весело стоять, не получать>, вы никогда не будете столь усердно служить своему дому, как я своему. Для этого нужны — крылья!

Я абсолютно *déclassée*¹. По внешнему виду — кто я? — 6 ч. утра. Зеленое, в три пелерины, пальто, стянутое широченным нелакированным ремнем (городских училищ). Темно-зеленая, самодельная, вроде клобука, шапочка, короткие волосы.

Из-под плаща — ноги в серых безобразных рыночных чулках и грубых, часто не чищенных (не успела!) — башмаках. На лице — веселье.

Я не дворянка (ни гонора, ни горечи), и не благоразумная хозяйка (слишком веселюсь), и не простонародье (слишком <слово не вписано>) и не богема (страдаю от нечищенных башмаков, грубости их радуюсь, — будут носиться!).

Я действительно, **АБСОЛЮТНО**, до мозга костей — вне сословия, профессии, ранга. — За царем — цари, за нищим — нищие, за мной — пустота.

О № 42 — отчетливый! мелом! — в 6 ч. утра, на моем зеленом крыле у спящей двери Чичкина!

— «Монах ребенка украл!»

(Возглас мальчишки на Казанском вокз<але>, видящего меня, мчащуюся с Ириной на руках.)

— Что меня заставляет так мучиться с этими очередями, кооперативами, Смоленскими, вокзалами? — Д<олжно> б<ыть> всё-таки —

---

¹ вне классов (*фр.*).

чувство долга, но так как я от природы чувствую отвращение к долгу, я бессознательно (из самообороны!) превращаю всё это в приключение.

Тяготение к мучительству. Срываю сердце на Але. *Не могу любить сразу Ирину и Алю, для любви мне нужно одиночество. Аля, начинающая кричать прежде, чем я трону ее рукой, приводит меня в бешенство. Страх другого делает меня жестокой.*

Из письма:

...Господи Боже мой, знайте одно: всегда, в любую минуту я о Вас думаю. Когда Вам захочется обо мне подумать, знайте, что Вы думаете в ответ.

...Это *ныло* у меня два года в душе, а теперь *воет*.

...Я же не одержима, моя одержимость тайная, никто в нее никогда не поверит.

...Люблю Вас и без сына, люблю Вас и без себя, люблю Вас и без Вас — спящего без снов! — просто за голову на подушке!

Леонид К<аннегисер>! Изнеженный женственный 19летний юноша — эстет, поэт, пушкиниянец, томные позы, миндалевидные глаза <над строкой: ногти>.

(Таким Вы были в январе 1916 г. (мой первый приезд в Петербург!))

Пречистенка, Институт Кавалерственной Дамы Чертовой, ныне Отдел Изобраз<ительных> Искусств.

Клянусь Богом, что живи я полтора года назад я непременно была бы Кавалерственной дамой!

(Нахожусь здесь за пропуском в Тамбовскую губ<ернию> — «для изучения кустарных вышивок» — за пшеном.)

3^ю—4^ю сент<ября> 1918 г.

Дорога на ст<анцию> Усмань Тамб<овской> губ<ернии>
Хлеб — заморский царевич (а м<ожет> б<ыть> заклятой царевич?)

— «И будет это так идти пока не останется: из Тысячи — Муж, из Тымы — Жена». (Из солдатских разговоров.)

—
Некоторые люди относятся к внешнему миру с какой-то придиричивостью (дети, — дальнзоркие — писатели типа Чехова и А.Н.Толстого).

С такими мне утомительно и скучно.

—
В Москве есть церковь «Великого Совета Ангел».

—
«И подарил он ей персиянский халат, п<отому> ч<то> стала она тогда уже часто прихварывать.»

(Так мог бы кто-нибудь рассказывать о Настасье Филипповне. — Русская «*Dame aux Camélias*»¹.)

—
Не забыть посадку в Москве. В последнюю минуту — звон и шум. Я: «Что это?» Мужик, грубо: — «Молчите! Молчите! Видно, еще не ездили!» Баба: — «Помилуй нас, Господи!» — Страх, как перед опричниками, весь вагон — как гроб. И, действительно, минуту спустя нас всех, несмотря на билеты и разрешения, выбрасывают из вагона. Оказывается, вагон понадобился красноармейцам.

В последнюю секунду мы — М<алинов>ский, его друг, теща и я — благодаря моей «командировке» всё-таки попадаем обратно.

—
Ночной спор о Боге. Ненависть солдат к монахам и любовь к Богу. — «Зачем доску целовать? Коли хочешь молиться, молись один!»

Солдат — офицеру (типа бывшего лицеиста):

— «А Вы, товарищ, какой веры придерживаетесь?»

Из темноты — ответ: «Я спирит социалистической партии».

—
Ст<анция> Усмань.

Приезд. — Чайная. — Испуганные и ехидные старухи. Ночь на полу. Обыск. Крики, плач, звон золота, распоротые перины, тени красноармейцев.

---

¹ «Дама с камелиями» (фр.).

Опричники: еврей с слитком золота на шее, еврей – семьянин (если есть Бог – он мне не мешает, если нет – тоже не мешает), «грузин» с Триумф<альной> площади в красной черкеске, за гривенник зарежет мать.

С чайниками за кипятком на станцию. 12тилетний – одного из реквизирующих офицеров – «адъютант». Круглое лицо, голубые дерзкие глаза, на белокурых – бараном – кудрях лихо заломленная фуражка. Смесь амура и хама.

Хозяйка: маленькая (мизгирь) наичернющая евреечка (можно и должно сказать иначе), обожающая золотые вещи и шелковые материи. Раньше – владелица трикотажной мастерской в Петрограде (Петербург здесь неуместно), сейчас – жена коммуниста на реквизици<ионном> пункте.

– «Ну что же Вы здесь делаете, когда дождь, когда все ваши на реквизиции? – Читаете?»

– Да-а...

– А что Вы читаете?

– «Капитал» Маркса, мне муж романов не дает.

– Как трогательна старая женщина, которая – по привычке – платит улыбкой!

Из всех, кого я знаю, кажется только мы с Асей приняли всерьез библейское слово о добывании хлеба насущного в поте лица своего.

– Ст<анция> Усмань Воронежской губ<ернии>, где я никогда не была и не буду. 15 верст пешком по стриженному полю, чтобы выменять ситец (розовый) на крупу.

Рынок – базар. Юбки – поросята – тыквы – петухи. Я покупаю 3 деревянных игрушечных бабы, вцепляюсь в какую-то живую бабу, покупаю у нее нашейный – темного меду – крупный – колесами – янтарь – и ухожу с ней с базара – ни с чем. Дорогой узнаю, что она «на Казанской погуляла с солдатом» и задумываюсь, весело ли это.

Дома: возмущение хозяйки янтарем. Мое одиночество. На станции за кипятком, девки: — «Барышня янтарь надела! Страм-то! Страм!»

У нас с Асей роман с черной работой.

Мытье пола у хамки. — «Еще лужу подотрите! Повесьте шляпку! Нет, я совсем не умею мыть пола, знаете — поясница болит. Вы наверное с детства привыкли!».

Молча глотаю слёзы.

Вечером из-под меня выдергивают стул, ем *свои* два яйца без хлеба (на реквизиц<ионном> пункте! в Воронежской губ<ернии>!)

Пишу при луне (черная тень от карандаша и руки). Вокруг луны огромный круг. Пыхтит паровоз. Ветлы. Ветер.

Господа! Вы слишком думаете о своей жизни! У вас времени нет подумать о моей, — а стоило бы!

Сваха — бывшая портниха, разудалая, речистая замоскворецкая теща («муж подкузьмил — умер!»), хам-к<расноармее>ц с золотым слитком на шее, мешанка-жидовочка, бывшая владелица трикотажной мастерской, бабы, напуганные до смерти, подозрительные угрюмые мужики, жара, нечищенные башмаки, *чужой* хлеб, «Господи! Убить того до смерти, у кого есть сахар и сало!» — прогулки за кипятком на вокзал, — всячески пария: для хамки — «бедная» (грошевые чулки, нет бриллиантов), для хама — «буржуйка», для тещи — «бывшие люди» (раньше работала на жену дяди Феди), для к<расноармей>цев — гордая стриженная барышня. Роднее всех (на 1 000 000 верст!) — бабы, с к<отор>ыми у меня одинаковое пристрастие к янтарю и пестрым юбкам — и одинаковая доброта, — как колыбельная песня.

Опричники: Рузман, Берг, Каплан, Левит.

«Не было смиреннее нашего города!» (рассказ мужика по дороге в Усмань.)

Сегодня опричники для топки сломали телегр<афный> столб.

Хозяйка за чем-то наклоняется. Из-за пазухи выпадает стопка золота, золотые со звоном раскатываются по комнате.

Стенька Разин: 4 Георгия, спас знамя. — «Что Вы чувствовали, когда спасали знамя?» — «Ничего не чувствовал! Есть знамя — есть полк, нет знамени — нет полка!». Рассказ его о подводном городе. Купил с аукциона дом в Климачах за 400 руб. Грабил банк в Одессе: «полные карманы золота!». Служил в полку наследника. — «Выходит он из вагона: худенький, хорошенький, и жалобным таким голоском — «А куда мне сейчас можно будет пойти!» — «Вас автомобиль ждет, Ваше Высочество!» — Многие солдаты плакали.»

Отец моего Стеньки — околodочный, всё знает, пишет книгу «Слёзы России», к<отор>ую никому не дает читать.

Реквизировали столько-то золотых часов и скат гвардейского сукна на «бешметы».

Опять Москва, конец сентября 1918 г.

Аля: Марина! У меня какие-то внутренние слёзы!

Марина! Сегодня воздух, как паутина! Руки путаются!

Два раза встречаем на Поварской офицера на костылях, с Георгием. В первый раз, пропустив его, посылаю ему с Алей вдогонку астру. — «За Георгия». Во второй раз он уже улыбается. Посылаю ему с Алей вдогонку — «за Георгия» — огромный кленовый лист. «Орден Льва и Солнца — лист кленовый!»

Аля, ночью, просыпаясь: — «Марина! Была одна такая странная девочка, она любила святых и одному святому не домолилась.»

— Марина! Я бы хотела так: много народу в комнате, темно, кружки папирос, и я бы в темноте узнала тебя — руками — по бархату. Потом все бы ушли, началась бы заря. С гостями ушла бы ночь, гости точно поддерживали ночь.

— Хорошая книга! Только там такие места: «ясное солнышко», «светлые волосики», — не простые, п<отому> ч<то> простота — хорошая вещь, а какие-то — простоватые.

— «Я сейчас как-то судорожно иду.»

— «Марина! Правда — колокол сейчас, как пригоршни золота <над строкой: серебра>?».

(Вечерняя, грустная прогулка на Садовую.
Фруктовая лавчонка, напоминающая Юг. — Заря.)

ОКТЯБРЬ

Из письма:

Пишу Вам это письмо с наслаждением, не доходящим, однако, до сладострастия, ибо сладострастие — умопомрачение, а я вполне трезва.

Я Вас больше не люблю.

Ничего не случилось, — жизнь случилась. Я не думаю о Вас ни утром, просыпаясь, ни ночью, засыпая, ни на улице, ни под музыку, — никогда.

Если бы Вы полюбили другую женщину, я бы улыбнулась — с высокомерным умилением — и задумалась — с любопытством — о Вас и о ней.

Я — aus dem Spiel¹.

— Всё, что я чувствую к Вам, — легкое волнение от голоса и то общее творческое волнение, как всегда в присутствии ума — партнёра.

Ваше лицо мне по-прежнему нравится.

— Почему я Вас больше не люблю? Зная меня, Вы не ждете «не знаю».

Два года подряд я — мысленно — в душе своей — таскала Вас за собой по всем дорогам, залам, церквам, вагонам, я не расставалась с Вами ни на секунду, считала часы, ждала звонка, лежала, как мертвая, если звонка не было, — всё, как все — и всё-таки не всё, как все.

Вижу Ваше смуглое лицо над стаканом кофе — в кофейном и табачном дыму — Вы были как бархат — я говорю о голосе — и как сталь — говорю о словах — я любовалась Вами, я Вас очень любила.

Одно сравнение — причудливое, но вернейшее: Вы были для меня тем барабанным боем, подымающим на ноги в полночь всех героических мальчишек города.

— Вы первый перестали любить меня. Если бы этого не случилось, я бы до сих пор Вас любила, ибо я люблю всегда до самой последней возможности.

Сначала Вы приходили в 4 ч., потом в 5 ч., потом в 6 ч., потом в восемь, потом совсем перестали.

Дела? Да, — дело дней — жизнь.

— Вы не разлюбили меня (как отрезать), Вы просто перестали любить меня каждую минуту своей жизни, и я сделала то же, послушалась Вас, как всегда.

Вы первый забыли, кто я́.

Пишу Вам без горечи — и без наслаждения, Вы всё-таки лучший знаток во мне, чем кто-либо, я просто рассказываю Вам, как знатоку и ценителю — Seelenzustand², и я думаю, что Вы по старой привычке похвалите меня за точность чувствования и передачи.

(2²² окт <ября> 1918 г.)

---

¹ вышла из игры (нем.).

² состояния души (нем.).

– Любить – видеть человека таким, каким его задумал Бог и не осуществили родители.

Не любить – видеть человека таким, каким осуществили его родители.

Разлюбить – видеть вместо него – стол, стул.

(3^{ья} окт<ября> 1918 г.)

Аля – 4^{ья} окт<ября> 1918 г.

– «Многие люди тебя любят и никогда не смогут тебя разлюбить, п<отому> ч<то> они закованы в цепи, к<отор>ые не пускают в нелюбовь.»

– Ах, Марина! Как бы я хотела, чтобы была словесная музыка!

– Марина! У деревьев тоже есть кровь.

– Я буду сидеть в черном пышном платье, у меня будет двое детей, мальчик и девочка. Мальчика будут звать Иосифом Прекрасным, а девочку Марией. У нас была бы колесница, и у каждого своя лошадь с жеребенком. Я была бы замужем за графом, к<отор>ого бы звали Павел. Мальчик Иосиф Прекрасный был бы одет в черный бархатный костюм с турецкой шапочкой. У девочки большие голубые глаза, а у Иосифа – серые, тоже большие. Грустные лица, яркие рты. (Марина! Я уже чувствую, что у меня будет трое детей: два сына и одна дочь. Но про другого сына я вообще тут не буду рассказывать – и про мужа.)

(Прогулка у Храма Спасителя.)

Женщина, чуть-чуть улыбаясь, подает левую руку. – Любовь. – Примета. –

Революция – землетрясение. (Банально, да?) – Спасайся, кто может, гибни – кто хочет. Попробуйте *любить* во время землетрясения!

Сегодня Аля приносит мне из церковного садика дощечку с надписью (буквы – печатные и в вершок вышиной):

«Дом Рики прошу не трогать.»

– Вопль против социализации (или национализации?) домов!

Аля:

– «Марина! Я больше всего на свете люблю самую середину земного шара!».

Одинаково трудно любить героя и не-героя. (Я.)

Аля: Солнце – свято. Снег – денные звезды.

– «Марина! Правда – холод похож на чистоту?»

(10го окт<ября> 1918 г.)

– Стоит мне только задуматься – напр<имер> в очереди – наклонить голову – и словесная музыка.

(11го окт<ября> 1918 г.)

(Идя в столовую за платьем:)

...И мы успеем поговорить про Сахару!

Дом Лета.

– «Марина! Когда ты умрешь, я поставлю тебе памятник с надписью:

«Многих рыцарей – Дама»,

только это будет такими буквами, чтоб никто не мог прочесть. Только те, кто тебя любили...

— Последнее золото мира! —
(О деревьях в Александровском саду.)

Большев<истский> праздник — знамена — $\frac{1}{2}$ ф<унта> масла —
 $\frac{1}{2}$ ф<унта> хлеба. На Арбатской площади — колесница «Старый режим».
В колеснице — розовые и голубые балерины. Колесницу везет старый —
во всем блеске — генерал.

Александровское училище всё в красном, колонны просто вы-
крашены в красный цвет, на фронтоне надпись: «Мир — хижинам, вой-
на — дворцам.»

«Из этого окошка мы стреляли» (реалист на Собачьей площадке.)
Вечером — шутовская канонада фейерверка.
«Ихняя Пасха».

Беззащитность рукописи.

Дочь, у к<отор>ой убили отца — сирота. Жена, у к<отор>ой уби-
ли мужа — вдова. А мать, у к<отор>ой убили сына?

Аля: Я с жадностью бросаюсь на Вашу грудь.

Площадь — людная пустыня.

— «От одной спички вся Москва закурит!»
(Слова солдата. — Мировая революция.)

Луна — часовой.

Всегда крещусь, переезжая через реку.

«Перед смертью не надышешься!» – Это сказано обо мне.

Семья... Да, скучно, да <слово не вписано>, да, сердце не бьется... Не лучше ли: друг, любовник?

Но поссорившись с братом, я всё-таки вправе сказать: «Ты должен мне помочь, п<отому> ч<то> ты мой брат» (муж – отец). А любовнику (большое л – Любовь) этого не скажешь – ни за что – язык отрежешь!

Веками освященное *право интонации*. –

Родство по крови грубо и прочно, родство по избранию – тонко. Где тонко, там и рвется.

«Я Вас не оставляю!» Так может сказать только Бог – или мужик с молоком в Москве, зимой 1918 г.

Да, да, господа! До 1918 года вы говорили: дворянин, хам... Я же говорила: человек. Теперь – наоборот.

Мне хочется выйти на площадь и крикнуть: – «Господа! Я за <слово не вписано>! за <слово не вписано>! Я вас всех ненавижу! Я б <слово не вписано>!

А дома у себя я преспокойно мою полы, п<отому> ч<то> прислуге это почему-то скучно, а мне – всё весело.

Аля, ночью – «Марина! Дым – женщина, туман – женщина. Гром – мужчина.»

Ночь – женщина, вся в черном. Летит как птица.

Вечер – памятник в плаще из струй.

Г<оспо>да! Вы поставили памятник Г. Гейне. Вы опрометчиво поставили памятник Г. Гейне (См. *Vermischte Schriften*¹, о республике и республиканцах.)

Есть у Гейне пророчество о нашей революции:

– «Und ich sage euch, es wird einmal ein Winter kommen, wo der Schnee rot von Blut sein wird.»²

(Привожу на память, но смысл тот.)

НОЯБРЬ

Аля:

Марина! Теперь я один раз в жизни видела ракету и два раза привидение.

– Аля, если люди друг другу очень нравятся – и всё-таки не целуются – что это?

– По-моему – нелюбовь!

– Нет, они очень друг другу нравятся.

– Мне хочется сказать тебе одно свое слово.

– Ну?

– Тогда они похожи на меня.

– Какие же они?

– Неразгадочные.

...«Это была любовь, но далёкая, далёкая, не с неба – а прямо (указывает рукой в окно). И она по дороге растеряла все искры, всё целование. И остался один большой белый огонь.»

Сна нет, Марина. Сон *не* снится. Сон – покрывало. Серое. Под ним – жизнь.

---

¹ Разные сочинения (нем.).

² «И я говорю вам: наступит однажды зима, когда снег станет красным от крови» (нем.).

ПИСЬМО АЛИ К Ю<РИУ> З<АВАДСКОМУ>

Письмо неведомо кому

Я Вас люблю и м<ожет> б<ыть> Вы тоже полюбите меня. Я думаю, что Вы крылатый. Вы будете мне сниться. Ночью Вы обнимете меня Крылами (большое К, Марина!). Вы придете в беззвездную ночь, бессветную Ночь. У Вас белые волосы, протянутые руки. Вы живете в доме, к<отор>ый стоит на облаках. Скоро Вы будете жить в моем саду. Вы отделены от всех, у Вас есть колесница-раковина и крылатые кони. Я хочу писать только о Вас. Кто мы с мамой – Вы сами узнаете.

Стук в дверь, нежный голос: можно? – И Вы войдете, Крылатый. Вы охраняете всех. Я никогда никому не скажу об Вас.

3^{ья} ноября 1918 г.

– «Аля, если ты, как Христос велел, всех любишь, ты должна любить и б<ольшеви>ков.»

– Нет, я буду молиться о том, чтоб они умерли, а когда они умрут, я буду молиться за упокой их души.

– Марина! Я люблю корону и морскую звезду.

Я и Театр

Я принадлежу к тем зрителям, к<отор>ые, по окончании мистереи, разрывают на части Иуду.

13^{ья} ноября, Поварская, д<ом> Соллогуба. «Информа<ционный> Отдел Комиссариата по делам Национальностей».

Латыши, евреи, грузины, эстонцы, «мусульмане», какие-то «Мара-Мара», «Энь-Лунья», и всё это – мужчины и женщины – в фуфайках, в куцавейках – с нечеловеческими (национальными) носами и ртами...

— А я-то, всегда чувствовавшая себя недостойной этих очагов (успальниц!) *Расы!*

14ая ноября 1918 г., второй день службы¹.

— Странная служба, где приходишь, облокачиваешься локтями о стол и ломаешь себе голову: чем бы мне заняться, чтобы прошло время? Когда я прошу у заведующего какой-н<и>б<удь> работы, я замечаю в нем какую-то злобу.

Пишу в розовой зале. Оказывается — она вся розовая. Вчера я заметила только печи. Розовая лепка, розовый низ.

Мраморные ниши окон. Две огромных завешенных люстры. — Мелкие вещи (вроде мебели!) исчезли. —

14ая ноября, в 11 ч. вечера — в мракобесной, тусклой, кишасей кастрюлями и тряпками столовой, на полу, в тигровой шубе, осыпая слезами соболий воротник — прощаюсь с Ириной.

Ирина, удивленно любуясь на слёзы, играет завитком моих волос. Аля рядом, как статуя восторженного горя.

Потом — поездка на санках. Я запряжена, Аля толкает сзади — темно — бубенцы звенят — боюсь автомобиля...

Аля говорит: — Марина! Мне кажется, что всё небо кружится. — Я боюсь звезд!

15ая ноября 1918 г. Третий день службы.

Составляю архив газетных вырезок, т.е.: излагаю своими словами Стеклова, Керженцева, отчеты о военнопленных, продвижение красной армии и т.д. Излагаю раз, излагаю два (переписываю с «журнала газетных вырезок» на «карточки»), потом наклеиваю эти вырезки на огромные листы. Газеты — тонкие, шрифт еле заметный, а еще надписи лиловым карандашом, а еще клей, — это совершенно бесполезно и рассыплется в прах еще раньше, чем это сожгут.

---

¹ в этой зале я 8 мес. спустя читала «Фортуна» (Дворец Искусств.) (Примечание М. Цветаевой).

Здесь есть столы: эстонский, латышский, финляндский, молдавский, мусульманский, еврейский и т.д. Я, слава Богу, занята у русского.

Каждый стол — чудовищен.

Слева от меня (прости, безумно любимый Израиль!) две грязных унылых жидовки — вроде селедок — вне возраста. Дальше: красная белокурая — тоже страшная — как человек, ставший колбасой — латышка. «Я ефо знала, такой маленький. Он участвовал в загофоре и ефо теперь пригофорили к растрелу...» И хихикает. — В красной шали. Яркорозовый, жирный вырез шеи.

Жидовка говорит: — «Псков взят!» — У меня мучительная надежда: — «Кем?!» —

Дальше, рядом со мной — двое (восточный стол). У одного нос и нет подбородка, у другого подбородок и нет носа...

За мной — семнадцатилетнее дитя — розовая, здоровая, курчавая, как белый негр, — слава Богу, русская!

Еще — тип институтской классной дамы («завязтая театралка»), еще — жирная, дородная армянка, еще ублюдок в студенческом, еще — эстонский земский врач, сонный и пьяный от рождения... Еще (разновидность) — *унылая* латышка, вся обсосанная.

— И я. —

—

Разница между спартанцем и спортсменом.

(Моя ненависть к теннису.)

—

Опечатка:

— «Если бы иностранные правительства оставили в *помое* (покое) русский народ» и т.д.

«Вестник Бедноты», 27/XI № 32.

—

Какой очаровательный старинный возглас:

— «Дедушка, Вас бабушка зовет!»

—

Из письма:

... Я написала Ваше имя и долго молчала. Лучше всего было бы закрыть глаза и просто думать о Вас, но — я трезва! — Вы этого не узнаете, а я хочу, чтобы Вы знали. — (Знаю, что Вы всё знаете!)

Сегодня днем — легкий, легкий снег — подходя к своему дому я остановилась и подняла голову. И подняв голову, ясно поняла, что подымаю ее навстречу Вашей чуть опущенной голове.

< >¹! Мы еще будем стоять так, у моего подъезда, — нечаянно — в первый — в тысячу первый — раз.

— Думайте обо мне что хотите (мое веселое отчаянье!) Но — прошу Вас! — не валить всего этого на «безумное время».

У меня всегда безумное время.

Милый друг! Вчера вечером я в первый раз в жизни полюбила лифт. (Всегда панически и простонародно боялась, что застряну *навек!*)

Я подымалась — одна в пустой коробке — на каком-то этаже играла музыка, и все провалы лифта были наводнены ею. И я подумала: движущийся пол — и музыка. Пустота и музыка. Вся я. — И, задыхаясь от восторга, подумала: — Музыка коварными когтями разворачивает грудь.

А через час я встретилась с Вами.

— Я знаю, что я Вам необходима, иначе не были бы мне необходимы — Вы.

Аля: Солёные волны моря
Хлынули мне в лицо.
Я царь всему этому берегу.
Уносит меня луна.

По поводу «Студийного ребенка».

Кто-то из Студийцев рассказывает:

— А у Наташи и Бориса Ильича месяц назад родилась девочка. Теперь у нас студийный ребенок.

Ревную:

1) Как мог Борис Ильич (к<оторо>го я в глаза не видала) всё-таки жениться на Наташе, а не на мне.

2) Почему это у кого-то новый ребенок, а у меня нет (у меня было бы трое, а им всё равно не нужно!)

3) И почему Аля — просто ребенок. А этот ребенок — студийный?

---

¹ Имя не вписано.

4) И почему Е. Б. Вахтангов нашел время, чтобы воспевать этого студийного ребенка, а мне написать две строчки в ответ на стихи — не нашел?

5) Почему...

Господа!

Я могу входить без доклада.

Не могу (убейте!) входить без приглашения. Ибо входить без доклада = быть уверенным в приглашении.

— Но я не могу входить без приглашения.

Сумасбродство и хорошее воспитание:

Целоваться на Вы.

Пересказываю — по долгу службы — своими словами какую-то газетную вырезку о необходимости устроить на вокзалах дежурство грамотных для чтения и разъяснения «публике» агитационных листов:

...«На вокзалах день и ночь должны дежурить грамотные, чтобы разъяснять приезжающим и отъезжающим разницу между старым строем и новым.»

Разница между старым строем и новым:

Старый строй:

— «А у нас солдат был.» — «А у нас блины пекли.» — «А у нас бабушка умерла.»

— Солдаты приходят, бабушки умирают, только вот блинов не пекут.

Аля. (Пропущено, относится к августу.)

Дева-Царь, Марина, то женщина, то царский сын, и не женщина она, и не царский сын.

Она путешествует, различает всё вдали, знает все до одного названья.

— Марина! Я чувствую, что у меня сегодня новая жизнь началась, и знаешь — я чувствую — вся моя прежняя жизнь — такая пустая! Мне бы хотелось всё это: кухню, полотенца, кастрюльки, всё это, что мне не нужно, свалить куда-н<и>б<удь> собственными руками, чтобы ничего этого не было, чтобы только *мой* мир был.

И знаешь — только не думай, что я хвастаюсь! — Я не хвастаюсь! — мне так нравятся мои слова: они, как маленькие драгоценные вещи, как бусы... Ох, Марина! Это — великий мир, как пустыня. В твоей комнате — этот мир, твоя комната — из всего мира, хотя она такая маленькая... Так странно! Я сегодня точно в первый раз всё вижу: тебя, комнату, погоду... Всё такое странное, и погода странная...

Алино письмо С<ереже> (27ая ноября 1918 г.)

Милый папа! Я так медленно пишу, что прошу дописать Марину. Мне приятно писать Вам. Часто я Вас ищу глазами по комнате, ища Ваше живое лицо, но мне попадаютя только Ваши карточки, но и они иногда оживляются, п<отому> ч<то> я так внимательно смотрю. Мне всё кажется: из темного угла, где шарманка, выйдете Вы с Вашим приятным, тонким лицом.

Меня слушает всякий шум: кран, автомобиль, человеческий голос. Мне всё кажется: всё выпрямляется, когда я смотрю. Милый папа, я Вас буду бесконечно-долго помнить. Целая бездна памяти надо мной. Я очень люблю слово «бездна», мне кажется, есть люди, к<отор>ые живут над бездной и не погибают в буре.

— Я в маминой комнате хожу в осеннем желтом пальто. —

Ваша жизнь, мой прекрасный папа, черная бездна небесная, с огромными звездами... Над Вашей головой — звезда Правды. Я кланяюсь Вам до самой низкой земли.

— Милый папа, раз мы вечером гуляли, я посмотрела на небо, всё небо кружилось. Я очень испугалась и сказала это маме. Мама сказала, что небо действительно кружится. Мне стало еще страшнее. На улице никого и ничего не было, кроме нас. Только тусклые фонари. — И мама мне сказала, что нужно — чтобы не бояться звезд — сделать их своими друзьями. И мы спокойно пошли дальше. И теперь я уже без страха. И, опираясь на мамину руку я буду жить. Целую Вас от всей моей души и груди.

Аля.

ДЕКАБРЬ:

В слове «боты» есть какая-то неизъяснимая (вполне изъяснимая) вульгарность.

Встреча на Поварской с племянницей Дж<унков>ского
(несу ей кошёлку)

— Кому живется, а кому и ёжится!

(Баба, рассыпавшая на улице чечевицу, за к<отор>ой стояла 2 часа на морозе в очереди.)

Аля:

Марина! Я бы хотела построить дом для поэтов, чтобы камин пылал, кофе кипел, а они бы ничего не делали, — только писали стихи!

— «Сон оковал меня железом!»

— «Мне снился праздничный сон — многолюдный. Большая мужская толпа и мои глаза.»

1919 г.

ЯНВАРЬ.

1ая янв<аря>, ст.ст.

— «Марина! Я чувствую себя сейчас маленькой, тихо-сумасшедшей девочкой!»

...«Маленькие облачка воспоминаний».

— «Марина! А ведь Старый Год — пророк!»

— «Секунда — белая птица.»

10ое янв<аря> 1919 г.

— «Слышишь голос, шаги, а человека не видно.»

(Рассказ кого-то о вчерашнем тумане. Вспоминаю Ю. З<авад>-ского.)

Трагическое во мне в последнюю секунду искупается легкомыслием.

Облегч<ение> собесед<нику>.

Есть женщины, у к<отор>ых по чести, не было ни друзей, ни любовников: друзья слишком скоро становились любовниками, любовники — друзьями.

Я больше люблю человекоподобных богов, чем богоподобных людей.

(Ибо *упор* всегда в прилагательном!)

Я о К.А.К.: — «Она поднимает ногу, как руку.»

Ц.И.К. Всероссийский Ицек.

«Выжидательная служба». С 4-х часов ждем. — «А он что делает?» — «Курит папироску в комиссариате.»

Нет маленьких событий. Есть маленькие люди.

Вся тайна в том, чтобы событие сегодняшнего дня рассказать так, как-будто оно было 100 лет назад, а то, что совершилось 100 лет назад – как сегодня.

Из Известий:

Господство над морем – господство над миром.

2/23 янв<аря> (Изв<естия> Ц.И.К. «Наследник».)

Кто-то читает: малолетний сын Корнилова – Георгий – назначен урядником в Одессе.

Я, невинно: Почему урядником? Отец же не служил в полиции!
(А в груди клокочет.)

Из письма:

... «Милый друг! Кем бы Вы меня ни считали: сивиллой – или просто сволочью»...

Любовь – разложима, но не делима.

Вы меня никогда не любили. Если любовь разложить на все ее составные элементы – все налицо: нежность, любопытство, жалость, восторг и т.д. Если всё это сложить вместе – может и выйдет любовь.

– Но это никогда не слагалось вместе.

... Элементы, входящие в наши отношения (пишу «отношения» и сомневаюсь, есть ли у Вас какое-н<и>б<удь> отношение ко мне...)

Конечная точка линии, исходной точкой которой является Очарование – есть Магия.

Любовь – параллельная линия к нашей с Вами прямой, проведенная на миллиметр расстояния.

Аристократизм: враг избытка. Всегда немножко меньше, чем нужно. <Над строкой: Не перед<ать> (явно.)>

Вечное Вы любовнику.

Аристократизм — замена принципов — Принципом. (Le grand Principe¹).

(Н<икодим>)

— Клянусь Богом, что Вы меня ни капельки не любите, клянусь Богом, что я от этого люблю Вас гораздо меньше и люблюсь Вами гораздо больше, а так как это и Вам и мне дороже, чем любовь, продолжайте не любить меня — на здоровье!

Из письма:

«Милый друг! У меня к Вам нежнейшая просьба: никогда не заставляйте понапрасну ждать. Прошу не за себя, а за тех, к<отор>ые не умеют писать стихи, когда не приходят — а просто плачут!

Дайте мне это обещание! Каждый раз, когда Вы намереваетесь не придти, предупредите — Вы сделаете доброе дело — во имя мое.

— Сколько добрых дел в течение всей Вашей красоты!

Почему я не смею — через горло не идет — сказать Вам, что я Вас люблю? Всё, что угодно, — только не это!

Всё, что у меня осталось свободы с Вами — это мой смех.

Вы меня не любите, а я Вам не доверяю.

(Любовь.)

Гусары у Сиу.

---

¹ Верховный Принцип (*фр.*).

ФЕВРАЛЬ

– Никогда не уступаю желанию, всегда – причуде. От сильных своих желаний мне как-то оскорбительно, от причуды – весело.

В желании я – раб, в причуде – царь.

Три породы женщин: 1) Светящиеся, 2) блистающие, 3) жгущие. Первых (мэтерлинковских – Св. Цецилий – вроде жены В. Иванова) ненавижу, третьих не понимаю, люблю только вторых – себя.

Аля:

Мировое – это по-моему быстрое,двигающееся, холодное, со лдом и с ветром, – ветер, спутанный с обломками льда.

– «Я люблю детский почерк».

– «Мне кажется, я выйду замуж, шутя.»

Аля – Ю.З<авадскому>

Я Вас люблю не совсем полно. Я немного к Вам хладнокровна. Мне мешает какая-то тень дальше Вас любить. Вы ступаете так нежно и осторожно, точно боитесь раздавить какие-то маленькие существа.

Рассказываю Бальмонту о потере голоса.

– «Вы знаете, меня должно быть Бог наказал за то, что я слишком много говорила. Целых две недели я ничего не могла говорить, кроме «и». Ни а, ни о, – только и. И тогда я поняла, что это наверно какой-н<и>б<удь> Иван, которого у меня еще никогда не было.»

Бальмонт, молниеносно: – «Конечно: Иван-Царевич!»

В двух словах об этом нашем с Алей визите к Бальмонту. В маленькой тесной кухне: Бальмонт – «как царь под пледом» (выражение Нади), Анна Николаевна, Т. Алексеевна, Мирра, Аля, я. У плиты –

обезумев от жары и от того, что всё сразу вскипело (знакомая трагедия!) — Елена. В доме, очевидно, до сегодняшнего дня ничего не было, а теперь вдруг всё стало: пекут блины, варят картошку, варят кашу, варят суп из телятины. И угощают, угощают, угощают. Бальмонт ест восторженно, Аля — истово, Мирра — причудливо. Я, случайно совершенно сытая, присутствую у стола в шубе, пью только кофе, люблюсь классицизмом всей этой сцены.

Бальмонт восклицает: «Ах, я бы с таким наслаждением съел всю эту телятину один! И никому бы не дал!»

И смеется, п<отому> ч<то>, как я, понимает классицизм для Москвы зимой 1919 года этого возгласа.

— «Нюшенька, Вы наслаждаетесь?»

— «Я знала, что Вы меня спросите!»

Мирра влюбленно заботится об Але, кормит ее со своей тарелки, все наперерыв уговаривают меня есть. А я, счастливая тем, что так чистосердечно ничего не хочу, что все нас тут так любят, что всем нам сейчас *так* хорошо, а завтра будет *так* плохо — курю папиросу за папиросой, не зная, что это — дым ли я выдыхаю — или вдохновение.

Я невинно: — «А трудно это — быть инструктором?» Моя товарка по комиссариату — эстонка — так же невинно:

— «Совсем не трудно! Встанешь на мусорный ящик и кричишь, кричишь, кричишь...»

Есть у нас в комиссариате одна старая дева — тощая — с бантом — влюбленная в своих великовозрастных братьев-врачей, достающая им по детским карточкам шоколад, — проныра — сутяга — между прочим знающая языки («такая семья») и т.д. Когда она слышит о чьей-нибудь болезни она — с непоколебимой уверенностью — и точно отрубая что-то рукой — определяет: — «Заразилась!» — или «Заразился!» — смотря по тому, идет ли речь о лице женского или мужского пола.

— Стародевический психоз.

Буржуазии для очистки снега запретили пользоваться лошадиными силами. Тогда буржуазия, недолго думая, наняла себе верблюда.

И верблюд возил. И солдаты сочувственно смеялись. — «Молодцы! Ловко обошли декрет!»

(Собств<енными> глазами видела на Арбате.)

«О ты, единственное блюдо
Коммунистической страны!»

(Стихи о вобле в газ<ете> «Всегда Вперед».)

СМЕРТЬ СТАХОВИЧА. (27го февраля 1919 г.)

Я с Алей у Антокольского. Воскресение. Тает. Мы только что из Храма Спасителя, где слушали контр-револ<юционный> шепот странников и — в маленьких шапочках — в шубах с «буфами» — худых и добрых — женщин-не женщин — дам-не дам, с которыми так хорошо на кладбище.

— «Погубили Россию...» — «В Писании всё сказано...» — «Антихрист»...

Храм большой и темный. Наверху — головокружительный Бог. Островки свечек.

— Антокольский читает мне стихи, посвящ<енные> Гольцеву и другие — «Пролог к моей жизни», к<оторые> бы я назвала: «Оправдание всего».

Но так как мне этого нельзя, так как у меня слишком четкий хребет, так как я люблю одних и ненавижу других, так как я русская — и так как я всё же понимаю, что А<нтоколь>скому это можно, что у него масштаб *мировой* — и так как я всё же хочу сказать *нет* и знаю, что не скажу — молчу молчанием резче всяких слов.

И мучусь этим молчанием.

— Прощаемся. Аля надевает капор. В дверях Вигелев с каменным лицом.

— «Я принес ужасную весть: Алексей Александрович Стахович вчера повесился.»

— Никогда не забуду, как шла за гробом.

В церкви (¹) было холодно и стоял двойной дым от ладана и от дыхания. Каждый раз, чтобы креститься, я снимала варежку и потом опять надевала, а свечу так и держала в варежке.

Прощаясь, я поцеловала ему только руку.

¹ В печатном тексте: «(у Страстного, названия не помню.)»

Лицо было прекрасное: особенно дуги бровей и огромные орбиты глаз. Если бы никого не было в церкви, я бы подошла и долго говорила с ним вслух, я бы ему всё сказала, в полной уверенности, что он услышит.

Помню руки: желтые как воск, узкие, с тонкими пальцами.

В церкви было очень много народу, я никого не знала. Помню седую голову Станиславского и свою мысль: «Ему, должно быть, холодно без шапки» — и умиление над этой седой головой.

Из церкви его понесли в Камергерский. Толпа была огромная. Всё чужие. Я шла, чувствуя себя наполовину мертвой, умирая с каждым шагом — от всех чужих вокруг и оттого, что я его больше никогда не увижу.

Толпа была огромная. Автомобили сворачивали с дороги. Я этим — немножечко — (за него) гордилась.

От Зубовской площади толпа начала редеть. Постепенно стало ясно, что за ним идет одна молодежь — студийцы 2ой Студии, его Зеленое Кольцо. Они трогательно пели.

Когда улицы стали совсем чужими, а я совсем уже не знала, что с собою делать от нестерпимой тоски, ко мне подошел В.Л.Мчеделов. Я ему безумно обрадовалась и сразу перенесла на него частицу своей нежности к Стаховичу. Я чувствовала — приказала себе поверить — что он чувствует совсем, как я, и если я когда-нибудь в жизни испытала чувство содружества, — то именно в этот час, в снегах Девичьего Поля, идя за гробом Стаховича.

Нам было вместе холодно, вместе грустно.

— «Я тогда не сказал Вам этого. Помните, Вы в прошлом году написали мне письмо, где было несколько строк о нем. Я ему прочел. Это произвело на него потрясающее впечатление. Он три дня ходил за мной следом, чтобы я ему их переписал...»

Слушаю молча.

— «Его очень любили, все к нему приходили во время болезни. Но он ненавидел жалость. — «Я никому ненужный старик.»

Переходим на тротуар — курить. Вспоминаю Розанова. Пальцы еле держат папиросу. — Вместе холодно, вместе грустно. —

— «Он никакой записки не оставил?»

«Нет, но в день своей смерти он еще был в театре, подошел ко мне, спросил: «Ну, как, вы еще не устроились?» — «Нет.» — «Как жаль, как жаль», и сжал мне обе руки.»

— «А что это за маленький человек, к<отор>ый так плакал в церкви?»

— «Его камердинер, он раньше был буфетным мальчиком. За день до смерти он выдал ему жалованье за месяц вперед и награду. — Перед смертью он заплатил все долги.»

Доходим до кладбища. Божественная белизна Девичьего монастыря, успокоительный, прекрасный свод арки. Идем к могиле. Студийцы сами хотят опустить гроб, но гроб, сделанный в Художественном Театре, слишком широк (я — мысленно — с грустной улыбкой: барский!), не входит в яму. Могильщики расширяют. К священнику подходит монашенка: «Батюшка, нельзя ли поскорей? Второй покойник у ворот.»

Стою на могиле Сапунова, немножко мучась тем, что это — ну — не корректно.

Помню какую-то даму в черном, — в трауре. Большие заплаканные голубые глаза. Когда гроб опускают, крестит воздух мелкими крестиками.

Оказывается, это актриса, у к<отор>ой недавно в Киеве убили мать и сестру.

—

Обратный путь с Мчедловым. Мы оба почти бесчувственны от холода. С тоскою (п<отому> ч<то> знаю, что ничего не выйдет) прошу его идти ко мне пить чай.

Вернувшись домой сплю каменным сном до 8ми ч. вечера.

—

У меня на варежке до сих пор восковой след от свечи. Это сейчас самое дорогое, что у меня есть на свете.

(14го марта 1919 г.)

ГРАЖДАНСКАЯ ПАНИХИДА ПО СТАХОВИЧУ
в Художеств<енном> театре

— Речи Станиславского, Росси (за него читает кто-то другой), Судакова (студийца), Южина.

—

Сначала траурный марш Бетховена.

— Стахович и Бетховен. Давай-ка подумаем.

Первое, что чувствую: несоответствие, второе – неловкость, как от нескромности. – В чем дело? –

– «Слишком пышно.» – «Слишком явно.»

Ну?

– Стахович – XVIII век. Бетховен – Вечность. Стахович – прежде всего улыбка, Бетховен – прежде всего – искаженный гениальностью лоб.

Что соединило эти два имени? – Смерть. – Случайность смерти. – Стаховичу не было написано на роду умереть, Стахович – не для явных трагедий. <Над строкой: ибо для того, Стаховича, смерть всегда случайность.> – А! Кажется поняла: траурный марш Бетховена – больше смерть, чем лежащий в гробу Стахович, траурный марш Бетховена – больше смерть, чем стук молотка, заколачивающий гроб и – наконец – траурный марш Бетховена – для явных героев, сознающих себя героями: для Наполеона, Леонардо, Бетховена.

Смысл Стаховича – Жизнь. В траурном марше Бетховена по отношению к Стаховичу есть какая-то грубость <над строкой: явность>.

Ясно ли то, что я хочу сказать?

– Ах, лучше всего бы меня понял в этом сам Стахович!

Речь Станиславского: – «У друга было в жизни три любви: семья, театр, лошади. Семейная жизнь – тайна, в лошадях я не знаток...» Рассказ о том, как впервые появился за кулисами Охотничьего Клуба – в великокняжеской свите – красавец-адъютант Стахович. «Великие князья, как им и подобает, оставались недолго. Адъютант остался». И постепенное – негласное – участие этого блестящего гвардейца в постановках – в роли «arbiter elegantiarum»¹ («нужно будет спросить у Стаховича», «это не по Стаховичу», «как бы это сделал Стахович?»). Поездка – для изучения дворянского и крестьянского быта в имение Стаховича. – «Мы были приняты по-царски.» – Нежность Стаховича: «Заболел ли кто-нибудь из труппы, кто оставался при больном в московской жаре и духоте? – Стахович. – Блестящий великосветский гвардеец превращался тогда в самую заботливую няньку. Рассказ о том, как Стахович – вырвавшись с какого-то великосветского бала, прилетел на 5 мин. в Художественный театр, чтобы полаять по-собачьи в граммофонную трубу для постановки «Вишневого сада».

---

¹ «законодателя хорошего вкуса» (лат.).

Из всех характеристик встает блестящий образ красавца-гвардейца, мецената, *arbiter elegantiarum*, скептика (нежнейшего, — *fin du siècle!*¹), очень европейца, очень русского.

Говорят не так и не те. Станиславский — слишком просто (я бы сказала даже — простецки), Росси (в статье, к<отор>ую читает другой) — ни к чему приплещает луну и дворянские гнезда (это должно чувствоваться через Стаховича, иначе — фельетон или олеография), Южин — как общественный деятель и человек, привыкший говорить речи на печальных и радостных торжествах <над строкой: крестинах и на похоронах> — неведомо зачем и почему вспоминает грехи дворянства и ставит на вид «общественную пользу Стаховичей» (ложь! совершенно бесполезны, как скаковая лошадь.)

Но все они — своим неумением — нет! — тем, что они сами не Стаховичи и не поэты! — не могут не дать настоящего образа этого красавца-гвардейца, обаятельного на балу, бесстрашного в бою, *causeur*'а², скептика, под ледяною броней светскости скрывающего нежнейшую из всех душ, покончившего зимою 18^м — 19^м года жизнь после дворцов — на собственной кухне.

И Стахович всё-таки встает во весь рост.

Лучше всех — с волнением, смело, ни слова лишнего — говорит студиец Судаков. Одна фраза гениальна: — «И лучший урок *bon ton, maintien, tenue*³, нам дал Стахович 11^м марта 1919 г.» (день смерти)

Слушаю, слушаю, слушаю. Всё ниже и ниже наклоняю голову, понимая роковую ошибку этой зимы, — каждое слово, как нож в сердце, нож всё глубже и глубже, не даю себе почувствовать, — ах всё равно, — ведь я *тоже* умру!

И скажу еще одно, чего не говорит никто, что знают все: Стахович и женщины, — о любовности этого *causeur*'а, о бессмысленности его, вне любви.

И скажу еще одно, чего не знает никто:

— Если бы на Рождестве 1918 г. я, как хотела, пошла к Стаховичу, он бы не умер.

— А я была бы *счастлива*.

---

¹ конца века (*фр.*).

² собеседника (*фр.*).

³ хорошего вкуса, выправки, выдержки (*фр.*).

МАРТ

Гениальность беседы в том, чтобы делать собеседника гениальным.

—

Аля — Канун Весны — о З<авад>ском:

— «Марина! У меня часто впечатление, что он не ушел, а исчез».

—

— «Марина! Вы сон, к<отор>ый снится всем.»

—

— «Марина! Я видела сон весь из линеек и славянских букв, — целая наша кухня — огромные листы. Но нигде не было написано: Марина, мама, а везде: Женщина, Женщина.»

—

«Два образа жизни: воздух и тонкая нитка в груди.»

—

— «Марина! Восторг Ваш висит на тонкой нитке над огромной черной бездной. Половина нитки висит над бездной, половина — в безопасности.»

—

— «Марина! Есть вещи, к<отор>ые кажутся очень, очень трудными. А найти такие слова — и совсем просто.»

—

— «Марина! Хороших людей много, прекрасных — мало.»

—

— «В каждом человеке эта нитка тонка.»

—

— «Аля, ты чувствуешь себя твердой на этой земле?»

— «Да, Марина: и Ураган не подымет!»

—

Аля о З<авад>ском:

- «Аля, почему З<авад>ский не пишет стихов?»
— «Ах, Марина, ему не подходит писать? Он может только надписывать — такие маленькие книжечки.»
-

— «Мне хочется всё знать — и ничего не знать!»

9го марта 1919 г.

Я: — «Аля! Что делают старухи в богадельне?»
Аля, не задумавшись: «Прядут Судьбу».

Вчера, возвращаясь домой по Арбату, было так темно, что мне казалось: я иду по звездам.

Я — бродячая собака. Я в каждую секунду своей жизни готова идти за каждым.

Мой хозяин — все — и никто.

Аля, 12го марта 1919 г.

— «Марина! М<ожет>б<ыть> небо всё из голубых глаз?»

(об Огненном Ангеле:)

— «У меня сейчас к этой книге два чувства: одно неблагородное: отбросить куда-нибудь, другое — прижать к груди.»

Аля, 13го марта 1919 г.

— «Марина! Мне снились во сне огромные мечи и коралловые кресты.»

— «И снится мне, будто весь пол в моей комнате совсем круглый, выпуклый. Я точно предчувствовала, что придет ко мне кто-то Вели-

кий. Я привела свою комнату в довольно хороший вид, и в эту минуту послышался стук в дверь, и дверь сама открылась. Вошел Спаситель. Я молчала. Он сел на стул и грустно смотрел на меня. Я стояла и не хотела садиться и закрыла лицо руками. Моя комната, как только вошел Спаситель, наполнилась коралловыми крестами, перламутровыми мечами и распятиями. — Сон не прерывается, но я вижу, как Христа ведут на распятие в Терновом Венце. (В «Терновом Венце» с большой буквы.) Тогда я пошла в свою комнату и достала коралловый крест и перламутровый меч. Я пошла за Ним. Он исчез. Но враги Его еще шли, ища Его. И я перед собой в окне увидела реку.»

Иду за Алиным обедом. Мороз. Руки без варежек. В левой руке муфта, прижатая к груди. Мне необычайно-приятно нести ее так. Узнаю этот жест, он у меня в руке.

— Ах? Так в XVIII веке держали, входя в гостиную, треуголку.

14ая марта 1919 г.

Опыт этой зимы: я никому на свете, кроме Али и Сережи (если он жив) не нужна.

В каком чаду я жила!

Я прекрасно представляю себе, что в один прекрасный день совсем перестану писать стихи. Причин множество:

1) У меня сейчас нет в них (в писании их) — срочной необходимости (Imperativ¹). Могу написать и не написать, следовательно не пишу.

2) Стихи, как всякое творчество — самоутверждение. Самоутверждение — счастье. Я сейчас бесконечно-далека от самоутверждения.

3) Сейчас всё летит, и мои тетрадки так бесконечно-легко могут полететь. Зачем записывать?

4) Я потеряла руль. Одна волна смывает другую. Пример: стихи об ангелах.

«Ангелы слепы и глухи».

Что дальше? — Всё! —

Хаос. Один образ вытесняет другой, случайность рифмы заводит меня на 1000 верст от того, что я хотела раньше, — уже другие стихи, — и в итоге — чистый лист и мои закрытые — от всего! — глаза.

---

¹ императива (нем.).

5) Что я хочу сказать? — Мир. — Мир сам себя скажет.

Могу писать только по команде. Пример: единственные — за последние 3 месяца — настоящие стихи: Стаховичу.

(Любовный долг.)

Эта история со стихами — первый мой шаг к небытию.

И мысль: Раз я смогла перестать писать стихи, я смогу в один прекрасный день перестать любить.

Тогда я умру.

Спасти меня сейчас может только новая любовь со всем пафосом самоуничтожения в другом. Но это должен быть человек, к<отор>ый сможет вместить меня, иначе <над строкой: т.е.>: бездна.

Я, конечно, кончу самоубийством, ибо всё мое желание любви — желание смерти. Это гораздо сложнее, чем «хочу» и «не хочу».

И м<ожет>б<ыть> я умру <над строкой: Думаю, что> не оттого, что здесь плохо, а оттого, что «там хорошо».

Я бы хотела встать на колени и сказать:

— «Я не знаю, грешна я или не грешна, я знаю, что я несчастна. Ты создал меня такой. Чего ты этим хотел?»

Есть во мне что-то, что вопреки всем моим уверениям, всему моему *явному* уничтожению в другом и вразрез со всем безмерным людским тщеславием, заставляет говорить всех, кого я любила:

— «Вы не меня любите. Вы любите *что-то* другое.»

16ое марта 1919 г.

Иду сейчас по улице. Немножко тает. Вдруг мысль: — «В первый раз Москва весной без Стаховича.» (Не: «Стахович весной без Москвы», — мне подумалось именно так).

Замечаю одно: горе во мне встает медленно-нарастающей волной. В первую секунду — сгоряча — ничего не чувствую и первые несколько дней живу, как жила. Потом — как укол — воспоминание. Отталкиваю. Потом другой, потом третий, потом уж непрерывно — сплошная боль — уже не чувствуешь острия.

— Сейчас у меня к С<тахови>чу *тихая одержимость*.

Странное чувство: в горе я не погружаюсь, горе во мне работает, роет какие-то подземные ходы.

В конце концов мне *придется* поверить в бессмертие души!

Мне, чтобы жить — надо любить, т.е. быть вместе. Значит: или умереть (быть со С<тахови>чем), или любить другого.

Князь В<олкон>ский! Вы совсем не знаете, что я Вас уже люблю.

Только одно — ради Бога! — пусть я Вам буду нужна, мне больше ничего не нужно.

Для памяти:

16^м марта утром, когда таяло, я, любя Стаховича, решила, чтобы не умереть, любить Волконского. Они жили вместе и на нем — какой бы он ни был — должен быть какой-то отблеск Стаховича.

Не мешайте мне! — Это значит: не мешайте мне — своим удивлением — приносить Вам — деловито — как-будто Вы его заказали — молоко и не имейте обо мне дурных мыслей. *Мне* будет нужно только то, что нужно Вам.

Моя любовь — это страстное материнство, не имеющее никакого отношения к детям.

Жесточайший эгоизм: не желать брать. Его у меня нету. Я чаще всего *не умею* брать п<отому> ч<то> люди — чаще всего — не умеют давать.

Бывает так, что беру сама, и этим освобождаю и себя и другого.

Мое требование – всегда просьба, моя просьба – всегда требование. <Над строкой: Там, где я вправе требовать – я даже и не прошу. А права на просьбу – нету.>

Не могу – хоть убейте! – чтобы человек думал, что мне что-нибудь от него нужно.

Уговор: если кто-н<и>б<удь> непременно должен давать, а другой – непременно брать, – давайте давать *мне*: Вы никогда не заметите, что я даю, ибо это моя единственная возможность – брать.

Мне каждый нужен, ибо я ненасытна. Но другие чаще всего даже не голодны, отсюда это вечно-напряженное внимание: нужна ли я?

С<тахо>вич умер как раз от того, от чего сейчас так мучусь (хочу умереть) – я: от того, что я никому не нужна.

Никто не поймет *бездны*, к<отор>ую разверзает во мне это соответствие.

Чувствую, что не смогу любить В<олкон>ского.

Аля:

Это точно музыка какая-то: небо, закат.

– Какое тяжелое под эту музыку слово: «отреклась».

О биогр<афии> Лозэна:

Биогр<афию> Лозэна должны были бы писать женщины. Мужчинам он и в гробу не дает покоя.

Только мужчинам может придти в голову эта бестактность: *оправдывать*, выгораживать Марию Антуанэтту в истории с Лозэном.

Для королевы – предлагать свою любовь такой же восхитительный жест, такая же доблесть, как для нищенки – отвергать миллионы. <Над строкой: уличной – отвергать князей>.

Я думаю, что каждый, кто пишет биографию Лозэна, вместо Марии Антуанэтты подставляет свою невесту – и так пишет.

– Лозэн и Мария Антуанэтта, – какая прекрасная – в веках – пара! Для меня это лучше, чем Данте и Беатриче!

Женщины любят не мужчин, а Любовь, мужчины не Любовь, а женщин.

Женщины никогда не изменяют.

Мужчины – всегда.

18ое марта 1919 г.

Неотразимое обаяние для меня <над строкой: надо мной>: отца в «Первой любви» – Версилова – Стирфорса. Это мне напоминает детскую фразу моей матери и недавнюю – Али: – «Странно! Я всегда люблю не совсем хороших».

Всю эту зиму я – сердечно – кормилась возле III Студии. – Плохо кормиться возле чужого стола!

С Алей:

– Что ты вздохнула?

– По причине.

– По какой?

– Ах, Марина, если бы я сошла в ад, я бы не била людей по голове ногами, как этот – как его?

– Данте?

– Да.

– Марина! Как трогательно! Я расчищаю в снегу дорожку – и вдруг – старый, с седой бородой, с благородным лицом – генерал. И самое трогательное, что он нес какую-то банку.

19ое марта 1919 г.

Три определения <не дописано>.

Для других собственная душа наверное так же туманна и неопределенна, как для меня, близорукой, моя собственная Поварская в 2 ч<а-са> ночи, когда нет фонарей.

—

Ответ человека «не знаю», когда дело касается его собственной души так же поражает меня, как других мое вечное «не вижу» (близорукость) .

—

– Если бы я каким-нибудь чудом очутилась на секундочку в чужой грудной клетке, я бы наверное почувствовала такой же ужас от всей этой путаницы, туманности, неразграниченности чувств и понятий, как другой, если бы взглянул на мир моими (близорукими) глазами.

—

Москва сейчас смотрит на трамваи с недоверием, как на воскресшего Лазаря.

—

Голод и жажда.

Жажда есть – голод на определенное (воду).

– Сердце. –

Голод есть желание всего.

– Душа. –

—

Мне не дано возбуждать в людях жалости.

Элементарный пример: иду в 11 ч<асов> дня по Поварской с переполненной кошёлкой в руке. – «Цвету как роза».

(Со вчерашнего дня ничего – кроме стакана поддельного чая, во рту не было. В кошёлке – старые сапоги, которые несущу продавать.)

—

В комиссариате:

(3 М)¹

- «Ну как довели картошку?»
- «Да ничего, муж встретил».

—

- «Вы знаете, надо в муку прибавлять картошку. } картошки, } муки. Выходит замечательный хлеб.»
- «Правда? Нужно будет сказать матери.»
- У меня: ни матери, ни мужа, ни муки.

—

Кому дать суп из столовой: Але или Ирине?

– Ирина меньше и слабее, но Алю я больше люблю. Кроме того, Ирина уж всё равно плоха, а Аля еще держится, – жалко.

Это я для примера.

Рассуждение (кроме любви к Але) могло пойти по другому пути. Но итог один: или Аля с супом, а Ирина без супа, или Ирина с супом, а Аля без супа.

А главное в том, что этот суп из столовой – даровой – просто вода с несколькими кусочками картошки и несколькими пятнами неизвестно какого жира.

—

Неприлично быть голодным, когда другой сыт.

Корректность во мне сильнее голода, – даже голода моих детей.

– Ну как у вас, всё есть?

– Да, пока слава Богу.

Кем нужно быть, чтобы так разочаровать, так смутить, так уничтожить человека отрицательным ответом?

– Просто матерью.

—

Жестокосердые мои друзья!

Если бы вы, вместо того, чтобы угощать меня за чайным столом печеньем, просто дали мне на завтра утром кусочек хлеба...

Но я сама виновата, я слишком смеюсь с людьми.

Кроме того, когда вы выходите, я у вас этот хлеб – краду.

—

¹ То есть: три буквы «М».

Как одинок человек всю жизнь! В детстве мать, к<отор>ая вечером, когда ее безумнее всего любишь — уезжает в концерт...—

И, в конце концов, когда человек умрет, чужие люди, которых при жизни и через порог бы не пустили, копаются в ваших вещах и передают друг другу ваши последние слова...

Я уверена, что если бы я сейчас умерла, обо мне больше всего бы горевали (кроме Али — и Нади (няни) — какие-то Х и У, чья любовь мне никогда не была нужна при жизни.

Завадский сказал бы: «Это ужасно!» — вижу его бьющиеся ресницы — помолчал бы с секундочку и — с легким вздохом:

— «Господа, давайте репетировать!»

Антокольский написал бы стихи.

Володя Алексеев пошел бы на похороны.

III Студия! <Над строкой: Милые мои молод<ые> др<узья> — Может быть всё ваше назначение в том, чтобы научить меня — не любить — не ценить — не жалеть — молодости.

Каждый раз когда я вижу на улице седой затылок, у меня сжимается сердце. (Стахович.)

Еще я забыла сказать: у Стаховича когда-то был чудный голос. Он пел с каким-то знаменитым итальянцем.

— Голос! — Жесточайшее — надо мной — обаяние!

Пока вся Москва 1919 г. несла снежную повинность, я несла — нежную.

Иду по Николопесковскому.

— Зайти к Бальмонтам? — И сразу видение самой себя — смеющейся — говорящей — курящей — курящей — курящейся — над стаканом чая, к<отор>ый не пью, потому что без сахара — скучно, а с сахаром — совести не хватает, ибо кусок сахара сейчас 4 р. — и все это знают.

И от этого видения — почти физическая тошнота.

Мое веселье скорей удивляет, чем очаровывает. — «С чего это она?»

Дуракам мое веселье подозрительно: смеюсь, как дура, а через секунду — китайская грамота какого-нибудь рассуждения об аристократизме.

В.Гюго. — «Общие места». — Да, если солнце — общее место.

К маленьким поэтам:

Для того, чтобы воспевать японские вазы — или край ноготка Вашей возлюбленной <над строкой: (вам, эстеты) фаянсы, (вам, футуристы) небоскребы> — достаточно казаться.

Чтобы говорить о Боге, о солнце, о любви — нужно *быть*.

Стихи есть бытие: не мочь иначе.

20ое марта 1919 г.

Вместо «Монпленбеж» пишу «Монплэзир».

Я: полнейшая демократичность тела (его требований) при полнейшем аристократизме души.

Так: ни разу в жизни не возмущалась ни тем, что должна носить уродливую обувь, есть чорт знает что, спать чорт знает на чем — и ни разу в жизни не вынесла хотя бы 1/1000 доли намека на фамильярность в интонации.

21ое марта 1919 г.

Мое «не хочу» — всегда: «не могу». У меня нет произвола.

«Не могу» — и кроткие глаза.

Почему я так глубоко-беспомощна во всем, что другим так легко? — Найти чей-нибудь дом, взять билет на вокзале, выкроить — по готовой выкройке — детскую рубашечку.

Определенная атрофия какой-то части мозга.

О, как я издали чую то, чего *НЕ МОГУ* — и какой у меня тогда кроткий — от неизбежности — голос!

—

Ни разу «не могу» в вещах физического порядка — в голову не приходит! — и как часто, как часто «не могу» — в вещах душевных и умственных!

—

Душа у меня — царь, тело — раб.

—

Бог, давший мне широкие плечи и крепкие руки, знал что он делал. Но Бог, давший мне при этом *такую* душу — определенно не знал.

—

Аля:

— «Марина! Когда у нас *совсем* нечего будет есть — даже гнилой картошки — я сделаю чудо. Я теперь его не делаю, п<отому> ч<то> раз мы *едим* гнилую картошку, — значит ее можно есть?»

—

— «Марина! Я только представляюсь маленькой девочкой, я только представляюсь, что я труслива, что я ленива, что я не хочу есть.

Я — существо, Марина! Я знаю всё вперед — и всё назад.»

—

— «Марина! Ведь Вы тоже не простой человек!»

— «Ты думаешь?»

— «Неужели Вы этого д<о> с<их> п<ор> не знали? Как же Вы можете быть простым человеком, когда у Вас — такая дочь?!»

—

Стоит мне только начать рассказывать человеку то, что я чувствую, как — мгновенно — реплика: — «Но ведь это же рассуждение!»

Или людей сбивает с толку, что всё это в таком стройном порядке?

— Познай самого себя! —

Познала. — И это нисколько не облегчает мне познание других. Наоборот, как только я начинаю судить о человеке по себе, получается недоразумение за недоразумением.

Заставить изображение Спасителя портретами Наполеона (глаза как угли в золоте киота!) — вот мои 16 лет. (Внучка священника Владимирской губ<ернии>!)

Я не думаю, я чувствую <над строкой: слушаю>. Потом ищу точного воплощения в слове. Получается ледяная броня формулы, под которой — только сердце.

Четкость моих чувств заставляет людей принимать их за рассуждения.

О, я не русская! Россия — как жернов на моей шее! Россия — это моя совесть, мои 5 ч<асов> утра и гудки с Брестского вокзала, моя неуверенность в том, нужна ли я (сразу делающая меня не нужной!)

Я в России XX века — бессмысленна. Все мои партнёры (указывая на небо или в землю): *там*.

Есть люди определенной эпохи и есть эпохи, воплощающиеся в людях.

Я — XVIII век + тоска по нем.

Революция в Венгрии:

Будапешт. — Демонстрация кельнеров с цыганским оркестром.

Благовещенье 1919 г.

Цены:

Мука — 1400 р. пуд

1 ф<унт> кар<тофеля> — 10 р.

1 ф<унт> моркови — 7р. 50 к.

Лук — 15 р.

Селедка — 25 р.

(Жалованье — ставки у нас еще не прошли — 775 р. в месяц.)

У телефона:

— Я слушаю.

Муж<ской> голос: — Попросите, пож<алуйста>, Марину Ивановну.

— Это я.

— Ах, это Вы, Марина Ивановна? Я не узнал Вашего голоса. Говорит К.В. К<андаур>ов.

— Здравствуйте, К<онстантин> В<асильевич>.

— М<арина>И<вановна> я получил известия из Крыма и должен Вам сказать, что Сережа...

— Убит — мысленно подсказываю я.

— Жив и здоров и просил Вам кланяться.

Минут пять спустя начинаю плакать. — Точное чувство до краев переполненных глаз, — слёзы еще не текут.

Колени дрожат. Чувство легкой физической тошноты.

Благовещенье! — Благая Весть! — Недаром это мой любимый праздник! Я ровно 6 мес. ничего не знала о Сереже!

27го марта 1919 г.

Недавно, утешая кого-то, цитирую Гёте:

— Jeder Tag hat seine Plage
Und die Nacht hat ihre¹

— и — неожиданно — Last!²
(1919 год!)

У нас на кухне ночует мальчик, сын бабы, к<оторая> возит нам молоко.

— «Не думалось мне, что придется мне на пружине ночевать!»
От этого «на пружине» у меня безумно сжимается сердце.
— Вот тебе и ненависть к простонародью!

У меня есть судьба. Поэтому — быть может — я так — дотла — лишена честолюбия.

Вижу ее ясно, как на географической карте <над строкой: не на картах, а на карте>.

Если бы я была на острове, у меня тоже была бы судьба.

Мне иногда хочется сказать людям: «Друзья, не цените меня, во что бы вы меня ни оценили — я оценю себя точнее. Но любите меня, ибо так нежно любить себя, как я бы хотела, мне не даете вы, которых я люблю!»

Я в любви:

Гибкость до последнего предела и — в последнюю секунду — отпор.

(Гордыня.)

---

¹ У Гёте: Jeder Tag hat seine Plage
Und die Nacht hat ihre <Lust>.

В каждом дне — свое мученье,
В ночи — <радость> есть своя! (нем.)
Пер. С.Г. Займовского

² тяжесть (нем.).

Я иногда смотрю на себя объективно — как на явление. — «Вот — радость. Ты ее можешь дать.» — И тогда не жалею себя ни на кого.

III Студия

Антокольский: — «Можно сказать?»

Завадский: — «Я думаю — можно.»

Антокольский: — «Завадский хочет Шекспира ставить!»

Я, восхищенно: — «О-о!»

Антокольский: — «Макбета». — И что он сделает? Половины не оставит!»

З<авад>ский: — «М<арина> И<вановна>, я хочу придти к Вам. Можно?»

Я: — «Нельзя! У меня дверь заперлась и не открывается.»

А<нтоколь>ский: — «А помните, что Вы говорили про красоту?»

Помните: красота — отмычка.»

З<авад>ский, деловито: Нужно будет придти.

Два несчастных счастья:

1) Несчастье для души и счастье для тела:

Брать в долг.

2) Счастье для души и несчастье для тела:

Отдавать долг.

Аля, ночью:

... и небо было, как черный пурпур.

30ая марта 1919 г.

Вчера в Охотном, один мужик другому:

— Ты не охай! Нынче год такой — девятнадцатый.

— «Ну что, — Москву навещаешь?»
(как больного.)

Некоторые умные и прекрасные собой старики, глядя на меня, как-то особенно улыбаются.

Они думают: «Ты расшвыриваешь себя обеими руками мальчишкам. Этого не надо делать. Твою гордыню («обо мне никто не смеет дурно думать!») они принимают за отсутствие гордости, твой жизненный Пафос — за легкомыслие. Лучшие из них считают тебя странной, а в общем ты им не нужна, так как ты слишком мало — внешне — себя ценишь, чтобы твоя любовь могла им льстить.

— *Peine, amour et temps perdu*¹.

Если бы они были окончательно умны, они бы это — говорили.

З<авад>ский! Я ничего не могу Вам дать. Вам сейчас нужно, чтобы Вас *ценили*, я могу *только* Вас любить.

Аля:

— «Марина! Странно: в таком раннем детстве, в такой грязной кухне — броситься на пол и умереть!»

АПРЕЛЬ.

Трагическая Вербная Суббота. Потеряла (в воду канули!) 500 руб. Спрятала — вместо них — две ложечки сахара в конверте.

500 р.! 50 ф<унт>ов картофеля — или почти башмаки — или калоши + 20 ф<унт>ов картофеля — или ...

Потеряла за три дня 1) старинную овальную флорентийскую брошку (сожгла), 2) башмаки (сожгла), 3) ключ от комнаты, 4) ключ от книжного шкафа, 5) 500 р.

О, это настоящее горе, настоящая тоска! Но горе — тупое, как молотом бьющее по голове.

Я одну секунду было совершенно серьезно — с надеждой — поглядела на крюк в столовой. — Как просто! —

Я испытывала самый настоящий соблазн.

---

¹ Стрдание, любовь и упущенное время (*фр.*).

На русском нет слова «lâcheté»¹
 – «Je suis lâche avec toi, – je n'en veux!
 Cet amour est pourtant sans excuse...»
 – Непереводаимо. –

—
 Нервы – тончайший мост между душой и телом.

—
 Смерть страшна только телу. Душа ее не мыслит. Поэтому – в самоубийстве – тело – единственный герой.

—
 Самоубийство: lâcheté души, превращающаяся в героизм тела.
 То же самое, как если бы Дон Кихот, струсив, послал в сражение Санчо-Пансо – и тот повинувался.

—
 Героизм души – жить, героизм тела – умереть.

—
 У некоторых людей тело более духовно, чем у других душа.
 (Аля, Сережа.)

—
 Аля, слушая «Пара гнедых»:
 – «Марина! Стыдно генералу засыпать на груди у молодой блудницы. Лучше бы сражался в бою.»

ИСТОРИЯ С ВОЛКОНСКИМ:

«Князь Волконский!

Я пишу слово «князь» и чувствую себя в восторге» – вот начало моего письма к В<олкон>скому. Дальше ласковый и веселый рассказ о том, как я уже однажды стояла у его ворот с письмом, но встретила М<чеде>лова и ушла с ним по мартовским московским лужам 1919 года,

---

¹ трусость, малодушие; низость, подлость (фр.).

² «Я с тобой малодушен, – и тебя ненавижу!

Такая любовь непростительна...» (фр.).

так и не узнав про старинную Англию. (Повод к моему письму. Что это просто любовь – я написать не решилась!) – Еще такая фраза: «Я Вас никогда не видала и ничего о Вас не знаю, кроме того 1) что Вы были на острове Мадере, 2) влюблены в родительный падеж, 3) только что выздоровели от сыпного тифа. – Три разных источника.» – Дальше извинение за то, что я, будучи незнакома, пишу и надежда, что он не сочтет это за невоспитанность. Еще пожелание выздоровления. – И привет. – И всё. –

Письмо на мой и моей-породы-людей взгляд: простое, доверчивое, ласковое, – очаровательное, – на средний взгляд: странное. Можно, дурно относясь ко мне, назвать его экстравагантным. «Так незнакомым людям не пишут.»

Экзаменуя себя строго: письмо вольное, но не фамильярное. Мне даже унизительно писать это слово.

И вот, на другой день, в воскресенье, – звонок по телеф<ону>.

– Мне нужно такую-то.

– Я.

– Говорит Волконский. Вы ко мне писали. Я ничего не понял из Вашего письма. Что Вам от меня нужно?

– Не поняли почерка или содержания?

– Содержания.

– Я просила Вас дать мне некоторые сведения о старинной Англии.

– Я старый человек и считаю такие шуточки неуместными. (Я пишу слово «князь» и в восторге). Это наглость!

– Вы меня не поняли.

– И как старый человек считаю долгом сказать Вам, что незнакомым людям не пишут. Это невоспитанно.

– Я очень жалею, что...

– Я был в Англии 25 лет назад, три дня. Какая наглость!

– Если Вы так сердитесь, то лучше давайте кончим разговор.

– Я не сержусь, но должен Вам сказать, что это нахальство.

И советую Вам в другой раз так не шутить, п<отому> ч<то> такие шутки могут очень плохо кончиться. – Это неслыханно!

– Мне остается только пожалеть, что Вы меня не поняли.

Опускаю трубку. Всё время говорила нежнейшим голосом, очень спокойно. Он лаял.

На глазах слёзы и чувство, что посреди лица – плевок.

В течение недели я всем рассказывала эту историю. Защищали меня: Мчеделов, его собственная племянница, Сонечка Голлидэй. У него на всё была одна реплика: «Она издевалась». М<чеде>лов после разговора с ним сказал: «Дурак».

А Бальмонт, к<оторо>му я рассказала всю эту историю, спокойн-но сказал: «Так говорить с женщиной? Это оранг-утанг.»

Но что бы ни говорили все мои друзья, у меня всё-таки — когда я вспоминаю этот разговор — чувство, что я незаслуженно и безвозврат-но оплевана.

Страстной Четверг:

— Ах, Аля, — грустно! — Повеситься?

— Нет, Марина.

(Пауза.)

— Повеситься, — на Жизнь!

(На улице:)

— «Марина! Эта женщина думает только о роскошестве. Она без-заботна. Она бессмысленна.»

Бальмонт и солдаты у автомобиля.

Б<альмон>т ночью проходит по какому-то из арбатских переул-ков. Сломанный автомобиль. Вокруг трое солдат. — «Повинуйся како-му-то внутреннему голосу, перехожу было на другую сторону, но в пос-леднюю секунду — конечно — остаюсь. И в ту же секунду один из них:

— «Эй, поп!» Тогда я подхожу к ним вплоть. — «Я действительно священник и скажу вам следующее: ты (указываю на одного) скоро умрешь от сыпного тифа, тебя (указываю на другого) повесит К<ол-чак>, а ты уцелеешь, тебе ничего не будет.»

— Почему же Вы пощадили третьего?

— Чтобы он помешал двум первым разорвать меня.

(Всё это с бальмонтовской четкостью, быстротой, экспрессией.)

Кто-то рассказывает: «Иду я по проезду Патриарших прудов и вижу: девчонка лет пяти колотит в спину солдата. — «К<олча>к идет, К<олча>к идет!»

— А солдат?

— Ничего. Идет дальше.

Разговор с В. Алексеевым:

Я: — «Володечка! Вы читали эти надписи: «Митинг Искусств».

Он, спокойно: Да, это нечто вроде «Кадрили литературы».

(В «Бесах».)

Афиша: Вечер бурлаков.

Аля:

Марина! Мне кажется, когда мы говорим, люди нас не понимают, — как зверей.

Страстная суббота:

Аля, глядя на освещенную церковь Бориса и Глеба:

— «Марина! Тайная радость церквей.»

В православной церкви (храме) я чувствую тело, идущее в землю, в католической — душу, летящую в небо.

Странно! Мне для того, чтобы написать вещь прозой, надо написать ее сначала стихами, а потом — перевести.

В прозе мне слишком многое кажется лишним, в стихе (моем <над строкой: наст<оющем>) — всё необходимо.

При моем тяготении к аскетизму прозаического слова у меня в конце концов может оказаться остов.

А стих дает мне какое-то природное очертание.

Две любимые вещи в мире: формула и песня.

Аля о З<авад>ском:

Я: — «Ах, Аля, ты любишь бездушную куклу!»

Аля: — «Марина! В эту куклу вдохнули жизнь много женщин и юношей. И погибли. Но эта жизнь ему мало помогла.»

— «Марина! Я хочу играть в театре не для того, чтобы на меня смотрел народ, а для того, чтобы увидеть себя в чуждом.»

Диалог:

Я: — «Ах, Аля, как я хотела бы сейчас фунт масла!»

Аля: «Ах, Марина, как я бы хотела сейчас, чтобы была хорошая погода!»

На Пасхальной неделе:

(Аля читает «Розу Танненбург», старинную рыцарскую повесть — с немецкого — для юношества).

— «Марина! Это ужасно! Когда я хочу сказать «Роза Танненбург» мне всё всплывает в мысль та — большевистская — Роза!»

— «Марина! Я не люблю слово «фраза», это вроде — «актриса»!»

— «Марина! Боль как привидение бежит от крика «Ура!»

— «Марина! Мне так блаженно, что я не могу терпеть.»

— Марина! Мне кажется, что я должна это держать шелковыми руками!

(Держа в руках Лермонтова.)

— Марина! Мое последнее слово будет: — «Да здравствует Король!»
и — если успею «Ура!»

Чарохранитель (ее собственное слово.)

— «И навеки закрыть глаза на Весну...»

— «Когда я думаю, что меня во второй раз не пустят гулять, у меня в душе такое чувство: — «Тогда я умру». Такое невинное и немножко капризное. И не для того, чтобы пустили гулять, — я ведь этого никому не говорю.»

— «Насколько воздушный поцелуй благороднее такого — губами!»

— «Когда я иду в весеннюю погоду, я чувствую, что не могу терпеть, что мои глаза должны навеки закрыться на эту прелесть.»

— «Я не терплю — счастья.»

— «Марина! Когда целая толпа кричит: Да здравствует Король! — мне кажется, что это не то, что нужно какое-то испытание.»

— «Папино лицо глубоко-смысленно.»

— «Как мне горько, что я дитя! Мне почему-то жалко — и чуть-чуть восторженно. Но я бы ничего не хотела, кроме детства. Я не хочу 11^м и 12^м лет.»

— «Марина! Наш дом: все эти тетрадки со стихами, и эти странные картины, и всё это тряпье, и эти кастрюли, и эти ободранности, и наш разговор, — всё это мне напоминает сцену, на к<отор>ую никто не смотрит, перестали смотреть навски, и которая сама живет.»

—
Глядя в окно. — Чудная погода. — Солнце.

— «Хорошо в такую погоду быть нищим!»

— «Правда, камфорка от самовара похожа на корону?»

17го апреля

— «Марина! Я думаю, — К<олчак> вернет нам С<ережу>»

— «Марина! Я люблю слово: «очи». «Их ведет, грозя очами, генерал седой». По-моему — очи должны быть только у генералов, адмиралов, — таких. А у всех других: глаза.»

Me dice mi pecho
Que estoy cuerdo,
Y lo hecho es hecho,
Pero no es derecho.
¡Ay de mí! izquierdo.
C. Balmont.¹

---

¹ Сердце мне сказало:
Ты безумен, что же,
Ты и прав немало,
И не прав нимало,
Горе мне, о Боже!

К. Бальмонт (исп.)
Пер. В. Н. Андреева.

1919. V.I. (Большев<истское> 1ое мая.)

- «Бальмонтик, Вы видели сегодняшний декрет?»
— «Нет, ибо я не имею привычки читать надписи на заборах.»
-

20ое ап<реля>

— «Марина! Я за Вас отдам душу с телом, и даже мои голубые глаза.»

- «Марина! Как Вы думаете — что такое храбрость?»
— «Когда человек боится и всё-таки идет.»
— «Значит: темная ночь со звездами.»
-

Целуя луч: — «Луч наконец получил то, за чем лился в комнату!»

Вчера я видела Стеньку Разина на Лобном месте. Впечатление случайной талантливости (так рука пошла) — как кустарные игрушки и детские рисунки. Лицо хитрое, узкое, ярко блещущие черные глаза.

По обеим сторонам — болваны: огромные каторжные головы, вырастающие из дерева: там три, здесь четыре. — Ватага. — По левую сторону от Разина — в ногах — персияночка: балерина из кордебалета с огромным декольте и юбочкой до колен. Похоже еще на сахарную куклу. Между фигурами Разина и персияночки никакой связи, ни внешней, ни внутренней.

Народ смотрит молча.

По городу упорный слух, что б к<расноармей>цев, приставленных стражей к Гермогену в Пасхальную ночь, сошли с ума. Их свидетельствовал помощник П<лет>нева. Все в один голос утверждают, что видели Гермогена, <слово не вписано> из гроба.

21ое апреля, день Егория Храброго.

— «Марина! Мне кажется, — на дне каждого колодца непременно должно быть что-нибудь синее.»

На могиле у Стаховича:

Аля, восторженно: — «Мама! Что я нашла! Оно не целое, — только кусочек, но всё равно я положу его на могилу!»

В руках — яичная скорлупа. Сама того не ведая, повторяет какой-то древний обряд, когда на могилу приносили яйца.

**ЗАПИСНАЯ
КНИЖКА**

6

1919

Второй вариант.

Третья книга

(с 21го серии В.В. - по 22го серии
В.В.)

— дава. —

Эпиграф:

— «Ты не охай: год-то такой, — девятнадцатый!»

День Егория Храброго, 21ая апреля 1919 г.

В первый раз в жизни (с 14^м лет) хожу на низких каблуках. Скоро, очевидно, буду ходить без корсета! <Эта фраза вычеркнута карандашом.> Скоро, очевидно, буду печататься на *e*. Все мои «никогда» отпадают, как гнилые ветки. Я только не знаю, — окончательное ли это высокомерие, или окончательное самоунижение.

Знаю только, что это лишний шаг к небытию.

Что такое — я?

Серебряные кольца по всей руке + волосы на лбу + быстрая походка + + +... <Две строки вычеркнуты вертикальной линией.>

Я без колец, с открытым лбом, тащащаяся медленным шагом — не я, душа не с тем телом, всё равно, как горбун или глухонемой.

Ибо — клянусь Богом — ничто во мне не было причудой, всё — каждое кольцо! — необходимостью, *не для людей*, для собственной души.

Так: для меня, ненавидящей обращать на себя внимание, всегда прячущейся в самый темный угол залы, мои 10 колец на руках и плащ в 3 пелерины (тогда их никто не носил) часто были трагедией.

Но за каждое из своих 10^м колец я могла ответить, за свои же низкие каблуки я ответить не могу.

Я могу брать только у того, кто дает безлично, как решето пропускает воду. Всякий дар лично мне — низвергает <над строкой: по; т.е. повергает> меня в прах.

(Благодарность.)

За 1918-1919 г. я научилась слушать людей и молчать сама.

«Не могу» — естественные границы человеческой души. Снимите их — душа сольется с хаосом, следовательно перестанет *быть*.

Я на этой дороге.

При отпадении каждого моего «не могу» у меня двойное чувство презрения к себе и легкости: еще немножко меньше меня!

Недавно, возвращаясь из Александровского сада с Алей, несу в полё зеленого пальто хворост и чувствую себя счастливой.

— Играю в 1919 год.

Во всё в жизни, кроме любви к Сереже, я играла.

Можно ли было (будучи мной) — не играя — жить целый год в кухне с нянькой и двумя детьми, передавать своими словами Стеклова и Керженцева, выносить помойные ведра, стоять в очереди за воблой, — стирать — стирать — стирать! — всё это, страстно желая писать стихи! — и быть счастливой.

Я не прошу, потому что отказ мне <над строкой: себе> считаю чудовищным.

На отказ у меня один ответ: молчаливые — градом — слёзы.

Гениальный совет Серова. Как-то зимой я жаловалась (смеясь, конечно!), что у меня совсем нет времени писать. — «До пяти служба, потом топка плиты, потом купанье и укладыванье детей...»

— «Пишите ночью!»

В этом было: презрение к моему телу, доверие к моему духу, высокая беспощадность, делавшая честь и Серову и мне.

Высокая дань художника — художнику.

Аля напоминает Поля Домби и маленького лорда Фаунтельроя <Фаунтлероя>, — так же как внешне она, с первого года своей жизни, определенно английский ребенок.

В литературе есть мальчики, ее напоминающие. Девочек таких — нет.

Аля, на улице:

— «Я чувствую себя немного офицером, точно в жилах моих течет военная кровь».

С людьми мне весело и пусто (я полна ими), одной — грустно и переполнено, ибо я полна собой.

Влияние коненковского Стеньки Разина на умы. Солдат, проходя мимо Храма Спасителя, — другому солдату:

— Его бы раскрасить!

Гипсовая балерина из кордебалета — на Лобном месте. Это, пожалуй, пуще Богини Разума 93 года!

Аля, 27^а апреля 1919 г.

— «Я хочу посадить Вас на престол Любви, Жалости, Справедливости.»

Перед сном:

— «Вы скоро будете под пологом предсказаний!»

Рассказ Голлидэй о Паше (моряке), о чиновнике, вертевшем шарманку на ярмарке.

Алина игра в суп.

– «Ну, Марина, последний кусок картошки, – сейчас Россия будет спасена!»

(Картошка и вообще всё, что плавало в супе – б<ольшевы>ки.)

На унылом заборе где-то вниз от Храма Спасителя робкая надпись: «Исправляю почерк». Это почему-то – безнадёжностью своей! – напомнило мне мою распродажу (чтоб уехать на Юг.)

МАЙ 1919 г.

12 мая, ст.ст.

Аля, просыпаясь:

– «Марина! Мне снилось: ненадежный женский голос!»

– «Марина, какой у меня сейчас ржавый голос!» (немножко хриплый со сна.)

– «Марина! Чортова дюжина – 13, человеческая – 12, а ангельская?»

– «Ваши пелерины взметнулись над моей головой, как химеры.»

Эпиграф к моей распродаже:

У Катеньки-резвушки
Все сломаны игрушки:
Собачки без носов,
Барашки без рогов,
От чайного прибора
Наверно очень скоро
Не будет ничего...

— Самое замечательное, что ни Сережа, ни Аля, ни я ничего не ломаем, относимся к вещам с безукоризненной корректностью.

Поломаны — для примера: швейная машина, качалка, диван, два кресла, Алины 2 детских стульчика, туалет, у мраморного умывальника не хватает бока, — примус не горит, лампа молния не горит, граммофон без винта, этажерки не стоят, чайные сервизы без чашек и т. д.

Точно здесь целая артель плотогонов трудилась сто дней и сто ночей подряд.

Плотогоны! — Слово из нашего с Асей детства! Ока, поздняя осень, стриженные луга, в колеях последние цветочки — розовые — мама и папа на Урале (за мрамором для Музея!) — сушеные яблоки — гувернантка говорит, что ей ночью крысы отъели ноги — плотогоны придут и убьют...

---

*Вознесение*¹.

По 30^{му} купону карточки широкого потребления выдаются гробы, и Марьюшка, старая прислуга Сонечки Голлидэй, недавно спрашивала у своей хозяйки разрешение водрузить таковой на антресоли.

<Далее две с половиной страницы не заполнены.>

Аля — в Духов день — на Воробьевых горах:

— «Марина! Балерина должна быть всю жизнь в восторге и в свободе. Мне кажется: танцовщица от счастья, а не от учености.

— «Марина! Не правда-ли, всё лето — нежность? Но не от слабости, а от силы.»

В первый раз в жизни я каталась на каруселях 11^м лет, в Лозанне, — второй третьего дня, на Воробьевых горах, в Духов день, 26 лет, с 6 летней Алей. Между этими двумя каруселями — Жизнь.

---

¹ 16/29 мая 1919 г.

Что может быть волшебнее карусели? Эта сверкающая солнцами и лунами бахрама, эти геральдические львы и кони точно с какого-нибудь 11го века французского герба, эта музыка откуда-то изнутри, эти невинно-блаженные лица взрослых и — наконец! — этот полет.

Обожаю простонародье: на ярмарках, на народных гуляньях, везде на просторе и в веселье, — и не созерцательно <над строкой: зрительно> — за красные юбки баб! — нет, любовно люблю, всей великой верой в человеческое добро. Здесь у меня, действительно, чувство содружества.

Вместе идем, в лад.

Не могу — с спокойной совестью — ни рано ложиться, ни поздно лежать, ни до́ сыта есть. Точно я не в праве. И, если углубить, не оттого, что я хуже, а оттого, что я лучше.

Сонечка Голлидэй: «И я чувствовала: такие большие слёзы, — крупнее глаз!»

Когда меня — где-нибудь в общественном месте — явно обижают, мое первое слово, прежде, чем я подумала:

— «Я пожалуюсь Ленину!» — И — никогда — хоть бы меня четвертовали: — Троцкому!

— Плохой, да свой!

— «Я в середине этой зимы плохо себя вел»... «Плохо себя вел» — это Я.

Три записочки ко мне Сонечки Голлидэй:

«Бесценная моя Марина,

Всё же не могла — и плакала, идя по такой светлой Поварской в сегодняшнее утро, — будет, будет и увижу Вас не раз и буду плакать не раз, — но *так* — никогда, никогда —

Бесконечно благодарю Вас за каждую минуту, что я была с Вами и жалею за те, что отдавала другим, — серьезно, очень прошу прощения за то, что я раз сказала Володе — что он самый дорогой.

— Самая дорогая мне — Вы, моя Марина.

Если я не умру и захочу снова — осени, Сезона, Театра, — это только Вашей любовью, и без нее умру, — вернее без Вас. Потому-что уже знать, что Вы — есть — знать, что Смерти — нет. А Володя своими сильными руками может меня вырвать у Смерти?

Целую тысячу раз Ваши руки, которые должны быть только целуемы, — а они двигают шкафы и поднимают тяжести, — как безмерно люблю их за это.

Я не знаю, что сказать еще, — у меня тысяча слов, — надо уходить. Прощайте, Марина, — помните меня, — я знаю, что мне придется всё лето терзать себя воспоминаниями о Вас, — Марина, Марина, дорогое имя, — кому его скажу?

Ваша в вечном и бесконечном Пути — Ваша Соня Голлидэй (люблю свою фамилию — из-за Ирины, девочки моей.)

—

(Ирина, облюбовав Сонечкину фамилию, с утра вставала с: «Галлида! Галлида!»)

—

2.

Вещи уложены. — Жизнь моя, прощайте! —

Сколько утр встречала я на зеленом кресле — одна с мыслями о Вас. Люблю всё здесь — потому что Вы здесь были. — Ухожу с болью — потому же.

— Марина, — моя милая, прекрасная, — я писать не умею и я так глупо плачу.

Сердце мое, — прощайте.

Ваша Соня.

—

3.

(Але)

Моя девочка,

Целую Тебя, маленькие, тоненькие ручки, которые обнимали меня — целую, — до свидания, моя Аля, — ведь увидимся?

Наколдуй счастье и Большую Любовь – мне, маленькой и не очень счастливой!

Ваша Соня.

– И вот еще два письма, полученные мною позже – переписываю их здесь по внутренней хронологии, чтобы еще немножко побыть самой в этом облаке любви. –

20ое июня (7ое ст.ст.) 1919 г.

Моя дорогая Марина, – сердце мое, – я живу в безмерной суматохе, – все свистят, поют, визжат, хихикают, – я не могу собраться с мыслями, – но сердцем я знаю о своей любви к Вам, с которой я хожу мои дни и ночи. –

Мне худо сейчас, Марина, я не радуюсь чудесному воздуху, лесу и жаворонкам, – Марина, я тогда всё это знаю, чувствую, понимаю, когда со мной – Вы, – Володя, мой Юрочка, – даже граммофон, – я не говорю о Шопене и 12ой рапсодии, – когда со мной Тот, которого я не знаю еще, – и которого никогда не встречу.

– Я могу жить с биением пульса 150 даже после мимолетной встречи глазами (им нельзя запретить улыбнуться!) – а тут я одна, – меня обожают деревенские девчонки, – но я же одинока, как телеграфные столбы на линии железной дороги. Я вчера долго шла одна по направлению к Москве и думала, как они тоскуют, одинокие, – ведь даже телеграммы не ходят. – Марина, напишу Вам пустой случай, но Вы посмеетесь и поймете – почему я сегодня в тоске.

Вчера я сажу у Евг<ения> Баграт<ионовича> на балконе и веду, шутя, следующий диалог с бабой:

Баба: – Красавица, кому папиросы набиваешь? Муженьку?

Соня: – Да.

Баба: – Тот, что в белых брюках?

Соня: – Да.

Баба: – А что-же ты с ним не в одной избе живешь?

Соня: – Да он меня прогнал. Говорит, больно подурнела, – а вот папиросы набивать велит, – за тем и хожу только, а он другую взял.

Вечер того-же дня:

Баба ловит Вахтангова и говорит:

— «Что ж ты жену бросил, на кого променял. — Ведь жена-то красавица, — а кого взял? — Не совестно! — Живи с женой!»

Ночь того же дня: я мою лицо в сенях. Входит Вахтангов.

— «София Евгеньевна, что́ Вы: ребенок — или авантюристка?» — и рассказ бабы.

Убегаю от В<ахтан>гова и безумно жалею, что не с ним.

Это пустое всё. — Марина, пишите, радость моя, — пишите. — С завтрашнего дня я въезжаю в отдельную комнату и буду писать дневник для Вас, моя дорогая. — Пишите, умоляю, я не понимаю, как живу без Вас. — Письма к Г—ру — и пусть Володя тоже. — Что он? —

— Марина, увозят вещи — надо отнести письмо, — не забывайте меня. Прошу, умоляю — пишите.

О как я плакала, читая Ваше последнее письмо, как я люблю Вас. — Целую Ваши бесценные руки, Ваши длинные строгие глаза и — если б можно было поцеловать — Ваш обворожительно-легкий голос. —

— Я живу ожиданием Ваших писем. Алечку и Ирину целую. — Мой граммофон, — где всё это?

Ваша С.

1ое июля 1919 г. (20ое июня ст.ст.¹) 1919 г.

Заштатный город Шишкеев.

— Марина, — Вы чувствуете по названию — где я?! — Заштатный город Шишкеев — убогие дома, избы, бедно́ и грязно, а лес где-то так безбожно-далеко, что я за 2 недели ни разу не дошла до него. — Грустно, а по вечерам душа разрывается от тоски, и мне всегда кажется, что до утра я не доживу.

По ночам я писала дневник, но теперь у меня кончилась свеча, и я подолгу сижу в темноте и думаю о Вас, моя дорогая Марина. — Такая нежданная радость Ваше письмо. — Боже мой, — я плакала и целовала его и целую Ваши дорогие руки, написавшие его.

— Марина, когда я умру, на моем кресте напишите эти Ваши стихи:

...«И кончалось все припевом»...

¹ В действительности: 18 июня ст. ст.

– Такое изумительное стихотворение. –

– Марина, сердце мое, я так несвязно пишу. Сейчас день самый синий и жаркий, – так всё шумит, что я не могу думать. – Я пишу, безумно торопясь, так как Вахтанг Леванович едет в Москву – и мне срока 1/2 часа. – Марина, умоляю Вас, мое сердце, моя Жизнь, – Марина! – не уезжайте в Крым пока, до 1го августа. – Я к 1^{му} приеду, я умру, если не увижу Вас, – мне будет нечем жить, если я еще не увижу Вас.

– Марина, моя любимая, моя золотая, не уезжайте – я не знаю, что еще сказать.

Люблю Вас больше всех и всего и – что бы я ни говорила – через всё это.

– Марина, милая, нежная, дорогая, целую Вас, Ваши глаза, руки, целую Аличку и ее ручки за письмо, – презираю отца, сына и его бездарную любовь к «некоей замужней княгине», – огорчена, что Володя не пишет, по настоящему огорчена. –

Сердце мое, Марина, не забывайте меня.

Ваша Соня.

P. S. Дневник пишу для Вас. –

По дороге в Рузаевку я дала на одной из станций телегр<амму> Володе:

«Целую Вас – через сотни
Разъединяющих верст!»

Даю телеграфисту, а тот не берет срочно подобную телегр<амму>, – говорит, это не дело. Еле умолила.

Целую.

Молюсь за Вас.

Против моего дома церковь, хожу к утрени и плачу.

Соня.

ИЮНЬ

Я дошла до такого состояния, что не смею: *не стирать, не гладить, не укладывать, не штопать, не продавать татарам* и т.д.

1/2 ч. или 1 ч., употребленные на себя, меня мучит.

– Угрызения совести. –

Писать письмо или стирать, пока горячий самовар?

И вот, стою посреди кухни, сжав вытянутые перед собой руки, в позе недоумения и вопроса.

Я не скучаю ни об Але (она сейчас гостит у Г<ольдма>нов, в Крылатском), ни об Ирине, ни о ком.

Сереза, для к<оторо>го я сейчас всё это делаю, — ирреален, в тумане, как день отъезда, как вагон, в к<отор>ый я сяду.

Выходит: вся моя реальнейшая жизнь (немножко похожая, впрочем, на бред) — все эти развороченные сундуки, стуки в дверь, таскание на себе шкафов и диванов, общество жуликов, Смоленские, грязь, стирка и т.д. — ради призрака, в к<отор>ый я сама не очень верю.

То, что для других — реальная жизнь (торговаться, продавать, приписываться, отписываться, получать разрешения и т.д.) для меня — горячечный бред.

Мы с Алей на вышке, в Алекс<андровском> саду. Пониже нас лежит какой-то человек.

Аля:

— «Марина! Мне кажется, — этот человек — шпион.»

(Говоря о каком-то прекрасном ужасе, вроде эшафота или чумы:)

— «Марина! Почему нас не посещают такие чудные бедствия?!»

— «Марина! Эта церковь точно на цепях спущена с неба!»

Я:

Я буду смеяться до последней минуты, а потом умру.

Обожаю богатых. Богатство — нимб <не дописано>. Кроме того, от них никогда ничего не ждешь хорошего, как от царей, поэтому просто-разумное слово на их устах — замечательно, просто-человеческое чувство — героизм. Богатство всё утысячеряет. Думал: мешок с деньгами, нет — человек!

Кроме того, богатство дает самосознание и спокойствие («всё, что я сделаю — хорошо») — как дарование, поэтому с богатыми я на своем niveau¹.

С другими мне слишком «униженно».

Кроме того — клянусь и уверяю — богатые добры (так как это ничего не стоит) и красивы (так как хорошо одеваются)

Если нельзя быть ни *Человеком*, ни красавцем, ни знатным, надо быть богатым.

Богатый ребенок, лепечущий по-английски, всегда немножко Наследник-Цесаревич, и я всегда немножко на него молюсь².

Аля, в Кунцеве (поздний вечер, после заката.)

— «А сколько детей сейчас безмятежно спят в постелях! — А сколько стоят на этом закате! А сколько детей сейчас спят в земле!»

(У распахнутого окна, в рубашке)

— «Марина! Лошади по асфальту — как танцовщицы!»

Аля и я, в воскресенье, в Зоологическом:

Я в красном — полинявшем cardinal³ — широком, с широкими рукавами — платье, (вроде одежды архангела.) Черный пояс. Ноги в одних башмаках с перекрещенными желтыми шнурками.

Играет музыка. Все нарядные <над строкой: Все белое>: белые платья, шляпы, зонты, чулки, башмаки. — Сидим с Алей на траве, слушаем музыку, я даю Але кусочек хлеба. Она истово ест.

Мы — парии даже в эпоху 1919 г.

Мое красное платье — безбрежно, я точно в море. Руки вытянуты: два серебряных браслета, кольцо. Аля в стоптанных сандалиях. Тоже браслет — золотой, ободочком — и кольцо.

Мы больше 1919 год — чем 1919 год, мы — 1919 год, как его Бог (Чорт!) задумал, мы — 19ый год!

---

¹ Приписка карандашом: «уровне» (фр.).

² Написав это, вспомнила Асину фразу в Феодосии:

— «Марина! Как чудно дарить богатым! Гораздо лучше, чем бедным!» (Примечание М. Цветаевой).

³ цвета кардинальской мантии (фр.).

Аля:

— «Марина, глядите: розовый зонтик — в такт музыке! — И еще! — И еще! — О, Марина! Это — шествие зонтов!»

Я, читая на заборе:

— «Победим Деникина — всё будет наше»

— «Победит Деникин — всё будет ваше!» <Между репликами вписано карандашом: и кто-то>.

Таинственное исчезновение ф<отогра>фа на Тверской, долго и упорно снимавшего бесплатно всех ответственных советских работников.

Я: «Есть мужчины, с которыми я бы не целовалась даже на острове.»

Реплика: Разве на острове обязательно и т.д.

Я: Да, почти обязательно. Мне — почти, Вам — совсем, ибо проведите неделю с человеком Вам мило-равнодушным — наедине, в пустынном доме и посмотрите, во что превратится это милое равнодушие на седьмой день: мне — на седьмой, Вам — на третий.

Если бы я — ЧТОБЫ НЕ СЛУЖИТЬ — сделалась проституткой, я — пари держу! — в последнюю минуту, когда надо получать деньги — с видом величайшего *détachement*¹ и чуть смущенно — говорила бы:

— «Ради Бога, господи, не надо. Это — такие пустяки!»

(*Чтобы не служить* подчеркнуто не в оправдание свое, а чтобы усугубить нелепость последнего жеста, уничтожающего всё, ради чего я старалась.)

Есть лирические женские спины.

---

¹ равнодушие (*фр.*).

Я сейчас крещусь на церковь, как отдают честь.

На Смоленском хлеб сейчас 60 р. ф<унт> и дают только по 2 ф<унта>. Того кто хитростью получает больше — бьют.

В Кунцеве сын какого-то коммуниста играет с Алей.

— «Я буду Ленин, а ты будешь Троцкий. — Товарищ Троцкий, Вы назначены в командировку. Вот Вам отдельный поезд, а все другие поезда — встанут.»

Аля и старуха.

Что остается сказать простой благорасположенной к миру старухе — ребенку, к<отор>ый на вопрос: «Почему же тебе из всех сказок больше всего нравится эта? Ведь дьяволы страшные» отвечает: «Я люблю дьяволов», а на возглас: — «Не правда ли, хорошо бы в эти макароны сливочного маслица» сухо говорит в ответ: «Я не люблю сливочно-го масла.»

Спасибо тем, кто меня любили, ибо они дали мне прелесть любить других, и спасибо тем, кто меня не любил, ибо они дали мне прелесть любить — себя.

Безысходны только вещи физические <.>

Н<илен>дер (филолог, грек, сейчас лектор в Пролеткульте) жалуются в присутствии Бальмонта на то, что ему во время лекции даже не дают глотка воды.

Я: — «А Вы берите с собой воды в бутылочку, — даже лучше молока. Наплевать — сейчас 19ый год! — берите и пейте!»

Бальмонт:

И потом — бутылкой в публику! И можете даже присовокупить подобное нравочение — «Видите, господа, как легко разрушать! А попробуйте-ка восстановить эту разбитую бутылку!»

Персияночка Разина и Ундина. Смерть водою. Обоих любили, обеих бросили.

Сон Разина (в моих стихах) и Сон Рыцаря (у Lamotte-Fouqué и Жуковского.)

И оба: и Разин и Рыцарь должны были погибнуть той же смертью: только Персияночка приходит со всем коварством нелюбящей женщины и Персии: «за башмачком», а Ундина со всей преданностью любящей женщины и Германии — за поцелуем.

О, как я бы написала Ундину!!!

Лозэн — мой первый герой после Герцога Рейхштадтского. Но Герцог Рейхштадтский — первый. Две вещи я бы написала, если бы они не были написаны: «L'Aiglon» Rostand¹ (именно Rostand!) и «Der Abenteurer und die Sängerin» Hoffmannsthal'a² <Hofmannsthal> — о Казанове! — (и именно Hoffmannsthal'a)

И еще Ундину, но это — лучше чем Жуковский и, может быть, лучше чем Lamotte-Fouqué.

Лозэна и Казанову (т.е. Фортуны и Приключение) я люблю наравне с вышеупомянутыми вещами, т.е. *абсолютно*, — ни строчки вычеркнуть!

Лозэн — для меня — всё-таки слишком счастлив, Rostand украл у меня Орленка!

У актрисы не должно быть черных глаз. Думаю об Ундине, о Русалочке Андерсена, о моей Авроре, — как их играла бы Сонечка, если бы не ее огромные ослепительные черные глаза! — Уж потому что светлые глаза можно сделать — могут сделаться! — и делаются иногда! — черными, черные же светлыми — никогда.

Моя простонародная нелюбовь к белому цвету (и марко, и пусто!)

---

¹ «Орленок» Ростана (фр.).

² «Авантюрист и певица» Гофманстала (нем.).

Нужно писать только те книги, от отсутствия которых — страдаешь.

Я над Алей, как Дракон над Сокровищем, именно как Дракон!

Почему мне совсем не стыдно быть плохо одетой <карандашом над строкой: в рваном> — и так бесконечно-стыдно — хорошо <карандашом над строкой: в новом> одетой?!

Можно показывать тело, как красавица, и можно показывать тело, как нищий, — сквозь дыры — абсолютно-невинно.— Я.

Никогда (*grand jamais*¹!) не жертвую простотой, правдой — *d'un jet*²! — рифме, как никогда не жертвую: душой — телу.

Пример:

A Dieu — mon âme,
 Mon corps — au Roy,
 Mon cœur — auls dames,
 L'honneur — pour moy.

(Эпиграф к Фортуне)

— я перевожу:
 Господу — душу,
 Кровь — Королю,
 Сердце — красоткам,
 Честь — самому!

«Самому» и «Королю» — не рифмы. Можно было бы, вместо: «Честь самому» — «Доблесть — хвалю» или «Доблесть — люблю» (Королю — люблю...)

Но «Честь — самому» — крик и формула, а «Доблесть — люблю» — мерзость, манная каша, стих восьмого сорта.

¹ великое никогда! (*фр.*).

² целиком! (*фр.*).

И поэтому: «Честь – самому!»
И так во всем, всегда.

ТО, ЧТО Я ХОЧУ НАПИСАТЬ.

- 1) Конец Казановы.
  - 2) Лео. (Казанова и дочь.)
  - 3) Нинон.
  - 4) «La mouche» (Heine)¹
-

во 2ую очередь:

1) Соперницы (Венера и Богоматерь. – Монах. – Венерина гора. – Венера здесь – знатная дама, Богоматерь – бедная девушка, поющая на улицах). <Текст первого пункта зачеркнут карандашом вертикальной линией.>

- 2) Дон Жуан и Кармен.
-

Простонародье никогда не заблудится в городе. Звериное и дикарское чутье на местность <над строкой: мест<ности>.>

Вчера, у Серова: какие-то телеф<онные> звонки, какие-то барышни. Смех, движение, воспоминания, планы. Я вспомнила свой дом: Алино мытье посуды, – мою стирку, – мою тетрадь стихов, – Алину тетрадь стихов – и так – каждый день: ни души, ни звука.

– У Серова – и вообще везде – жизнь сама идет, все в середине чего-то, если Серов не придет – к нему придут, если Серов не купит – ему купят...

Мы с Алей определенно вне жизни, – пари, хотя и почетные.

Все визиты ко мне: или из сожаления, или из желания восторга (В. А<лексеев>), все – почему-то. Никто не приходит просто.

А кто больше меня любит самую простую жизнь?

---

¹ «Мушка» (Гейне) (фр.).

Мне хорошо жить. Я всему радуюсь: выстиранному кухонному полотенцу (было грязное, а теперь чистое), починенному крану (непрерывно тёк и раздражал, а теперь молчит), выметенному полу и т.д.

И, если бы сейчас вдруг началась жизнь, к<отор>ую я *забыла*: шпоры, военная музыка и дамы с розовыми зонтами – (элементарное представление о роскоши?) – я просто не знаю, как я бы это вынесла.

NB! Для дураков: – от восторга.

ИЮЛЬ

Все мои жалобы на 19ый год (нет сахара – нет хлеба – нет дров – нет хлеба) – исключительно из вежливости, – чтобы мне, у которой ничего нет, не обидеть тех, у кого всё есть.

И все жалобы – в моем присутствии – на 19 год – других – («Россия погибла», «Что сделалось с русским языком» и т.д.) – исключительно из вежливости, чтобы им, у которых ничто не отнято, не обидеть меня, у которой отнято – *всё*.

Я обожаю 19ый год, ибо я в него играю.

Аля и Сережа:

– Ничего от Амура, всё – от Ангела.

В столовой:

Обедаем с Алей без хлеба. С другого конца стола поднимается молодой человек – лица не вижу – впечатление кудрей и бритости – обходит весь стол, становится за моим стулом и – наклонившись – почти шепотом:

– «Разрешите мне предложить картошку Вашему»... и – неуверенно – «братцу».

Аля – стриженная в скобку, с ее строгим – видение Сергия Радонежского – лицом, в «шитой серебром рубашечке» действительно похожа на мальчика, а я – лень описывать! – действительно непохожа на мать.

Аля, просыпаясь:

– «Какие есть беззаботные и ненужные воспоминания! – Как мы с Андрюшей в Александрове выбирали из сору обожженные спички, приносили их к Вам в постель и делали львов...»

...Другой раз, просыпаясь:

– М<арина>! Мне сейчас снились строчки:

«Нынче – молодая,
Завтра – пожилая,
После-завтра – старая...»

Аля и я.

Я: «Ах, Аля, как я боюсь, что ты всё это забудешь!»

– «О, Марина! Я буду помнить каждую пылинку воспоминания!»

Вечером, 5го июля – Сергей – в розовую грозу:

– «Ах, Марина! Как тяжелы шаги земные! Хочется плыть!»

И – на <пропуск слова> – сейчас гроза – ветру распахивает тонкие желтые голые руки – лететь!

Воскресение, <пропуск даты> июля 1919 г¹.

Рассказ о 19 годе: ...«Проходили женщины, похожие на свои кошёлки...»

Бог правильно сделал, не дав мне Красоты. (Нарочно пишу с большой буквы, чтобы не подумали, что я урод!) – Я – и <над строкой: да> еще красавица – это слишком, – даже для меня!

---

¹ В 1919 г. между 5 и 10 июля воскресенье приходилось на 7-е.

— Die Blinde Mathilde¹ — воспоминание детства. Во Фрейбурге, в пансионе, к нам каждое воскресенье приходила женщина — die blinde Mathilde. Она ходила в синем сатиновом платье — лет 45 — полузакрытые голубые глаза — желтое лицо. Из полу-простых. Каждая девочка — по очереди — должна была писать ей письма и наклеивать — на свои деньги — марки. Когда письма кончались, она в благодарность садилась за рояль и пела. Немецким девочкам:

«Jch kenn ein Kätzlein wunderschön»²,

а нам с Асей:

— «Der rothe Sarafan»³.

Вчера читала во «Дворце Искусств» (Поварская, 52, д. Соллогуба, — моя прежняя — первая! — служба) «Фортуну». Меня встретили хорошо, из всех читавших — одну — аплодисментами. Читала хорошо. По окончании стою одна, с случайными знакомыми. Если бы не пришли — одна. Здесь я такая же чужая, как среди квартирантов своего дома, где я живу 5 лет, как на службе, как когда-то во всех 5^м — заграничных и русских пансионатах и гимназиях, где я училась, — как всегда — везде.

Никто на службе (я служила почти 6 мес.!) не знал, что я пишу стихи, как никто — в царские времена — не знал, что мы с Асей могли бы быть фрейлинами. Папина невытравимая скромность + собственная гордыня быть любимой только ради себя самой!

За эту зиму я написала: «Метель», «Приключение» (Казанова) и «Фортуна» (Лозэн). И множество очаровательных стихов о любви. Теперь «Каменного Ангела». <Все три фразы зачеркнуты карандашом вертикальной линией.> Когда я не пишу, я или очень счастлива, или собираюсь уезжать.

Когда я не пишу, я всегда немножко себя презираю.

В некоторые минуты — чаще всего вечером, на ветру — одна — летя по улице я чувствую какую-то avalanche⁴ гениальности <всё предложение зачеркнуто карандашом вертикальной линией>.

¹ Слепая Матильда (нем.).

² «Я знаю одну прекрасную кошечку» (нем.).

³ «Красный сарафан» (нем.).

⁴ лавину (фр.).

Самое лучшее во мне — не лично, и самое любимое мое — не лично.

Я никогда не пишу, всегда записываю, <над строкой: в; т.е. вписываю> (как по команде.)

Я просто — верное зеркало мира, существо безличное. И, если бы <над строкой: неск<олько> моих земн<ых> примет> не было моих колец, моей близорукости, моих особенно-лежащих волос (на левом виске выются вверх, на правом — вниз), — всей моей *особенной* повадки — меня бы не было.

СТИХИ АЛИ:

1. Зубья башен предо мною.
Церкви и кресты.
Он въезжает, белый, статный —
В звон колоколов.

2. *К братьям Катковым.*

Братья Катковы! Бранная Слава
В Вас влюблена.
Братья Катковы!
Вам — ордена!

Братья Катковы!
Ваши подковы
Слышу по черному полю.
— Смерть, догоняй!

3. Смерть — нежна,
Смерть — княжна,
Смерть — жена,
Смерть — вдова.

Смерть — сера,
Смерть — стара.
Смерть — Луна
Над нашим домом!

4. *К Марине*

Вы Воин, Женщина с мечем и в латах.
— Отстороняйте всех! —
Марина! — Ваше имя смело,
А на руке — кольцо.

---

5. Старине и к Нему
(тайные)

Он был нищий — Король.
Не просил подаянья,
Не ходил в барский двор,
В барский дом.
Шел по грязным, и пыльным, и колким дорогам,
Он ушел от Отца и Престола.
Не любил он себя, но любил он свободу
И любил все знамёна за Бога.

---

6. *К Марине.*

Я может помню гордое лицо,
Я может помню синий бархат со стихами,
Я может помню тонкую улыбку
На старых башмаках¹
Я может помню те зеленые глаза,
Я может помню длинные те пальцы,
Я может помню бледный Ваш тот рот,
Я может помню ту змеиную Подкову, —
Серебряный браслет Ваш. — Вас, Марина.

7.

К Нему.

Въехал в заклѣтый град он с крестом,
Въехал на белом конѣ своем.

---

¹ У меня есть такие желтые башмаки, с глубоким вырезом, английские. Аля уверяет, что они улыбаются. (*Примечание М. Цветаевой*).

Крёмль звонит, Крёмль гудит,
Крёмль подымает меч и щит.

---

8. *К Марине.*

Я горда. Я похитила Вас от света,
Разбиваю в ветру Ваш зеленый шатер,
Надеваю спокойные, темные шали,
Расстилаю персидскую ткань.

---

9. *К Марине.*

Я Ваш паж. Я дарю Вам себя – навеки:
Я дарю Вам высокую стражу,
Я дарю Вам Ваш верный табак,
Я дарю Вам французские книги,
Охраняю Ваш сон. – Спите. –
Восставайте с восходом зари!

Нате Вам колесницу в Сиянье: Москву,
Нате лебеда в воздухе плыть,
На мизинец кольцо, –
На прощание дар мой.

10.

Я отдам Вам всю себя:
Отдам Вам перстень, руку,
Отдам одежду мальчика,
Отдам Распятие Христа,
Невинное желанье.

(О, Музыка, Музыка! Мгновение уходит. Это всё я посвящаю себе – сердцем, а внешностью Марине. Поняли? – Колдунья!)

11.

Вы коварны. Вам руку не надо.
Вы — Марина.

— А вот чудесный эпиграф к какой-то главе из «Rouge et noir» Stendhal'a:

Amour en latin faict amour.
Or donc provient d'amour la mort,
Et, par avant, soulcuy qui mord,
Deuil, plours, pieges, forfaitz, remord <s>.
Blazon d'amour¹

10го июля 1919 г., ст.ст.

Алино письмо к Сереже.

Милый папа!

Мы делали, что могли, для того, чтобы попасть к Вам. Я молилась, просила Бога, чтобы Он сделал так, чтоб Вы не грустили об нас. М<арина> призывала татар со двора, продавала им наши вещи, как они хотели. Время шло быстро. М<арина> очень скоро всё продавала и дешево, п<отому> ч<то> скорей хотела уехать к Вам. Мы ходили на Смоленский рынок с моими пальто, с Ир<инины>ми конвертами. Всё скоро было готово. М<арина> сдала квартиру ужасным людям. Они тоже продавали. Все наши вещи мы свалили в детскую. Потом я начала писать стихи. Там есть стихи Белому Всаднику, к<отор>ый въезжает в М<оскву>. М<арина> пишет пьесы. У нее есть пьеса Лозэн. Иногда я записываю наши гулянья. Теперь пишу в Вашей серой тетрадке, к<отор>ую Вы подарили М<арине>. — Сереженька. — Вы мне очень часто

¹ «Красного и черного» Стендаля:

Любовь — Амор по-латыни,
От любви бывает мор,
Море слез, тоски пустыня,
Мрак, морока и позор.

Гербовник любви (старофр.).

Перевод С. Боброва и М. Богословской

снились. Один раз мне снилось, что я Вам нарвала незабудок; др<гой> раз Вы мне подарили книгу, потом Ваш голос в передней, еще один раз я не спала, как послышалось, что Вы разговариваете с М<ариной>. Вдруг неожиданно послышалось: Ф<еодосия> взята Белыми. Я сначала ничего не поняла. Я только с радостью думала о встрече, о чудном пути. А потом оказалось, что из-за этого нельзя ехать. Я часто волновалась, внутренне плакала. Сердце билось от любви и страху за Вас. Каждый вечер я молилась, чтобы Господь не наливал св<оей?> прохладной воды в мое огненное горе. Я не показывала что у меня было на душе даже М<арине>. Я ясно помню Ваши чудные глаза, Ваши чудные блестящие глаза. М<арина> сейчас позвала из кухни. Как только я вошла, она велела мне закрыть глаза. Я подхожу к Ванной. М<арина> скомандовала – «Открой глаза!» И что же я увидела: весь потолок ванной обвалился. Вся ванная и ее пол был навален известкой. Этого я не ждала. С<ереженька>! – Я посвящаю мое сердце М<арине> и Вам. Любовь разрывает мое тело. Та комната, где мы с М<ариной> живем, это большая верхняя, в к<отор>ой раньше жили Вы, в к<отор>ый сделали мне подарок на Пасху. Цалую Вас.

Ваша Аля.

Милый Володя!

Желаю, чтоб в вагоне не было душно, чтобы Вас там кормили, хорошо обращались, никто к Вам не приставал бы, дали бы Вам открытое окно. Хочу, чтоб вся дорога была так хороша и восторженна, как раньше. Я надеюсь, что там народу будет немного. Вы уезжаете, наш последний настоящий друг.

– Володя! – Я сейчас подняла голову и была готова заплакать. Я очень грущу. Вы последний – по настоящему – любили нас, стояли за нас, были так нежны с нами, так хорошо слушали стихи. У Вас есть М<арины>на детская книга. Вы ее будете читать и вспоминать, как читала Вам – я. Скоро опять кто-н<и>б<удь> поедет в Киев, и мы напишем Вам, как писали когда-то пале.

Володя. Мне кажется неправдой, что скоро Вас не будет. О, Господи! Эти вагоны не подожгут, п<отому> ч<то> все пассажиры так невинны, как новорожденный ребенок без няньки. Постарайтесь быть незаметным и придумайте себе хорошую болезнь. Может случиться ужасно: <не дописано>

12ая июля 1919 г., ст.ст.

В. Алексеев (туманным голосом — не мне — куда-то...)
— «Я, может быть, был слишком честным...»

— «Карл Великий — а может-быть и не Карл Великий — сказал: «С Богом надо говорить по латыни, с врагом — по немецки, с Женщиной — по французски»... (Молчание.) — И вот — мне иногда кажется — что я с женщинами говорю по латыни»...

(Володя А<лексе>ев)

— Володя Алексеев! За эту последнюю фразу я — нет, всего мало! — сказать не могу!

Если бы Х (определенное лицо, которое люблю со всем Пафосом дружбы, — не иначе) предложил бы мне выйти за него замуж, я бы сразу согласилась, от одного восторга, что меня так любят.

Дружба (моя!): — Любовь без низости.

Я абсолютно послушна с теми, кого люблю, т.е.: *меня* — нет. Человек может меня сделать безукоризненной и абсолютно-распущенной (первое — без скуки, второе — изящно!)

Не возьмет за руку, — не возьму, и просижу так — рядом — без руки — 365 ночей подряд. <Фраза зачеркнута карандашом вертикальной линией.> Возьмет за руку — не отниму — дам вторую. (Первое — если дружна, второе — если люблю.) <Обе фразы зачеркнуты карандашом вертикальной линией.>

Я — в любви — абсолютно поддаюсь воспитанию. — И только в любви.

Отчего эта — некоторая — робость?

Трезво: д<олжно> б<ыть> от неуверенности, а может быть из желания, чтобы другому было в наибольшей степени хорошо со мной.

Если он берет меня за руку, — значит ему хорошо именно с моей рукой в руке, не берет — хорошо именно без моей руки в руке. (Мне-то всегда хорошо: и с рукой и без руки!)

И я всегда благодарна: если берет — всей своей <над строкой: особенно если не берет> низостью (кошкой во мне!), если не берет — всем моим Пафосом (собакой!)

Боязнь пространства и боязнь толпы. — А я боюсь автомобилей.

Если меня когда-нибудь не раздавит автомобиль или не потопит пароход — все предчувствия — ложь.

Вчера, с Бальмонтом:

Идем к Р.С. Т<умар>кину. Бальмонт жалуется на то, что я не чувствую, «как я ему желанна». Я развиваю ему свою теорию о богатстве и возмущаюсь, что он не слушает. Разговор, как «две параллельных линии, проведенных из разных точек»...

Вдруг передо мной огромная желтая собака с мешком в зубах.

Я мигом бросаю Бальмонта и, на ходу: — «Бальмонт! Бальмонт! Ты понимаешь? Она что-то несет и не ест! Это в 19⁹² году!» — «Что ж Вы так удивляетесь? Есть хорошо воспитанные собаки!» И я — с внезапным охлаждением: — «И м<ожет> б<ыть> это картошка, да еще сырая.»

— «Нет», оскорбленный голос дамы, владельницы собаки — «она и мясо носит.»

Я: — «Бальмонт! Бальмонт! Нет, ты не понимаешь! — Мясо!»

И Бальмонт очень галантно — уже с Т<умаркин>ского крыльца — даме: — «Хорошая собака. — Поклонитесь Вашей собаке!»

Пока хозяин уходит за чаем и хлебом (я сразу объявила, что Б<альмонт> голоден, ибо зовя его в гости обещала, что его накормят и, кроме того, п<отому> ч<то> он не верил, что я посмею) — мы с Б<альмонтом> сидели в креслах, он в одном я в другом.

И вдруг, Б<альмонт>: — «Малютка!» (Пауза.) Я, зная его привычку к импровизациям, жду, что сейчас будет «незабудка» или что-н<и>б<удь> в этом роде. Но незабудки не следует.

— «Если ты когда-нибудь почувствуешь себя свободной»...

Я всё еще сомневаюсь, но так как обыкновенно я говорю ему ты, а он мне — Вы, начинаю чувствовать себя неуютно.

— «Если ты когда-нибудь отчаешься и почувствуешь себя свободной»...

— «Никогда» — перестав играть вставляю я.

...«в минуту нежной прихоти — подари мне себя!»

(Пауза.)

Я: — «А я сначала думала, что это — стихи.»

Б<альмонт>: — «Сколько раз мое желание сталкивалось с Вашим нет!»

(во дворе чей-то громкий голос)

Б<альмонт>: — «У меня уже начинаются явные галлюцинации. Я напр<имер> сейчас ясно слышал: «Пара калачей — 16 копеек!»

Я, восторженно: «Неужели шестнадцать?»

Б<альмонт>: — «Глупые женщины! Нужно не иметь никакого чувства к красоте, чтобы не понимать, как это было бы прекрасно: ребенок от Б<альмонта> и Марины Цветаевой!»

Я: — «Да, Бальмонтик, но чтобы был этот ребенок — он конечно будет прекрасен! — надо любить отца... Кроме того, я трезва: зимой вокруг Вас всякие Лизы, Кати, Саши, а сейчас никого нет — только я»...

— Приход хозяина кладет конец этой дискуссии.

—

13²² июля 1919 г.

Вчера, у Николо-Песковской церкви, француженка с тремя девочками в белом.

Девочка лет 9^{ти}: — «Melle, Vous voudriez aller au couvent?»¹ — И маленькая, тщедушная, слабая Melle: — «O pour ça, tu sais, personne ne tient: je veux, je vais, c'est fini.»²

— У меня обыкновенно — просто «fini».

—

¹ «Мадемуазель, Вы собираетесь идти в монастырь?» (фр.).

² О, что до этого, знай, что никто меня не держит: я хочу, я иду, и кончено» (фр.).

Вчера, у Тани:

– «Ведь Вы не бреетесь», сказал коммунист, «зачем Вам пудра?»

– Коммунист из старых, помирает с голоду. Такой чудесный певучий голос.

– Третьего дня узнала от Б<альмон>та, что заведующий «Дворцом Искусств» Рукавишников оценил мое чтение Фортуны – оригинальной пьесы, нигде не читанной, чтение длилось 40 мин., м<ожет> б<ыть> больше – в 60 руб.

Я решила отказаться от них – публично – в следующих выражениях: – «60 руб. эти возьмите себе – на 3 ф<унта> картофеля (м<ожет> б<ыть> еще найдете по 20 р.!) или на 3 ф<унта> малины – или на 6 коробок спичек, а я на свои 60 р. пойду у Иверской поставлю свечку за окончание строя, при к<отор>ом так оценивают труд поэта.»

Рукавишников – сам поэт, напр<имер> под заглавием «Сонет» написал такие строчки:

– «Раскатысь, мой сонет, раззудись, мой сонет,
Зазвени, мой сонет» – и т.д.

Его отец – нижегородский купец «милльонщик», в Нижнем у него дворец.

Сам он живет в д<оме> Соллогуба, ест на графининой гербовой посуде, жена его меняет по три платья в вечер (я очевидец), – башмаки до колен, шелковые платья, меховые пелерины и т.д.

– И поддельные – как виноград – локоны. Это тоже стоит!

Ах, еще про коммуниста! (Милого Я–ча!) Кто-то в комнате:

– «В Эрмитаже – невероятная программа!»

К<оммуни>ст, певуче: – «А что такое – Эрмита-аж?»

Изречение одного – об одном:

– «X ist leer und wenn er voll ist, ist es nur dreckvoll.»¹

---

¹ «X – пуст, а если бывает заполнен, то такой дрянью» (нем.).

Ах, сила крови! Вспоминаю, что мама до конца жизни писала Thor, Rath, Theodor,¹ — из немецкого патриотизма старины, хотя была русская, и совсем не от старости, п<отому> ч<то> умерла 36^м лет.

— Я с моим ъ!

Францию я люблю больше, чем француз, Германию больше, чем немец, Испанию больше, чем испанец и т.д.

Мой Интернационал — патриотизм всех стран, не Третий, а Вечный!

Аля, заглянув в какое-то окно на Поварской

— «Марина! Я сейчас видела счастливого мальчика, который не служит, а ест ягоды и всё время читает сказки!»

О мальчиках. — Помню, в Германии — мне было 17 лет, в маленьком местечке Weisser Hirsch, под Дрезденом, куда папа нас с Асей послал учиться хозяйству у пастора, один 15 летний — неприятно-дерзкий и неприятно-робкий розовый белокурый мальчик как-то глядел мои книги. Видит «Zwischen den Rassen» Н. Mann'a (замечательная книга, напоминает Башкирцеву) с моей рукой написанным эпитафием:

«Blonde enfant qui deviendra femme,
Pauvre ange qui perdra son ciel!»²

«— Ist's wirklich Ihre Meinung?»³

И моя реплика:

«Ja, wenn's durch einen wie Sie geschieht!»⁴

А Асю один другой мальчик — тоже розовый и белокурый, маленький commis⁵ — умильный 13 летний Christian — торжественно

¹ Врата, совет, Теодор (нем.) — в современном правописании «th» заменено на «t».

² «Белокурое дитя, которое превратится в женщину.
Бедный ангел, который потеряет свое небо!» (фр.)

³ — Вы действительно так думаете? (нем.)

⁴ — Да, если это происходит благодаря таким, как Вы! (нем.)

⁵ приказчик (фр.).

вел под руку, как свою невесту. Он может — даже наверное! — не думал об этом, но этот жест, выработанный десятками поколений его предков выходил сам собой, был у него в крови.

— А другой — темноволосый и светлоглазый Hellmuth, к<отор>ого вместе с другими мальчиками (мы с Асей были взрослые, богатые и свободные, а они Schulbubel¹, к<отор>ых пастор бил по лицу!) — учили курить по ночам и угощали пирожными, и который большими смелыми буквами написал Асе в альбом: «Die Erde ist rund und wir sind jung, — wir werden uns wiedersehen!»²

А лицеистик Володя, с к<отор>ым Ася ходила на свидание к Кентавру (а я как дура, рядом с ней, и не знала, что на свидание! Потом она меня бросала!) и к<отор>ый восторженно удивлялся вышине наших каблуков и смелости, когда все вокруг носят на босу ногу сандалии (Weisser Hirsch святилище д-ра Lahmann'a — Naturheilkunde!)³

— Hellmuth, Christian, лицеистик Володя! — Кто из вас уцелел за 1914—1919 год!

Il y a des femmes qui laissent après soi comme une traînée d'amour⁴.

(Не могу сказать этого по русски!)

<Пропуск даты> июля 1919 г., воскресенье⁵.

1ый раз в жизни в Румянцевском музее, где папа 30 лет был директором (фактически — лет 14!)

Входя в ворота (с Ваганьковского пер.) останавливаюсь, не смея ступить от восторга: зеленый сад, совершенно пустой, золотая дорожка, по которой сейчас пойду, и в глубине белое здание, летящее в небо.

Читальный зал торжественен: роскошь и строгость, совершенно понятно, что простонародье туда не ходит. На редко поставленных стройных шкафах старинные золотые вазы. Всё очень бело. Окна полукруглые, длинные. В моем окне какая-то башня и голубой туман.

---

¹ школяры (нем.).

² «Земля кругла, а мы молоды, — мы еще встретимся!» (нем.)

³ лечение природой (нем.).

⁴ Есть женщины, оставляющие за собой как бы шлейф любви (фр.).

⁵ 14 июля 1919 г.

Столы блистательно-чисты и пусты. Глубокое молчание. Во всей зале человек семь.

Сажусь с 8^м томом Казановы к окну, за совершенно пустой стол.

Да! Когда я записывала свою фамилию, барышня, выдающая книги, спросила: — «Вы не родственница покойному директору Цветаеву?»

Потом, в саду, — одна — под дрожащими блестящими листиками какого-то куста (кажется сирени). Куст охватывает меня полукругом, как грот. Слева 2 колонны, как призрак, передо мной купы деревьев. Я совсем одна.

Думаю о том, что любовь (любовная любовь) презренна, что из нее всегда выходишь обманутым и униженным. Думаю о своей душе, тоже — и вечно! —летающей вверх, как эти призрачные колонны.

Думаю о том, что я рождена для прекрасного, заселенного тенями героев и героинь, Одиночества, что мне, кроме него — их — себя — ничего не надо, что недостойно меня делаться кошкой и голубем, ластясь и воркуя на чужой груди, что всё это меньше меня.

И может-быть всё мое тяготение к Manon Lescaut — только моя *sensibilité extrême*¹, не могущая не отозваться на очарование.

И хочется мне — безнадежно, ибо я по первому дуновению ветра — другая! — здесь, в этой зелени, белизне, чистоте, одиночестве, сказать «le grand jamais» — вам, Лозэны и Казановы!

Le grand jamais — le grand principe — la grande règle — la grande cause,²
 <над строкой красными чернилами: — le Grand <неразбочиво>> — какие слова!

Какое «je Vous aime»³ сравнится с ними?!

«Конец Казановы» начат 14го июля 1919 г. ст.ст., в воскресенье.

¹ чрезмерная восприимчивость (фр.).

² Великое никогда — верховный принцип — великие устои — высшая причина (фр.).

³ «я Вас люблю» (фр.).

16го июля 1919 г., ст. ст.

Аля, глядя в кухонное окно на небо — заваленное снеговыми об-
лаками — редкие голубые проталины —
— «М<арина>! Ведь всё это — земли! И сколько ног ходило по этой
земле!»

Вчера, в гостях — имянинный пирог — пеньё — огарок свечи —
рассказ о том, как воют красные — вдруг, разглядывая ноты:

Beethoven — Busslied¹

Piccini — то-то —

Marie Antoinette — «Si tu connais dans ton village»²

Marie Antoinette! Вы написали музыку к стихам Florian'a, а Вас
посадили в крепость и отрубили Вам голову.

И Вашу музыку будут петь — другие — счастливые — вечно.

Никогда, никогда — ни лукавой полумаск<ой>, в боскетах Верса-
ля, за руку с очаровательным mauvais sujet d'Artois³, ни Королевой бала,
ни в Трианон, играющей в пастушку — так не пронзали мне сердца, как
в этот миг:

Marie Antoinette: «Si tu connais dans ton village»
(Paroles de Florian.)

Людовик XVI должен был бы жениться на Марии Луизе (fraîche
comme une rose⁴ и дуре); Наполеон — на Марии Антуанэтте.

Авантюрист, выигравший Авантюру, и последний кристалл Рода
и Крови.

И Мария Антуанэтта, как Аристократка, следовательно — безу-
коризненная в каждом *помысле*, не бросила бы его, как собаку, там, на
скале...

¹ Покаянная песня (нем.).

² «Если знаешь ты в деревне» (фр.).

³ повесой д'Артуа (фр.).

⁴ свежей как роза (фр.).

«Le sang y est fort beau»...¹

(Marquis de Valfons — Mémoires — о каком-то городе.)

Мемуары маркиза дэ Вальфон — очарование Аристократизма вне личности. Каждое движение изысканно, каждый поступок безупречен. И всё это не он, десять поколений — за его плечами — таких же предков.

Похоже на Лозэна. — Похоже на всех тогда. —
И до ослепительности не похоже на Казанову.

Казанова: Бонапарт Любви.

У меня к Лозэну — как Ю. З<авад>скому — чуточку презрения.
К Казанове — как В. А<лексее>ву — всегда восторг.
Лозэну я прощаю — всё — из высокомерия. — «Чем бы дитя ни тешилось»...

Лозэну я прощаю.
Казанову я принимаю.

Москва, 21ое июля 1919 г., суббота.

Одиночество делает меня высокомерной: постоянное пребывание в высшем обществе.

(Реплика: «высокомерие не есть признак аристократизма, — настоящий аристократ скромен.» Я: — «Да, от высокомерия.»)

Странная, господа, вещь, я совершенно определенно начинаю презирать Лозэна, не знаю (знаю!) как это объяснить.

Чувство, как после низкого разряда — недостойной себя — связи (актер, гусар и т.д.) Чувство que je me suis encanaillée² — с максимумом удовольствия, но — encanaillée.

¹ Чистота крови усиливает его прелесть (фр.).

² что я опустилась (фр.).

О, я начинаю понимать Марию-Антуанэтту. («Elle m'offrit sa protection, mais un peu trop en Reine pour la circonstance»... Lauzun, Mémoires)¹

– Лозэн и Ю. З<авад>ский во мне действительно тесно связаны.

—

– «Мария-Антуанэтта и Лозэн, – какая прекрасная – в веках – пара!»

(Цитирую себя полгода тому назад.)

– Нет, не М<ария>-А<нтуанэтта> и Лозэн, а М<ария>-А<нтуанэтта> и Prince de Ligne, – это да!

—

Мой эпиграф к Фортуне (Лозэну)

«A Dieu – mon âme,
Mon corps – au Roy,
Mon cœur – auls dames,
L'honneur – pour moy»²

относится не к Лозэну, а к князю де Линь, который ———— но об этом надо написать целую пьесу!

—

И – невинно: «Господа, я больше не люблю Лозэна, потому что я люблю Prince de Ligne.»

—

Мот³ г-жи де Коаслэн, бывшей любовницы Людовика XV («elle lui céda et ne s'en cache point»⁴) – бежавшей во время Революции – при виде какой-то ужасной кровати – в харчевне – в которую должна была лечь:

– «Ce n'est pas là le lit de Louis XV!»⁵

---

¹ («Она проявила свое расположение ко мне, но немного чрезмерное для своего ранга»... Лозэн, Мемуары) (фр.).

² Перевод М. Цветаевой см. с. 344.

³ Острота (фр.).

⁴ «она ему уступила и нисколько не таит этого» (фр.).

⁵ – «Это не ложе Людовика XV!» (фр.)

И еще mot — чудесной Елены Потоцкой — рожденной Масальской — первым браком княгини де Линь (жены сына *моего* князя) — при известии, что ее муж убит пушечным ядром — «*Ce canon était chargé depuis l'éternité!*»¹

(Это, пожалуй, можно назвать «*férocité sublime*»²).

Любимый цвет моего Prince de Ligne был розовый: розовый домик в Bel Œil и в Вене, розовый штоф на креслах, розовая ливрея лаке-ев, розовые collet<s>³ на мундирах его полка.

Ce n'est pas Vous, prince, qui auriez pu m'entendre répéter dix fois par soirée: «*Que je voudrais une robe rose!*» — sans m'en donner une — même en 1919 — à Moscou!⁴

Князь де Линь, Вы любили и защищали моего Казанову тогда, когда его никто уже не любил и не защищал — 70ти лет — в Дуксе — смешного — кланяющегося как полвека тому назад кланялись все, а теперь никто — на жаловании — за отдельным столиком, п<отому> ч<то> не хватало места.

Князь, Вы любили розовый цвет — и всех женщин в мире — и больше всего, при приближении каких-то войск — боялись за памятник герою-сыну в Вашем саду — и любили 70ти лет faire le beau — à cheval — derrière le carrosse de l'Empereur dans les rues de Vienne⁵ — и при первой встрече с г-жой де Сталь сказали, что она «*une femme laide qui tient des discours politiques*»⁶ — и потом всё-таки подружились с ней — Вы с «*femme laide*» — и умерли Вы потому, что в декабрьскую ночь — после бала — без плаща — en souliers de soir⁷ — десять раз подряд выходили из жаркой залы на мороз, чтобы подсадить в карету прелестных Ваших гóстий...

Prince de Ligne! —————

¹ — «Эта пушка заряжалась вечность!» (фр.)

² «величественной жестокостью» (фр.).

³ воротник<и> (фр.).

⁴ Только Вы, князь, слыша, как я раз десять за вечер повторяю: «Как бы я хотела розовое платье!» — не смогли бы мне его не подарить — даже в 1919 году — в Москве! (фр.)

⁵ красоваться — верхом — сопровождая карету Императора по улицам Вены (фр.).

⁶ «некрасивая женщина, ведущая разговоры о политике» (фр.).

⁷ в бальных башмаках (фр.).

«Он любил всех женщин в Париже», — это гораздо больше, чем «всех женщин в мире!» — Почему? — м<ожет> б<ыть> потому что первое — фактически — с натяжкой — возможно, второе же — парабол¹.

Казанова — единственное исключение.

— Кого бы из них я любила?

Когда Моцарт, 5^м лет, играл перед Имперской Семейей в Вене — и потом, побежав, поскользнулся на паркете — и 7-летняя Мария-Антуанетта — одна из всех эрцгерцогинь подняла его — он сказал: «Celle-ci je l'épouserai»² и, когда Мария-Тереза спросила его, почему, — ответил: «Par reconnaissance».³

— Скольких она потом подымала с паркета — и прижимала — Королева Франции! — к груди — крикнул ли ей кто-н<и>б<удь> — раг reconnaissance — Vive la Reine!⁴ — когда она в своей тележке ехала на эшафот?!

У Prince de Ligne 22 тома Мемуаров. У меня — ни одной странички из этих 22 томов.

Я написала «Приключение» и пишу «Конец Казановы», и у всех есть его Мемуары, (Шарль недавно купил на Арбате!) — кроме меня.

И — еще хуже: И Prince de Ligne и Казанова любили три четверти столетия подряд всех женщин Парижа и мира — только не меня!

Когда я думаю о своей смерти, я в глубоком недоумении: куда же денется вся эта любовь?

Почти ночь. Открытое окно. Рояль. Откосы крыш. (Сережина комната, — мансарда)

Это мог быть Париж, Вена, Мюнхен. Почти ночь — музыка — небо — крыши, — это всегда, везде.

¹ вероятно: гипербола.

² «Вот та, на которой я женюсь» (фр.).

³ «Из признательности» (фр.).

⁴ из признательности — Да здравствует Королева! (фр.)

Что я люблю? Пропуская — Мир! — говорю: Восторг. <Вычеркнуто карандашом вертикальной линией; над словом Мир — всё>.

Я не люблю (не помираю по —) древности: Египет, Ассирию, Грецию, Рим, — это так далеко, что просто не было.

Овидий — это Prince de Ligne — в тоге, т.е. не в тоге, а в хламиде — или как это?

(Бедный папа!)

Отсутствие грехов — отсутствие границ <карандашом дописано: ...хотя бы добродетели> (добродетели напр<имер>!)

Св. Августин — читаю его Confessions¹ — ему не в чем было каяться! — не был, Овидий — был. <Вся фраза вычеркнута карандашом вертикальной линией.>

У меня начинает просыпаться страстная (с тоской и мучением) любовь к Ирине, о к<отор>ой я 1½ месяца ничего не знаю и почти не думала. Я об этом никому не говорю.

Я почти не пишу в этой книжке о С<ереже>. Я даже его имя боюсь писать. Вот что мне свято здесь, на земле.

23го июля 1919 г.

Недавно вечером, гуляя с Шарлем (анархистом, молодым и седым, похожим на Песталоцци, сплошное «да» миру!) возле Храма Христа Спасителя (у меня сейчас на груди иконка с его изображением и я показала тому, большому, свой, маленький), глядя на Москву реку, принявшую в себя всё райское оперение неба, взглядываю на Кремль и остолбеневаю: все купола соборов черны. — Меня как в грудь ударило. — Это было самое зловещее, что я когда-либо видела, — страшнее

¹ Исповедь (фр.).

смерти, — Чума. — И тут Шарль еще со своими рассказами о последней московской чуме.

Узнаю от него, что полукруглые медальоны на церквах, к^ото^рые я обожаю, называются кокошниками и что в Москве был когда-то Вшивый ряд, — брадобреи брили и стригли и не убрали волос. (Дрожу от мысли, каково было упасть туда лицом!)

Я знаю душу Москвы, но не знаю ее тела. Я вообще наклонна к этому, но сейчас — по отношению к Москве — это грех.

Идя рядом с Шарлем, вспоминаю С^ережу, как он называл мне все дома в переулках (д^ом Герцена, дома, где бывал Пушкин и т.д.) и все церкви в Кремле и Замоскворечье, вспоминаю его высокое плечо над моим правым плечом (правым, п^отому ч^то ему нужно было отдавать честь) и бледную, несмотря на загар, прелестно-впалую загородную щеку, и голос: «Мариночка»...

— Напрасно начинаю писать о нем в книжке.

ВВ! Не забыть об этих черных куполах, у меня сердце бьется от мысли, какими словами можно о них сказать!

(Шарль — еврей — из хороших — патриот *всех* стран — невинно уверял меня, что это от дождя, тогда как перед нами мокрый Храм Христа Спасителя сиял, как Солнце! — Когда Шарль стал мне рассказывать о прежней Москве, мне стало стыдно.)

Шарль рассказывал мне, что в бытность свою в Париже получил допуск в секретное отделение Королевской библиотеки. — «Туда не пускают без разрешения, и каталога нет.» — «Как, в библиотеке нет каталога?» — «Да, Вы называете то, что Вам нужно, и Вам дают. Туда непременно нужно иметь рекомендацию от профессора. Так — публика не допускается.» — «Странная библиотека! М^ожет б^ыть это оттого, что книги совсем распадаются?» — «Нет, просто нужно иметь удостоверение, что это для научных целей, а не из любопытства.» — «А если я хочу из любопытства?» — «Тогда Вас не пустят. Директор сначала не очень благоволил мне и моему товарищу, потом, когда он увидел, что мы серьезно занимаемся, он переменил отношение.» — «Что же там за книги?» — «Ну... разные... непристойные книги»... Я, коротко: «А-а...» — и — после некоторого размышления: «Ну, не хотела бы я быть на месте этого директора!» Шарль — удивленно: «Почему?» — «Мне бы всё каза-

лось, что у меня все эти книги на лбу написаны. Всё равно что быть изобретателем одного — известного — учреждения. Знаете по англ<ийски> — вода?» — Шарль смеется, а я задумываюсь: как можно, не согрев со стыда, или не прыснув от смеха — обыкновенным человеческим голосом — попросить такую книгу — для научных целей?

И как смеют люди идти ко мне с такими рассказами?

— Душа XVIII в. — для меня наряд.

Панцырь Иоанны — сущность.

Недавно с Алей в к<инематогра>фе — Иоанна д'Арк. Она немножко напоминала меня: круглолицая, с ясными глазами, сложение мальчика. И повадка моя: смущенно-гордая. Играла она прекрасно, я во всё верила. И Король был чудесен: обаяние царственного выродка. В ночь перед казнью Иоанны, когда Иоанна, преследуемая призраками монахов, как безумная мечется от Распятия к двери и вновь к Распятию, у Карла VII пир: хороводы шутов, жареные лебеди с верблюда, корзины роз до потолка, музыканты надрываются над виолами и дудками, у каждого придворного на коленях по белой башенке — головной убор того времени: высокая coiffe, вроде колпака волшебника, с ниспадающей до пят белой вуалью. Одна сцена очаровательна: Король, желая поцеловать свою любимицу, тщетно пытается загородить ее своей накидкой. —

Прелестен Эрик Трэнт, англичанин, влюбленный — как в Бога! — в Иоанну.

Светлые, как у ребенка, глаза на мужественном лице, — всё рыцарство Англии.

— Когда — в 1ой картине — Иоанна с знаменем в руке — входила вслед за Королем в Реймский собор — и все знамена кланялись, я плакала.

Когда зажгли свет, у меня всё лицо было в слезах. Платка не было. Я опустила глаза.

Иоанна д'Арк — вот мой дом и мое дело в мире, «всё остальное — ничто!»

Поварская. — Дворянская деревня.

Сижу недавно на скамейке, у Гоголя. Аля в своей кратчайшей юбочке, в голубой мальчишеской рубашечке, — «полумальчик, полудевочка» занята целованьем львов и поклонами Гоголю, я просто сижу на самой безумной жаре, счастливая ею и сняв шляпу.

Подходит какая-то женщина, бескровная и лукавая лицом, как молодая монашка. — «Барышня, где здесь Афанасьевский пер<еулок>?» Я — туманно — объясняю. — «Я тут к гадалке одной хочу пойти» и вдруг, испуганно: «Ба-арышня! Да что-ж это у Вас седые волосы?! Сколько Вам лет?» Я, не задумываясь: «Восемнадцать». — «Что-ж это у Вас, в семье так седеют — или от переживаний?»

Я чувствую себя в ту минуту такой счастливой — и следовательно приятной глазу (или наоборот!), что совещусь так явно врать, сказавши: «От переживаний». — Поэтому выдумываю сразу целую серию бабушек и прабабушек, седевших в 20 л<ет>, и мать, поседевшую в 15 л<ет>. Озаряюсь решением идти к гадалке — но женщина не знает ни дома, ни имени — расстаемся.

Аля после этого — в Саду Румянц<евского> Музея, где она гуляет, пока я читаю, объявила другим детям, что мне 18 лет и две девочки, сбегав в читальню посмотреть на меня, вернулись к другим детям с ответом, что это — действительно — так.

Седые волосы. День спустя, у Никодима, возглас Шарл'а: — «Марина! Откуда у Вас седые волосы?!»

— Между прочим, волосы у меня светлые, светло-русо-золотистые, волнистые, стриженные, как в средние века у мальчиков, иногда вьющиеся (сбоку и сзади — всегда). Очень тонкие, как шелк, очень живые, — вся я.

И спереди — заметила этой весной — один — два — три — если раздвигать — и больше — волос десять — совершенно седых, белых тоже закручивающихся на конце. — Так странно. —

Я слишком молода, чтобы из *самолюбия* утверждать, что это мне нравится, я им действительно рада, как доказательству, что какие-то силы во мне таинственно работают — не старость, конечно! — а может-быть мои — без усталости — работающие голова и сердце, вся эта моя страстная, скрытая под беззаботной оболочкой, творческая жизнь. — Как доказательству того, что и на такое железное здоровье как мое нашлись железные законы духа.

— А может-быть — это — Время, вопреки 19^{му} г. XX века — в Москве — в награду за Казанову и Лозэна — хочет сделать меня Маркизой?

О седых волосах. — Давным давно, в своей узкой, как гроб, парижской комнате Rue Bonaparte, я, сидя в кресле у окна читала у Th. Gautier, как Edmond de Goncourt на похоронах брата, во время опускания гроба в землю, поседел, как снег, — у всех на глазах. Весь Париж видел, как седел человек.

— Это — *sensibilite*¹ не чета моей!

Armand de Châteaubriand — доблестный и бессеребряннейший из защитников и слуг монархии — двоюродный брат писателя (было бы справедливей о писателе сказать: двоюродный брат эмигранта!) обслуживавший роялистскую корреспонденцию между Жерсэем и Бретанью (23 путешествия туда и 23 обратно за 4 года — в крохотной шлюпке — каждую секунду перед лицом смерти от волн или от врагов!) ютившийся в Англии в нищей каморке со своей скромной женой <имя не вписано> Броун, — вечно отвергнутый всемогущим гр. Пюйсеем (впоследствии оказалось, что он играл двойную игру), домогавшийся последнего своего рейса, приведшего его к смерти, как величайшей милости — Armand de Châteaubriand погиб престранной смертью.

Когда его (в <дата не вписана> г.) схватили и судили, улик было недостаточно и он, по всей вероятности, был спасен, — и вот — Море (сын, внук и праправнук моряков!) в нужный час выбрасывает на берег полуострова Cotentin чемодан Armand de Châteaubriand, потопленный им за минуту до ареста, чемодан с 24^{ми} секр<етными> бумагами, из к<отор>ых каждая равнялась смертному приговору!

— Между прочим, больше всего Бонапарта уязвил памфлет, направленный одним лондонским памфлетистом одному парижскому старому священнику и парижскому водевиллисту. — Памфлет на Бонапарта! — Этого Бонапарт не простил!

— Арман де Шатобриан был расстрелян на Plaine de Grenelle (застава), 31го марта 1809 г., в Страстную пятницу — между двумя матросами, как он — защитниками трона.

¹ восприимчивость (*фр.*).

Шатобриан, не нашедший извозчика и прибежавший – весь в поту – проводить брата и друга – опоздал на одну минуту и застал его уже лежащим лицом в снегу, у одной из стен заставы. «Лицом»... Лица не было.

Голова была раздроблена. Рядом собака подлизывала мозг и кровь.

Шатобриан вспоминает его на осаде Тионвиля: бледный и худой, – тонкий – с короткими белокурыми волосами.

Недавно мне снился сон – один из вечных снов моих 16^{ти} и 17^{ти} лет – будто я лечу по огромным, совершенно пустым залам, среди редких призраков, – полупризрак сама. Лечу под самым потолком. Кажется, встречаю свою мать. Перед тем, как видеть такой сон, я всегда слышу голоса: фразы, отдельные слова – всё гнусное и страшное! – еще не сплю, но уже окаменела, и знаю, что меня ждет. – Это не сон, это какой-то страшный плен, издевательство, – в гостях у Смерти!

Отчего так много дурных примет и так мало хороших? (Просыпанная соль, священник, 13 за столом, 3 свечи, 3^{кму} прикурить (офиц<ерская>с фронта), черная кошка, белая лошадь, крик совы и т.д. и т.д.)

Пойди туда – не знаю куда

Принеси то – не знаю что,

Так для меня звучат все объяснения домовых комитетов как на-пр<имер> добыть куда-нибудь пропуск или купить матерью по 4 купону карточки широкого потребления.

Н<икодим> – de vive voix¹ – и Таня – через Алю – усиленно приглашают меня придти вечером.

Прихожу. – «А нам сейчас надо уйти, – мы столько раз уже обманивали»...

Я живу рядом и бываю у них 4 раза в неделю (раньше каждый день), но ведь это я, о к<отор>ой тот же Н<икодим>, сидя в моей странной

---

¹ Здесь: сам (фр.).

кухне, еще утром говорил: «Сегодня, слушая первый колокольный звон – всходило солнце – и в каждом окне было по костру – я стал думать о Вашей гордыне – и мне стало страшно, сердце заледенело.»

И уходят от меня – к ничтожествам, отправляют меня в эту баснословную, райскую зарю, назад, в мой темный, пустой дом (Аля спит), к моим беспрерывно текущим, меня с ума сводящим, водопроводным кранам, к моим стопудовым мыслям о С<ереже> и Ирине, – опять к Лозэну и Казанове (иначе я умру!) – и потом слушая колокола, леденеют от моей несосвятимой гордыни!

Я, кажется требую, чтобы меня сейчас любили, как будут любить через сто лет.

Так же безнадежно, как требовать деньги за <над строкой: в> счет – очень верного! но через сто лет! – наследства.

И требовать не у того, кто оставит, а у других. И гарант<ией выставить> – свою уверенность. – Соответствие полное. –

Дело афферистов, – не мое!

Впрочем афферист не свяжется ни с той любовью, которой я хочу, ни с какими-н<и>б<удь> – тысячами «в счет», – загребет весь миллион и пустит по миру!

И самое обидное, что я ведь знаю, как меня будут любить через 100 лет!

«Я бы никогда не стала красить губ...»

(Записываю, как думала три дня тому назад, идя за молоком.) – Почему «я бы никогда не стала» а не «я никогда не крашу», «я никогда не красила». Очевидно я, чтобы допустить одну только возможность такой мысли, должна предпослать ей какое-н<и>б<удь> событие, напр<имер> «...если бы я жила тогда-то» или (мне самой смешно, но я недавно, в полной невинности, начала:) «Господа, если бы я была женщиной...»

– Итак, я никогда бы не стала красить губы. Почему? Некрасиво? – Нет, очаровательно. Имморально? – Не люблю этого слова, следовательно – и понятия. («Безнравственно» – так же скверно!)

– Просто каждый встречный дурак на улице может (и в праве!) подумать, что я это – для него, а я, любя улицы, ненавижу дураков и, когда им нравлюсь, глубоко-унижена.

– Ну, а розовое платье, о к<отор>ом Вы так мечтаете?

– Розовое платье, о к<отор>ом я так мечтаю и к<отор>ого у меня, вероятней всего, не будет 1) п<отому> ч<то> никто из вас мне его не подарит – свой 4 № карточки широкого потребления нужен самому, а на рынке – дорого для такой женщины, которая и, целуясь, смеется над поцелуями 2) п<отому> ч<то> я, даже купив розовое *n'importe quoi*¹, долго буду колебаться, сшить ли мне его самой – абсолютно не умею шить! Путаюсь, как в переулках! Голова болит! – или отдать портнихе (150 р.! угрызения совести!) 3) п<отому> ч<то> я, решившись отдать портнихе, вдруг увижу, что лето прошло и пора вынимать свою защитного цвета осеннюю шубу —————

Итак: розовое платье мое – не крашенные губы. 1) Розовый цвет – любимый цвет моего Prince de Ligne 2) девчонку в Казанове (Приключении) звали Розанэтой – нежные воспоминания о Сонечке Голлидэй и – грустные – о З<авад>ском. 3) розовое платье для меня так же природно, как мои золотые волосы.

Для розового платья я достаточно молода, для слишком розовых же губ – с рожденья стара, как-то неловко, смешно немножко, как на старости лет играть в куклы.

И потом, мне обидно, что кто-н<и>б<удь> сможет подумать, что я себе – так – не нравлюсь.

И потом это мне просто не к лицу – ни внешне не внутренно – ни к моей *веселой austerité*² (прилагательное так же важно, как существительное!), ни к моим строгим чертам средневекового послушника, не к лицу всей мне, нежной (и внешне и внутренно!) только по краскам, но *строгой* в основе.

Не к лицу.

И это вовсе не такой мило-презренный женский довод, из тех, что вызывают на лицах мужчин самодовольную улыбку:

– «Наконец, сказала!»

NB! Обожаю мужчин – и вовсе не феминистка! Но обожаю сердцем – единственно женским во мне! – При чем мой ум так безукоризненно воспитан, что охотно – чтобы не ставить меня в смешное поло-

¹ неважно что (*фр.*).

² строгости (*фр.*).

жение — как истый джентльмэн — всегда дает дорогу сердцу — но так, однако, чтобы сразу, в нужную секунду, мочь встать на мою защиту.

24го июля 1919 г.

<Слово не вписано> — столкнуться — и не извинившись разойтись, — какая грубость в этом жесте!

Вспоминаю Гейне, который, приехав в Париж, нарочно старался, чтоб его толкнули, только для того, чтобы услышать извинение.

Хочу — в самый сериоз — написать статью (первую в жизни, — и это, конечно будет не статья!) — «Оправдание зла» (большевизма)

Что, отнимая, дал мне большевизм.

1) Свободу одежды (возможность маскарада 24 часа в сутки), слова (нечего терять!), смерти когда угодно (стоит только выйти на площадь и крикнуть: *Vive le Roi!*¹), ночевки под открытым небом, — всю героическую авантюру Нищенства.

2) Окончательное право презирать своих друзей (не пришедших мне на помощь в 1919 г.)

3) Окончательное подтверждение того, что небо дороже хлеба (испытала на собственной шкуре и сейчас *в праве* так говорить!)

4) Окончательное подтверждение того, что не политические убеждения — ни в каком случае не политические убеждения! — связывают и разъединяют людей (*у меня* есть чудесные друзья среди коммунистов)

5) Уничтожение классовых перегородок — не насильственным путем идей — а общим горем Москвы 1919 г. — голодом, холодом, болезнями, ненавистью к большевизму и т.д.

6) Подтверждение всей бессеребрянности моей любви к прежнему (готова быть крепостной любому помещику, — лучше Ноздреву, — у него шарманки красного дерева и собаки!)

7) Усугубление любви ко всему, что отнято (парады, наряды, маскарады, имена, ордена!)

¹ Да здравствует король! (*фр.*)

Говорю, конечно, вкратце. Тезисы будут более блистательны. На-пр<имер> 1) Жизнь 1919 г. – Маскарад 2) Кто друзья? 3) Небо и хлеб. 4) Чем люди живы 5) 1919 г. не разрушил сословия, а сплотил воедино 6) Комиссар или крепостной? 7) Имена – ордена.

Хотелось бы прочесть это с эстрады.

А простонародные (крестьянские) дети стали еще грязней! По-нятно, – нет помещиков чтобы дарить им сатину на рубашки!

Почему я, любя, всегда так – хочется сказать: надсаждаясь – уве-рю, что люблю, что жить не могу без – – –

Может быть убеждаю не другого?

Смеяться и наряжаться я начала 20^м лет, раньше и улыбалась редко.

Я не знаю человека более героичного в ранней юности, чем себя.

Мой смех: отрывистый и странный, одна рулада, вроде смеха Кар-лотты из «Случайности» Локка. (Последнее сравнение – не мое.)

Глупое одиночество от того, что никто не вспомнил дня ваших именин (17^м июля, – сама не вспомнила!) <Приписка, сделанная позднее: NB! То же самое 18 лет спустя – в Lacanau – Océan (Gironde) – 17/30^м июля 1937 г.>

Убеждаюсь, что не понятия не люблю, а слова. Назовите мне ту же вещь другим именем – и вещь внезапно просияет.

Так напр<имер>: девушка. Что-то дородное и благородное, вроде коровы. – И длиннее, как Беатриче. – И совершенно безнадеж-ное.

А Mädchen¹ – золото, молодость, очарование и целование. –
И прятка. – И любовник.

Девушка – героиня, ибо бесчеловечна: еще не любила.

Все героические преступления принадлежат девушкам: Лукреция,
Юдифь, Шарлотта Кордэ.

У женщин – entrailles², то, чего нет у девушек.

Девушка убивает на высокий (бесчеловечный) лад, женщина –
на низкий (человечный).

Девушка после убийства может взглянуть в лицо самому Богу, жен-
щина в ужасе закрывает лик свой.

Я люблю только девчонок (мальчишек!) и женщин.

Следующая ступень девушки – мать.

Следующая ступень девчонки – женщина.

– Мне сейчас вспоминается одно слово С<срежи>о Наташе Рос-
товой: «Наташа Ростова, выростя, это Настасья Филипповна».

– О чем думают животные? – О чем думают другие люди? –

Вчера целый день думала о том – через 100 лет – и писала ему
стихи. Стихи написаны, – он будет.

Милый «через 100 лет», я вчера из-за Вас пропустила по детским
карточкам сахар у Чичкина. Купите, во имя мое, по фунту шоколада
своим детям. – «От тети»...

---

¹ Девушка (нем.).

² сострадание (фр.).

— К стихам этим у меня какое-то странное чувство: какая-то благоговейная победа, победоносное благоговение.

(Сейчас передо мной Алины колени и длинные ноги. Она лежит на крыше, спустив ноги на подоконник. — «Марина! Вот облако плывет, — м<ожет>б<ыть> это душа Вашей матери?» — «Марина, м<ожет>б<ыть> сейчас к нашему дому подходит Русалочка, так<отор>ой было триста лет?» — И крестится, слыша музыку. — «Марина! Марина! Марина! — Как дым летит, Боже мой! Ведь этот дым несется всюду, всюду! Марина, м<ожет>б<ыть> это дым от поезда, в к<отор>ом едет Сонечка!» — Марина, м<ожет>б<ыть> это дым от костра Иоанны! — «А сколько душ в той высоте, правда?»)

Аля, недавно: «Глядите, Марина, какой солнечный месяц.»

— «Марина!!! Ведь *вчера* нет, *завтра* нет, и сегодня нет, — только сейчас!»

Когда я думаю о приезде Сонечки Голлидэй, я не верю: такого счастья *не* бывает.

Думаю о ней — опускаю главное — и как о новом кольце, как о розовом платье, — пусть это смешно звучит: с вожделением. П<отому> ч<то> это не Сонечка приедет, а вся Любовь.

— Вы — через 100 лет! — любите и моего Сережу, и мою Асю, и мою Алю, и мою Сонечку!

— Вы — через 100 лет! — почему я никогда не узнаю, какие у Вас глаза?

Слушайте и смейтесь: третьего дня, среди сбивчивого перекрестного спора о любви, — стоя на коленях у стола, торопливо записываю в записную книжку стихи к Вам. — «Женщина любит только...» — «Если Вы рассматриваете женщину, как...» — «Позвольте, я каждый раз, когда любил...» Смеюсь — вслух — и их фразам, и своим стихам, и тому, что они думают, что я сейчас в комнате, а я — через 100 лет! — у Вас, на груди. Целую последнюю строчку, на губах смех, на глазах слёзы.

Негодую на себя за святотатство, читаю стихи.

— «Тебе, имеющему быть рожденным...»

Сердце так бьется, что не хватает ни вздоху, ни голосу.

— Кончила.

И — непосредственно после последнего слова, голос г-на З—на (адвоката):

«Засим, ровно в 4 ч. я являюсь в Управление...»

—

Тут же записываю.

—

Заведывающий Отделом, на заседании о<бщест>ва борьбы с антисемитизмом:

— «Я из принципа не могу бороться с антисемитизмом».

—

Он же, рассматривая подписи на какой-то официальной бумаге, — капризно:

— «Снимите эту синагогу!»

(Ярый коммунист.)

—

...«Он, как все евреи, многоречив и не владеет русской речью»

(Кто-то — о ком-то)

—

Для того, чтобы получить паек за 60 р. по 16 купону детской карточки Б<альмонтов?>, мне нужно идти к Покровской заст<аве>, на Семеновскую улицу — гляжу на карте старой Москвы — через какую-то реку, к<отор>ой сейчас определенно нет, — вроде как на тот свет идти.

—

Бывает мания величия тела и чахотка души. (Пр<имер> последнего — Надсон. — А может-быть — холера души?)

—

Бабы в трамваях крестятся на церкви истово — празднично — степенным широким крестом, мужчины — деловито, мелким крестиком, под самым горлом.

—

<Число не вписано> июля 1919 г., суббота.

«Prendre un amant, c'est abdiquer»¹

– Маркиза де Coigny – рукоплещу Вам! Но если, в безумной жажде abdiquer – берешь amant за amant² и все-таки не abdique?

– Маркиза де Coigny, – рукоплещите!

Armand – amant – charmant³ – из-за этого одного стоит любить и писать стихи!

Armand – amant... Женщины, любя Лозэна, пропускали только одну букву! (супружеского закона.) – И произносила ли хоть одна женщина в мире это имя, не пропустив (хоть мысленно!) ненужного r?! –

Armand: это и arme и amant, – весь Prince Charmant⁴ из сказки!

И Лозэн и Prince de Ligne родились в апреле (Лозэн – 13го апр. 1747 г., Prince de Ligne – 2го апр. 1735 г.)

«La vie de M. de Lauzun est un roman auquel il manque la vraisemblance. On ne rêve point comme il a vécu.»

(La Bruyère)⁶

Две принцессы из дома Savoie – Nemours разыгрывали его в лотерею. Одна из них потом королева Португалии (Mlle d'Aumale.)

¹ «Возлюбленный — это отречение от чего-то важного» (фр.).

² возлюбленного за возлюбленным (фр.).

³ Арман — возлюбленный — прекрасный (фр.).

⁴ Арман... оружие... возлюбленный... Прекрасный принц (фр.).

⁵ «Жизнь г-на де Лозэна — роман, в котором отсутствует правдоподобие. И во сне не привидится жизнь, какую он прожил» (Лабрюйер) (фр.).

– Всё это, к сожалению, не о моем Лозене, а о том – в XVII в., любимце Людовика XIV, тайном супруге двоюрод<ной> сестры короля la grande Mademoiselle.

– Мой перед ним – щенок!

—
 Когда в 1702 г. попросили Сэн-Симона написать заметку о Людовике XIII, он согласился «*mais à condition qu' on lui épargnerait le ridicule dans le monde*»¹.

Не могу, сравнивая словесные дарования, не улыбнуться на поэтическую «Эстраду» в Москве 1919 г.!

—
 Всё мое политическое *credo*² в этом одном слове: *frondeuse*³, могу для точности прибавить второе: *essentiellement*⁴!

—
 Революц<ионер> (утопист) Сэн-Симон, (– кажется – внук – моего Сэн-Симона!) рассказывал, что ему, когда он во время Террора сидел в тюрьме, в Люксембурге, предстал его дед, Карл Великий, со следующим речением:

«С тех пор как существует мир ни один род не имел чести произвести и героя и философа (мыслителя) I^{ой} степени. Сын мой, твои успехи, как мыслителя, сравнятся с теми, коих я достиг, как воин и как государственный деятель.» –

– Побольше бы нам таких революционеров! (с такими дедами!)

—
 Герцог Бовилье до 7 летнего возраста воспитывался в коморе швейцара отеля его отца.

—
 Сэн-Симон 52 раза подряд (1693–1745 г.) присутствовавший – из благоговения к своему отцу – на панихиде по Людовику XIII в Сэн-Дени, ни разу не встретил там ни души.

---

¹ «но при условии, что он не будет выглядеть смешным в глазах света» (фр.).

² кредо; букв. «верую» (лат.).

³ фрондёрка (фр.).

⁴ в высшей степени (фр.).

«à mettre un peu de fumier sur leur terre»¹ – так знать определяла брак аристократа с дочерью откупщика.

Сэн-Симон, страстно желая жениться на 12 летней дочери Герцога Бовилье – из-за высоких связей и денег – в глаза не виденной! – говорил ее отцу: «C'est Vous qui m'avez charmé, c'est Vous que je veux épouser avec Mlle de Beauvilliers»²...

Но 12летняя упорствовала на монастыре.

Связями же отца, charmé à son tour³, он пользовался до смерти последнего.

6го окт<ября> 1789 г. – конец Версаля.

«Les Cendres»⁴ – есть ли наименование нежнее?

Сэн-Симон о франц<узской> знати:

– «Elle n'est bonne qu'à se faire tuer!»⁵

(Негодюя.)

Моя самая сильная и самая драгоценная мне страсть – страсть собственного достоинства и ранга. Забота об имуществе – далеко позади, и я с восторгом пожертвовала бы им – и настоящим и будущим – за <не дописано>.

M. le Prince (le Grand Condé) – это звучит почти как: Prince Charmant⁶.

¹ «внести немного навозу в свои земли» (фр.).

² «Вы меня пленили, с Вами я хочу породниться через Мадмуазель де Бовилье» (фр.).

³ очарованного в свою очередь (фр.).

⁴ «Пеплы» (фр.).

⁵ «Она годится только на то, чтобы дать себя убить!» (фр.)

⁶ Г<осподин> Принц (Великий Конде) – Прекрасный Принц (фр.).

Король Испании, в день погребения Королевы, к<отор>ую очень любил, согласился присутствовать на охоте. Когда процессия поравнялась с ним, он поглядел на нее и продолжал охоту.

Кто-то о Людовике XIV:

«Il avait le goût particulier pour les gens ordinaires.»¹

Маркиз де Санта Крудз, судившийся два раза — за неспособность к браку и за нарушение супружеской верности — и оба раза признанный виновным.

Казанова о франц<узской> Революции и эмигрантах.

Всякий король, свергнутый с престола, должен был быть глуп, всякий глупый король заслуживает быть свергнутым с престола; ибо нет нации, которая, имея короля, имела бы его только насильственным путем, раз сила за нее. — Людовик XVI — посему — погиб из-за глупости. Если бы у него были ум и мудрая осторожность, которые должны быть у короля неглупого народа, он и поныне был бы на троне и избавил бы Францию от ужасов, в к<отор>ую ее погрузили ярость кучки негодяев, и трусость, равно как и подлость знати и скупость деспотического духовенства, фанатического и слишком властного.

Франц<узские> эмигранты могут возбуждать жалость в некоторых лицах, всегда готовых кого-н<и>б<удь> жалеть; что касается меня, я объявляю, что они внушают мне только презрение, ибо я нахожу, что оставаясь незабываемыми возле трона, они смогли бы противопоставить силу — силе, уничтожить — всё равно каким путем — les boufe-feux², не дав им времени зарезать нацию; и, наконец, я говорю, что их долг, их <слово не вписано> и их честь предписывали им спасти короля или погрести себя под развалинами трона. Вместо этого они пришли прогуливать свою гордыню и свой позор в чужие страны, без пользы для себя и к большь <не дописано> тех, кто должен их прокармливать.

---

¹ Он обладал вкусом, свойственным заурядным людям (фр.).

² зачинщиков (фр.).

— Что будет с Францией? — Не могу ответить, но что я могу сказать, это то, что безголовое тело может иметь только преходящее существование, ибо — в голове обитает разум.

Однажды Екатерина II спросила у князя де Линь, тогда больного, о способе его лечения.

— «О, я лечусь по своему», ответил князь, «когда мне нездоровится, я зову своих друзей, — Кобентцеля и Сегюра, велю пустить кровь Кобентцелю и дать слабительное Сегюру, — и здоров!»

Слово кн<язя> де Линь о Венском конг<рессе> (1814 г., кн<язю> было тогда 79 лет):

— «Le congrès... danse; il ne marche pas».

— Ils aiment les spectacles; eh! bien, je leur en réserve un, moi, et tout neuf pour eux... c'est l'enterrement d'un feld-maréchal.

(Prince de Ligne, né à Bruxelles, le 23 mai 1735, † 13 déc<embre> 1814, âgé de 79 ans, — à Vienne.)¹

Кн<язь> де Линь в беседе с Фридрих<ом> Великим и Иосифом II: — «Je leur dis que je voudrais être une jolie femme jusqu'à 30 ans, puis un général d'armée fort habile et fort heureux jusqu'à 60 ans, — et, *ne sachant plus que dire* (и был прав!) pour ajouter cependant quelque chose encore (alle guten Dinge sind drei!) — n'importe ce que cela devint (коронованным особам всё сойдет!) — cardinal jusqu'à 80 ans».²

¹ «Конгресс... танцует; не двигается вперед»

— Они любят представления, ну что ж! я тоже приготовил им одно, и весьма для них новое... это — похороны одного фельдмаршала.

(Князь де Линь родился в Брюсселе 23 мая 1735, † 13 дек<абря> 1814, в возрасте 79 лет, в Вене.) (фр.).

² «Я заявил им, что хотел бы до 30 лет быть хорошенькой женщиной, затем армейским генералом, искусным и удачливым, до 60 лет, — и, не зная, что еще сказать [(и был прав!)] добавил, однако (Бог любит Троицу! — нем.) — неважно, как это воспримут [(коронованным особам всё сойдет!)] — кардиналом до 80 лет» (фр.).

— Последнее (по моему самое слабое) больше всего понравилось монархам, Фридриху — *esprit fort*¹, Иосифу II — католику.

К<нязь> де Линь о вышитых жемчутом и золотом парусах на днепрской флотилии Екатерины II: «это работа русских солдат, из которых делают портных, матросов, музыкантов, хирургов, — словом всё, что угодно, как по взмаху волшебной палочки.»

— Даже цареубийц — прибавляю я в 1919 г., безо всякой улыбки.

Боюсь, что я как Дон-Кихот со своей библиотекой рыцарских романов, скоро начну *donner de l'Altesse*² всем — не лакеям (ибо где есть лакеи, там есть Светлость!) — всем — как бы сказать? — товарищам!

Герцог Лозэн, отдалив, уяснил мне З<авад>ского, Ю. З<авад>-ский, приблизив, уяснил мне Лозэна.

Взаимные услуги живых и мертвых!

Не называя Вашего имени (дабы не ставить точку над *i* Вашего тщеславия!) скажу Вам, что Вы единственный из поступили со мною правильно, ибо поступили чудовищно.

*Ebaubie*³ таким поведением, я буду Вас помнить вечно, лучшее доказательство тому, что я не дальше, как сегодня утром, — совсем не думая о Вас несколько месяцев! — видела Вас во сне: Вы у меня под большой пестрой подушкой забыли цепочку с сердечком, к<отор>ые я Вам — когда-то — в каком-то предыдущем сновидении — подарила.

— Милый друг! Вы — не в сновидении! — сделали лучше: Вы невинно забыли у меня книжечку стихов, Вам мною посвященных.

Таких вещей с людьми даже я не делала. *Vous avez été plus royaliste que le Roi.*⁴

— Жалко только, что я больше ценю этот роялизм, чем Вы сами, — ибо Вы о нем давно уже забыли!

---

¹ вольнодумцу (*фр.*).

² раздавать титулы (*фр.*).

³ Ошеломленная (*фр.*).

⁴ Вы оказались бóльшим роялистом, чем сам король (*фр.*).

Запах — из распахнутой двери кафэ — кофе — ванили — сигары — каких-то печений кажется.

Вы думаете мне захотелось зайти в кафэ, пить и есть? — Нет — слёзы на глазах! — целовать.

Я доблестно выдержала 2летний abrutissant¹ режим картошки. Но кто знает, если бы я ела мясо, не была ли бы я еще веселее и «гениальнее».

(Ставлю кавычки для того, чтобы не поставили их — вы!)

Я так чувствую — что — кому (физически на этот раз) — нужно! Але и Сереже напр<имер> жиры (у обоих дарование — таять, как свечи!), мне мясо (концентрированная энергия!) и яблоки (еще немножко веселья!)

Человек, меня не любящий, для меня — загадка. Вместо того, что бы ненавидеть, задумываюсь (разглядываю.)

Никакая вторая встреча с человеком (ибо всё дело во второй!) для меня не сравнится с чувством, с каким перечитываю — час тому назад сгоряча написанные — сгоряча совсем забытые — стихи.

Если бы всё то, что я отдаю мертвым на бумаге, я отдавала бы живым в жизни, я была бы безобразна (упорствую!) и сама просила бы посадить меня в сумасшедший дом.

Иоанна д'Арк — страсть к простонародным заставам с их чахлыми кустиками, монастырями и фабричными трубами — Казанова и Лозэн — восторг от книжной пыли на пальцах — как женщина я НЕ МЫСЛИМА, как поэт — только естественна. — И это мое — (я слишком долго отрекалась!) — раз навсегда — единственное мерило!

---

¹ огрубляющий (фр.).

29го июля, воскресенье¹.

Когда другой — X, У — не знает числа или путается в улицах (не знаю чисел и путаюсь в улицах), я воспринимаю это, как беззаконие, ибо всё назначение его — X, У — быть календарем и справочником.

Я хотела бы окружить себя исключительно знатоками своего дела, чтобы каждый съел по своей собаке — и основательно съел! Так: знатоками в деле фарфорном, в деле ружейном, в деле планетном, — поклонном — танцевальном — цветочном — морском — военном! — военном! — военном! (чтобы знал счет пуговиц и разновидность всех погон на всех мундирах мира) — языковедами — камергерами — лакеями — цыганами — конюхами — музыкантами — и т.д. и т.д. и т.д.

Я проводила бы с ними всё время, когда не пишу, брала бы одного с собой в цирк, другого за молоком, третьего продавать на Смоленский, с четвертым беседовала бы во время стирки, с пятым по дороге за обедом, с шестым — все они старики — мб́я голову, седьмой бормотал бы над моим изголовьем, когда я засыпаю, восьмой встречал бы меня при моем пробуждении фразой: «А в 1465 г. — близ Валенсии — в местечке «Santa — Неведомо что», первым поваром герцога Неведомо-Кто был испечен пирог с неведомо-чем, испробовав ко <не дописано> первый <слово не вписано> Его Светлости воскликнуть изволили» и т.д.

Все бы они жужжали вокруг моей головы, как огромные шмели, а голова бы умнела, и я писала бы замечательные пьесы, удовлетворяя строжайшим требованиям: и астронома, и полководца, и учителя фехтования, и повара, и присяжного стряпчего, и акробата, и магистра богословия, и гербоведа, — и садовника, и морского волка и — и — и —

Только одного знатока своего дела мне бы не было нужно: — Поэта!

Вчера — на Арбате — 16летняя.

Высокий рост — с меня — широкоплечая, ловкая, самоуверенная, розовая шелковая шапочка, розовый бант в косе, коса черная с тяжелым завитком, непромокаемое пальто, плотные ножки, желтые сапожки, из-под пальто синий с белым край матросской — добрых старых

---

¹ В действительности: понедельник.

времен — шевиот! — юбочки, юбочка до колен, походка бравая, стройная, несмотря на плотность — полет.

Иду за ней. — Равняюсь. — Задумываюсь — опережает. Гляжу на себя: — долго описывать, — но — не то, уж потому не то, что юбочка не до колен — и быть не может!

И вот я, всегда опережающая всех (о женщинах не говорю!) вошедшая своей быстротой почти в пословицу — без грусти, но и без радости присутствую при том, как, несмотря на некоторые мои усилия, 16летняя — опережает.

Соблазнительно только одно: делать судьбы, быть Судьбой. Творить имена — безымянно.

Le grand Anonyme, le grand Incognito.¹

Королей я могу любить только с площади (он — на коне, я, преклонив колено).

На одном уровне (дворцового паркета напр<имер>) они несравненно ниже ростом.

А так как ни один король не может вечно сидеть на троне и ни один придворный не может вечно стоять на коленях — неизбежно получались бы следующие огорчительные диалоги:

— «Ваше величество, я думала — Вы выше!»

— «Придворный наш поэт, мы думали — Вы ниже!»

И кончилось бы хуже, чем у Фридриха Великого с Вольтером!

Я могу только умирать за Королей, или жить — ими — мертвыми, жить во имя их — живых — нет, не могу!

От Господа — к Гению: вот
Порядок престолонаследья!

Это по чести и по совести. Остальное: Традиция, Бурбонские лилии, Наполеоновские пчелы (без Наполеона!) — и даже смерть во имя этих пчел и лилий — так — (как Борис говорил об Асе!) — 1001ый наряд Принцессы!

---

¹ Великий Аноним, великий Инкогнито (фр.).

О хамстве своей природы:

Никогда не радовалась цветам в подарок и если покупала когда-нибудь цветы, то или во имя чье-нибудь (фиалки – Парма – Герцог Рейхштадтский и т.д.) или тут же, не донеся до дому, заносила кому-нибудь.

Цветы в горшке надо поливать, снимать с них червей, больше пакости, чем радости, цветы в стакане – так как я непременно позабуду переменить воду – издают отвратительный запах и, выброшенные в печку (всё бросаю в печь!), не горят.

Если хотите мне сделать радость, пишите мне письма, дарите мне книжки про всё, кольца – какие угодно – только серебряные и большие! – ситчику на платье (лучше розового!) – только, господа, не цветы!

Страсть к цветам (прекрасно-бесполезному!) признак расы: Аля, Сережа. Аля, 4 л., просила себе на день рождения резеду, а Сережа никогда не мог пройти равнодушно мимо цветочного магазина (Господи, зачем я об этом пишу?!) и всегда мне дарил цветы, и я им всегда дарила – Сереже и Але. – И лучше бы я умерла.

Я слишком груба для Али: здоровьем своим груба. Тело не сочувствует.

Мои пьесы никогда не будут играть. Червоный Валет – Метель – Приключение – Фортуна – Каменный Ангел – теперь Конец Казановы ...

Один общий голос: «Где актеры?! Ведь для того, чтобы играть Генриэтту – играть Лозэна – играть Казанову – играть Королеву... Вот Розанэтту можно найти, камердинера у нас сыграл бы такой-то – но герои? Кто у нас Казанова? Качалов? – О-о! – Такой-то? – О-о... Вот если бы Х был помоложе, он пожалуй бы сыграл Лозэна, – впрочем... Ах, какая есть актриса в Вене – Z – Вы не знаете? Вот Генриэтта! – А какая Мария-Антуанэтта – Y – Вы не знаете – в Мюнхене! А Мойсси – какой Лозэн!» – и весь перечень имен французских, немецких, австрийских, польских, всех, кроме русских – актеров! – Сразу 5 Лозэнов – дюжина Генриэтт – дам из Метели – Антуанэтт – Казанов – но всё это с одним условием: *конечно* не в России.

Если бы мои собеседники были несколько дальновиднее, они бы продолжили:

— «Та же история, что с Вами. Кому Вас здесь — в Москве 19^м года — любить? Вот был такой — Вы не знаете — Prince de Ligne — как он бы Вас любил! — А Alfred de Musset! — А André Chénier! — А вся плеяда эмигрантов! — А молодой Шопен! — А старый Бетховен! — А X — а У — а Z»...

Словом, вся «заграница» — по ту сторону Леты!

«Конец Казановы» — скачка с препятствиями. Казанова — широким жестом — указывает в окно на свою звезду — Венеру. (В каком часу всходит Венера в июле?) — Сенокос и цветущие розы. (Бывает ли это вместе? — Да еще в июле? — А вдруг — окончательная паника утопающего — в Богемии трава в парках на вес золота?! —) Сажает ли за один стол Принца Ангальт-Кетен и домашнего капеллана? — Как узнать что-нибудь об этом Ангальт-Кетен? Вдруг он был гений, а я, ничего не зная о нем, делаю его манекеном.

Я уж и так было чуть ли <не> совершила кровосмешения, заставив Кн<ягиню> де Клари (дочь кн<язя> де Линя, — о ней — только ее имя — упомянуто в *appendice*¹ к VIII т. Казановы) влюбиться в Кн<язя> де Линь (отца).

Слава Богу, под руку — совершенно случайно — попала история гр<афини> Потоцкой (жены сына кн<язя> де Линь), где это выяснилось, — а если бы не попала?

— И лавирую — лавирую — лавирую — беру чутьем там, где могла бы брать знанием, пишу и сомневаюсь — и не у кого спросить — где ты, знаток охоты в Богемии? — Церемонимейстер сиятельных замков? — «Мастер по части» менуэта — и т.д. — и т.д. — и т.д. —

— Вот когда мне <не дописано>

— Стахович! — Вот я опять вернулась к Вам, дорогой Алексей Александрович. Тогда, в марте, я шла к Вам за любовью, сейчас, в июле, за этикетом, и оба раза моя голова опускалась Вам в ладони, — тогда, чтоб погладили, сделали счастливой, теперь, чтоб сделали умной. — Алексей Александрович, — как прелестно и легко звучит Ваше имя! — Алексей Александрович, не сердитесь, я и не уходила от Вас, я дышала тем

---

¹ приложение (*фр.*).

воздухом, которым дышали – Вы: Лозэн, Мария-Антуанэтта, менуэт – это всё Вы и Ваше, и если я сейчас прихожу к Вам, как к *arbiter elegantiarum*¹, то может быть, чтоб еще лучше – безукоризненно! – «по Стаховичу» преподнести Вам – свою любовь!

Но если Вы мне скажете, что дама ни в коем случае не должна целовать у мужчины руку, я ее всё-таки поцелую!

Иосиф II – на вопрос, кому он отдает предпочтение: англичанам или американцам:

– «*Mon métier à moi, c'est d'être royaliste!*»²

– «*Courtisan, Sire, – jamais! Mille fois mieux – courtisane.*»

– «*Pour m'avoir, Madame, pour premier de Vos courtisans.*»³

(Воображаемый диалог с Людов<иком> XV)

Православие – монархизм – так серьезно, что готова умереть, но не так серьезно, чтобы среди серьезнейшего из разговоров со столпом монархии или столпом православной церкви, улыбнувшись, внутренне не сказать себе: «Столб!»

Моя любовь в политике – Пуришкевич. – Ибо над его речами, воззваниями, возгласами, воплями я сразу смеюсь и плачу.

(Когда-то, 14 лет, покупала на Вербе резиновые морды – подавите, высунется язык – с его именем.)

Хотеть, чтобы *другой* съел – любовь.

(С<ережа> – Аля.)

Мечтаю о Сонечке Голлидэй, как о конфете: *верная* сладость.

¹ законодатель вкуса (*лат.*).

² «Моя профессия – быть монархистом!» (*фр.*)

³ – «Придворным, Ваше Величество, – ни за что! В тысячу раз лучше – куртизанкой.»
– «Чтобы я, Сударыня, мог стать первым из Ваших придворных» (*фр.*).

Никто так не презирает честной женщины — как честная женщина. <Зачеркнуто карандашом вертикальной линией.>

Аля, в Зоологическом:
Марина! Игольчатый дождь!

По ночам долго не могу заснуть от мысли: что бы я делала, после 93 года, в полный разгар преданности и поклонения Ancien Régime¹ — с неудержимо растущей во мне любовью к Бонапарту и его гренадерам?

И что — еще хуже! — я бы делала потом, после свержения Наполеона, в первые дни Реставрации?!

Ведь те, кого я любила, вернулись! Но ведь Тот, кого я любила, свержен!

— Зная себя, знаю: Бонапарта я бы осмелилась полюбить в день его гибели, Бурбонов разлюбить — в день их торжества.

А верней всего погибла бы — в полном пылу любви и преданности — на Грэвской площади — за крики «Vive le Roy!»² (Кричала бы через У!)

Слышала сейчас в Зоологическом Саду кошмарный рассказ какой-то няньки, о том, как отец (ее хозяин) застрелил — чистя револьвер — свою 6 летнюю дочь. — «И такая умница была, как старая. Ляжет на пол: «Папочка, глядите, я маленькая, мне и гробик нужен небольшой!»

Я, пишущая о Prince de Ligne — на чердаке. — Какая тема для самого Prince de Ligne!

Prince de Ligne воспринял бы меня, как чудесный и неправдоподобный анекдот, который бы всем рассказывал, Казанова — как поэму Тасса, которую вытвердил бы наизусть.

— У Лозэна бы меня вырвали из рук — женщины.

---

¹ королевскому режиму (фр.).

² «Да здравствует Король!» (фр.)

— «Что закаменел? Глаз что ль не видал?» (Один солдат другому при нашем проходе с Алей.)

Все люди в любви делятся на: *faire sans dire et dire sans faire*¹ (я.)
И непременно надо — чтобы любовь не вышла болтовней или зверством — распределить роли — именно так.

Боже мой! — Простое состукиванье двух слов — и какие кладези премудрости!

Напр<имер>: слово — и слава. (Продолжение опускаю.)

Béranger — Murger — Chatterton — Gilbert — etc. — etc. — etc. — все великие сыны великой Богемы — моя совесть спокойна: был и у меня свой чердак!

Новые башмаки: высокие, крэм, с черным лаковым ободом, на черной шнуровке — дамские — первые в жизни! — полученные мной от солдата в обмен на 1) цинковую ванну, 2) детскую поломанную коляску 3) несколько безногих кресел 4) безногий стол 5) остов кровати etc. — etc. — etc. — целую грудю бесполезных полезностей — полезных бесполезностей! — новые башмаки мои, вы всё еще (3^{ья} неделя!) стоите на верху красного шкафа, в неприкосновенном блеске своих черных подошв, а я всё еще хожу в своих обожаемых, преданных, английских (London!) — как Аля говорит «с улыбкой» — туфлях, желтых (когда-то!) с крест на крест шнуровкой, доблестных и страшных, как две шхуны, потерпевших крушение...

В старом платье я — я: Человек! Душа! Вдохновение! — в новом — женщина.

Потому и не ношу.

Ах, как мне всегда совестно за новое платье! Куда совестнее, чем за новую любовь!

В каком я ужасе от мысли, что когда-нибудь да будет готово мое, полосатое (серое с белым), с розовым матросским воротником из Алиного старого платья.

¹ делать, не разговаривая, и разговаривать, не делая (фр.).

Будет готово — и я его надену! И в первый раз взойду в нем в комнату, и все будут хвалить, ибо мне — от всей моей светлоты — всё к лицу!
— Хорош XVIII век?

С особенным наслаждением ввожу в свою речь некоторые простонародные обороты: «у всякого — свой закон», «вдосталь», «до переменного времени», «фортовый», «нахлебник», «льститься на»... и т.д. и т.д. и т.д., — всё это в меру, конечно, и к месту.

Иногда, смеясь, говорю: «хужей» и, кажется, совершенно серьезно, говорю уже «слабже». (Младше — лучше — слаще — слабже.)

Есть у простонародья *гениальные* ошибки.

Кого я ненавижу (и вижу) говоря: *чернь*. Солдат? Нет, сижу и пью с ними чай часами, из боязни, что обидятся, если уйду.

Рабочих? — Нет, от: «позвольте прикурить» на улице, даже от чистосердечного «товарищ» чуть ли не слёзы на глазах.

Крестьян? — Готова с каждой бабой уйти в ее деревню — жить: с ней, с ее ребятами, с ее коровами, с проходящими странниками, а главное — слушать! слушать! слушать! — и записывать! записывать! записывать! — без конца.

Кухарок и горничных? Но они, даже ненавидя, так хорошо рассказывают о домах, где жили: как барин газету читал «Русское Слово», как барыня черное платье себе сшили, как барышня замуж не знала за кого идти: один дохтур был, другой военный...

— Ненавижу — поняла — вот кого: толстую руку с обручальным кольцом и — в мирное время! — кошелку в ней, шелковую — клёш (нарочно!) юбку на жирном животе, манеру что-то высасывать в зубах, шпильки, презрение к моим серебряным браслетам (золотых-то видно нет!) — уничтожение всей меня — всё человеческое Мясо — Мещанство!

Не знаю, что больше люблю: камергеров — или камердинеров? (При условии, что оба стары — ибо — в обратном случае я непременно буду любить того, кто стар.)

Андрей Шенья добивался чести защищать на Суде Короля.

Кошка и женщина от природы лишены *état de grâce*¹.

Кошка и дозволенное молоко лакает, как воровка, женщина и на Божье солнце глядит — как женщина!

(Хотела: грешница — любовница — нет, лучше так!)

Аля, про кошку («Даму в маске», «Хозяюшку», — оба прозвища — Алины)

— «Марина! Какая очаровательная поза! Марина! Она похожа на амазонку, она достойна ездить на коне! Марина, да это Дева-Царь!»

Еще про кошку:

— «Марина! Я про нее воспоминания напишу, — Мемуары, правда?»

— «Погоди, сволочь, когда *ты* будешь кошкой, а я барыней»...

(Воображаемое начало речи кошки — мне.)

Аля: — «Марина! Какие у нее сейчас глаза были страшные, — страшней, чем у б<ольшеви>ков!»

30²⁰ июля 1919 г., понедельник¹.

Сон про Стаховича.

Алексей Александрович! Вы мне сегодня снились. Мы шли с Вами по большой аллее, у Вас была сестра — пожилая — нежно Вас любящая, счастливая за Вас — мною. Я знала, что Вы умерли. Потом мы сидели в доме — в каких-то низких комнатках. В доме был верблюд, к<отор>ый безостановочно ходил за нами следом, не давал говорить, мешал. Мы его заперли. Я Вас — одну иоточку — всё время боялась. У Вас было прекрасное лицо — такое же — и тот же бархатный голос, с — чуть-уклоном — в иронию (нежнейшую!). Мы сидели за столом. Вы сказали:

¹ чувства уверенности (фр.).

² В действительности: вторник.

«Я ненавижу слово: любовная *связь*», я мысленно отметила: «Как по Стаховичу!» Рядом в комнате грохотал верблюд. Ваша сестра вышла. Я подошла и поцеловала Вас в губы. Пока целовала, чувствовала: — «Сейчас — сейчас — сейчас кончится!» — И — я еще не кончила поцелуя — дверь настезь — врывающийся верблюд!

И на пороге между сном и пробуждением — молниеносный возглас победы: — «А я всё-таки успела поцеловать!»

— Алексей Александрович! Вы чудесно приняли мой поцелуй!

— Аля, и что это был за верблюд?

— Марина, это не простой верблюд.

— Конечно, не простой, Аля!

— Марина! Это смерть его была!

(Пауза)

— Смерть, которая гнала его обратно в гроб!

Я люблю: Сережу — того через сто лет — и Стаховича. (Сережа — далёко, тот — не рожден,

Стахович	} — умер.)
Кн<язь> де Линь	

Quatrain¹ кн<язь> де Линь — на стене одной из комнат — в Леопольдсбере: (1812 г., за 2 года до смерти.)

Adieu, fortune, honneurs! adieu, Vous et les Votres!

Je viens ici Vous oublier.

Adieu, toi-même, Amour, bien plus que tous les autres

Difficile à congédier.²

<Четверостишие обведено двуцветной рамкой.>

— О, Стахович! Стахович! —

¹ Катрен, четверостишие (*фр.*).

² Прощайте, счастье, почести! прощайте, вы и ваше!

Я удаляюсь сюда, чтоб вас забыть.

Прощай и ты, Любовь, труднее, чем все прочее

Отпускающая (*фр.*).

1787 г.

— «Savez-Vous, pourquoi je Vous regrette, Mme la marquise? C'est que Vous n'êtes pas une femme comme une autre; et que je ne suis pas un homme comme un autre, car je Vous apprécie mieux que ceux qui Vous entourent. Et savez-Vous pourquoi Vous n'êtes pas une femme comme une autre, c'est que Vous êtes bonne, quoique bien des gens ne le croient pas; c'est que Vous êtes simple, quoique Vous fassiez toujours de l'esprit, ou plutôt Vous le trouviez tout fait. C'est Votre <слово не вписано>, on ne peut pas dire que l'esprit est dans Vous, mais Vous êtes dans l'esprit. Vous ne courez pas après l'épigramme, c'est elle qui vient Vous chercher. Vous serez dans 50 ans une Mme du Deffant pour le piquant, une Mme Geoffrin pour le raisonnement, et une Maréchale de Mirepoix pour le goût. A 20 ans Vous possédez le résultat de trois siècles qui composent l'âge de ces dames. Vous avez la grâce des élégantes sans en avoir pris l'état, Vous êtes supérieure sans alarmer personne que les sots. Il y a déjà autant de grands mots de Vous à citer que de bons mots. Ne point prendre d'amants parce que ce serait abdiquer, est une des idées les plus profondes et les plus neuves.

— Vous êtes plus embarrassée qu'embarrassante, et quand l'embarras Vous saisit, un certain petit murmure rapide et abondant l'annonce le plus drôlement du monde; comme ceux qui ont peur des voleurs chantent dans les rues.

— Vous êtes la plus aimable femme et le plus joli garçon, et enfin ce que je regrette le plus...»

(Lettre du Prince de Ligne à la marquise de Coigny.)¹

¹ — «Знаете ли, для чего я теперь об вас сожалею, любезная Маркиза? Для того, что вы женщина необыкновенная и что я мужчина необыкновенный; потому что умею ценить вас лучше, нежели те, которые вас окружают. И знаете ли, отчего вы необыкновенная женщина? Оттого что вы добры, хотя многие этому не верят. Вы всегда неприступны, хотя и показываете ум свой или, лучше сказать, он сам нечувствительно в вас оказывается. — Язык ваш прелестен: нельзя сказать, чтобы ум в вас находился, но вы сами находитесь в его центре. <Вы не гоняетесь за эпиграммой, она сама находит Вас.> В пятьдесят лет вы будете в остроте г-жею Дефан, в благоразумии г-жею Жофрен и г-жею Мирепуа во вкусе. В двадцать лет вы обладаете всеми дарованиями сих госпож. Вы, не будучи модною, блистательною женщиною, имеете ее приятность. Вы во всем превосходны, никого этим не обижая, кроме дураков. Об вас столько же можно сказать великого, как и остроумного. «Не иметь любовников, потому что это значило бы отнять у себя владычество», есть мысль самая глубокая и нежная.

— Вы более сами бываєте в замешательстве, нежели других приводите в замешательство <, и когда смущение охватывает Вас, некий скорый густой ропот объявляет его самым забавным на свете; так, боясь грабителей, громко поют на улице>

— Вы самая любезная женщина, самый прелестный юноша, и наконец то, о чем я сожалею более всего...»

(Письмо князя де Линя маркизе де Куаньи.) (фр.) (Князь де Линь. Т.1. С.39).
В угловых скобках — перевод фрагментов, пропущенных в книжном тексте.

Я, читающая о Prince de Ligne в музее, и пишущая о нем на чердаке — какая тема для самого Prince de Ligne!

Революция, превратив жизнь в Маскарад, окончательно очистила ее от мещанства.

Что бы ни говорили о «новой буржуазии» 19^м года — она еще слишком нова — слишком безрассудно-пышно одевается — чтобы быть мещанством!

В Русской Революции (Контр-Революции) мне не хватает одного: участия духовенства. Одним героем — мучеником — праведником — любить меньше!

Les Femmes — les Nobles — et les Prêtres¹, — вот моя — французская! — Контр-Революция!

Ciel-de-lit², — в этом вся Франция. — И как не иметь после этого любовников!

Betthimmel³, — тоже чудесно, только здесь небо ниже, ближе (отсутствие de!) — над самой головой. (A ciel-de-lit — радуга! Как arc-en-ciel⁴!)

Betthimmel — а тот, кто под ним — Bettschatz⁵. Так мать Гёте в письмах к Гёте называла его Христиану, — Гёте тогда еще не был женат!

---

¹ Женщины — Аристократия — Духовенство (*фр.*).

² Букв.: кроватное небо; полог (*фр.*).

³ кроватное небо; полог (*нем.*).

⁴ радуга; букв.: арка на небе (*фр.*).

⁵ кроватное сокровище (*нем.*).

«La mer ----- ressemble à un grand miroir, où je me vois jusqu'au fond de mon cœur.»

(Prince de Ligne. Из письма.)

... «Après mes enfants et deux ou trois femmes que j'aime — ou crois aimer — à la folie, mes jardins sont ce qui me fait le plus de plaisir au monde...»¹

Боже мой! — как это звучит: mes jardins!²

«Mes jardins»... — Это звучит почти, как «Сады Семирамиды»...

(И не так далеко от правды, ибо кн<язь> де Линь говорит здесь о своих южно-русских садах, подаренных ему Екатериной, — La Sémiramis du Nord!³)

... «Je me trouve assis entre deux personnes, sur les épaules desquelles la chaleur m'assoupit souvent, et que j'entens dire, en me réveillant à un des mes compagnons de voyage: «J'ai 30 millions de sujets à ce qu'on dit, en ne comptant que les mâles.» — «Et moi 22, en comptant tout.» — «Il me faut», ajoute l'une «au moins une armée de 600 000 hommes, depuis la Kamtchatka jusqu'à Riga.» — «Avec la moitié», répond l'autre, «j'ai juste ce qu'il me faut.»⁴

(Екатерина II и Иосиф II, путешествие с кн<язем> де Линь по Югу России.)

¹ «Море ----- кажется огромным зеркалом, в котором я вижу себя до самой глубины сердца». (Князь де Линь. Из письма.)

«После моих детей и двух или трех женщин, которых я люблю — или думаю, что люблю — до безумия, мои сады доставляют мне самую большую на свете радость...» (фр.)

² мои сады! (фр.)

³ Семирамидой Севера! (фр.)

⁴ «Я сижу между двух особ, на плечи которых я то и дело склоняюсь в дремоте, разомлев от жары, и, пробуждаясь, слышу разговор моих спутников: “У меня 30 миллионов подданных, считая только мужской пол”. — “А у меня 22, со всеми”. — “Мне нужно, — добавляет первая, — по крайней мере 600.000 войска от Камчатки до Риги”. — “А мне хватит и половины”, — отвечает другой» (фр.).

Fragment d'une lettre du Prince de Ligne à la marquise de Coigny.
(5ème lettre) 1787.

Russie.

— Aimer! — Quel mot ai-je prononcé!

Je fonds en larmes sans savoir pourquoi, mais que ces larmes sont douces! C'est un attendrissement général; c'est un épanchement de sensibilité, sans en pouvoir fixer d'objet. Dans ce moment où tant d'idées se croisent à la fois, je pleure sans être malheureux; mais — hélas! — me dis-je, en m'adressant à quelques personnes auxquelles je pense souvent¹ — peut-être suis-je triste, peut-être l'êtes-Vous aussi d'être séparées de moi par des mers, par des déserts, des remords, des parents, des importants et des préjugés. Peut-être suis-je triste pour Vous, qui m'avez aimé sans me le dire et que j'ai quittées faute de deviner, peut-être le suis-je pour Vous, esclaves superstitieuses de tant de devoirs. — L'amour de vers et des champs, nos lectures, nos promenades, mille rapports secrets nous avaient réunis sans nous en douter...²

— ...Je juge le monde et le considère comme les ombres chinoises en attendant le moment où le faux du temps me fera disparaître.³

— ...Je regarde autour de moi avec attendrissement ces beaux lieux que je ne reverrai jamais et qui m'ont fait passer la journée la plus délicieuse de ma vie.⁴

— Si l'ennui qui gagne insensiblement la société par les hommes d'esprits et les femmes de beau qui s'y introduisent...⁵

¹ à elle seule — toujours! (*Примечание М. Цветаевой.*)

² Перевод этих фрагментов см. на стр. 535–543 раздела «Примечания», где дан перевод всего письма; выписки, сделанные Цветаевой, набраны там в разрядку.

³ ...Я сужу о свете и наблюдаю его, как китайские тени, в ожидании той минуты, когда коса времени определит мое исчезновение (*фр.*).

⁴ ...С грустью оглядываю я эти прелестные места, которых я больше никогда не увижу и которые дали мне возможность провести самый восхитительный день в моей жизни (*фр.*).

⁵ Если скука, незаметно охватывающая общество из-за присутствия ученых мужей и модных женщин... (*фр.*)

" au milieu au milieu de 100.000 hommes, depuis la
 Kambelakka jusqu'à Riga " — Avec la moitié
 révolté d'œuvre, " j'ai juste ce qu'il me faut ?
 (Включая в Ч. 10 вып. II, и в предисловии к н.
 de Paris à Zurich 1922.)

*** ** * * * * *

Frappent et une lettre de Princes de Riga
 et la marquis de Coigny. (5ème lettre) 1787.
 Russie.

— Hier! — Quel air ai-je prouvé!
 Le fonds en larmes sans savoir pourquoi
 mais que ces larmes sont douces! C'est
 ce phénomène général; c'est un
 phénomène de sensibilité, sans en jamais
 fixer l'objet. Sans ce moment si fort
 et si délé se croisent à la fois, je pleure
 sans être malheureux; mais — hélas! —
 au dit-je, ce m'adressent et quelques
 personnes auxquelles j'ai pleuré souvent*)
 peut-être suis-je fielle, peut-être l'être
 vous aussi être ignorés de moi par
 des yeux, par des dévies, des remords,
 des parents, des ignorants et des préjugés
 peut-être suis-je fielle pour vous, qui
 ne savez même sans me le dire, et que j'ai
 en gibbes fautes de deviser, peut-être le
 suis-je pour vous, en larmes inévitables
 de l'âme de de voir. — L'âme est de voir et des
 champs, nos larmes, nos promesses, mille aspects seuls
 mais au point de voir sans être en de voir...

*) si elle seule — hier!

— Savez-Vous que j'ai été au moment de Vous aimer, même de L'Asie, et de Vous l'écrire d'Azoff?¹

Екатерина II: — «Si j'avais été homme, j'aurais été tuée avant d'être capitaine.»

Le prince de Ligne: — «Je n'en crois rien, Madame, parceque je vis encore.»²

...*Archevêque Platon* (Moskova.)

...«Hier en sortant de son jardin, la princesse Galitzina, lui demandant sa bénédiction, c'est avec une rose qu'il la lui donna»...³

...J'aime mon état d'étranger partout, — Vous adorant — mais propriétaire ailleurs. Français en Autriche, Autrichien en France, l'un et l'autre en Russie...⁴

Об ученых:

— «J'ai peu de considération pour ces messieurs, parce qu'il me semble qu'il n'y a qu'à s'enfermer chez soi pour le devenir».⁵

30^е июля 1919 г., ст.ст.

Говорим с Алей про зиму, — обе с негодованием и отвращением.

Я: Аля, должна была бы такая страна быть, — зима, — не погода — зима, а страна. Мы бы приезжали туда на три дня — среди лета. Ах,

¹ — Знаете ли Вы, что я уже намеревался любить Вас из самой Азии, и писать Вам об этом из Азова? (фр.)

² Екатерина II — «Если бы я была мужчиной, меня бы убили прежде, чем я стала бы капитаном.»

Князь де Линь: — «Я в это не верю, Сударыня, поскольку сам еще жив» (фр.).

³ ... Архиепископ Платон (Москва)

...«Вчера, когда он выходил из своего сада, княжна Голицына подошла к нему под благословение, что он и сделал — розой, которую ей подарил»... (фр.)

⁴ ...Я везде люблю мое звание иностранца, — обожая Вас, — но к тому же и хозяйина. — Француз в Австрии, австриец во Франции, тот и другой в России... (фр.)

⁵ «Я мало уважаю сих господ, поскольку мне кажется, что только заперев себя дома, можно сделаться ученым» (фр.).

Аля, я так вижу: огромные камины, в которых горят целые дубовые леса, — ночи — вино — огромные кресла — сани...

Аля, молниеносно: «Да, и такие чудесные юноши рядом, в санях!»

Дальше, Аля: — «Ах, Марина! Я вижу дам — меховых, шелковых, — они такие стройные и такие пышные! И юноши их обнимают»...

Я, невинно: — «Кто ж эти юноши, Аля, — их мужья?»

Аля: «Да, мужья, друзья... Лучше друзья, Марина, не правда ли?»

— «Марина! У Вас сейчас такие глаза были, — дикие — в одну точку — точно Вы представляете себе человека — или со́ставляете.

— Марина! Ведь можно человека составить, как букет.»

Я, среди кухни, озабоченно:

— «Мне нужно переменить муку на́... — на что мне нужно переменить муку?»

Аля, невинно: «На́ воду?»

Взрыв моего смеха — и: — «Нет, Аля, муку на́ воду даже я не меняю!»

Мы с Алей у Храма Христа Спасителя — смотрим закат:

— «Марина! Мне кажется, когда я так иду, подняв голову, не глядя по́д ноги, что он меня сейчас опрокинет, раздавит. Я уже чувствую, как валюсь.»

— «А мне, Аля, когда я так иду, кажется, что я не иду, а он на меня идет, а я стою неподвижно.»

— «Аля! Что ты сейчас сказала?»

— «Это уже потеряло свое значение.»

(7 л<ет> без месяца.)

В тот же вечер — в нашей чердачной комнате — луна вылетает из трубы:

— «Марина! Смотрите! Луна какая-то точно краденая! Цыганка какая-то!»

— «Марина! Я сейчас ясно увидела на небе буквы!»

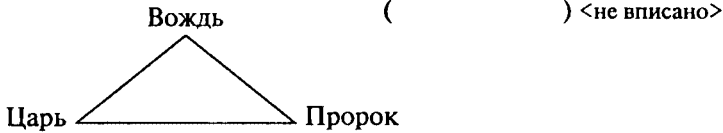
- «Читай, Аля!»
- «Была... Дам...»

От слишком большого и чистого жара сердца, от скромного желания не презирать себя за любовь к тому, кого не можешь не презирать, от этого — еще и от другого — неизбежно приходишь к высокомерию, — потом к одиночеству.

Стахович! — Произнося это имя, я чувствую, что вернулась *домой*.

Лозэн был недостаточно умен для меня, Казанова — слишком страстен; Лозэн недостаточно бы любовался мною, Казанова — слишком любил...

— Prince de Ligne!

Prince de Ligne } !—
 Стахович   }

К Вам бы я шла и со своими стихами, и со своими глупостями, и со своими кольцами, и со своими шарманками (Вы оба любили цыган!), и со своим исконным неверием (та́к, зная, что будешь жить вечно, не живут!), и со своей исконной верой (так, зная, что Вас нет, не пишешь в книжку!), и со своим «погладьте», подста<вив?> голову, и со своей — на уровень Вашей груди — подставленной головой — ах, главное с головой! — всегда с головой! — со всяческой головой: и умной, и безумной, и frondeuse¹, и растрепанной от ветра, и мокрой от мытья — не боясь <слово не вписано> Ваши камзолы и крахмалы...

— Стахович! — Prince de Ligne! —

¹ протестующей (фр.).

– Сонечка Голлидэй! – Я Вас люблю, потому что Вы, как я, живете в 1001ый раз.

Сейчас Аля мне рассказала, что я сегодня, за секунду до пробуждения (она проснулась раньше меня) – подняла голову и блаженно улыбнулась.

(В эту самую секунду я во сне целовала С<тахови>ча.)

Стахович и Prince de Ligne для меня тождественны. Но для Prince de Ligne – Prince de Ligne был: я, а для Стаховича – Стахович.

– К кому же первому подойду – там? И вспоминаю Гёте:

– «Und diese himmlischen Gestalten
Sie fragen nicht nach Mann und Weib...»¹

Le beau Lauzun – l'aimable Prince...²

(Так о них писали современники.)

Презираю все свои встречи с мужчинами, кроме С<ережи>, П<ети> Э<фрона> и Володи А<лексее>ва. (Не тех презираю, – себя!)

О женщинах не скажу, почти всех вспоминаю с благодарностью, но люблю (кроме Аси) только Сонечку Голлидэй.

(Сейчас ловлю себя на беспокойной мысли: – «А вдруг кто-нибудь еще есть» и в ответ – тяжесть в голове, как когда я вспоминаю, что там внизу, в комодке, у меня еще четыре рубашки.)

¹ И, встав, глазами мир окину,
Где силам неба все равно,
Ты женщина или мужчина,
Но тело все просветлено. (нем.)
(Пер. Б. Пастернака.)

² Прекрасный Лозен – любезный князь (фр.).

Я бы хотела иметь: одну кастрюльку, одно кольцо, две рубашки (одна в форточке, другая на мне), одну книжку (*Chansons de Vieille France*¹), <два слова не вписаны>, одну любовь. (И всё – кроме рубашек *баснословное.*)

Сейчас в Москве поветрие стриженных женских голов, преимущественно из мещанства. (Косой пробор, сверху туго стянутый шарф – чаще розовый.)

– Сыпной тиф 19го года. –

И – почти сплошь – очаровательные фигуры (без фигуры; грудь, как доска.)

– «Продукты по карточкам» Москвы 19го.

Солдат и уличная девица (определение всех веков)

или

Красноармеец и проститутка (19 год!)

Девица – босиком – в коротком пышном белом платьице – стриженная – среди бела дня – на Трубной площади – сосредоточенно ест огурец.

Проходит красноармеец. – Беседа. – Темы: продовольствие, до-роговизна, материя по карточкам, словом «год-то такой – 19^{год!}» – Потом деловая сторона. Деньги вперед. Два кошелька. Красноармеец выложил, она вложила. – Пошли. –

Отвратительная мода колец с черепом (весь народ, – как русские (еврейские) эмигранты где-н<и>б<удь> в Италии, в 1902 году!)

Что за оскорбление – русские эмигранты! – Прежние. Новых, к сожалению, не знаю. –

---

¹ «Песни Старой Франции» (*фр.*).

31ая июля 1919 г. (жаль расставаться!)

Аля, просыпаясь:

— «Где я? — О, Марина! Кто-то сейчас так хорошо сказал про Вас»...

— «Что же он сказал?»

— «Подождите...» (Бьет заспанными ресницами)

...«кажется... ах, вспомнила: «Я Вас люблю!»

—

Аля, это моя скрытая (выявленная) гениальность. — Как мои сны. — Сама я так никогда бы не решилась выявить себя в жизни.

—

Аля пишет: «Макс. (Точка.) Штумпф». Обращение Герцога к рыцарю. — Думаете — ошибка? — Нет, гениальность. — Хочет — путем точки — передать повеление — и ответственность поручения — в голосе Герцога.

(И мое, после этого объяснения, бормотание:

— «Это, Алечка, потом, когда ты вырастешь. Сейчас тебе еще всё-таки *так* нельзя!»)

—

Пьесы для меня хуже пьянства. Пишу, действительно, себя ни щадя, ни помня.

(Конец Казановы, — но кажется назову: Феникс.)

—

Да, об этой Алиной точке! Вместо *Макс* Штумпф — честными благородными черными буквами — с огромным тверд<ым> знаком! — пишет: Марксъ.

(В ушах навязло!)

—

Аристократизм — любовь к бесполезному. (Терпимость — склонность — тяготение — пристрастие — приверженность — страсть — все градации вплоть до: «умру без»)

Крестьянин, любящий кошку не за то, что она ловит мышей, уже аристократ.

—

Когда у меня больше нет денег, я невинно жду. — Иногда пишу письма.

Логика для меня страстнее энтузиазма: Изольда в латах Иоанны д'Арк.

Стенограф Жизни. — Это всё, что я хочу, чтобы написали на моем памятнике (кресте!) — Только Жизни непременно с большой буквы. Если бы я была мужчиной, я хотела <над строкой: сказала> бы: Бытия.

Пристрасть, — о это посерьезней страсти! — И пострастней!

Сегодня мне снилось, что Екатерина II отравила Сегюра. — Всю ночь промучилась.

О, господа! Почитайте «la Famille Royale au Temple (Journal de Captivité par Cécy)»¹ — тогда вы поймете почему мне так — до зарезу — необходимо умереть!

Завещание Короля — тщательными, ясными — совсем не гениальными! — большими буквами от руки написанное — avec deux ratures!²

«Je prie ma femme de me pardonner tous les maux qu'elle souffre pour moi, et les chagrins que je pouvais (знал, что никаких!) lui avoir donnés dans le cours de notre union, comme elle peut être sûre que je ne garde rien contre elle, si elle croyait avoir quelque chose à se rapprocher...»

Я сейчас почти ненавижу Marie-Antoinett'у за то, что заставила ее сказать о Короле в Фортуне — и, любя ее, счастлива, что она взошла на эшафот.

---

¹ «Королевская семья в Тампле (Дневник плена, <написанный> Сери)» (фр.).

² с двумя помарками! (фр.) Перевод «Завещания» см. на стр. 544–546 раздела «Примечания». Выписка Цветасвой набрана там в разрядку.

О, Людовик XVI, Людовик XVI! Как Вы не умели быть Королем (совсем как я не умею быть барыней!), как Вы ежечасно роняли свое королевское достоинство: говорили с хамами, которые пускали Вам дым в лицо, благодарили каких-то мерзавцев за кажущееся доброе отношение, извинялись перед негодяем, за то что вполне заслуженно одернули его, велел отойти от печки, — Вам было холодно и Вы — в последнюю ночь на земле — хотели погреться! —

Нет, Людовик XVI, Вы умели быть только человеком!

Завещание Людовика XVI для меня *невозможнее*, чем вся Голгофа! Ибо Христос был сыном Бога, а Вы — сын Царя!

— Мария Антуанэтта! Вас я люблю, как свою грешность, а Вас, Людовик XVI, — как свою святость.

Людовик XVI, я бы, если бы *помня Ваше завещание*, была Марией Антуанэттой, любила бы Вас больше всех Лозэнов!

Мне почти хочется сказать: «И я перед Вами грешна...»

Я знаю, что я когда-нибудь еще буду воскрешать из мертвых.

Самое опьянительное для меня — преданность в несчастье. Это затмевает всё.

Так, я бы хотела не: умереть за Короля, а умереть за барона де Батц, не за Оскара Уйальда, а за Робби, к<отор>ый перед ним снял шляпу.

(Недостойна.)

Сейчас во мне: Лозэн? — О-о! — Prince de Ligne? (нет, слишком счастливо, *не в праве, не смею!*) — Герцог Рейхштадтский? — Нет, — был красив и я бы здесь была не бескорыстна...

— Людовик XVI? — Да.

АВГУСТ

(хотелось бы нарисовать яблоко, но не умею!)

1ая августа 1919 г. (ст. ст.) —

¹ Спас. —

— О 19ом годе! (Для «Оправдания зла».)

— Свобода кражи, продажи.

И еще: от всего накопленного хлама — друзей и предметов — остал-
ся только *stricte nécessaire*² сердца. — Остальное предано — продано.

Кто-то мне: — «Марина Ивановна! Киев под большой угрозой!»
Я, молниеносно: — «Угрозой спасения?»

Как мне хорошо на моем чердаке — с Алей — в пыли — с протека-
ющими потолками — под гром водопровода — с *Princ'ем de Ligne*, с
Казановой, с записными книжками — и как я бесконечно благодарю
Бога — если только С<ережа> жив — за 19ый год!

В Маскараде 19го года я на своем месте: служанки не наряжаются
служанками.

Не Революция, не большевизм, — нет: 19-й год!

О—мов, слушающий мои стихи. Как бесплодно такое чтение! Пуш-
кин он, — нет! Мужик, никогда не читавший стихов, — нет! Будущий
любовник? — Нет! — К чему тогда?

Ордена — ордера.

Вся разница в одной букве!

Не хочу быть бабушкой, хочу быть сразу прабабушкой.

¹ Пропуск названия «Первого Спаса» — «Медовый».

² самое необходимое (*фр.*).

Я – Серову: – «Вы слышали – Ллойд Джордж – в палате лордов? – (Цитирую:) Когда мы идем мимо дома, где празднуют, мы не входим непрошенные, но если в доме пожар...»

Серов: «Да, но если это для того, чтобы найти шкатулку в этом пожаре...»

Нашествие – Восшествие – Сошествие.

Недавно, на Поварской: дроги, на дрогах – гроб, на гробу – родственники.

В Москве сейчас существует одно академ<ическое> о<бщест>во, членом к<отор>ого д<о> с<их> п<ор> состоит <имя не вписано>. Самое забавное, что ему д<о> с<их> п<ор> из Москвы идет жалованье.

(Слышала от члена.)

Похороны альманаха. Обычай морского корпуса. Весной, во время или после выпускных экзаменов, в коридоре надпись: «Альманах заболел» – «Альманах опасно заболел» – «Альманах безнадежен» – «Минуты альманаха сочтены»... И – наконец – с траурным кантом: «Альманах скончался»... Потом шли и со всякими церемониями зарывали в сад.

А ночью – полный парад в одном нижнем белье при свете луны. Слушала и думала о <имя не вписано>.

Говорят, что найдены новые рукописи Пушкина. В реквизи<о>ванную> квартиру переехала семья рабочих. К рабочим приходит какой-то господин. У рабочих в клетке канарейка. У канарейки вместо песка рукописный лист. Господин обращает внимание. – «Откуда это у вас?» – «О, у нас этого добра полная кладовая.» Господин идет в кладовую: ворох рукописей Пушкина. Спорят два музея: Исторический и Румянцевский. Наконец, Румянцевский одерживает верх. Десять (а м<ожет> б<ыть> сто) ученых заседают над разбором.

– Всё это похоже на басню, но, если бы это оказалось действительностью, стоило бы подумать: не была ли бы этим оправдана вся

русская революция? — И — будем смелы до конца — не для этого ли единственно она свершилась?

— Ибо пути Господни неисповедимы. —

Аля. — «Марина! Погода похожа на гудок!»

— «Марина! Когда я слушаю колокол, я думаю: вот сейчас б<е-лые> убивают кр<асных>.»

— «А красные белых, Аля.»

— «Да, но б<слый> убивает, как видение, как ангел с мечом, а красный — просто солдат.»

— «Марина! С каждым ударом колокола отлетает секунда моего детства.»

Fievre rouge¹.

Во времена св. Августина была такая болезнь.

Я бы так назвала стремление духовенства к власти.

Единственное слово, где я признаю замену «ъ» — е, это: дѣвушка (девушка) — Как-то еще глупее.

Мне бы хотелось написать книгу о том, который меня будет любить через сто лет. —

— *Через сто лет.* —

— *Достоверность* —

— Друг! Вылюби меня из гроба!

(Строчка для стихов.)

¹ горячка; букв.: пурпурная лихорадка (фр.).

...Ответим сердечным громом
 На пушечный — рёв.
 (Для стихов.)

—
 Когда мужчины меня оставляют в покое, я глубоко невинна.

—
 «Elle n'a pas inventé la poudre»¹.
 (Обо мне в любви.)

—
 Когда мне какой-нибудь мужчина что-нибудь дарит — спички ли, кофе ли, кусочек ли хлеба для Али — я — бессознательным — первичным — восхитительным по непосредственности движением целую его в губы.

Не я: все биллионы женщин, до меня живших!

—
 Грустно признаться, но хороши мы только с теми, в чьих глазах еще можем что-либо приобрести или потерять.

—
 8го августа 1919 г., на даче.

Могу сказать о своей душе, как одна баба о своей девке: «Она у меня не скучливая». — Я чудесно переносу разлуку. Пока человек рядом, я послушно, внимательно и восторженно поглощаюсь им, когда его нет — собой.

—
 Сегодня опять видела во сне Х. Только что вспомнила. Ход воспоминания: сначала что-то высокое, потом сияние (лицо). Я всё говорила ему, как — так нельзя — «Вы только подумайте, что Вы сделали» — а он смущенно улыбался, всё знал и, хотя склонял голову, не уменьшался в росте. Это никому ничего не дает, но мне приятно (чуть-растравительно!) об этом писать здесь, на сыром песке, у 2харшинной реч-

---

¹ Она пороку не выдумала (фр.).

ки, под карканье ворон и стрекот кузнечиков, в полной невинности начала-осени — дня. <Зачеркнуто карандашом вертикальной линией.>

—

Вчера — по дороге сюда — Л<идия> А<лександровна>: «А вот пьяный навстречу». Я, оживленно: — «Надо посмотреть в лорнет! Ведь это такая редкость сейчас — пьяный! На вес золота!»

—

Подходя к здешнему домику между сосен, я словила себя на легчайшем острие тоски по длинной фигуре X, выходящего из-за этих сосен, — и по себе, рядом с ним. — «Спрятать, не отдать!» — Что бы я с ним делала? — Да сводила бы его с ума, — и здесь, без <не вписано> он бы меня (оцените мое унижение!) — наверное бы — немножечко — любил. <Вся запись зачеркнута карандашом вертикальной линией.>

—

Деревня! — Ставлю одно тирэ, на самом деле их — сто. 1) Выбита из колеи 2) не у себя дома 3) от скуки вечно хочу есть 4) слишком много деревьев, травы, тропинок — глупею и путаюсь.

Природа! — Мой идеал природы: московская застава — монастыри, фабрики, близость и отсутствие людей, 2) татарская деревня, где всё, как 500 лет назад.

—

Много человека и немножко природы — не наоборот. Деревья для меня хороши рядом с камнем. Деревья + деревья + деревья — un trop¹ — Вспоминаю Goncourt'ов.

—

В Москве я благодарна за каждую веточку, в деревне — за каждую весточку.

(Jeu de mots², а правда!)

—

А как я любила — с тоской любила! до безумия любила! — Шварцвальд: золотистые долины, гулкые, грозно-уютные леса, — не говорю

¹ немножко слишком (фр.).

² Игра слов (фр.).

уже о деревне, с надписями — на харчевенных щитках: «Zum Engel», «Zum Adler», «Zum Löwen»¹ — и речкой. — Вся душа расцветает!

— Может быть — мой идеал в природе — всё, кроме подмосковных дач.

Я никогда не буду счастливой в бревенчатом доме и — всегда — в доме, выбеленном известью (юг).

Бревенчатые (внутри) стены под Москвой — мещанство.

В стране Гёсты Берлинг это, может быть, сказка.

Цыгане — и карточная система.

(Есть же в Москве сейчас цыгане!)

Джакомо Казанова! Я отдала Вам целый месяц русского лета. — Лето в России коротко.

Если мою пьесу «Конец Казановы» будут ставить, я буду плакать.

Я загадала, чтобы в пьесе было 75 стр<аниц>, по числу лет Казановы. Пересчитываю: 75 стр<аниц>. Когда я поставила последнюю точку, небо было как зеленый пожар.

(5½ ч. утра.)

8 ч. без роздыху: в 1ый раз взглянула на часы: 10 ч., во второй — 3 ч., в третий — 5½ ч. — Пролетели, как час. (Любовь.)

8 ч. = 1 ч. (Любовь.)

8 ч. = 8 ч. не знаю, ибо у меня не бывает.

8 ч. = 80 ч. — голод или советская служба.

¹ «У Ангела», «У Орла», «У Льва» (нем.).

Теперь мне надо писать «Лео» (Казанова и Лукреция, Казанова и Лео, Казанова и сын Лео). В виду «имморальности» сюжета мне уже не придется плакать от того, что какой-то дурак будет играть Казанову. «Лео» – особенная пьеса. Оправдать порок прелестью «порочащихся» – (как «брачующихся») слишком дешево.

Я хочу, чтобы зритель, *зная*, что Лео – дочь Казановы, ни одну секунду этого не чувствовал, как сам Казанова.

И главное: чтобы весь партер был влюблен, женщины в Казанову, их любовники – в Лео. Можно и наоборот. – *Comme il Vous plaira!*¹ – Словом, чтобы все участвовали в грехе!

—

– Когда Королевская Семья бежала из Парижа, первым, кто ее остановил был *Régiment Lauzun*².

– Мария-Антуанэтта, что Вы почувствовали?

—

Когда я прочла это, я написала через всю страницу: – Герцог Лозен, Вы подлец!

—

Женщина только тогда окончательно освободилась от любовника, когда почувствовала к нему физическое отвращение.

Презрение – вздор. (Ибо относится к душе.)

—

Кто-то:

– «Раньше 1 человек вез 1000 пудов муки, а теперь 1000 человек везут 1 пуд!»

—

– *Un bain d'amour*.³

—

---

¹ Как Вам будет угодно (*фр.*).

² Полк Лозена (*фр.*).

³ Любовная ванна (*фр.*). (Образовано по типу: *un bain d'air* – воздушная ванна, или *un bain de soleil* – солнечная ванна и т.п.).

Fin du jour¹ всегда fin du siècle². Закатные облачка всегда Pompadour.

— Amant de mon âme!³

Это я выдумала.

Актеры для моих пьес. — О, они конечно будут, как и любовники для моей души.

Только не сейчас — позднее — когда *меня* не будет!

СНЫ.

1.

Л<идия А<лександровна> зовет меня читать Казанову М^{elle} С<травин>ской (моей бывшей учительнице франц. яз.)

М^{elle} С<травин>ская: — «Но я раньше должна знать что-нибудь конкретно о Казанове!»

Я: — «Казанова родился 2го апреля 1725 г., а умер...»

М^{elle} С<травин>ская: «Уже смерть?»

— Смеемся. —

Смотрит на меня: «Подбородок из шеи, зубы серебряные, (я ем корку хлеба) — говорите так, что ничего нельзя понять».

Входит д<окто>р. — «Ну что, Колчак оставил Вас без хлеба?» — «Лучше сейчас, чем всегда. Перетерпим!» — «А знаете Вы случай К<ол>-чака с», (не помню с чем) «в сегодняшней «Звезде»?» — Рассказывает случай.

Я, в восторге: «О, Л<идия> А<лександровна>, это же для меня! Я сейчас вырежу!» — «Ну, нет, я сама вырежу!» — «Тогда я перепишу!»

Д<окто>р: — «Стало быть К<ол>чак придет нас бить?»

Я: — «Лю-бить!»

— Казанова отставлен.

¹ Конец дня (фр.).

² конец века (фр.).

³ Возлюбленный моей души (фр.).

2.

Какая-то поэтесса ведет меня на гору. Ночь. — «Вы знаете, я имею самые достоверные сведения, что Х (имя какого-то городка, не помню) — занят.» — «Где это?» — «В Крыму.»

— «А Вы не знаете что-н<и>б<удь> про Макса?» (Думаю про С<е-режу> но не решаюсь прямо спросить.)

Разговор о поэтах. Посреди разговора поэтесса целует меня, сначала слегка, а потом настойчиво.

Я, смеясь, говорю: — «Довольно» — и с обычным легкомыслием: — «А потом я м<ожет> б<ыть> скажу: Как сегодня одна дура меня целовала!»

— Мы с Алей под цветущим кустом, у садового стола. Я читаю ей вслух. Она что-то спрашивает меня — помню слово «запрет» — кончить ли ей здесь или дальше. Появляется та, поэтесса. — «Нужно быть более скромной», говорит она, («Не то говорит», думаю я) — «ты прекрасно знаешь сама»... Я чувствую, что она хочет разъединить нас с Алей, торжественно и молча, *à plein bras*¹, — как могу — обнимаю — нет, — покрываю Алю собой. Поэтесса уходит. — «Ну, Алечка, что ты у меня хотела спросить?» Аля, рассмеявшись: — «Я уже забыла!»

Я, из озорства — громко: «Аля! Как меня одна дура нынче целовала!» И, спохватившись: — «Ох, неужели она слышала?!» Аля успокаивает: — «Нет, нет, она там!» и указывает на — однако же — очень близкое окно, почти над головой, освещенное. — Прячемся. —

Детские голоса: — «Марина и Ася прячутся! Мама!» Уже не Аля, а Ася. Ася влезает в окно и через секунду над моей головой фигура мамы — в чепце, длинной рубашке и туфлях, — она сползает вниз за Асей. Я кричу: — «Не надо! Оставь Асю!» — и вижу над собой Асю с застекляневшими глазами — девочкой — улыбающейся.

Крещу ее, крещусь, открещиваюсь.

— «Марина! Свинья! От меня!» — полушутливо, полугрустно.

Я в огромном зале. Все гогочут: — «Мертвая! мертвая! И гроб обтянут штофом!» — понимая ужас для меня этих подробностей. Какая-то толстая дама толкает меня к католическому священнику.

И я, разрываясь от ужаса перед собой, громким голосом: «Боже Царя храни!» и к К<олча>ку: — «Ура! Ура! Ура! Идем на врага!»

¹ обеими руками (*фр.*).

И — мой ужас! — все вокруг подтягивают. — Перехитрили! — Но я, не поддаваясь, продолжаю. Кончается тем, что мне говорят:

— «А Вы можете убираться!»

— Просыпаюсь с пальцем прижатым к губам.

3.

Сон 17го августа 1919 г.

Записан ночью без свечи (в деревенской избе), — во второй раз (в первый исписала листок, уже исписанный). Пишу в темноте. Если сон вещей, мне придется умереть.

Захожу в какой-то магазин покупать сладкое. Конфеты стоят 20 руб. или копеек. Продает старый — старинный — господин. Там продаются также книги — старинные. Выбираю себе книгу о рыцарстве (помню слово «ргеух»¹). Меня ждут какие-то милые молодые люди, кажется — англичане. Отойдя несколько шагов, замечаю, что забыла конфеты. Возвращаюсь. В магазине никого нет. Краду еще одну книгу о рыцарстве и для Али о звездах — синюю. — Догоняю молодых людей, стараясь держать книги так, чтобы они не заметили. Потом — черная вода — какая-то баба жалуется, что Аля разорвала какое-то полотно. Зову Алю. Она идет по щиколку в воде, спотыкается и исчезает. Ее спасает здешняя девчонка Анютка. Спрашиваю Алю о полотне. Она не сознается. Хочу ее бить. Она сначала хочет потопить меня, потом изворачивается и кидает в меня вилами — в спину. Я чувствую боль (умираю) и лечу. Улетая, смеясь говорю Але: — «А у меня теперь свой аэроплан!»

Лечу над переулками Москвы. День, солнце. Задираю прохожих. Какая-то дама в коричневом говорит мне: — «Покойница!» — «Вы больше покойница, чем я!» Залетаю в дом Ф<ельдштей>нов и с чувством веселой мести делаю какие-то гадости, — что-то со скатертью накрытого стола, — какие-то *dégâts*² — вроде Степки Растрепки — но безнаказанно.

Спускаюсь в швейцарскую (лечу параллельно перилам лестницы, головой вперед).

¹ «богатырь» (фр.).

² повреждения (фр.).

Внизу в швейцарской живет Вера Эфрон с каким-то мужем. Швейцар говорит о Вере, что она достала какое-то место, и что *он* достал. Я надеюсь, что *он*, это С<ережа>, но вскоре слышу фамилию Вихляев.

— «А Сергей Яковлевич?» спрашиваю я развязно.

— «О, он давно умер. Он 4 дня был в отпуску, а умер он как раз во время еврейского погрома».

(— «Еще это!» — думаю я.)

Вылетаю. Лечу над садом, потом над стеной, но уже не могу лететь, опускаюсь, тону.

— «Значит лететь я могла — пока надеялась!» — Такая мысль. —

Потом — не знаю как и где — встреча с С<ережей>.

— «Нет, Мариночка, так лучше, тогда было рано для встречи, я не был достаточно готов для нее».

— «Нет, Серезенька», полусутя отвечаю я — «я предпочла бы встретиться иначе!»

(Мы оба умерли.)

— «Я знал, что Вы это скажете», — смеясь и любуясь мною говорит он. — «Мы скоро опять родимся, но я бы не хотел родиться ни матросом — они грубы — ни евреем, — Диктатором!»

После этого сна час искала спички. Было 1 ч<ас> по новому, 11 ч<асов> по старому.

— Потом выкурила 12 папирос.

Кроме суеверия я еще в ужасе от безумной связности этих снов, — точно я живая, в жизни. Мои слова, мои мысли, всё — так — я.

В первый раз в жизни начинаю верить, что могу сойти с ума — чего-то не выдержу — (голова.)

Одна мысль из сна: «Мой ум, как фонарь на любовном свидании.»

Слово «Hâtez-Vous»¹ Марии Антуанэтты к палачу — совсем не желание «поскорей на небо», как толкуют его некоторые обожествляю-

¹ «Поторопитесь!» (фр.)

щие ее историки (из духовенства), — нет, просто возглас Королевы, которую заставляют ждать.

Аля похожа на Дофина Людовика XVII. То же молчание, те же глаза. Если бы Аля была на его месте, она так же бы — сначала — сопротивлялась, так же подписала бы роковую бумагу, так же бы сначала вставала, потом не вставала на оклик тюремщика — и так же бы откладывала кусочки еды для менее злых сторожей...

Тело —местилище души.

Поэтому — и только поэтому — не швыряйтесь им зря!

Генерал и грибы.

— «Вот видите: адъютант Скобелева — и должен собирать грибы.»
Чорт тебя взял! Ничего не дам!

— «Помилуйте: адъютант Скобелева, — не могу же я собирать грибы.»

— Вот это было бы дело!

Мальчишка 15^{ти} лет заливает другому, 8^{ми} лет, ногу — лаком — на моих глазах — лаком. Я молчу и гляжу.

Равнодушие? Нет. Духу не хватает — разочаровать. Доведенная до чудовищности, до идиотизма — боязнь обидеть. (Мальчишка — сапожник, я — «ученая».)

Если бы тот другой мальчишка — от лечения лаком — умер, я совершила бы преступление.

«Любота».

— «Ишь, разгасилась!»

Аля не умеет собирать орехи, как — вообще — ничего не умеет. Стоит перед кустом и не движется.

— «Аля! Что ж ты?»

Хныкающим голосом: — «Я ничего не нахожу!»

— «Да ты не ищешь!»

Трогает одним пальцем ветку, опускает руку, опять стоит.

Угнетенная этим зрелищем, отхожу.

Через долгий промежуток времени радостный вопль: — «Марина!»

В руке два ореха.

И с вздохом удовлетворения: — «Теперь я буду их есть с более оправданным чувством.»

Упражняюсь в самом трудном для себя: жизни в чужих людях. Кусок в горло не идет, — всё равно, у друзей ли это, или, как сейчас, в грязной деревне, у грубых мужиков.

Не естся, не читается, не пишется. Один вопль: — «Домой!»

— Зачем я всё это делаю? — Kraftprobe!¹

Девчонки про Алю:

— «Что это она у Вас — как неживая! Белая, худая, — как смерть!»
(Аля равнодушно слушает.)

Меня мещане всех сословий будут считать идиоткой — и бояться, Алю — считать идиоткой — и не бояться.

Нельзя писать пьес ни о Иоанне д'Арк, ни о Марии-Антуанэте (в Тампле.)

— Святотатство. —

И еще: ибо некоторые судьбы совершенны.

Язык простонародья как маятник между жрать и с---

— «Сев отсеял.»

Так я, должно быть, произношу:

— «Ну, кончила Казанову!»

---

¹ Испытание! (нем.)

Аля: — «Это слишком через меня! Точно я стою на дне 10 верстного моря.»

Русский крестьянин ведет странствующий образ сна: сегодня в клети, завтра на печи, после завтра на сеновале — в чулане — и т.д. — Номады Сна.

Обожаю мальчишеские пары: руки друг другу через плечо, головы сдвинуты, — всегда немножко заговор.

И эта мужественная ласка!

— шагистый, жальчивый —

Героизм: пересилить голод. Аристократизм: не заметить его.

Аристократизм: *laisser aller*¹ благородства.

Аристократ при всей своей безупречности может быть лишен личных черт, герой — всегда: я.

В аристократизме повинны предки, в героизме — собственная душа.

Аристократизм, это воздействие тела на душу: тонкость рук делает их нежными.

Героизм — воздействие души на тело: душа грубые руки делает нежными.

Аристократизм: тело, делающееся духом. Героизм: дух, делающийся телом.

Дать с собой хлеба — сейчас — в Москву — простонародью как-то невозможно.

— в Москву! — сразу воспоминание о ценах. — На месте ешь сколько угодно.

---

¹ Предоставить всё ходу вещей (*фр.*).

Аля — кому-то, в ответ на вопрос о ее фамилии:

— «О нет, нет, у меня только $\frac{1}{4}$ дедушки был еврей!»

Аля — кому-то, в ответ на вопрос, кто ее любимый поэт:

— «Моя мать — и Пушкин!»

Разговор с Алей ночью.

— «Аля, в детском саду столько детей, есть же у тебя какая-нибудь любимая девочка, — мальчик...»

Аля, сонным голосом: — «Женщина есть любимая...» Я: «Кто?» — Аля: — «Вы.» —

На улице:

Рабочий в череду за молоком. Ждал, ждал, не досталось.

Швыряя великолепным жестом жестяной бетон: блеск, звон и грохот жести —

— «Не жисть, а жестянка!»

Аля: — «Марина! Марина! Я Вам хлеба принесла из сада!»

(*Всегда* приносит, — то хлеба, то сахара, то — в горсти — макарон)

— «Алечка, кушай сама!»

— «Ну Вы хоть откусите!»

Откусываю. — Долгий торг. — Наконец она соглашается доесть. (Весь кусок — с ноготок.)

— «Я так рада, что мне удалось освятить его своим домом!»

— «Аля, за что ты меня так любишь?»

— «Потому что Вы поэт! Потому что Вы великая!»

31ое августа 1919 г.

Мужчина, если не нужен физически, не нужен вовсе.

«Не нужен физически» — если его рука в руке не милее другой руки.

Никто не понимает, что меня нужно – просто – пожалеть.

Если бы я была на 5 л<ет> моложе, я была бы сейчас в страшном горе. (Сонечка Голлидэй.)

Но эти 5 лет – как молотом по наковальне – закалили мне грудь. Я уже знаю, что не умру, от этого, должно быть, и люблю меньше. – Не умру, а закаменею, заледенею.

Не даром Аля еще 3х лет, уверяла меня, что я похожа на памятник.

Пишу в чужом палисаднике. Аля обедает в подвале этого дома, в Лиге Спасения Детей. (Как это грозно звучит! Вроде Чумы!)

Только что проглотила даровой обед в детском саду Залесской. – Рядом со мной, в умывальном кувшине, несколько ложек супу и кусок хлеба в узелке, – Алин даровой обед из советской столовой.

Сейчас идем в д<ом> Соллогуба («Дворец Искусств») за 3мя обедами (супом и тремя воблами на всех.)

– И все голодны.

Когда меня любят, я нагибаю голову, не любят – поднимаю.

Мне хорошо, когда меня не любят!

(Больше – я.)

Не даром я так странно, так близко любила ту вышитую картину: молодая женщина, у ее ног двое детей, – девочки.

И она смотрит – поверх детей – вдаль.

(Судьба.)

---

10 лет назад и теперь: бессонные ночи, вечный восторг, напряженная и во сне не спящая любовь к Герцогу Рейхштадтскому, высокомерие к людям.

Тогда к Герцогу Р<ейхштадтскому>, сейчас – к Казанове. И те же страшные сны по ночам. И та же невинность. Только сейчас я невиннее, чем тогда.

(16 л<ет> и 26 л<ет>)

– А всё, что между – кроме С<ережи> и Али – s'encanailler¹, – не мое.

—

Меня можно научить чему угодно: я бесконечно податлива.

Кроме того, я всё-таки всё вижу по своему.

Я не читала Аретина, но я уверена, что я и в нем прочла бы – себя!

—

Аля.

– «Марина! Марина! Если бы Вы знали! Сколько у нас корок остается от обеда! *Полный стол!* И большие! Ах, Марина, ведь это было бы для Вас счастье! И они никому не нужны, их бросают в помойное ведро!»

С большим трудом (и не без сожаления) убеждаю Алю не приносить этих корок домой, – это было бы уже бесстыдством бедности, не должно быть.

—

– «Марина! Какая у нас кухня в детском саду! С архангелами!»

—

Аля, про жену Рук<авишни>кова (толстая жирная разряженная раскрашенная претенциозная мистическая еврейка)

– «Марина! Я хочу сказать о ней одно слово: очень противное, но удивительно подходит...»

– «Ну, Алечка?»

– «Она какая-то... *наслащённая.*»

—

(Аля – над кофейником)

– «Марина! Какая струя черная! Совсем как еврейские волосы!»

—

– «Вы мой М-тов!»

—

– «Марина, я довольна Вашим замужеством.»

---

¹ связываться с дурной компанией (*фр.*).

Думая о санатории для нее, говорю, что придется остричь ей волосы.

— «Тебе не жалко волос, Аля?»

— «Мне не только волос, мне и головы своей не жалко!»

—

— «Ах, Марина, мне бы хотелось обнять Вас с четырех сторон своей души!»

—

— «Марина, мне нравится слово «собутыльник». Я вспоминаю гусаров из стихов.

— «Где друзья минувших лет,
Где гусары коренные,
Председатели бесед,
Собутыльники седые...»

— О, Марина! Вы — собутыльник моей души!»

—

СЕНТЯБРЬ

— Вечером, перед сном, даю Але понюхать духи (последние уцелевшие). Нюхаю сама. И, восторженно:

— «О, Аля! Что может быть лучше духов?» И Аля, молниеносно: — «Душа!»

—

Аля:

— «Марина, правда: героиня — хорошо, поэтесса — плохо!»

—

— «Марина! Какое слово: старец! Совсем другое, чем старик. Старец непременно мудрый.»

—

— «Марина! Как Ваше кольцо отпечатывается на сюргуче, так Сережино лицо отпечатано у меня в сердце.»

—

— «Марина! Посреди кухни — лужа, на подоконнике — картошка, за окном — красота.»

Я нашла свой девиз, — из двух вспомогательных глаголов:

Etre vaut mieux qu'avoir¹.

Я дерзка только с теми, от кого завишу.

В моей душе как предрассветное зарево любви к Челлини.

Говорить об актере «артист» — мещанство.

17го сент <ября> 1919 г.

Прихожу во «Дворец Искусств» за бумажкой, — чтобы поместить Ирину в ясли, нужен штампель, что я где-нибудь служу.

Сижу в золотой зале, на голубом шелковом стуле, в руке узелок с судком, в ногах кувшин.

Проходит Рукавишников. Глядит. — Гляжу. — Не кланяется. — Не кланяюсь. —

Проходит раз, проходит два, проходит три. Наконец:

— «Что Вам угодно?»

Излагаю ему сущность дела.

— «Вам придется обратиться к кому-нибудь кто Вас лично знает», — и, с еле заметным передергиваньем плеч: — «п<отому> ч<то> я собственно *не* знаю, чем Вы занимаетесь.»

Захлебываюсь на секунду восторгом перед его наглостью — и, спокойно:

— «Т<о> е<сть> как? Вы же отлично знаете, что я занимаюсь литературой», — и, не ожидая реплики, прохожу дальше, в другую — не менее прекрасную — залу — на этот раз малиновую с золотом — где секретарь.

¹ Лучше быть, чем иметь (фр.).

— «Господа, будьте добры...»

В итоге получаю, помимо Р<укавишник>ва, всё, что мне было нужно, и перед отходом — в высшей степени доверчиво — невинно — любезно:

— «Господа, как вы думаете, почему Р<укавишни>ков сказал, что он не знает, чем я занимаюсь?» —

Вокруг (всё женщины!) — испуганные, немотствующие лица.

Нужно сказать, что во дворце Искусств нижегородский купец и поэт Р<укавишни>ков — царь и Бог.

Читала за последнее время миллионы франц<узских> мемуаров XVII и XVIII в., — значительных по эпохе, незначительных по личностям.

И — в итоге — устала: вроде сплетен, внимание притупляется.

Сейчас у меня в руках и в сердце разговоры Гёте с Эккерманом. Вот это — другое, сразу en présence de quelqu'un¹.

Эпоха — всё-таки — не всё, меня под конец начало тошнить от Людовиков.

Мои любимые — в мире — книги: «L'Aiglon» Rostand², «Lichtenstein» Hauff³, дневник Башкирцевой, переписка Беттины, «La Nouvelle Espérance» comtesse de Noailles⁴, весь Hoffmannsthal, весь Rilke, «Flegeljahre» и «Hesperus» Jean Paul⁵, «Гёста Берлинг» Лагерлёф, «Мемуары» Prince de Ligne (знаю не все), Мемуары Казановы. Записки Л. де Конт о Иоанне д'Арк —

Многих любимых я наверное не знаю.

Мой день рождения.

(26ая сент<ября> 1919 г., Иоанн Богослов.)

5ая сентября Але исполнилось 7 л<ет>, 14ая сент<ября> — Асе — 25 л<ет> (если жива!), сегодня — 26ая сент<ября> — Сереже 26 л<ет>, мне 27 л<ет>.

¹ в присутствии кого-то (фр.).

² «Орленок» Ростана (фр.).

³ «Лихтенштейн» Гауфа (нем.).

⁴ «Новое упование» графини де Ноай (фр.).

⁵ «Озорные годы» и «Геспер» Жан-Поля (нем.).

Аля подарила мне 2 очень толстых темно коричневых церковных свечи (подобрала в Николо-Песковской церкви), кусочек католических четок — красных с черным (подобрала в костёле, в Милютинском пер.), Сережину золотую цепочку и мое обручальное кольцо (подобрала в сору, я обронила у шкафчика) — и, наконец, вечером перед сном читала мне большое чудесное письмо, к<отор>ое писала мне потихоньку в свою черную тетрадку. — И еще щепочки и кусочки спичечных коробок для разжого самовара, и блюдечко спитого высушенного кофе.

В этот день она не пошла в Детский сад и у нее всё утро — впервые за много месяцев — пылал на щеках румянец.

ПИСЬМО.

Марина. Я буду человеком или ребенком, самым счастливым ребенком, если застану Ваш бедный, но радостный праздник. Я буду счастливей, чем в тот день, когда мне будет 8 лет и буду (хотя это уже есть) сожалеть, что подарила Вам такие бедные, гадкие и противные подарки. Ах! (У меня в подарках есть две шишки, две свечи, немного соли, чуточку мыла.) Хороши подарки.

Devise: Etre vaut mieux qu'avoir. — Moi.¹ — Переписываю с Вашей стены, не знаю сама на каком языке пишу.

Марина, Марина, Марина моя.

Зима пройдет через несколько месяцев, а из вечернего окна веет весенним воздухом и ветерком. — Весна. — Еле еле касаюсь своими волосами тетрадки. Исполняю Вашу просьбу. Пишу письмо. Оно гадкое, противное. Зачем оно Вам? Я пишу, глядя на родные полки, плача. Слишком плохо. Не хочу Вас поздравлять в письме. Это делают все. Всегда просыпаясь думаю: — «Ну, день какой же? Неужели не ее?» Смотрю с горечью и радостью на комод, к<отор>ый как бы околдован в чаре моих подарков: О Moi! Почему в Ваш день колокола звонить не станут?

Но ничего! Я подарю Вам мои колокола. Я бы с удовольствием подарила Вам много роз, усыпала бы ими всю Вас, подарила бы Вам плащ.

«Была где-то молодая княгиня. Ей было 26 л<ет>. Жила она в красивом, известном старинном замке «Горная Слава». У нее были сады с цветами и плодами. Они были с золочеными загородками, на солнце

---

¹ Девиз: Лучше быть, чем иметь. — Я — (фр.).

стояли скамейки с сквозными балдахинами. Вид у нее был задумчивый и красивый. У нее были белые статные кони. Был верблюд, к<отор>ый мягко брал из рук редиску. У нее для спанья был низкий мягкий диван, большая подушка, к<отор>ая ослепляла бы ее со всех сторон. У нее было много своих комнат с красивыми синими и зелеными и самыми разнообразными стеклами в окнах. В ее платье были заткнуты розы. Ее ноги были обуты в черные бархатные сапожки.

У нее был принц, которого она любила больше всех. Иоанн и Марина. Марина очень хорошо танцевала. Иоанн приглашал к себе Марину. Был очень нежен с ней, давал ей книги в переплете ее глаз. Заводил орган. Давал свою душу. Когда она возвращалась домой, то замечала, что за ее коляской идет красивая девочка, скромно одетая и несет полу-распустившуюся розу. Когда М<арина> заговорила с кучером, девочка быстро подбежала к ней, дала полураспустившуюся розу. М<арина> быстро схватила девочку за талию и посадила рядом с собой. Вдруг девочка показалась княгине некрасивей. Так то и получила Марина Ариадну. Но в ту минуту княгиня М<арина> увидела с ужасом, что лицо Ариадны сменяется: Львом и нечистой силой.

Марина: Ариадна!
Ты нечиста
Для меня!

Я: — «Вечерний колокол,
Марина!»
Злая сила
Сопровождает Вас.
Кучер!.. Гони!
Не жалея лошадей!

М<арина>: — «Ариадна!
Ты нечиста
Для меня!»

Я: — «О!..
Дьявол несется,
Марина!! Скорей!»

М<арина>: — «Я закутаю тебя плащом,
Подарю тебе мою свободу.
Я бесстрашна».

Я: — «Кучер! В воду!
Ты не видишь?»

Ку<чер>: «Всё равно!
Смерть настала.
Мне, купцу, —
Что ж?»

М<арина>, красивая и гордая, сажает на колени Ариадну. Они подъехали к гостинице «Гостеприимность». Все засуетились при виде княгини с «дочерью» — не по крови. (Я не забываю, что пишу для Вас, мой Ангельчик.) Все спрашивали, что их Величествам надобно. Кн<ягиня> Марина ответила: — «Хотя бы скромного приюта на один день». М<арина> в своем замке. Отец высылает поздравителей:

— «Здравствуйте, княгиня!
Мы твои гусары.
Полковые песни
Разом запоем.

Здравствуйте, княгиня!
Мы народ твой braveй.
Поднесем мы чаши
Полные вином.

Мы Вас любим.
Мы бросаем
Свои кольца,
Мы ломаем свои души
Из-за Вас.

Народился месяц,
Народились звезды,
Народилась зелень,
Народился мир.

Ура — ура — ура —
Ура — ура — ура.»

Наступил день Вашего праздника. Тишина и холод на улице. Туман очень густой, а Вам суждено ходить в легком, еще весеннем, пальто. Вчера, когда я была у Мирры и Бальмонта, я увидела карту, где было написано: «Феодосия». Я задумчиво погладила крупно напечатанное родное слово и начала громко читать разные города и страны. При произнесении «Симферополь» Мирра воскликнула: — «Где, где Симферополь, покажи!» Симферополь она поцеловала и стала после этого всё время бегать по комнате.

Марина, моя Ууау.

Мы живем, Марина,
Домик наш красивый,
Домик наш чердак.
На стене на спальной
Много львов висит.

Вы мой лев заветный.
Как я настаралась,
Как я наскребала
Все подарки Вам.

Все мои подарки
Ничего не стоят.
Стоит лишь тетрадка
Одного рубля.

Вы входите. Волосы очень красивы.
На Душе лишь Сережа у Вас.
О Марина! В глазах —
Столько Родины и насмешки!

Кому посвящаю тетрадку?
Марине!
Кому посвящаю Москву я?
Всё Вам!
Кому посвящаю последние
Свечи?

Кому посвящаю мой первый
Патрон?

Кому говорила когда-то:
— «Марина! Подкову нашла!»

Уже вечер, Марина.
Самовар на столе.
А тетрадка в руке,
А тетрадка в руке.
Завтра — праздник
Прошел и не будет стихов,
Вы сегодня моя вся,
Вы сегодня моя.
День рожденья приходит,
День рожденья идет.

Марина, где острый нож —
Для сердца, для меня?
Марина, где светлый Рай?
Всё для Вас он.

Поделом что нога болит,
Поделом что в дыру свалилась,
Поделом что умру.

У других женщин ноги, как игрушки, у меня — как чужестранные чудовища: каждый раз удивляюсь.

Когда мне чего-нибудь очень хочется — книги, кольца — я так не верю, что это можно купить и говорю таким просительным, таким по-дозрительным голосом, что торговец — идиот, если повышает только вдвое.

Париж: розоватая серизна.

Мои истории с часами

1 мои часы – золотые, с эмалью и «розочками» – на 14^{ти} камнях – проданы были (вместе с длиннейшей цепью) за 400 р.

Вторые (мужские стальные) взял у меня носить и сломал старик.

Третьи (золотые! старинные! Сережины!) взял у меня продавать Шарль (анархист) – говорит, что, боясь обыска, дал кому-то спрятать, а у того украли и т.д.

Последним сейчас цена самое меньшее 7 тысяч, с весами, к^{ото}р^{ые} таким же образом «продал» Шарль – 10 тысяч.

Каждый человек сейчас колодец, в к^{отор}ый нельзя плевать. –
А как хочется!

Я дерзка только с теми, от кого завишу.

После Эккермана могу читать только «Mémorial de Ste Hélène»¹
Ласказе – и если я кому-нибудь завидовала в жизни, то это Эккерману
и Ласказу.

Странно. Здесь апогей счастья, там апогей несчастья, а от обеих
книг одинаковая грусть, – точно Гёте был тоже *сослан* в Веймар.

О, Наполеон уже для Гёте (1829–1830 г.) был легендой!

О, Наполеон уже для Наполеона (1815 г.) был легендой!

Гёте, умиляющийся над перевернутым наизнанку мундиром На-
полеона.

---

¹ «Мемориал Св^{ятой} Елены» (фр.).

В Гёте мне мешает *Farbenlehre*¹, в Наполеоне — все его походы.

Раньше я была честна (тупа): читая, ни одной строчки не пропускала, хотя знала, что не понимаю и не сомневалась, что забуду. И — Боже мой! — сколько лишних десятков тысяч печатных верст я таким образом прошла!

Аля.

— «О, Марина, как мне жалко, что у Вас нет ни хлеба, ни гильз, ни времени!»

— «О, Аля, это такой пустяк!»

— «О, Марина, Вы — это не пустяк!»

— «Марина! Что это? Плотина?»

— «Нет, Алечка, это город шумит!»

— «Плотина города.» —

У Али страннейший и восторженнейший роман с Артамоном Матвеевым.

Иду недавно по Кузнецкому и вдруг, на вывеске: *Farbenlehre*.

Я обмерла.

Подхожу ближе: *Fabergé*².

ОКТЯБРЬ

Мне необходимо — необходимо — необходимо — роковым образом — на роду написано — написать роман — или пьесу — «Бабушка», где я, не стесняясь, смогу выпустить на волю всё свое знание жизни (с большой буквы.)

---

¹ учение о цвете (*нем.*).

² *Фаберже (фр.)*.

Бог для женщины – старый муж.

Моя галантность к чужим детям – беспредельна. Я, очевидно, (раз не мой ребенок!) жду от них такого кретинизма, что каждый раз, при малейшем проблеске здравого смысла, прихожу в неописуемый восторг.

Ноги – для других женщин – *objet de luxe*, для меня – *objet de première – fatale – extrême – nécessité*¹.

– «Что Вы любите в городе?»

– «Камни.»

Неожиданный вопль Али:

– «О, Марина! Никона убили!»

Вчера проходим с Алей по Чернышевскому пер. – Какая-то церковь.

И вдруг – вопль: – «О, Марина! Здесь Нарышкин прятался! – Под престолом!»

– «Что? Кто?» –

– «Нарышкин – от стрельцов! Ведь это же церковь Воскресения!»
(За достоверность не ручаюсь.)

Рассказ к<расноармей>ца, попавшего в Ельце в плен к белым.

– «Другой енерал впереди, значить, идет с войсками...»

– Ну, а Деникин?

– А Деникин – сзаду. Со свиньями, значить, с коровами, со всяким скотом, значить. Уж и свиньи! Бегут-бегут, запыхаются – и в лужу! Поваляются, поваляются – и опять бегут! А уж жиру на них...

---

¹ предмет роскоши; предмет первой – роковой – крайней – необходимости (*фр.*).

(Прерываю:)

– «Ну, а скажите, музыка у них есть?»

– «А как же, – и музыка, и молебствия, попы во всем облачении, присягу принимают. А «товарищем» назвать – Боже упаси! Сейчас голову долой! А жидов на куски рубят. Навалят полную телегу, рогожей покроют... – Хлеба три фунта, два черного, один белого, мясо, значить, каша»... А скотина какая! Свины жирные какие! Бегут-бегут...»

(Перебиваю:)

– «Ну, а жители – как? – очень боялись?»

– «Зачем боялись? Допреж всего эропланы поднялись – как стая воронов – штук 25, значить. Листки бросали: «никого, дескать, даром не тронем, всех разберем.» Пять казаков влетели, все к<расноармей>-цы поразбежались, всё побросали: и винтовки, и шинели. Гора цельная осталась. – В Москву с Воробьевых гор придут. – Енерал один, значить, впереди, а Деникин – сзади, со всем провиантом, значить: и коровы тут, и свины... А уж свины...»

—

Очарование порхающего белья – на зеленой лужайке – осенью.

—

Я бы на месте будущего <не вписано> непременно бы выкинула из <не дописано>

—

Я не могу не думать о своем, поэтому я не могу служить.

—

Иоанн – совершенство ученичества.

– А что если Иоанн был женщиной?

—

Иоанн – gros lot¹ в жизни Христа.

—

О мои словесные молчаливые пиршества – одна – на улице, идя за молоком!

—

¹ главный выигрыш (фр.).

Ничто не может быть больше радости, с к<отор>ой я бросаю тетрадку для человека, если не радость, с к<отор>ой я бросаю человека для тетрадки.

Меня умиляет, что гр<афиня> Ростопчина курила.
Розанов в своих «Людах лунного света» поверхностен и глубок.
Следовало бы написать во второй раз его «Люди лунного света».

Женщины меня изумительно любят, должно быть я им всем напоминаю какого-то мужчину.

Не любить меня — значит не любить ничего. И мой суд в таких случаях быстрый и правый.

Я всё говорю: любовь, любовь.

Но — по чести сказать — я только люблю, чтобы мной любовались. — О, как давно меня никто не любил!

Александровский сад осенью немножко напоминает мне первую минуту души после смерти: неприятно и нежно.

Девятнадцатый год — эпопея, и девятнадцатый год — *génie familial*¹.

Мы научились любить: хлеб, огонь, дерево, солнце, сон, час свободного времени, — еда стала трапезой, потому что *Голод* (раньше «аппетит»), сон стал блаженством, потому что «больше сил моих нету», мелочи быта возвысились до обряда, всё стало насущным, *стихийным*. (— Вот он, возврат к природе — Руссо?) Железная школа, из которой выйдут — герои. Не-герои погибнут. (Вот он, твой закон о сильных и слабых, Ницше!)

Аля об этих двух годах в революц<ионной> Москве сохранит волшебнейшие воспоминания.

---

¹ дух семейственности (*фр.*).

Помилуйте: собирать в полы пальто спичечные коробки и щепки на улицах, радоваться каждой корке хлеба, сидеть на андерсеновской крыше с книгой о Петре Великом в руке, греть эти замерзающие руки у самовара, поставленного ею же добытыми (часто украденными) палочками и хворостом, ходить мимо часового с винтовкой куда-то под окошко за нищенским даровым обедом, ждать и видеть во сне какого-то Белого Всадника — и вдруг крик во дворе: — «Нынче хлеб дают!» — и от этого сияние на лице — и ночные «походы» в церковь, с чувством, что этого нельзя, и ставление свеч перед оскорбленным Богом за тех, кого нету, за тех, кто придут, и брезгливый, полный ненависти взгляд, на чужие, плывущие мимо знамена, и — вдруг — слух: — Такой-то город занят. — Придут в Москву с Воробьевых гор — и гордость от принесенной домой — из гостей или из какой-нибудь столовой — корки хлеба («Марина!!! Что я Вам несу!») И — наконец — сон вдвоем, она и я — в одной постели: нежно и, кроме того, тепло...

— О, я завидую Алиному детству!

Я, просыпаясь, в ужасе:

— «Аля! Господи! Уже 10 часов!»

Аля — из кровати — флегматически:

— Слава Богу, что не двенадцать!»

Tenir le chandelier¹ — можно и должно, только надо делать это — в маске.

Смерти нет, своей смерти нет.

Что такое смерть? Почувствовать себя мертвым. Но раз мы чувствуем, значит мы не мертвы, раз мы мертвы, мы не чувствуем.

«Боюсь смерти», — неверно. — «Боюсь боли, судорог, пены у рта», — да. Но боль, судороги, пена у рта — это всё-таки жизнь.

Две возможности: или я, вздохнув в последний раз, становлюсь вещью (не чувствую), или последнего вздоха — нет. (Бессмертие.)

Я же никогда не узнаю, что я умерла! И в ответ — дьявольская мысль:

— «А вдруг — может-быть всё дело в том? — узнаешь?!»

¹ Держать подсвечник (фр.).

Смерть. — Хочу допонять.

— «Боюсь смерти.» — Боюсь, что буду чувствовать запах собственного разлагающегося тела — боюсь своих желтых, холодных, не поддающихся рук, своей мертвой, как у Моны-Лизы улыбки (о, сейчас поняла! Ведь Джиоконда — мертвец! Оттого ее всю жизнь так ненавидела!), — боюсь монашек, старушек, свечек, развороченных сундуков, мешочков льда на животе, — *боюсь, что буду себя бояться.*

И червей боюсь — о!!! — по лицу!

— Но это смешно. Оттого-то тебя и нет, что черви ползают по лицу.

—

Есть чужая смерть, т.е. твоя живая боль. Есть поездки на кладбище — весной — и грубые хвойные — с бумажными цветами — веночки, купленные у заставы, — есть — черные на фарфоре — портреты детей и военных (военные — большей частью — с бакенбардами, дети — черноглазые), есть твоя деловитая забота, как бы получше устроить могилу («а — чорт! — опять сторож листьев не смел!») — и твое умиление над деревьями — над тем, кто под ними — и — главное! — над собой.

И это всё, что мы знаем о смерти.

— Смерть, наверное, такой же океан, как жизнь.

Говорю ересь, ибо смерти — нет.

—

Живу, заваленная книгами. 6 книг о Иоанне д'Арк (A. France, Michelet, Lamartine и другие), «L'Amour» Michelet¹, 1ый том Казановы (удалось достать!), «Le petit Jehan de Saintre»² (повесть XV в., на старофр<анцузском> языке), «Le Diable boiteux», «Gil Blas» «Princesse de Clèves», «Chanson de Roland»³, «Поэзия 12го года» — и т.д. и т.д.

Разрезаю, надписываю, люблюсь, предвкушаю, захлебываюсь от восторга, каждая книга — целый мир, и глубокое чувство недоумения: как же я умру, когда у меня столько книг?

¹ «Любовь» Мишле (фр.).

² «Маленький Жан из Сантре» (старофр.).

³ «Хромой дьявол», «Жиль Блаз», «Принцесса Клевская», «Песнь о Роланде» (фр.).

Думаю иногда, смеясь, о том, что что бы я ни делала, обо мне, как о женщине, никогда не будут говорить дурно.

1) Дети и безденежье *me font une auréole de respectabilité*¹.

2) Люди, очевидно, более тонки, чем я думаю, и понимают, что, несмотря на X, У и Z – здесь всё-таки что-то не то.

– Кстати, я ничего не делаю!

О, как мне хочется написать большую книгу! – как в первый раз хочется! – и как это сейчас невозможно.

Я рада тому, что всё у меня приходит само: я писала стихи – мне говорили: пишите пьесы! – я писала стихи. Потом стала писать пьесы, это пришло, как неизбежность, просто голос перерос стихи, слишком много вздоху в груди стало для флейты.

А теперь мне необходимо писать большую книгу – о старухе – о грозной, чудесной, еще не жившей в мире старухе – философе и ведьме – себе!!!

И времени нет, сосредоточиться нельзя. Утром: за молоком, щепки колоть, самовар ставить, комнату убирать, Ирину поднимать, посуду мыть, ключи терять, – в 2 ч<аса> на Пречистенку, в 3 ч<аса> в Алин детский сад (у Али коклюш, и я хожу ей за обедом), потом по комиссионным магазинам – продалось ли что-нибудь? – или книжки продавать – Ирину укладывать – поднимать – и уж темно, опять щепки колоть, самовар ставить...

Бедность, это бесконечный уют, сон какой-то.

Я сейчас живу совсем, как мне нравится: одна комната – чердачная! – небо близко, рядом дети: Иринины игрушки, Алины книжки, – самовар, топор, корзиночка с картошкой – эти главные действующие лица жизненной драмы! – мои книги, мои тетрадки, лужа от дырявой крыши или широчайший луч через всю комнату, это вне времени, могло быть где угодно, когда угодно, – в этом есть вечное: мать и дети, поэт и крыша.

---

¹ придают мне ореол почтенности (фр.).

Я не принадлежу ни к женщинам, которые бегают, ни к женщинам, за которыми бегают.

— Скорее к первым. — Только мое беганье другое — в стихах.

У меня недавно был ужасный день, начавшийся и кончившийся прекрасно. Встала за́-темно, первые шаги по Арбату были в темноте, потом небо засветлело, появилось несколько прохожих, на Плющихе было уже светло, по небу шли — веером — розовые лучи (вспоминаю свое: восход — всегда Ватто)

Плющиха, 37. — Вхожу в перепуганное зябкое стадо прислуг и нищих, ютящихся у бревенчатого жалкого дома. Ждать у подъезда Плющиха, 37 — не позволяют. Записывают номера. — Слушаю разговоры, вступаю в разговоры, веселюсь. Сажу на приступочке дома. Рядом длинноногая старая сестра милосердия с голубыми глазами. — Девушка вроде солдата — извозчик — мальчишка, задирающий пса — столетняя бабка — учительница, говорящая про финикиян — деревенская баба вроде медведя —элегантная барышня в синих носках (мороз!) — о, как всё великолепно! — И восход. — Смеюсь. — Через час смех проходит, нестерпимо холодно, холод идет от подошв по ногам вверх по всему телу. Перестаю говорить. В 9 ч<асов> впускают. Потом медленное, черепашье, рачье, паучье восхождение по ступеням 4ех этажной лестницы. В итоге — в 4⁰⁰ часу я, стоя в блаженном № 86, перед докторшей Лавровой, которая стучит кулаком по столу, — плачу. Платок весь промок, только размазывает слёзы. — «Но скажите — когда же мне придти? Вы говорите — раньше. Я была здесь в 7 часов. — Не сердитесь, только объясните...»

(Ходила за усиленным питанием для детей. У обеих коклюш.)

Ах, будь я бабой, я бы не говорила этим кротким тоном! И докторша Лаврова, наверное, не стучала бы кулаком по столу! — Но кроткий тон оттого — что я *ПОНИМАЮ*, что я для нее Х, У, одна из тысяч тысяч, которые приходят сюда и плачут, *понимаю*, что она устала объяснять всё то же самое, что ей *дела нет!*

— Словом, ничего не выгорает. Плача и опустив глаза слетаю веселой рысью со всех четырех лестниц, по которым так медленно восходила.

Дома топлю печечку, злюсь, смеюсь, немножко плачу, говорю стихи (всё с Алей), говорю — сама не веря — про свою скорую смерть — в

7 ч<асов> опять на улице, но – о, как хорошо! – Черно, ветрено – ветер с моря! – пахнет странами – о, я лечу! – Москва как огромный Wunderkasten¹ – улицы пустые. Час ищу дом, где живет д<окто>р Полуэктов (в переулке всего восемь домов), – тыкаюсь, путаюсь, избегаю по лестницам (была у него уже три раза!) – подхожу вплоть к подъездам – по 10 раз к тому же самому! – читаю ресницами – опять бегу. – Наконец – случайно – кв<артира> д<окто>ра Полуэктова! Излагаю свое дело, смеюсь, извиняюсь за поздний час. Они оба добры, участливы, д<окто>р пишет свидет<ельство> о болезни детей, я чуть ли не плачу от нестерпимого умиления.

Свидетельство в руке. Последнее слово благодарности сказано и принято. Дверь закрывается. Черная гулкая лестница. Свой собственный топот. И в черноте восторженный жест к закрывшейся двери – «О, добрые люди!»

– Ну, что́ это, – весь этот день? Не история ли семейства Микоберов с их близнецами, слезами, мольбами о помощи, высокопарными посланиями, долговыми отделениями, умираниями – воскрешениями – и т.д.

И понимая окончательно, что я – семейство Микобер, я, громко рассмеявшись одна на улице – сияю.

Бушэ – Ватто. – Ну не круглые ли розовые это облачки, которые они так любили рисовать?

– «Деникин не пришел, а зима пришла!»
(Б<альмон>т)

– «Мороз не по харчам!»
(Возглас мужика на улице.)

---

¹ волшебный сундук (нем.).

Il ne m'a manqué dans ma vie qu'un Goethe septuagénaire ou qu'un Napoléon à Ste Hélène à aimer.¹

—
 Два источника моих наичистейших радостей: книги и хлеб.

—
 Аля, внезапно: «М<арина>! Если мне когда-нибудь придется быть нянькой, я непременно буду искать младенца Марину.»

—
 Мой отец за всю свою жизнь написал только один стих:

«На берегу ручья
 Сидели два друзья.»

— и выкурил только одну папиросу: зажег и взял ее в рот горящим концом.

— Я на него не похожа. <Последняя фраза вычеркнута чернилами вертикальной линией.>

—
 Боже мой! До чего Аля в своей любви ко мне похожа на Сережу! — Потрясающе! — «Мариночка, когда Вас долго нет, я всё боюсь, что Вас автомобиль задавит», — «Мариночка, я готова целый год прожить в колонии, чтобы один день быть с Вами», — «Я никакой боли не боюсь, только Вы бы были здесь» — и эта вечная страстная жажда всё отдать, живя впроголодь — плачет, когда я не беру у нее последнюю корку хлеба! — и страстное желание устроить мне праздник, и равнодушие ко всем остальным, и это: — «Мариночка, погладьте меня по голове!» — и бесконечная благодарность за малейшее мое внимание к ней, и умиление надо мной:

— «О, Марина! Как Вы сейчас похожи на маленькую девочку!»

О — это живой Сережа, его слова!

—
 Аля, внезапно: — «Марина! Бог ведь мог до сих пор не создавать мира!»

---

¹ В моей жизни не хватало только семидесятилетнего Гёте или Наполеона на Святой Елене — чтобы любить (фр.).

Я думаю, что Бог создал мир для того, чтобы кто-нибудь его любил.

Так я создала Алю.

А всё-таки, сударыни, никто из вас лучше не спал с Казановой, чем я!

Казанова написал свои Мемуары для того, чтобы женщины до скончания веков могли бы проводить с ним ночи.
(не могли *не!*)

И вдруг — печальное подозрение: а вдруг Казанова, взойдя в мою комнату: топор, тряпки, доски — отвернулся бы от меня?
Он ведь не выносил «стесненных обстоятельств»!

Когда я с очень красивым человеком, я сразу перестаю ценить: ум, дарование, душу — вся почва из-под ног уходит! — вся я — ни к чорту! — всё, кроме красоты!

И, естественно, сразу становлюсь — из владельца золотых приисков — лицом, только обеспеченным, т.е.: ничтожеством.

Надо, чтобы с тем очень красивым человеком при встрече со мной случалось как раз обратное.

Тогда равновесие возстановится.

Тогда —

Тогда будет любовь!

Надо мне — в виду предстоящей безденежной и безнадежной зимы — вспомнить — с кем я — что — в прежние времена — очень хорошо — делала.

С Н<икодимом> курила. Значит, у него буду просить папирос.

И т.д.

Ну, а вот с кем шоколад ела... — Но те далёко!

---

*Москва, двухлетие Советской Москвы.**— Два года с Октябрьских Дней! —*

— Все мои друзья и помощники забывают, что есть нужно *сегодня*, а не тогда, когда у них «будет время зайти». — Но я их не виню. Я первая, когда наемся, чувствую отвращение к еде, — особенно к чужой.

Сегодня, проходя по Поварской — совершенно неожиданно для себя — бессознательно — как крещусь на церковь — плюю на флаг, который задел меня по лицу.

Il ne m'a manqué dans ma vie qu'un Goethe septuagénaire ou qu'un Napoléon à Ste Hélène à aimer. <Повтор записи, см. с. 444.>

Если бы люди могли сослать и Бога на какой-нибудь африканский остров...

К довершению всего еще мокрая и гнусная ворона в окно лезет...

Алин неожиданный вопль:
— «Марина! Никона казнили!»

Ложусь в постель, как в гроб. И каждое утро — действительно — восстание из мертвых.

Цены: хлеб — 120 р. (сегодня рынок пуст), картофель — 30, морковь — 23, молоко от 60 р. до 75 р. кружка (2 стакана), пшено — 130 р. (Мясо — не знаю, ибо его не покупаю, хлеба и пшена тоже не покупаю, но все говорят.)

Маленькая печечка (длинненькая.) Пока топится — тепло. Недавно топила с 3х ч<асов> до 10 ч<асов> — честное слово! Сварила: одну кастрюльку овощей (без ничего), 2^ю кастрюльку того же самого на дру-

гой день, 1 кастрюльку картошки – и вскипятила кофейник. Семь часов подряд на полу, на коленях, среди горящих углей и щепок. Угли вылетают прямо на платье, хватаю их прямо руками, вталкиваю обратно в печку, – опять вылетают, – потом выгребаю – совок кривой – опять руками. – Колю щепки, рублю доски, топор соскакивает, Ирина качается и поет свое: «Ай дуду дуду дуду, сиди воён на дубу...», Аля читает мне вслух поистине чудесное путешествие мальчика на диких гусях по Швеции (Лагерлёф) и, задыхаясь, говорит мне о любви – о Аля! – Горящие угли, шведские дикие леса и северные олени – и привидения королей – и гномы – вынести окаренко – принести окаренко – вынести кувшин – принести кувшин – подмести – опять щепки прогорели – передвинуть кастрюльку – «Аля, где тряпка?» – всё жжется – так семь часов сряду, на коленях.

И сколько раз – за эти 7 ч<асов> – смеха восторга и отчаяния (легкомыслия и отчаяния!) – отрывистого, короткого моего смеха и тихих, больших – лицо каменное! – слёз. И надо всем этим Алина иступленная – баснословная – экзатическая любовь. – «М<арина>! У Вас в волосах звездная корона! – О, М<арина>! Какое у Вас лицо! – О, М<арина>! В этой комнате – Нищенство, Роскошь, Поэзия, Любовь!»

И – как итог этих 7ми часов – раскаленный «почти до бела» – еще кипящий в кружке – черный – чернейший – горький как хина – кофе.

(450 р. фунт!)

—

Не могу простить евреям, что они *кишат*.

—

Сегодня – на Арбате – у бывшего Белова – (ныне хлебный магазин) – надпись «хлеба не будет» – восклицание какой-то старухи:

– «Без хлеба-то танцевать легче!»

—

Главные действующие лица в каждом 4 стенах Москвы 19 года: Печка – и Хлеб.

—

В Б<ольшом> зале Консерватории сидят в шубах.

—

Ранняя зима в этом году. — Очень холодно. — Вчера мы с Алей — 5 дней не выдавали хлеба — так ослабели и замерзли, что в 6 ч<асов> вечера улеглись на кровать — под ватное одеяло и шубу — и так пролежали до 9^м, юмористически мечтая об окороках, хлебах и т.д. — первое такое *dérogation*¹ нашей духовности за все эти годы.

Но, надо сказать, нам круто пришлось: сразу прекратились все даровые обеды и мы 5 дней ели исключительно овощи на воде и картофель — огромными количествами — «Аля, хочешь есть?» — «Нет, Мариночка, я *нашего* совсем больше не могу есть, я лучше буду спать.» —

В 9 ч<асов> мы, сытые «нашим» и голодные человеческим, легли в постель. Аля сразу заснула. Я читала *Gil Blas*'а — конечно, напоминает Казанову, но Казанова лучше! — Читала недолго. Утром встала за́-темно, нарубила дров, накалила печку, сходила за молоком (сразу 3 кружки — 180 р. — но иначе дети умрут!)

— И сегодня вышел блаженный день. Елиз<авета> Моис<еевна> Г<ольд>ман достала мне 2 билета в Лигу Спасения детей и подарила множество еды (у самой трое детей, ее доброта *божественна*, 3 года жизни отдам, чтобы ей хорошо жилось!), я получила для Али праздничный обед в детск<ом> саду: пол яблока, конфету, 2 кусочка серого хлеба, бурду вместо супу, 2 ложки тертой свёклы — и к довершению всего — оказывается: вчера хлеб выдавали!

Словом, мы все счастливы!

— Москва очень тихая, очень снежная, *никакого праздника*, никто даже не говорит о нем,

Под снегом — знамёна.

Универсальность буквы М.

— Матерь — Море — Мир — Мир — Мор — Молния — Монархия — Мария — Мвро — Музыка — Метель — Москва! — и т.д.

И просто — потому что первая буква, к<отор>ую говорит ребенок — первая, губная:

— Мама!

¹ отступление (*фр.*).

Если бы Бог не создал Адама первым, Адам вовсе бы не был создан: с Евы бы хватило Змея.

– А – может быть (сама прихожу в ужас!) большевизм – это Петр?

Аля породнила меня с Казановой: венецианские ее глаза.

Аля читает о Петре:

– Феофан Прокопович прочел о нем всем известное длинное надгробное слово...

– Ну, Марина, я не очень-то люблю *длинные* надгробные слова!

Наступая на клочек газеты с каким-то городом:

– «Марина! Я не люблю наступать на чью-то родину!»

Больше всего меня умиляют – пронзают – душу растрavляют те места в Казанове, где он, на секундочку оторвавшись от цехинов, красавиц, ужинов, дуэлей – говорит от своего лица – в настоящем – 72 года, замок Дукс, «à présent que je suis vieux et pauvre»¹ – служанка, думая, что исписанная бумага хуже белой – бросила в огонь целую пространную главу Мемуаров...

Казанова современник <имя не вписано> и насколько мне дороже Казанова!

Сейчас в Москве перестали говорить о хлебе: говорят о дровах.

---

¹ «сейчас, когда я стар и беден» (фр.).

Один из курьезов 19го года:

Накануне большевистского праздника (октябрьской годовщины) я, несколько дней не бывав на Смоленском, писала стихи, где встречалась такая строчка:

Двухлетие! — И снова их знамёна
Кровавые, кровешные — и снова
Человеколюбивого закона
Знак: черный хлеб *стодесятирублевый*.

В день октябрьской годовщины иду на рынок: оказывается — хлеб уже 140 р. — и его нет. — Не угонишься!

19ый год прекрасен, — если за ним не последует 20ый!

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящее издание вошли все сохранившиеся в архиве М. Цветаевой в РГАЛИ ее записные книжки и их фрагменты. Тексты публикуются полностью по оригиналам.

Цветаева вела записные книжки двух родов — карманные («походные», по ее выражению) и настольные. Первые (это записные книжки 2, 10, 11, 14, 15) можно назвать черновыми по аналогии с черновыми тетрадами, где записи не обработаны, заносятся в разные места книжки, часто карандашом, поперек страницы, на полях, скорописью, без знаков препинания, кратко, сжато, часто очень сокращенно (нередки случаи, особенно в записной книжке 14, когда слова сокращены до одной—двух букв). Вторые (записные книжки 1, 3, 5, 6, 7, 8) подобны беловым тетрадам: письмо в них аккуратное, всегда чернилами, сокращения слов минимальны, тексты записей стилистически обдуман-ны, иногда подвергнуты более поздней правке.

С другой стороны, публикуемые документы различаются и по «жанру» — собственно записные книжки (2, 3, 4, 5, 10, 11, 14) и дневники (1, 6, 7, 8, 15).

О принципах подготовки текста

У Цветаевой были некоторые индивидуальные особенности графики и пунктуации, особенно в ранний период (1913—1915 гг.): так, например, она отмечала абзацы знаком тире и начинала их без отступа от левого поля, ставила запятую перед пояснением, заключенным в скобки, исправляемое слово не зачеркивала, а заключала в квадратные скобки. Во избежание затруднений в понимании текста эта пунктуация и графика приведены к современной норме.

Слова и фрагменты текста, вычеркнутые автором, не воспроизводятся, и наличие этой правки не отмечается. Исключение составляют фраг-

менты текста, вычеркнутые карандашом одной или несколькими вертикальными линиями. Мы полагаем, что эта правка в большинстве случаев означает авторский отбор записей при подготовке их к печати, и потому воспроизводим их (в сопровождении соответствующей ремарки).

Явные описки исправлены без оговорок.

Подчеркивания в рукописи передаются *курсивом*.

Авторская пунктуация оставлена в неприкосновенности, за исключением мелких описок, которые исправлены без оговорок (доставлены недописанные кавычки, скобки, точки), поскольку у Цветаевой пунктуация — это прежде всего запись интонации и темпа речи. («Объясняюсь ей в любви, конечно напеваю...» — отсутствие запятой на ее «законном» месте не небрежность автора записи, а голосовой портрет автора реплики.) В предельно сокращенных черновых записях (например, в записной книжке 14) знаки препинания в ряде случаев добавлены составителями для понимания смысла записи. В этих случаях, как и во всех подобных вмешательствах, редакторские добавления заключены в угловые скобки.

Без изменения оставлены индивидуальные особенности написания некоторых имен собственных: Бодлэр, Мэтерлинк, Уйальд, и непоследовательность в их написании: Аннета, Анетта, Аннетта, Оббовы, Обовы и др.; в случаях, когда Цветаева неправильно записывает имя по слуху или по традиции, мы воспроизводим ее ошибочное написание, помещая вслед за ним правильное в угловых скобках.

Без изменения воспроизведены и индивидуальные особенности написания некоторых слов: гиэна, сантиметр, воскресенье, бетон (вместо бидон), волчек, танцовать, кострюлька, башмак (род. пад. мн. ч.), имянины, жираффа, чолка, порт-сигар, околочный, полицеймейстер, бюрзовый, куцавейка и др., многие из которых, возможно, были в то время орфографически допустимы.

Все имена, обозначенные в рукописи инициалами, и все сокращенные слова дополняются в угловых скобках; имена, которые мы не смогли раскрыть, оставлены в авторском сокращении.

Общеупотребительные сокращения: и т.д., и т.п., г., мес., час. и ч., мин., др., т.е. — оставлены без изменения.

При чтении записных книжек следует также иметь в виду, что все даты до отъезда из России в мае 1922 г. Цветаева проставляла по старому стилю и что до конца жизни она писала по старой орфографии.

О принципах комментирования текста

Первый слой текстологического комментария располагается внутри авторского текста в виде ремарок, набранных более мелким шрифтом и заключенных в угловые скобки. Ими отмечаются все особенности текста, и помещаются они сразу вслед за поясняемым словом или фрагментом текста: <не дописано>, <имя не вписано>, <над строкой: ... (текст Цветаевой)...>, <на полях: ... (текст Цветаевой)...>, <три фразы вычеркнуты карандашом вертикальной линией> и т.п. Так же отмечаются и другие особенности текста: рисунки, схемы, фрагменты, вписанные другими лицами.

Постраничные сноски, кроме общепринятых переводов иноязычных текстов, включают и поправки описок Цветаевой в датах, днях недели, названиях праздников и т.п. Авторские сноски отмечаются авторизацией в скобках: (*Примечание М. Цветаевой*). Все переводы иноязычных фрагментов, если нет ссылок на переводчика или издание, по которому дан перевод, выполнены составителями.

Собственно раздел «Примечания» открывается преамбулой к каждой записной книжке. Архивная справка начинается описанием документа — формат записной книжки, количество листов, способ и полнота заполнения, цвет переплета, наличие дарственных надписей и т.п. Далее следуют справки о прижизненных публикациях записей из данной книжки.

Традиционный реальный комментарий носит избирательный характер и, как правило, включает в себя информацию, необходимую для понимания текста: исторические сведения, справки о культурных и бытовых реалиях, упоминаемых лицах и произведениях, частных обстоятельствах жизни автора. Ссылки на источник даются лишь в тех случаях, когда в справке приводится точная цитата из него; сведения общего характера ссылками не сопровождаются.

Имена классиков мировой культуры и известных исторических лиц в примечания не выносятся, а даются лишь в именном указателе. То же относится к лицам, о которых у нас нет никаких сведений.

При ссылках на произведения Цветаевой, как правило, указывается дата написания произведения и в отдельных случаях его первая публикация, ссылки на многочисленные современные издания Цветаевой не даются.

Поскольку текст записных книжек поневоле перегружен редакторским вмешательством (текстологические ремарки и конъектуры),

комментируемые реалии не отмечаются цифрами в тексте. Комментируемое имя, слово, фраза или часть фразы (с многоточием и пометой «и т.д.») повторяются в разделе «Примечания», выделенные курсивом, под номером соответствующей страницы текста записных книжек.

Пространные справки о целом ряде имен и произведений, которые могут показаться избыточными по сравнению с другими, чисто информационными, обширные цитаты в примечаниях вызваны отсутствием подробных, а зачастую и каких-либо вообще сведений об упоминаемых лицах и произведениях в литературе, посвященной Цветаевой, а также труднодоступностью литературы о комментируемых предметах.

В конце раздела «Примечания» второго тома будут помещены указатели — именной, географических названий, учреждений и организаций, упоминаемых в записных книжках М. Цветаевой.

Составители считают своим приятным долгом поблагодарить всех коллег и друзей, чья помощь была бесценным подспорьем в работе: В.Н. Андреева, Д.А. Беляева, А.А. Белякова, В.С. Гречанинову, С.Б. Джимбинова, Л.С. Дубшана, В.В. Иванова, И.Б. Комарову, В.А. Мильчину, В.А. Фонарева, Л. Цибарт, С.В. Чернявского, сотрудников Военно-морского музея Санкт-Петербурга и Российского государственного архива литературы и искусства.

Условные сокращения

ВА — Цветаева М. Вечерний альбом. М., 1910.

ВФ — Цветаева М. Волшебный фонарь. М., 1912.

ЮС — Цветаева М. Юношеские стихи [Неизд. сб. ст-ний 1913–1915 гг.].

В1 — Цветаева М. Версты: Стихи. Выпуск первый. М.: Госиздат, 1922.

ЛС — Цветаева М. Лебединый стан [цит. по СП].

Р — Цветаева М. Ремесло. М. — Берлин: Геликон, 1923.

Психея — Цветаева М. Психея: Романтика. Берлин, 1923.

ИП — Цветаева М. Избранные произведения. М. — Л.: Сов. писатель, 1965. (Б-ка поэта. Больш. сер.).

СП — Цветаева М. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1990 (Б-ка поэта. Больш. сер.).

Каталог – Марина Цветаева. Поэт и Время: Выставка к 100-летию со дня рождения. М.: Галарт, 1992.

Письма к дочери – Цветаева М. Письма к дочери. Дневниковые записи. Калининград, 1995.

СТ – Цветаева М. Неизданное. Сводные тетради. М.: Эллис Лак, 1997.

Семья – Цветаева М. Неизданное. Семья: история в письмах. М.: Эллис Лак, 1999.

WSA – Марина Цветаева. Статьи и тексты. Wien, 1992 (Wiener slawistischer Almanach. Sb. 32).

Воспоминания о Цветаевой – Воспоминания о Марине Цветаевой. М.: Сов. писатель, 1992.

Песнь жизни – Марина Цветаева. Песнь жизни. Un chant de vie. Marina Tsvetaeva: Actes du colloque international de l'Université Paris IV. 19–25 octobre 1992. Paris: YMCA-Press, 1996.

Гонимы – Гонкур Э. и Ж. де. Дневник. Записки о литературной жизни: Избранные страницы / Пер. с фр. В 2 т. М.: Худож. лит., 1964.

Зеленая змея – Волошина - Сабашникова М.В. Зеленая змея: История одной жизни. М.: Энигма, 1993.

Ламартин – Ламартин А. Жирондисты. Историко-прагматическое исследование. В 4 т. 2-е рус. изд. СПб.: Экспедиционно-комиссионное дело. 1911.

Князь де Линь – Письма, мысли и избранные творения Принца де Линя, изданные баронессою Стаэль Голстеин и г-ном Проппаком / Пер. с фр. Т. 1–6. М.: Тип. С. Селивановского, 1809.

Гастон Могра – Могра Г. Последние дни одного общества: Герцог Лозен и внутренняя жизнь двора Людовика XV и Марии Антуанетты. / Пер. с фр. СПб.: Изд. Л.Ф. Пантелеева, 1897.

Эккерман – Эккерман И.П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни / Пер. с нем. Наталии Ман. М.: Худож. лит., 1981.

Сен-Симон – Сен-Симон. Мемуары. В 2 т. Избранные части «Подлинных воспоминаний герцога Сен-Симона о царствовании Людовика XIV и эпохе регентства» / Пер. и коммент. И.М. Гревса. М.–Л.: Academia. 1934–1936.

АИЦ – Цветаева А. Собр. соч. Т. I. М.: Изограф, 1996.

В. Цветаева – Цветаева В.И. Записки. Ч. 1 и 2 (РГАЛИ, ф. 1190, оп. 2, ед. хр. 412), ч. 3 (там же, ед. хр. 413).

ВР – Воля России: Ежемесяч. журнал политики и культуры. Прага, 1922–1932.

НМ – Новый мир: Ежемесяч. лит.-худож. и обществ.-полит. журн. Москва.

ПН – Последние новости: Ежедн. газ. Париж, 1919–1940.

СЗ – Современные записки: Ежемесяч. обществ.-полит. и лит. журн. Париж, 1920–1940.

Сев. зап. – Северные записки: Ежемесяч. лит.-полит. журн. Петроград, 1913–1917.

БТ-1 – беловая тетрадь ст-ний М. Цветаевой 1916–1918 гг., составленная в 1939 г. (РГАЛИ).

БТ-2 – беловая тетрадь ст-ний М. Цветаевой 1918–1920 гг. (РГАЛИ).

БТ-3 – беловая тетрадь ст-ний М. Цветаевой 1921–1923 гг. (РГАЛИ).

ЮСП – рукопись ЮС (РГАЛИ).

ЮСМ – машинопись ЮС с авторской правкой (РГАЛИ).

ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (Москва).

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА I

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 39.

Настольная записная книжка — тетрадь в твердом картонном переплете кремового цвета с коричневым кожаным корешком и уголками (22×15). Подарена Цветаевой в день рождения старшей сестрой ее мужа Елизаветой Яковлевной Эфрон (1885—1976), о чем свидетельствует дарственная надпись на внутренней крышке переплета:

«26ая августа, т<о> есть сентября 1913 г. Ялта.

В воспоминание дней когда мы вместе ходили к Лёвам, сочиняли жизнь французской матлоты, смотрели синемаатографических преступников и сыщиков, возвращались к освещенному розовому окну под цирковую музыку, варили манну, перлу, тапиоку. Лососина.»

К титульному листу прикреплен засушенный цветок розы, к последнему листу — два засушенных цветка <эдельвейса?>. Заполнена приблизительно на три четверти. Пронумерована Цветаевой синим карандашом полистно: 1, 3, 5 и т.д. до л. 92. Записи черными и фиолетовыми чернилами.

Заполнялась в Феодосии (самые первые записи сделаны в Ялте), где Цветаева с мужем и дочерью прожила зиму 1913—1914 гг., и летом 1914 г. в Коктебеле. В книжку переписаны записи из несохранившегося московского дневника конца 1912 г.

Часть записей (с декабря 1912 г. по декабрь 1913 г.) была в 1918 г. объединена в рукописную книжку «Аля. (Записи о моей первой дочери)» (*РГАЛИ, ф. 1190, оп. 1, ед. хр. 17*). По сравнению с первоначальным вариантом записи в ней существенно сокращены или дополнены, почти все подверглись стилистической правке и графическим изменениям. Впервые рукописная книжка опубли.: Вестник РХД, 1981, № 135; републ.: Звезда. 1992. № 10; Цветаева М. Письма к дочери. Дневниковые записи. Калининград. 1995.

Стр. 9

Дарственная надпись. — С конца августа до середины октября 1913 г. Цветаева и Е.Я. Эфрон жили в Ялте, ожидая результатов лечения в Ялтинском санатории имени императора Александра III для легочных больных Сергея Яковлевича Эфрона (1893–1941) и Владимира Александровича Соколова (1889–1965), актера, друга сестер Эфрон (они оба и названы в записи Е.Я. Эфрон «*Лёвами*»). На зиму Цветаева с мужем и дочерью поселились в Феодосии, Е.Я. Эфрон и В.А. Соколов вернулись в Москву.

Матлота — возможно, от фр. *matelote* — жена матроса.

Тапиока — название некоторых сортов крупы саго.

Лососина — домашнее прозвище Е.Я. Эфрон, происходящее от выражения «лососиниться на диване» (т.е. подолгу и со вкусом лежать).

Стр. 10

Эпиграф. — Это свое четверостишие Цветаева поставила эпиграфом к ст-нию «Але», написанному в Феодосии 13 ноября 1913 г. (его первоначальный вар. см. на с. 20–22 настоящего издания, окончательный — СП, 61–62). Ариадна Сергеевна Эфрон (1912–1975) — старшая дочь Цветаевой.

Стр. 12

Цирес Алексей Германович (1889–1967) — искусствовед, историк архитектуры; знакомый семьи Эфрон, занимался с братьями Сергеем и Константином по программе гимназического курса.

Фройляйн Энни — одна из сестер Бринк, в пансионе которых во Фрейбурге сестры Цветаевы жили в 1904 г.

«Белый Олень» — место под Дрезденом, где сестры Цветаевы жили в 1909 г. в семье пастора (см. также записи на с. 358–359 и примеч. к ним).

Стр. 13

Пфурриус Густав (1800–1884) — немецкий поэт и новеллист.

Тшабушниц Адольф фон (1809–1877) — австрийский политический деятель, поэт, автор рассказов.

«Думай о себе» — букв. перевод со старонемецкого; по смыслу скорее — «Блюда себя». Такие сборники моральных наставлений в стихах на библейские темы, баснях, эпиграммах, философских афоризмах, подобранные для целей самовоспитания, были традиционным подарком в немецких учебных заведениях.

Стр. 14

«Собрание образцов» — популярный сборник немецких стихотворений и песен (первое изд. — Лейпциг, 1835), составленный Густавом Швабом (1792—1850), немецким филологом и историком литературы. Другой известной книгой «Прекраснейшие сказания классической древности» («Die schönsten Sagen des klassischen Altertums». Bd. 1—3. 1838—1840) Цветаева пользовалась во время работы над трагедиями «Ариадна» (1923) и «Федра» (1927).

Якоби. — В истории немецкой литературы известны два брата Якоби: *Иоганн Георг* (1740—1814) — богослов, юрист и философ, профессор изящных искусств во Фрейбурге, лирический поэт и издатель журнала «Ирис»; и *Фридрих Генрих* (1743—1819) — писатель, философ, считающийся предшественником Кьеркегора и Ницше.

Бюргер Готфрид Август (1747—1794) — немецкий поэт, мастер баллады. В России известен благодаря переложениям и переводу В.А. Жуковского его баллады «Ленора».

Ася — Анастасия Ивановна Цветаева (1894—1993) — младшая сестра Цветаевой.

Хагедорн Фридрих фон (1708—1754) — немецкий поэт, мастер «малых форм» — эпиграмм, басен; оказал влияние на поэзию Лессинга, как автора басен, и молодого Гёте.

Стр. 15

Зайдель Иоганн Габриэль (1804—1875) — австрийский поэт, автор национального гимна, драматург, критик, фольклорист, издатель.

Цигендорф — возможно, описка Цветаевой и имеется в виду немецкий поэт Цингендорф Николаус Людвиг фон (1700—1760).

Терштеген Герхард (1697—1769) — проповедник; в истории немецкой литературы известен благодаря сборникам духовных песен и собранию рифмованных эпиграмм.

Дросте-Хюльсхоф Аннетте (1797—1848) — немецкая писательница и поэтесса, автор религиозной и романтической лирики.

Стр. 16

Пра — домашнее имя Елены Оттобальдовны Кириенко-Волошиной (1850—1923), матери поэта Максимилиана Волошина. Была крестной матерью старшей дочери Цветаевой.

Стр. 17

Феодосия. — В ноябре 1913 г. М.А. Волошин писал Ю.Л. Оболенской: «В Феодосии поселились Марина и Сережа. Устроились они на

горе у дяди и тетки Рогозинского <Редлихов>. Те их утлемяннили. Их точно под крыло курице вместо ее яиц подложили. И об них там заботятся трогательно» (РО ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, ед. хр. 82). Этот дом и отдельные детали убранства его сохранились до наших дней.

Эва Адольфовна Фельдштейн (урожд. Леви, 1886–1964) – художница, жена М.С. Фельдштейна, познакомилась с Цветаевой летом 1913 г. в Коктебеле.

Петр Николаевич Лампси (1869 – после 1920, в эмиграции) – фео-досийский знакомый Цветаевой. Лиза Редлих (о ней см. примеч. к с. 22) оставила его портрет: «Это был полный, черноглазый, очень вежливый грек. Он был судьей и дальним родственником Айвазовского. В квартире, обставленной красным деревом, он поил нас чаем, рассказывал о старой Феодосии и, пощипывая гитару, пел романсы, которые, наверно, были хорошо известны нашим бабушкам...» (*Воспоминания о Цветаевой*, 77).

Вера Яковлевна Эфрон (1888–1945) – сестра С.Я. Эфрона, актриса, педагог.

Стр. 18

Волчок – собака хозяев дома.

Кусака – кот Цветаевой. В рукописной книжке 1918 г. «Аля. (Записи о моей первой дочери)» Цветаева дополняет эту запись новыми подробностями:

«С Алей вместе подрастал котенок – серый, дымчатый – Кусака. Рос он у меня за матроской и в Алиной кровати. Груша <кормилица Али> отцеживала ему своего молока, и вырос он почти человеком. Это была моя великая кошачья любовь. Его шкурка д<о> с<их> п<ор> висит у меня на стене – ковриком» (*Письма к дочери*, 11).

Редлихи – *Эрнест Морицевич* (1858–ок. 1924), отставной военный, художник-любитель и фотограф; его жена – *Алиса Федоровна* (урожд. Матиссен, 1868–1944), пианистка, преподавательница музыки.

Аннета – очередная няня дочери Цветаевой.

Стр. 19

Prévost – Альфред Ахиллович Прево (1878–1919).

Стр. 20–22

Ст-ние вошло в ЮС, в окончательном тексте выпущена 8-я строфа, даны другие редакции строф 6, 12 и 13, поставлена дата 13 ноября (СП, 61–62).

Стр. 23

«... у нас в Екатерининском...» — В июле 1912 г. Цветаева и Эфрон купили девятикомнатный особняк с мезонином в М. Екатерининском (ныне — Щетининский) пер. в районе Б. Полянки. Переезд в новый дом состоялся, по-видимому, в августе 1912 г. В конце апреля 1913 г. Цветаева с мужем и дочерью уехала в Крым и больше в этот дом не вернулась. В августе 1913 г. он был сдан в аренду.

Папа — Иван Владимирович Цветаев (1847–1913) — профессор Московского университета, филолог-классик; создатель Музея изящных искусств императора Александра III в Москве (ныне Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина — *ГМИИ*).

Дедушка — отец матери Цветаевой Александр Данилович Мейн (1836–1899).

Сережа в Москве... — После сделанной в Феодосии операции аппендицита и появившегося в результате нее подозрения на туберкулез кишечника, С.Я. Эфрон 20 декабря уехал в Москву для медицинских консультаций; к Новому году он возвратился в Феодосию.

Blennard'ы — Шарль Альбертович Бленар, преподаватель франц. языка в Феодосии, его жена — Надежда Олимпиевна.

Стр. 24

Лиза — племянница хозяев дома — Елизавета Павловна Кривошапкина (урожд. Редлих, 1897–1988), позднее художник-график, автор воспоминаний «В Феодосии» (*Воспоминания о Цветаевой, 73–79*).

«*Век юный*». — Ст-ние вошло в *ЮС* без заглавия. В *ЮСМ* 1920 г. оно начиналось строкой «Быть нежной, бешеной и шумной...»; в 1940 г. Цветаева вычеркнула две первые строфы ст-ния, и теперь оно известно в публикациях по первой строке: «Стать тем, что никому не мило...»

«... на втором нашем выступлении...» — Имеется в виду выступление сестер Цветаевых на «Вечере поэзии и музыки» Феодосийского общества приказчиков 15 декабря 1913 г., которое, судя по газетным отчетам, произвело сильное впечатление на местную публику. Ср.: «Снова выступали очаровательные сестры Цветаевы. ...Еще раз обвьяли нас солнечной лаской... Еще раз согрели одинокие одичавшие души! Спасибо милым сестрам. Мы будем любить их не только за то, что они «умрут» <хроникер подразумевает финальные строки ст-ния Цветаевой «Уж сколько их упало в эту бездну...»>, но и за то, что они жили среди нас» (Цит. по: *Письма к дочери, 66*).

«Мне на вид не больше 18^{ми} лет...». На этой записи <с исправлением: 17^{ми}> кончается рукописная книжка «Аля. Записи о моей первой дочери».

Стихи героям 1812 г. – ст-ние «Генералам 12-го года», вошло в ЮС.

Тучков IV – Александр Алексеевич Тучков (1778–1812) – генерал-майор русской армии, в Отечественной войне командир бригады, геройски погиб в Бородинском сражении.

Стр. 25

«В огромном липовом саду...» – Ст-ние вошло в ЮС с датой 2 января 1914 г.

Стр. 26

Фейнберги – знакомые семьи Эфрон, братья – *Самуил Евгеньевич* (1890–1962) – пианист, композитор; *Леонид Евгеньевич* (1896–1980) – художник, мемуарист; сестра – *Белла Евгеньевна* (1888–1976, в замужестве Майгур).

Би-ба-бо – комическая кукла-перчатка, которую приводят в движение с помощью пальцев руки; в 1916–1918 гг. в Петрограде, в подвале «Пассажа», давал представления театр-кабаре «Би-ба-бо».

«...я начала стихи пламени...» – Ст-ние в ЮС не сохранилось, так же как упоминаемое далее ст-ние «У камина» (см. с. 29), возможно, речь идет об одном и том же ст-нии.

Макс – Максимилиан Александрович Волошин (1877–1932), поэт, историк искусства, художник, антропософ; в его доме в Коктебеле в летние месяцы собиралась литературно-художественно-артистическая компания друзей.

Андрюша – Андрей Борисович Трухачев (1912–1993), сын А.И. Цветаевой и Б.С. Трухачева.

Стр. 27

«*Карточки удались великолепно...*» – Обе упомянутые фотографии сохранились (РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 615); первая опубл.: Эфрон А. О Марине Цветаевой. Воспоминания дочери. М.: Сов. писатель, 1989. С. 53.

Трехпрудный. – В доме № 8 по Трехпрудному пер. в Москве прошло детство Цветаевой. Дом был получен И.В. Цветаевым в приданое за первой женой – Варварой Дмитриевной Иловойской; после смерти И.В. Цветаева перешел к их детям – Андрею Ивановичу (1890–1933) и Валерии Ивановне (1883–1966) Цветаевым; в революцию дом был разобран на дрова. Его подробное описание оставила В.И. Цветаева:

«Наш дом в Трехпрудном переулке это подаренный дедом Иловайским в приданое моей матери деревянный особняк близ Тверской и Страстного.

В доме одиннадцать комнат, за домом зеленый двор в тополях, флигель в семь комнат, каретный сарай, два погреба, сарай со стойлами, отдельная — через двор — кухня и просторная при ней комната, раньше называвшаяся “прачечной”. На дворе, между нами и соседями, в глухом палисаднике, под деревьями был крытый колодец с деревянным насосом. От ворот, через весь двор, к дому и кухне шли дощатые мостки.

Летом двор зарастал густой травой, и жаль было видеть, как водовоз, въезжавший во двор со своей бочкой, приминал траву колесами.

Кроме тополей и акаций, во дворе росла и белая сирень возле флигеля, и деревцо калины у черного хода. <...>

У наших ворот стоял столетний серебристый тополь, его тяжелые ветви поверх забора висели над улицей. Рождение ребенка в нашей семье отмечалось всегда посадкой новых деревьев.

Вход в дом был со двора. Парадное крыльцо имело полосатый тамбур в белую и красную полоску; темные ступени вели к тяжелой двери с медной ручкой старинного звонка-колокольчика.

В доме лучшими комнатами были просторная, высокая, белая зала с пятью большими окнами; рядом с ней вся в темнокрасном, большая гостиная; дальше кабинет отца с большим, тяжелым письменным столом, большим диваном и книжными полками по стенам. Остальные комнаты были ниже, потому что над ними был еще мезонин, четыре комнаты которого выходили окнами во двор. С улицы дом казался одноэтажным». (*Цветаева В., ч. 1, с. 4*).

Фон-Дервиз — московская женская гимназия им. В.П. фон Дервиз, в которую Цветаева поступила пансионеркой осенью 1906 г., пробыла в ней до весны 1907 г.

Валя Генерозова — Валентина Константиновна Перегудова (урожд. Генерозова, 1892—1967), автор воспоминаний о Марине Цветаевой (1965; см.: *Воспоминания о Цветаевой, 22—30*). О других упомянутых Цветаевой соученицах мы сведениями не располагаем.

Стр. 29

«Укамина» — см. примеч. к с. 26.

Фанза — китайская шелковая ткань.

Фай — плотная шелковая или шерстяная ткань с тонкими поперечными рубчиками.

Стр. 30

Гольдштейн — владелец фотоателье в Феодосии.

Стр. 33

Штунда — сектантское течение среди русских и украинских крестьян во второй половине XIX в., возникшее под влиянием протестантизма; позднее слилось с баптизмом.

Маруся Трухачева — сестра Б.С. Трухачева, первого мужа А.И. Цветаевой.

Ликиардопуло Михаил Федорович (1883–1925) — переводчик, критик.

Стр. 34

«Où va la feuille de rose...» — заключительные строки стихотворения Антуана Венсена Арно (1766–1834) «Листок» (1815). Стихотворение приобрело исключительную популярность и было переведено почти на все европейские языки. Существует не менее восьми русских переводов (В.А. Жуковского, В.Л. Пушкина, Д.В. Давыдова, В.Я. Брюсова и др.). Один из позднейших отзвуков стихотворения А.Арно — «Листок» («Дубовый листок оторвался от ветки родимой...») Лермонтова (1841). В этой связи интересно отметить, что явный парафраз этого мотива у Пушкина («Я пережил свои желанья...», 1821) и у Цветаевой («Когда я гляжу на летящие листья...», 1936) рисует листок не оторвавшимся от ветки, а оставшимся на ней последним.

«...мамака...». — О ней в «Записках» В.И. Цветаевой говорится: «Сохранился дагеротип сороковых годов (19 века), где дед (Иловыйский) снят совсем молодым, его первая жена (моя бабушка), полу-румынка, полу-француженка, и теща румынка — «мамака», как мы ее звали. Это была женщина образованная, хорошо игравшая на рояле, неутомимая рукодельница. Она обладала отличной памятью, знала иностранные языки, помогала деду править корректуру. В 90 лет, сохранив здоровье, охотилась еще показать мне, хоть и тихим шагом, как пляшут «барыню». «Мамаку», прабабку свою я любила и хорошо помню, до глубокой старости темноволосяю без седины, с хорошими зубами, худенькую, подвижную. Она была моей крестной; говорили, что я на нее похожа.» (В. Цветаева, ч. 1, с. 9).

Розанов Василий Васильевич (1856–1919) — русский писатель, публицист, философ, нумизмат. Был учеником И.В. Цветаева и состоял с ним в переписке, после его смерти написал статью-некролог о нем (Новое время, 1913, 19 сентября). Античная часть нумизматической коллекции Розанова хранится в ГМИИ. В переписку с Розановым всту-

пила А.И. Цветаева. В связи с его ответом младшей сестре, 7 марта 1914 г. ему написала Цветаева и послала свое избранное «Из двух книг» (М., 1913). Сохранились еще два — апрельских — письма Цветаевой к Розанову. Все три впервые опубликованы в *НП*, 21–39. Ответных писем Розанова в архиве Цветаевой не сохранилось. Письма Цветаевой обнаруживают ее знакомство со следующими книгами Розанова: «Уединенное» (1912), «Люди лунного света. Метафизика христианства» (1911), «Опавшие листья» (1913), «Итальянские впечатления» (1909), «Легенда о великом инквизиторе» Ф.М. Достоевского. Опыт критического комментария» (1-е изд. — 1894, 3-е, с приложением этюда о Гоголе — 1906).

Стр. 35

«... сказавший, что ему 56 лет и что всё уже поздно». — В «Уединенном», в записи от 14 декабря 1911 г. Розанов говорит:

«60 раз только, в самом счастливом случае, я мог простоять в Великий Четверток «со свечечками» всенощную: как же я мог хоть *один* четверг пропустить?!!

Боже: да и Пасох 60!!! Так мало. Только 60 Рождеств!!! Как же можно из этого пропустить хоть одно?!!

Вот основание «ходить в церковь» — и «правильного круга жизни», с родителями, с женой, с детьми.

Мне вот 54: а я едва ли был 12 раз «со свечечками».

И всё поздно: мне уже 56 лет!» (Розанов В. Уединенное. Почти на праве рукописи. Изд. 2-е. Пг., 1916. С. 147).

Башкирцева Мария Константиновна (1860–1884) — русская художница, автор знаменитого «Дневника», который в годы юности был настольной книгой Цветаевой. По свидетельству А.И. Цветаевой, Цветаева переписывалась с матерью Башкирцевой. *ВА* открывается следующими словами: «Посвящаю эту книгу блестящей памяти Марии Башкирцевой».

Беттина фон Арним (урожд. Брентано, 1785–1859) — представительница кружка немецких романтиков, сестра Клеменса Брентано, жена Людвигу Иоахима фон Арнима, автор эпистолярных романов, которыми в юности зачитывалась Цветаева. Сохранились три книги Б. фон Арним из личной библиотеки Цветаевой, все с ее многочисленными пометами (*Каталог*, 65–66).

Лесков Николай Семенович (1831–1895) — русский писатель. В последнем письме к дочери — 29 мая 1941 г. Цветаева писала ей о перечитывании Лескова, «к<оторо>го не читала с 1913 г., когда жила в Феодосии» (*Письма к дочери*, 62).

Стр. 36

Цитируемый дневник Марии Александровны Цветаевой (урожд. Мейн, 1868–1906) не сохранился. От множества ее дневников уцелела только одна тетрадь с записями ноября 1887 – февраля 1888 г. (РГАЛИ, ф. 237, оп. 2, ед. хр. 209), фрагмент ее опубликован: *Каталог*, 46–47.

Стр. 37

Бобылев – Борис Сергеевич Бобылев (1892–1913), студент Московского университета, друг Б.С. Трухачева, отравился цианистым калием. Ему посвящены страницы книги А. Цветаевой «Дым, дым и дым» (М., 1916). См. также: *НМ*, 1995, № 6.

Могилевский – преподаватель латыни в Феодосии, у которого С.Я. Эфрон брал частные уроки.

Александра Михайловна Петрова (1871–1921) – педагог, друг М.А. Волошина с юношеских лет.

Латри Михаил Пелопидович (1875–1942) – художник, внук И.К. Айвазовского, и его жена *Ариадна Николаевна*.

Ириночка и Таня Лампси – дочери Лидии Антоновны Лампси (урожд. Соломос, ок. 1877 – после 1922) и Николая Михайловича Лампси, внука И.К. Айвазовского.

Стр. 39

«*Женское дело*». – Иллюстрированный журнал, Москва, 1910–1918, ред.-изд. Е.С. Крашенинникова. В №23 за 1913 г. в «Заграничной хронике» (с. 16) помещена следующая заметка: «В Нью-Варве, городе соседнем с Нью-Йорком, год тому назад состоялась свадьба 102-летнего старца Джона Ключа со 100-летней девицей Джаксон. Теперь у “молодых” появился их первый ребенок. Крестным отцом был прапра-правнук Ключа от его первого брака. Крестник крестному приходится двоюродным прапрадедушкой».

Стр. 40

музей древностей – ныне Краеведческий музей; построен И.К. Айвазовским; два больших мраморных льва (IV–III в. до н.э.) подняты со дна моря возле Тамани. Описанная фотография в архиве Цветаевой не сохранилась.

«...лососинюсь...» – См. примеч. к с. 2.

«...глазки да лапки...» – цитата из гл. 9 «Мертвых душ» Н.В. Гоголя (разговор «просто приятной дамы» и «дамы, приятной во всех отношениях»).

Стр. 42

«*Лучше не жить*». — Так в переводе на русский язык назывался роман «Кукушка» (1900) японского писателя Токутоми Рока (1868–1927), опублик. в 1903 г. изд-вом «Прометей».

Стр. 43

«*Недавно я ее снимала стереоскопом...*» — Из этой записи следует, что у Цветаевой был фотоаппарат с двумя объективами; после съемки таким аппаратом получается один двойной негатив, с которого делают отпечаток, рассматриваемый потом в стереоскоп. Этим достигается объемный эффект снимка. Эти фотографии не сохранились.

Стр. 46

Майя — Мария Павловна Кювиллье (1895–1985, в первом браке Кудашева, во втором — Роллан) — дочь француженки-гувернантки, в то время начинающая поэтесса.

Толстые — писатель Алексей Николаевич Толстой (1883–1945) и его жена актриса и художница София Исааковна Дымшиц (1885–1963).

Людвиг — Квятковский Людвиг Лукич (1896–1977) — феоносиец, в те годы начинающий художник, которого опекали и поддерживали М.А. Волошин, К.Ф. Богаевский и их друзья-художники.

Лапко, Одноглаз, Шоколад — коктебельские собаки; о них Цветаева подробно вспоминает в очерке «Живое о живом» (1932).

Рогозинский Владимир Александрович (1882–1951) — архитектор, инженер, друг М.А. Волошина.

Стр. 47

Богаевский Константин Федорович (1872–1943) — художник, друг М.А. Волошина.

Стр. 51

Эллис — псевдоним Льва Львовича Кобылинского (1879–1947) — поэта, переводчика, критика, сотрудника издательства «Мусaget», друга юности сестер Цветаевых. Его образу посвящена упоминаемая здесь и далее первая поэма Цветаевой «Чародей» (1914), входящая в *ЮС* и при жизни Цветаевой не опубликованная. Эллис, как поклонник Ницше, оказал влияние на А.И. Цветаеву и ее первые книги «Королевские размышления» (1915) и «Дым, дым и дым...» (1916). «И статьи и стихи Эллиса были, конечно, талантливы, но не первозданны, — писал Ф. Степун. — Настоящий талант этого странного человека, с красивым мефистофельским лицом, в котором тонкие, иронические губы

«духа зла» были весьма негармонично заменены полными красными губами вампира, заключался в ином. Лев Львович был совершенно гениальным актером-имитатором. Его живые портреты не были скучно натуралистическими подражаниями. Остроумнейшие шаржи в большинстве случаев не только разоблачали, но и казнили имитируемых людей. Эллис мусagetского периода был прозорливейшим тайновидцем и иступленнейшим ненавистником духа благообразно-буржуазной пошлости» (Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. М.: Прогресс-Литера; СПб.: Алетейя, 1995. С. 271–272).

Töchteralbum – детское подарочное издание типа хрестоматии с картинками.

Стр. 53

«...сидоровились по комнате...» – от выражения «Сидорова коза»; «Сидоровая» – прозвище Цветаевой в домашнем кругу.

Стр. 57

Марина Мнишек – Мнишек Марина Юрьевна (ок. 1588 – ок. 1614) – дочь сендомирского воеводы Юрия Мнишека, в 1604 г. обвенчалась с Лжедмитрием I, в мае 1606 г. была коронована в Москве, а через неделю Лжедмитрий был свергнут и убит. Впоследствии Марина Мнишек стала женой другого самозванца – Лжедмитрия II (Тушинского вора) и матерью его сына. После разгрома его войска под Калугой бежала на Яик под покровительство атамана Ивана Заруцкого, где они были взяты в плен. Заруцкий и сын Марины Мнишек («ворёнок») были казнены, сама же она была перевезена в Коломну и заточена в так называемой «Маринкиной башне» Коломенского кремля, которая сохранилась до нашего времени. Марина Мнишек – одна из героинь трагедии Пушкина «Борис Годунов» (1825). Ее образу в марте 1916 г. Цветаева посвятила ст-ние «Марина» («Димитрий! Марина! В мире...») (В1) и цикл из четырех ст-ний «Марина» в апреле 1921 г. (P).

Цветаева в молодости культивировала свою «польскость» (по бабушке с материнской стороны) и свою соименность с Мариной Мнишек, в честь которой, по семейному преданию, мать ее назвала. О «падании в образ» в данном случае свидетельствует отождествление автора и героини в сознании современников. См., напр., ст-ние Ахматовой, обращенное к Цветаевой, – «Невидимка, двойник, пересмешник...» (1940).

Шарлотта Корде (1768–1793) – французская провинциальная дворянка, убила вождя якобинцев Ж.-П. Марата. В собрании Цветаевой сохранилась открытка с факсимильным воспроизведением пред-

смертного письма Ш. Корде своему отцу накануне казни (*РГАЛИ*, ф. 1190, оп. 2, ед. хр. 257).

Стр. 58

«*Читаю в своей записной книжке*». — См. Записную книжку 2, с. 87.

«*Декабрьская сказка*» — ст-ние, входящее в *ВФ*, написано от имени двух сестер:

Мы слишком молоды, чтобы простить
Тому, кто в нас развеял чары,
Но чтоб о нем, ушедшем, не грустить,
Мы слишком стары! ...

О популярности этого ст-ния в Феодосии свидетельствует уже цитировавшийся нами газетный отчет о «Вечере поэзии и музыки» 15 декабря 1913 г. Обозреватель (он подписался «Партизан»), говоря о выступлении М. Волошина, пишет: «Говоря словами «Декабрьской сказки» Цветаевой, мы можем сказать про себя: «Мы слишком молоды, чтобы не аплодировать г-ну Волошину за хорошие стихи... но чтобы забыть, что г-н Волошин поднял в безумстве руку на Репина, мы слишком стары» (Цит. по: *Письма к дочери*, 6б).

«*Четвертый год начинается с разлуки*». — Поскольку через несколько дней у С.Я. Эфрона начинались экзамены на аттестат зрелости, речь в этой фразе идет, вероятно, о предстоящей в конце мая — начале июня разлуке супругов: Цветаева с дочерью предполагали переехать на лето в Коктебель, а С.Я. Эфрон — уехать в Москву для свидания с вернувшимся в Россию из эмиграции старшим братом Петром.

Стр. 59

«...в Малом театре сгорели декорации Б<ольшого> и М<алого> театров...» — Пожар начался утром 2 мая в той части здания Малого театра, что примыкала к магазину Мюра и Мерилиза и Александровскому пассажи и где находился склад декораций Императорских театров. Согласно газетным сводкам, полностью выгорела вся центральная часть склада. Погибли все декорации Большого театра текущего репертуара, которые были перенесены в склад на лето. «Уничтожен огнем ряд прекрасных декорационных созданий К.А. Коровина и его помощников. Ничего не осталось от «Салтана», «Руслана», «Хованщины», «Жизни за Царя», вагнеровских «Сумерек богов» и «Золота Рейна» и т.д. и т.д. Погибли балеты «Саламбо», «Корсар», «Раймонда», «Жизель», «Шубертиана» и т.д. и т.д. — самые ценные декорации» (*Русские ведомости*. 1914. 3 мая. № 101. С. 6).

Кандауров Константин Васильевич (1865–1930) – заведующий освещением Малого театра, коллекционер, организатор художественных выставок, друг К.Ф. Богаевского и М.А. Волошина.

Его семья занимала казенную квартиру в здании Малого театра, расположенную в третьем этаже, над складом декораций. «Жена г. Кандаурова и дети были спущены из окна по канату, в то время, как в квартиру уже проник огонь. Сильно пострадала художественная коллекция, принадлежавшая К.В. Кандаурову. Большинство картин погубило, акварель смыта водой, рисунки испорчены. В коллекции находились картины Богаевского, Сарьяна, П. Кузнецова, Борисова-Мусатова, рисунки Врубеля, Поленова, Серова, Уткина и др. При тушении пожара сломана и залита водой вся обстановка; погибла старинная мебель красного дерева» (Утро России. 1914. 3 мая. № 101. С. 4).

Сапунов Николай Николаевич (1880–1912) – русский художник; скорее всего в записи Цветаевой речь идет о его картинах, бывших в коллекции Кандаурова, а не о декорациях его старшего брата Сапунова Клавдия Николаевича (1873–1915) – художника-декоратора, помощника заведующего сценой МХТ.

Нахман Магда Максимилиановна (1886–?) – художница, автор живописных портретов М. Цветаевой и С. Эфрона.

Оболенская Юлия Леонидовна (1889–1945) – художница, подруга М.М. Нахман, вторая жена К.В. Кандаурова. Имеется в виду ее ст-ние «Сергей Эфрон» (*Семья*, 33).

Портрет С.Я. Эфрона не погиб в упоминаемом пожаре. Многие мемуаристы видели его в квартире Цветаевой в Борисоглебском пер., напр. В.К. Перегудова (Генерозова) в 1916 г. Начатый летом 1913 г. в Коктебеле портрет, по-видимому, был подарен автором своей модели по окончании работы над ним. После отъезда Цветаевой за границу в 1922 г. портрет хранился у А.И. Цветаевой; настоящее местонахождение портрета неизвестно. В РГАЛИ (ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 219) хранится карандашный портрет С.Я. Эфрона 1913 г. работы М. Нахман, видимо подаренный ею в свое время Е.Я. Эфрон.

«...похоже на прическу *Mme de Noailles*.» – Графиня Анна де Ноай (1876–1933) – французская поэтесса греко-румынского происхождения (ее полное имя Anna Elisabeth Noailles, princesse de Brancovan, comtesse de Mathieu – Анна Элизабет Ноай, княгиня Бранкован, графиня де Матьё). Ее первая книга стихов «Le cœur innombrable» («Безграничное сердце») вышла в 1901 г., последняя – «Exactitudes» («Точности») – в 1930 г. Она написала также несколько романов. В русской культуре А. де Ноай почти неизвестна: единственные ее русские пе-

реводы – сб. стихов «Сады» (Ноайль де. Сады / Пер. Вл. Гусева. Киев, 1913) и роман «Новое упование» в переводе М. Цветаевой (*Сев. зап.*, 1916, кн. IX–XII) внимания к себе не привлекли. Во французской литературе первой трети XX в. А. де Ноай занимает определенное – и не малое – место, главным образом, своими поэтическими книгами. Ее поэзии посвящено более десяти монографий (А. Мазона, Ф. Жамма, Ж. Ларнака, Ш. Фурне и др.). Поэзия А. де Ноай близка парнасцам и В. Гюго, однако основным мотивом ее поэзии стала тема смерти, что придало ее лирике черты мистицизма и печали.

Цветаева стала первой в России переводчицей прозы А. де Ноай – романа «La nouvelle espérance» («Новое упование», 1903). Многие темы и мотивы поэзии Цветаевой созвучны стихам А. де Ноай («Идешь на меня похожий», «Тебе – через сто лет» и др.). В мае 1927 г. Цветаева прочла в газете «Nouvelles Littéraires» большую статью Мориса Мартена дю Гара о только что появившейся книге А. де Ноай «L'honneur de souffrir» («Честь страдать»). В связи с этим она написала А. де Ноай большое письмо (*Песнь жизни*, с. 371–379, рус. пер.: Вестник РХД. 1992. № 165). В ответ А. де Ноай прислала Цветаевой свою фотографию с дарственной надписью (*РГАЛИ*, ф. 1190, оп. 2, ед. хр. 420). См. далее запись о смерти А. де Ноай в записной книжке 14 (т. 2 наст. изд.).

Стр. 62

Хрустачев Николай Иванович (1883–1962) – в то время преподаватель рисования в Феодосийском учительском институте, знакомый А.И. Цветаевой.

Стр. 63

Юркевичи – братья гимназической подруги Цветаевой Софьи Ивановны Юркевич (1892–1973, в замуж. Липеровской) *Петр Иванович* (1889–1968), впоследствии врач, и *Сергей Иванович* (ок. 1888–1919), впоследствии врач-терапевт. Письма Цветаевой 1908–1916 г. к П.И. Юркевичу впервые опубликованы в альманахе «Минувшее» (1991. Вып. 11), а также в *НМ*, 1995, № 6.

Sarra – Сара Бернар (1844–1923) – французская трагическая актриса; исполняла роль герцога Рейхштадтского в «Орленке» Э. Ростана; в 1909 г. Цветаева ездила в Париж, чтобы увидеть этот спектакль.

Aiglon – «Орлёнок» (1900) – пьеса французского драматурга Э. Ростана, посвященная судьбе сына Наполеона I и Марии Луизы.

«...запах Сицилии...» – Цветаева была на Сицилии в апреле 1912 г. во время своего свадебного путешествия.

«Сегодня в магазине Цвибака...». — Ювелирный магазин на Итальянской улице в Феодосии, принадлежавший Моисею Ефимовичу Цвибаку.

Стр. 64

Попов — феодосийский полицмейстер.

Roi de Rome — при рождении сын Наполеона I и Марии Луизы Жозеф-Франсуа-Шарль Бонапарт, Наполеон II (1811—1832) получил титул короля Римского, после свержения Наполеона был сослан на родину матери и в 1818 г. получил от своего деда, австрийского императора, титул герцога Рейхштадтского (по владению в Северной Богемии).

Lawrence — Лоуренс Томас (1769—1830) — английский художник.

«Осталось еще кончить лекцию *Черного*» и т.д. — Упоминаемых трех эпизодов в окончательном тексте поэмы нет.

Стр. 65

аристон — духовой музыкальный инструмент, подобный музыкальному ящику.

Стр. 66

Грищенко — по-видимому, преподаватель Феодосийской мужской гимназии.

Директором этой гимназии в 1913—1914 г. был *Сергей Иванович Бельцман* (?—1916).

Цветаев Дмитрий Владимирович (1851—1920) — младший брат И.В. Цветаева, с 1911 г. по 1920 г. был управляющим Московского архива министерства юстиции.

Стр. 67

Рёсслер — феодосийский ресторатор.

Стр. 68

«...был перевод из *Тита Ливия* “Осада Казилина”...» — *Тит Ливий* (59 г. до н.э. — 17 н.э.) — римский историк, автор «Римской истории от основания города»; в записи упомянут один из эпизодов Второй Пунической войны (кн. 22, гл. 13).

Стр. 69

Глеб Яковлевич Эфрон — умерший в семилетнем возрасте брат С.Я. Эфрона.

Стр. 71

«Ах, эта ужасная вчерашняя газета!» — Имеется в виду воскресный номер за 18 мая 1914 г.

Повторное траурное объявление Московского Художественного театра извещало о кончине Александра Родионовича *Артема* (наст. фам. Артемьев, 1842–1914), последовавшей 16 мая на 72-м году жизни (Русские ведомости. 1914. 18 мая. № 113. С. 1). Артем играл в Художественном театре со дня его основания, особенно прославившись в ролях чеховского репертуара: в «Чайке» он играл Шамраева, в «Трех сестрах» Чебутыкина, в «Вишневом саде» Фирса.

«...эта ужасная гибель “Императрицы Ирландии”...» – Иностранные телеграммы сообщали подробности гибели канадского парохода «Императрица Ирландии» (первое сообщение о катастрофе было накануне). Этот пассажирский пароход вышел из Ливерпуля 15 мая, в устье реки Св. Лаврентия столкнулся с угольщиком «Сторстед» и затонул. 18 мая были сообщены следующие подробности о катастрофе: «Вместе с экипажем на пароходе “Empress of Ireland” было 1367 человек. Погибло 1032. За последние 50 лет погибших было больше только на “Титанике” (1503). На пароходе были все новейшие спасательные приспособления, спасательные лодки для 1860 душ, спускаемые в одну минуту. Но их невозможно было спустить, ибо пароход моментально накренился. Погода была тихая, берег близок. Туман – единственный виновник несчастья. Большинство спасшихся принадлежит к экипажу, сторожившему всю ночь. Пассажиры в кабинах погибли. Другие бросились в воду, либо выбежали на палубу, где спаслись. Капитан парохода при смерти. Среди погибших – Ирвинг с женой. В 3 ч. утра пароход “Эйрена” причалил с первыми 32 спасенными. Происходили потрясающие сцены, женщин спаслось всего 14. Поведение матросов и капитана Армии Спасения выше всяких похвал» (Русские ведомости. 1914. 18 мая. № 113. С. 5).

«Погиб актер Ирвинг...» – Английский актер и драматург *Лоуренс Ирвинг* (1871–1914) был сыном знаменитого английского актера и режиссера Генри Ирвинга (1838–1905).

«...мнимая смерть Ямбо.» – Еще в апреле в газетах появились сообщения о слоне Ямбо, содержащемся в частном зверинце Лорбербаума в Одессе и якобы взбесившемся. «Судьба Ямбо. Вопреки сообщениям некоторых газет о неизбежной казни Ямбо, директор Зоологического сада В.А. Погоржельский получил от члена общества <вероятно, Общества защиты животных> контр-адмирала К. подробную телеграмму о состоянии Ямбо. Злосчастному владельцу Ямбо г. Лорбербауму подтверждено согласие дирекции сада на принятие дара. Сегодня представители Зоологического сада прибыли в Одессу. По мнению специалистов, причину необычайного раздражения слона против

хозяина и служащих зверинца было, по всей вероятности, что-нибудь неудобоваримое, попавшее в пищу слона, вроде, например, стекла. Вот почему слон приходит в ярость при приближении к нему служащих зверинца и охотно принимает пищу от посетителей, в которых умное животное чувствует своих друзей» (Утро России. 1914. 24 апреля. № 94. С. 4). 18 мая Цветаева могла прочесть следующую заметку: «Судьба слона Ямбо. Вчера вернулся из Одессы командированный Зоологическим садом для освидетельствования слона Ямбо ветеринарный врач А.А. Тоболкин. Слон держал себя с ним спокойно, но стоило только подойти хозяину, как Ямбо приходил в ярость. Г. Тоболкин считает сплошным недоразумением заключение, что слон — бешеный, опасен для окружающих. Он находит, что обстановка и санитарные условия, в которых находится слон, ужасны; жестокое обращение с ним и послужило причиной того состояния, в котором находится умное животное. Г. Тоболкин приходит к категорическому заключению, что Ямбо вполне нормален и его можно без труда перевезти в Москву, в Зоологический сад» (Русские ведомости. 1914. 18 мая. № 113. С. 6). Последнее не осуществилось, и история кончилась печально — см. запись Цветаевой от 13 июня 1914 г. на с. 79.

Стр. 74—75

«Вот что в моей записной книжке...» — Эта и последующие три записи перенесены сюда (с изменениями) из записной книжки 2, см. с. 134—135.

«С 1-го июня мы в Коктебеле...» — В заметке «Летний сезон» корреспондент газеты «Южный край» сообщал из Феодосии: «Излюбленным местом писателей, художников и артистов является Коктебелль <так!>, с его чарующим морем и лазурным берегом. Здесь на берегу моря живут заслуженная артистка Императорских театров г. Дейша-Сионицкая, артист петербургского Императорского балета г. Гончаров, поэтесса М. Цветаева, художник г. Богаевский, писательница А. Цветаева, председатель московских художественных выставок г. Кандауров, поэт М. Волошин...» (Южный край. 1914. 15 июня. № 12105. С. 9).

Стр. 76

Петр Яковлевич Эфрон (1883—1914) — старший брат С.Я. Эфрона, актер; был участником Московского вооруженного восстания и в 1907 г. скрывался за границу, вернулся в Россию летом 1913 г. Знакомство Цветаевой с ним произошло в августе 1913 г.

Игорь Северянин (наст. имя Лотарев Игорь Васильевич, 1887—1941), русский поэт. Цветаева перечисляет «поэзы», входящие в первую и са-

мую знаменитую книгу И. Северянина «Громокипящий кубок» (М., 1913). Своего отношения к поэту Цветаева не изменила и впоследствии, см. ее письмо к Северянину 1931 г. (СТ, 434-436). Северянин включил Цветаеву в число ста писателей и музыкантов, из которых он составил свою портретную галерею сонетов в сб. «Медальоны» (Белград, 1934), посвятив ей сонет «Блондинка с папиросою, в зеленом...»

Фореггер фон Грейфентурн Николай Михайлович, барон (1892–1939) – впоследствии режиссер и балетмейстер. О нем см.: Щербаков В. Театральные манифесты Николая Фореггера // Мнемозина: Документы и факты из истории русского театра XX в. М.: ГИТИС, 1996. С. 45-78.

Жена – Софья Фореггер (ок. 1895 – ?) – актриса.

Стр. 78

«В местной газете “Южный край” такая отметка...» – В указанной Цветаевой газете мы упоминания С.Я. Эфрона не нашли. «Южный край» выходил в Харькове; возможно, Цветаева имела в виду газету «Голос Феодосии», но проверить это нам не удалось.

Клавдий (10 г. до н.э. – 54 н.э.) – римский император, его главной чертой было полное отсутствие характера, поэтому он подпадал под влияние своих жен. Третьей женой Клавдия была Мессалина (ок. 25 – 48 г. н.э.), ставшая символом распущенного образа жизни, четвертой – Агриппина (16-59 г. н.э.), мать Нерона, которого Клавдий усыновил. Агриппина отравила Клавдия.

Стр. 80

Аделаида Казамировна Герцык (1874–1925) – поэтесса, переводчица, критик. Ее образу посвящены страницы очерка Цветаевой «Живое о живом» (1932).

«Пленительная госпожа». – А.К. Герцык цитирует ст-ние Цветаевой «Але», написанное в Коктебеле 5 июня 1914 г.:

Ты будешь невинной, тонкой,
Прелестной – и всем чужой.
Стремительной амазонкой,
Пленительной госпожей.

А.К. Герцык работала в это время над очерком «История одной дружбы», основанном на переписке Беттины Brentano и Каролины фон Гюндероде, и переводила оттуда обширные фрагменты писем (см.: Сев. зап., 1915, № 2).

«Как светлое в мире виденье...» — Такого стиха в сохранившихся стихах А.К. Герцык не обнаружено.

Мужем А.К. Герцык был издатель и переводчик Дмитрий Евгеньевич Жукowski (1868—1943).

Анна Рудольфовна Минцлова (ок. 1860—1910?) — деятельница теософского движения, переводчица; ее оккультная мифология имела определенное влияние на круг русских символистов, группировавшихся вокруг В.И. Иванова в Петербурге и издательства «Мусагет» в Москве. О ней см., напр., главу «Минцлова» в мемуарной трилогии А. Белого «Между двух революций» (М., 1990. С. 316–322), а также: Богомоллов Н. Anna-Rudolph // Богомоллов Н. Русская литература начала XX в. и оккультизм. М., 1999. С. 23–110.

Маргарита Васильевна Сабашникова (1882—1973) — художница; первая жена М.А. Волошина; антропософка, автор книги воспоминаний «Зеленая змея» (Die grüne Schlange. Stuttgart, 1954).

Черубина де Габриа — псевдоним Елизаветы Ивановны Дмитриевой (1887—1928, в замуж. Васильевой), героини так называемой «Истории Черубины» — литературной мистификации 1909 г., устроенной ею совместно с М.А. Волошиным в журнале «Аполлон». Опыт мифотворчества на время сделал из просто образованной женщины символистскую поэтессу, но после разрыва с Волошиным в 1910 г. Черубина перестала писать стихи. В последние годы жизни (в связи с гонениями на антропософов высланная в Туркестан) она вернулась к поэзии.

Стр. 82

Лукутинский портсигар. — В селе Данильцеве (близ Федоскина) под Москвой, на предприятии, основанном в конце XVIII в. купцом П.И. Коробовым и приобретенном в конце 1810-х гг. П.В. Лукутиным, производились так называемые «лукутинские табакерки» — из папемаше, покрытые черным лаком, с росписью на крышках. В «Пленном духе» Цветаева уподобляет Блока в устном рассказе Белого «иконописному ямщику с лукутинской табакерки».

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА 2

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 40.

Карманная записная книжка в кожаном футляре вишневого цвета с петелькой для карандаша (10,5×6,5). На шмуцтителе — дарственная надпись А.И. Цветаевой:

«Милой Марине от Аси. Осень 1913 г. Москва, Счастливый путь — в который раз!

Взамен проводов на вокзале, жалея об одиноко уезжающей на поезде, мысленно «бежа» рядом с вагонами и маша платком.»

На обороте форзаца — запись рукой Цветаевой: «88-92 Д.С. Усов (детский сборник)».

Заполнена (с пропусками пустых страниц) до конца. Архивная нумерация с л. 1 по л. 78. Записи с мая по октябрь 1914 г. следуют с начала записной книжки, записи с мая 1915 г. по март 1916 г. — с конца ее. Записи черными чернилами, простым и синим карандашом. Заполнялась в Феодосии, Коктебеле, Москве в 1914 г., в Москве, Коктебеле, Святых Горах, Москве в 1915—1916 гг. Записи на с. 95, 129, 131, 137, касающиеся С.Я. Парнок, впервые опубликованы в кн. С.В. Поляковой «[Не]закатные оны дни» (Анн Арбор: Ардис, 1983) Записи на с. 134—135 в более пространной редакции переписаны в Записную книжку I (см. с. 74—75 наст. изд.).

Стр. 86

Дарственная надпись. — В середине августа 1913 г. Цветаева приехала в Москву из Коктебеля, чтобы сдать в аренду дом в М. Екатерининском пер. 30 августа умер И.В. Цветаев. 6 сентября Цветаева выехала из Москвы в Ялту.

Усов Дмитрий Сергеевич (1896—1943) — поэт-переводчик, литературовед. Запись его телефона относится, по-видимому, к 1915—1916 гг., поскольку в 1914 г. Д.С. Усов окончил гимназию и впервые выступил в печати (нем. пер. ст-ния В. Брюсова «Кинжал» в Моск. немецкой газете», 1914, № 205), после чего начал сотрудничать в газете «Утро России», детском журнале «Проталинка» и др.

Стр. 87

«Записать отношение в Феодосии > к нашим костюмам». — Развернутый рассказ по этой записи см. на с. 58 наст. изд.

«Были мы — помни об этом...» — Полностью четверостишие — в дарственной надписи Цветаевой на ВФ:

Были мы — помни об этом
 В будущем — верно лихом! —
 Я — твоим первым поэтом,
 Ты — моим лучшим стихом.

М.Ц.

Але от Марины.

Москва, 4ая июля 1918 г.

(10 ч. вечера, ливень, розовый фартук) (РГАЛИ, ф. 1190, оп. 2, ед. хр. 57).

«Белый Ангел» — похоже на план пьесы; если это так, то это первый из дошедших до нас театральных замыслов Цветаевой.

Стр. 90

Л.А. — Лидия Александровна Тамбурер (урожд. Гаврина, 1870—1931), друг И.В. Цветаева, по-матерински опекавшая его младших дочерей, по профессии — зубной врач. Почему именно день 2 июня 1914 г. связывается с С.Я. Эфроном и Л.А. Тамбурер, нам не известно.

Стр. 93

«Модные груши танго». — 1913—1914 годы — пик популярности нового модного танца, считавшегося очень неприличным. В газетах печаталась реклама «Ликёра Танго» товарищества Ивана Смирнова с изображением танцующей пары на этикетке. А 6 февраля 1914 г. в Политехническом музее состоялся «Диспут о танго (искусство и сексуальность)» с демонстрацией диапозитивов. См. также записи Цветаевой на с. 151, 154, 162, 164.

Стр. 94

8 июля 1914 г. — Запись одной из последних встреч с П.Я. Эфроном. Цветаева навещала его в частной клинике, где 28 июля он умер от туберкулеза.

Стр. 95

«Прощай, Сонечка!» — Собеседница Али — София Яковлевна Парнок (1885—1933) — поэтесса, литературный критик, переводчица, героиня стихотворного цикла Цветаевой «Подруга» 1914—1915 гг. (СП, 65-76).

Фефа — Федор Федорович Волькенштейн (1908—1985), сын Наталии Васильевны Крандиевской от первого брака с присяжным поверенным Федором Акимовичем Волькенштейном (1874—1937), впоследствии физик.

Туся – Наталия Васильевна Крандиевская (1888–1963), поэтесса; жена А.Н. Толстого.

Стр. 98

Джэк – королевский пудель Цветаевой.

«...день С<ережи>ного отъезда...» – Речь идет об отъезде С.Я. Эфрона в санитарном поезде Земского союза, куда он поступил медбратом. Отъезд откладывался с середины марта. Подробнее о состоявшемся отъезде см.: *Семья, 481*.

Стр. 102

Стихи... – Цветаева последовательно перечисляет ст-ния А. Фета «Серенада» («Тихо вечер догорает...»), М. Лермонтова «Свиданье» («Уж за горой дремучею...») и А. Фета «Облаком волнистым...».

Стр. 109

Святые Горы – городок на берегу Северского Донца в Харьковской губернии, знаменитый своими меловыми горами и монастырем. Здесь Цветаева с дочерью и С.Я. Парнок гостила у знакомых последних дней.

Стр. 112

«*Бубны*» – кафе на берегу моря в Коктебеле, принадлежало греку А.Г. Синопли.

Стр. 113

(«*Я пою про очи...*» и т.д.) – Под песней «*про очи голубые*», возможно, подразумевается ст-ние В.И. Туманского «*Песня*» (нач. 1830-х гг.), ставшее популярным романсом («Любил я очи голубые, Теперь влюбился в черные...», муз. А.С. Даргомыжского); «*старый фрак*» – песня П. Беранже «*Фрак*» (часто печ. под загл. «Мой старый фрак», пер. Д.Т. Ленского); «*Стенька Разин*» – песня Д.Н. Садовникова «Из-за острова на стрежень...» (1883).

Стр. 114

«*Маруся отравилась*» – народная баллада 1910-х гг. из репертуара шарманщиков.

«С<ережа> не хочет ехать со мной на кладбище...» – Имеется в виду Ваганьковское кладбище в Москве, где похоронены родители Цветаевой и ее дед и бабка с материнской стороны. 30 августа – годовщина смерти И.В. Цветаева.

Стр. 118

«...день С<ережи>ного 22-хлетия и моего 23-хлетия». — Цветаева и Эфрон праздновали день рождения в один день, хотя он родился 29 сентября, а она — 26 по ст. ст.

Стр. 120

«*Töchteralbum*» — См. запись о приобретении этих книг на с. 51–52 наст. изд.

Картина Врубеля — вероятно, «Демон поверженный» (1902).

Стр. 121

Коля — Миронов Николай Николаевич (1893–1951) — знакомый сестер Цветаевых, близкий друг А.И. Цветаевой, служил в 15-м гренадерском тифлисском полку.

Борис — Борис Сергеевич Трухачев (1892–1919) — первый муж А.И. Цветаевой, отец ее сына Андрея.

Стр. 123

«...после моего приезда из Петербурга». — Цветаева ездила в Петербург по приглашению редакторов журнала «Северные записки» С.И. Чацкиной и Я.Л. Сакера. Этой поездке посвящен очерк «Нездешний вечер» (1936).

Стр. 125

Осип Эмильевич Мандельштам (1891–1938) — поэт; зима–весна 1916 г. — время его увлечения Цветаевой и в связи с этим — частых приездов в Москву.

Стр. 126

«*Вспомни, вспомни...*» — романс А. Вилинского из репертуара русской певицы Анастасии Дмитриевны Вяльцевой (1871–1913). См., например, сб. «Гори, гори, моя звезда: Старинные русские романсы». М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. С. 31.

Стр. 132

Бабаджан — вероятно, владелец магазина в Феодосии.

Стр. 140

Е.П. — вероятно, имеется в виду Елена Павловна Паскина (урожд. Теш, 1869–?), державшая в Коктебеле столовую для дачников.

Стр. 141–142

С.Я. Эфрон почти точно воспроизводит середину ст-ния Е.А. Баратынского «*Разуверение*» (1821), ставшее известным романсом (муз. М.И. Глинки).

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА 3

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 41.

Настольная записная книжка — тетрадь в линейку в буром коленкоровом переплете (22×18,5). На форзаце — дарственная надпись С.Я. Эфрона: «Милому другу Мариночке с нежностью С. 31 августа 1915 года Москва». Начата с другого конца. Архивная нумерация (постраничная) с л. 1 по л. 81. Заполнена с пропусками: основную часть составляют записи декабря 1916—декабря 1917 гг. (с. 1—54), на с. 63, 67, 71 — более поздние записи.

Заполнялась черными и красными чернилами, на многих записях более поздняя правка синими чернилами и лиловым (химическим) карандашом.

Около половины этих записей были опубликованы Цветаевой в составе следующих произведений: «О любви. (Из дневника). 1917». (Дни в Берлин. 1925. 25 декабря); «Октябрь в вагоне. (Записи тех дней)» (*ВР, 1927, № 11—12*); «Отрывки из книги “Земные приметы”» (*ВР, 1924, № 1—2*); короткий диалог с С.Я. Эфроном на с. 162 вошел в очерк «Герой труда» (*ВР, 1925, № 9—11*). Письма к К.Б. Родзевичу на с. 194—196 в авторской расшифровке см.: *СТ, 265—266*.

Стр. 145

17 марта по Святцам — Алексей Божий человек; по народному календарю: Алексей с гор потоки.

→ *Первая встреча весны* по народному календарю отмечалась 2 февраля ст. ст. в праздник Сретения («зима с весной встречаются»), *вторая* — 9 марта, в так называемые Сороки (Сорок мучеников), день весеннего равноденствия, *третья* — 25 марта, в праздник Благовещения.

Воспитательный дом — городская усадьба XVIII в. в Москве (Солянка, 12), предназначенная для призрения «в бедности рожденных младенцев». Воспитательный дом был рассчитан на 8 тысяч детей, главным образом подкидышей. Здесь также имелось родовспомогательное отделение с платными одноместными палатами. 13 апреля 1917 г. в Воспитательном доме родилась вторая дочь Цветаевой Ирина.

Стр. 146

→ *Оскар Уайльд* (1856—1900) — английский писатель, в 1895 г. стал жертвой судебного процесса (подробнее см. Серо О. Процесс Оскара Уайльда / Пер. с нем. А.Н. Осипова, СПб., 1909, где напечатаны протоколы всех заседаний), в результате которого был приговорен к двум годам тюрьмы.

Робби – по-видимому, Роберт Росс (1869–1918), английский литературный критик, друг и душеприказчик О. Уайльда.

«... *Некрасовым на смертном одре*». – Имеется в виду известная картина «Н.А. Некрасов периода “Последних песен”» (1877) И.Н. Крамского.

Савонарола (1452–1498) – итальянский монах, пламенный проповедник, резко бичевавший пороки современников, был объявлен еретиком, повешен и после смерти сожжен. Один из персонажей романа Д.С. Мережковского «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)», любимого Цветаевой.

Стр. 147

«... *Тамара...*» – героиня поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон» (1829–1839).

«*Умирает Сара Бернар...*» – Сара Бернар умерла в 1923 г.

Стр. 148

Тристан и Изольда – герои французского рыцарского романа (XII в.) о трагической любви рыцаря и королевы.

Маргарита Готье – героиня пьесы А. Дюма-сына «Дама с камелиями» (1852).

Стр. 149

Казанова Джакомо (1725–1798) – итальянский авантюрист, автор известных «Мемуаров». Герой романтических пьес Цветаевой «Приключение» (1918–1919) и «Феникс» (1919).

«... *Взгляд мой зорок...*» – Источник цитаты не установлен.

Стр. 150

«*Беттина, полюбившая в 45 лет...*» и т.д. – Имеется в виду молодой друг Б. фон Арним, которого она в издании своей переписки с ним называет Юлиус Памфилиус.

«*Всё о себе, всё о любви!*» – по-видимому, это не цитата чьего-то отдельного мнения о творчестве Ахматовой (такое нами не найдено), а воображаемое «общее мнение», необходимое Цветаевой для полемического отталкивания в выработку собственного суждения. Далее Цветаевой упоминаются ст-ния: «Он длится без конца – янтарный, тяжкий день!», «Ты знаешь, я томлюсь в неволе...», «Вижу выцветший флаг над таможенной...», «Под крышей промерзшей пустого жилья...», «В последний раз мы встретились тогда...», «Все мы бражники здесь, блудницы...» («Четки», 1914); «Смуглый отрок бродил по алле-

ям...» («Вечер», 1912). «...о неярких просторах рязанской губернии...». — Ошибка памяти Цветаевой, имеющей в виду, конечно, строки Ахматовой: «Но всё мне памятно до боли Тверская скудная земля...».

Брюсов Валерий Яковлевич (1873—1924) — поэт, прозаик, драматург, критик, переводчик, деятель русского символизма. Цветаева имеет в виду начавшее выходить в 1913—1914 гг. в Петербурге Полное собрание сочинений и переводов Брюсова (изд. прекратилось на 21-м томе; вышли тт. 1—4, 12—15, 21).

«Казанова, через тринадцать лет...» — Этот эпизод из «Мемуаров» Казановы лег в основу пьесы Цветаевой «Приключение» (1918—1919).

Стр. 151

Тассо Торквато (1544—1595) — итальянский поэт, автор героической поэмы «Освобожденный Иерусалим» (1580), религиозных поэм, сонетов, канцон, мадригалов.

Калиостро, граф, настоящ. имя Джузеппе Бальзамо (1743—1795) — итальянский алхимик, масон, авантюрист. Роман А. Дюма «Жозеф Бальзамо (Записки врача)» (1846) был с юности одной из любимых книг Цветаевой.

Локк Уильям Джон (1863—1930) — английский писатель, популярный в 1910—1920-е гг., в том числе и в России. Родился и учился в Вест-Индии, окончил математический факультет Кембриджа, несколько лет служил секретарем Королевского института британских архитекторов. Он автор более 20 романов, 9 пьес, тома рассказов. По-видимому, любовь широкой публики привлекало прежде всего содержание его романов, основные темы которых — дружба, рыцарство, жертвенность, главные герои — всегда дон-кихоты и альтруисты. Стиль писателя изыщен и ироничен, напоминает Л. Стерна и А. Франса.

«Полицмейстер одного южного провинциального города...» — О нем см. запись на стр. 64—65

Стр. 152

Шантеклэр (от фр. chantecler — петух) — заглавие пьесы Э. Ростана. Так назывались модные в 1910-х гг. женские шляпы, обильно украшенные петушиными и страусовыми перьями, которые вошли в моду под влиянием пьесы Ростана.

Стр. 168

Александр I (1777—1825) — с 1801 г. российский император, в данном случае — название романа Д. Мережковского (1911).

Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865–1941) – русский писатель, его романами Цветаева увлекалась в юности.

Штейнер Рудольф (1861–1925) – немецкий педагог и философ, основатель международного антропософского общества.

Стр. 153

Вандомская колонна – памятник в честь побед Наполеона на Вандомской площади Парижа.

«*Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу*» (Матф., 22:21).

Стр. 154

Лжедмитрий – Григорий Отрепьев (ум. 1606), беглый монах, самозванец, выдавал себя за погибшего в Угличе царевича Димитрия, младшего сына Ивана Грозного.

Платен Август фон (1796–1835) – немецкий поэт.

Стр. 155

Керенский Александр Федорович (1881–1970) – русский политический деятель, эсер, министр Временного правительства, с 30 августа 1917 г. – Верховный главнокомандующий. 21 мая 1917 г. Цветаева посвятила ему ст-ние «И кто-то, упав на карту...» (*ЛС*); личное знакомство Цветаевой и Керенского произошло в 1923 г. в Праге; в 1936 г., во время работы над «Поэмой о Царской Семье», Цветаева была на его докладах в Париже, посвященных обстоятельствам отправки царской семьи в Тобольск.

Стр. 156

Дина – двоюродная сестра М. Башкирцевой.

Пьетро Антонелли – итальянский дворянин, знакомый М. Башкирцевой.

Г-жа Бреслау – художница, соученица М. Башкирцевой по академии живописи Жулиана в Париже.

Стр. 157

Миф о Нарциссе. – Ср. позднейшее толкование Цветаевой этого мифа: «Миф о юноше, отчаявшемся когда-либо встретить еще такую красоту и обреченном на эту невозможную неизбежность: любить – себя, которого *нельзя* любить. Милый друг, я ведь сама, в оны дни, выла (о, не громко! в стихах и внутри) от того, что я – я, я, а не мой сосед. Как бы я себя любила – и человека и поэта, и всё *innombrable* и

innomtable*), что́ я есмь — если бы не была — я. Но *не* смогла (и Нарцисс не смог, хотя его дело было несравненно-проще) и всю жизнь напролет пролюбила — не тех, в моем мире (единственном мною ценимом) меньших, слабейших, *неравных, неровень*. (Есть другой мир, где я слабейшая, последняя из последних, но этот мир для меня сам — последний из последних: активизм, строительство — «жизни» и заводов, и т.д.)» (письмо к Ю. Иваску от 8 марта 1935 г.)

«*Б < ашкур > цева — настоящий дэнди*». — Интересно, что В.Н. Орлов отмечал в поэзии самой Цветаевой определенного периода («Плащ», «Дон-Жуан», «Комедьянт» и т.п.) «много словесного блеска и соли, пафоса и иронии и своеобразного женского дендизма» (ИП, 27).

Бодлер Шарль (1821–1867) — французский поэт. Ср.: «Шарль Бодлер принадлежал к тем истинным дэнди, которые стеклянной бумагой стирают со своих платьев праздничный блеск и кричащую новизну, столь милую филистерам, но шокирующую истинного джентльмена. <...> Ему был присущ тот особый культ самого себя, который характерен для человека, исполненного принципов Брюммеля.** <...> В своих совершенно метафизических разговорах Бодлер много говорил о своих идеях, очень мало — о своих чувствах, и никогда — о своих поступках. Что же касается любви, — он, как печать, положил на свои тонкие презрительные уста камею с изображением Гарпократа.» (Готье Т. Шарль Бодлер. Биография-характеристика / Пер. с фр. В.Израцова. СПб., <1910>).

Стр. 158

«*Ее пресловутый Митинг*». — Имеется в виду картина М. Башкирцевой «Meeting» (Люксембургский музей). В предисловии Франсуа Коппе к Каталогу картин М. Башкирцевой 1885 г. это ее произведение названо шедевром. Картина изображает группу уличных мальчишек, увлеченно что-то обсуждающих, сбившись в тесную кучку в укромном городском закоулке на фоне досчатого забора. «Повторяю — это истинный *chef d'œuvre*: физиономии, позы детей полны жизненной правды, уголок тоскливого пейзажа замечательно передает уныние, разлитое в этих затерянных кварталах» (Дневник Марии Башкирцевой. СПб.—М.: Изд. Т-ва М.О. Вольф, <1902>. С. XVII).

* неисчислимое и невыразимое (фр.).

** Джордж Брайан Браммел (1778–1840) — знаменитый дэнди эпохи Регентства, законодатель мод, которым восхищался Байрон.

Пинчио I и т.д. — собаки М. Башкирцевой.

Дневник Дьяконовой. — Литературное наследие рано погибшей Елизаветы Александровны Дьяконовой (1874—1902) было собрано ее братом в книгу: *Дневник Елизаветы Дьяконовой. 1886—1902 гг.* Литературные этюды. Стихотворения. Статьи. Письма. 4-е изд. М., 1912. В критике ее *Дневник* неизбежно стал противопоставляться *Дневнику* Марии Башкирцевой, ср., напр., мнение В.В. Розанова: «Прочитайте 2 тома интереснейшего «Дневника» г-жи Дьяконовой, бывшей слушательницы Высших Женских Курсов. Во-первых, до чего всё это русское, «Русью пахнет», если сравнить этот непритязательный «Дневник» с гениально-порочным «Дневником» полуфранцуженки Башкирцевой» (Новое время, 1914, 18 ноября). Цветаева же, вероятно, имеет в виду несовместимость мироощущений занятой «общественными вопросами» разночинной интеллигенции (Дьяконова) и аристократического эгоцентризма (Башкирцева).

Мопассан Ги де (1850—1893) — французский писатель. Его имя возникло здесь, видимо, в связи с книгой «Неизданный дневник Марии Башкирцевой и переписка с Гюи де Мопассаном» (Ялта, 1904). Об этой переписке см. также: Лану А. Мопассан. М., 1971. С. 168—178.

Стр. 159

«*Род Романовых зажат между двумя Григориями.*» — Романовы — династия российских царей с 1613 г. (Михаил Федорович) по 1917 г. (Николай II). С призванием на царство Михаила Федоровича окончилось Смутное время, переживаемое Россией после смерти Бориса Годунова и похода на Москву Лжедмитрия I (Григория Отрепьева) с поляками. *Распутин Григорий Ефимович* (1872—1916) — старец, политический авантюрист, фаворит последней царской семьи. Так же как *Григорий* Отрепьев, *Григорий* Распутин был убит заговорщиками.

Стр. 159

«*Новая книга словес Голубиных.*» — Заглавие напоминает о прототипе: русском духовном «Стихе о Голубиной книге». Происхождение книги — небесное: в «Стихе» она выпадает из тучи на гору Фавор. Позднее Цветаева намеревалась ввести образ Голубиной книги в свою поэму «Егорушка» (1921—1928): в планах к поэме 1923 г. герой должен был принести на землю хранящуюся в раю Голубиную книгу.

«*История Ахиллеса и черепахи.*» — Знаменитая апория Зенона Элейского (ок. 490—430 до н.э.), древнегреческого философа, основателя диалектики. Логический парадокс Зенона состоит в том, что быстроногий Ахиллес никогда не догонит медленную черепаху, ибо они никогда не

совпадут в одной точке: в то время, как Ахиллес достигает точки «старта» черепахи, она уже продвинулась на толику вперед, когда он преодолевает эту толику, она уже продвинулась еще на вершок и т.д.

Марат Жан Поль (1743–1793) – вождь якобинцев, издатель газеты «Друг народа», убит Ш.Корде.

Мюрат Иоахим (1767–1815) – сподвижник Наполеона I, участник всех наполеоновских войн.

Стр. 161

Сара Бернар играла в трагедии *Жана Расина* (1639–1699) «Федра» (1677).

«...мальчика Османа в Гурзуфе весной 1911 г.» – Подробный рассказ о нем содержится в наброске письма Цветаевой к А.Бахраху в июле 1923 г. (СТ., 182-183).

Стендаль (наст. имя Анри Мари Бейль, 1783–1842) – французский писатель. Скорее всего, определение Цветаевой относится к произведению Стендаля «О любви» (1822), в котором данные опыта путем психологического анализа он пытался свести почти к математической формуле.

Стр. 162

Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942) – русский поэт, переводчик. К нему обращены ст-ние «Бальмонту» («Пышно и бесстрастно вянут...»; 1919) и два очерка Цветаевой – приветствие «Бальмонту» (1925) и «Слово о Бальмонте» (1936).

Стр. 163

«*Возлюби ближнего твоего, как самого себя*» (Матф., 22:39).

«...и сотвори ему вечную память» – последние слова церковной молитвы об усопших.

«*Князь тьмы*» – цикл из четырех ст-ний 1917 г. (начат в мае, закончен в июле).

«*Veau ténébreux!* – *Вам грустно. – Вы больны.*» – Первая строка ст-ния января 1918 г., обращенного к Ю.А. Завадскому (вошло в сб. «Психея» в составе цикла «Плащ»).

Кузмин Михаил Алексеевич (1872–1936) – русский поэт, прозаик, критик, переводчик. Ему посвящено ст-ние Цветаевой 1921 г. «Два зари! – нет, зеркала! ...» и очерк «Нездешний вечер» (1936).

Стр. 164

«*После рондели... “Манон Леско”*»... – Ст-ние Кузмина наз. «Надпись на книге» (1909), вошло во вторую книгу его стихов «Осенние озе-

ра», написано в форме рондо. *Манон Леско* — героиня одноименного романа аббата Прево (1697–1763). Цветаева посвятила героям романа ст-ние «Кавалер де Гриз! Напрасно...» (31 декабря 1917).

Директория — название правительства Французской республики (состояло из пяти директоров) в 1795–1799 гг.

В скобках Цветаева перечисляет ст-ния И. Северянина из его сборников «Громокипящий кубок» (М., 1913 [1, 3-4]) и «Златолира» (М., 1914 [2]).

Стр. 165

«*Со дня Купальницы-Аграфены...*» — ст-ние Ахматовой 1913 г., вошло в «Четки».

Ваганьковское — кладбище в Москве.

Стр. 167

«*Свободная церковь*» — новая церковно-общественная и литературная газета, выходила в Петрограде с 15 марта 1917 г. еженедельно (редактор-издатель священник Михаил Галкин); последние два номера вышли в Москве 15 и 19 августа 1917 г.

Стр. 168

Иоанн — Богослов Иоанн, апостол, любимый ученик Христа.

«...*стихи о князе тьмы*». — См. примеч. к стр. 163.

Стр. 171

Никодим — Никодим Акимович Плущер-Сарна (1883–1945), друг Цветаевой, см. его письма к ней: *Семья*, 232, 241, 243.

Женский > Батальон Смерти — сформирован в Петрограде летом 1917 г. Добровольческий батальон численностью 1200 человек, имеющий части: конные разведчики, саперы, команда связи, пулеметный отряд, нестроевая часть — обоз. После грандиозной манифестации 21 июня 1917 г. на Исаакиевской площади, на которой батальону было вручено знамя, 23 июня выступил на фронт. Боевое крещение батальона произошло в боях 8–10 июля у Сморгони на Западном фронте. По донесениям военных, женщины-воины сражались не наравне с солдатами, а много выше их. (Материал о Женском батальоне смерти с фотографиями см.: Н и в а. 1917. № 26, 30, 32).

Стр. 173

Заключительные строки ст-ния Ахматовой «Под крышей промерзшей пустого жилья...» (1915).

Стр. 174

«Этим летом — униженье нашей воли...» — Это стихотворение Бальмонта нами не найдено.

Стр. 175

Кропоткин Петр Алексеевич, князь (1842–1921) — революционер, теоретик анархизма. С 1876 г. жил в эмиграции. В 1917 г. вернулся в Россию, где его приветствовали как «старейшего из мучеников русской революции» (Нива. 1917. № 28).

Московское совещание. — Имеется в виду Государственное совещание, созванное Временным правительством и бывшее в Москве в Большом театре 12–15 августа 1917 г.

Плеханов Георгий Валентинович (1856–1918) — один из руководителей «Земли и воли» и «Черного передела», философ, деятель международного социал-демократического движения. С 1880 г. жил в эмиграции. Вернулся в Россию в 1917 г., поддержал Временное правительство.

«Безумье — и благоразумье...» — первая строка стихотворения, написанного 3 января 1915 г., входящего в ЮС.

«...Еще 16 л. обо мне ... сказал: «Архив в хаосе». — В наброске письма Цветаевой к А. Бахраху в июле 1923 г. она называет автором этого определения Элліса (СТ, 194).

«...в одной французской > книге — очевидно женской (автора *Amitié amoureuse*)...» — Чрезвычайная популярность этого романа (к 1904 г. он выдержал 48 изданий!), изданного анонимно, позволило анонсировать следующие книги именно так: «par l'auteur de «*Amitié amoureuse*» («автора «Любовной дружбы»»). Все эти романы, также издаваемые огромными тиражами, принадлежали перу Елены Леконт дю Нуи (*Hélène Lecomte du Nouy*). Источник цитаты не установлен.

Стр. 177

«Есть две ревности. ... (Бальмонт)». — Ср. в рассказе Бальмонта «Ревность» (1908): «Я, знаете ли, ревность ненавижу и презираю. ... Я, впрочем, презираю лишь одну ревность — выявленную, а их всегда две бывает, тайная и явная. Тайная еще злее. Одна вовне ранит, другая внутрь. Одна другого ударяет и бросает в него грязью, комками грязи и крови, а другая собственное сердце жалит, точит, грызет, в слова не уходит, в речи не находит облегчения, и так до смерти может извести. Известное дело — тихое помешательство всегда опаснее буйного» (Бальмонт К. Где мой дом. М.: Республика, 1992. С. 121).

Стр. 178

«*Первая дорога в Феодосию, в вагоне*». — В октябре-ноябре 1917 г. Цветаева дважды ездила из Москвы в Феодосию (и обратно), намереваясь устроиться там на зиму с детьми. Обратный путь первой поездки описан в очерке «Октябрь в вагоне», куда вошли многие дальнейшие записи этой записной книжки.

Стр. 179

Антокольский Павел Григорьевич (1896—1978) — поэт, в 1917—1918 гг. близкий знакомый Цветаевой, студент Московского университета, студиец Вахтанговской студии, упоминается в «Повести о Сонечке» (1937).

Стр. 180

Г<оль>цев Сергей Иванович (1896—1918) — студент Московского коммерческого института, студиец Вахтанговской студии, товарищ С.Я. Эфрона по 1-й Петергофской школе прапорщиков и его однополчанин в Добровольческой армии. Погиб в бою под Екатеринода-ром 13 апреля 1918 г. во время 1-го Кубанского (Ледяного) похода.

Стр. 181

Икона Иверской Божией Матери — наиболее чтимая московская святыня, находилась в часовне у Воскресенских ворот Красной площади, в настоящее время — в храме Воскресения в Сокольниках.

Стр. 182

Брешко-Брешковская Екатерина Константиновна (1844—1934) — одна из лидеров партии эсеров, за свой почтенный стаж участия в освободительной борьбе получила прозвище «бабушка русской революции». С 1919 г. в эмиграции. В 1925 г. в связи с рождением у Цветаевой сына передала ей в подарок вещевую посылку (см. СТ, 363).

Стр. 183

Викжель — Всероссийский исполком железнодорожного профсоюза (1917—1918).

Стр. 184

Молитва Али записана также в Записную книжку 4 (см. с. 245).

Люба — няня дочерей Цветаевой.

«*Меня сон накормил!*» и следующая запись см. также в Записной книжке 4 (с. 245).

«*Русские ведомости*» — политическая и литературная газета, выходившая в Москве в 1863—1918 гг.

«Пушки с пристани палат...» — из сказки Пушкина «Сказка о царе Салтане» (1831).

Стр. 185

«Крапоткин пешком...» и т.д. — повтор записи на с. 175.

Стр. 191

Брут Марк Юний (85–42 до н.э.) — глава заговора против Цезаря, по преданию, одним из первых нанес ему удар кинжалом.

Цезарь Гай Юлий (100–44 до н.э.) — римский полководец, диктатор, убит в результате заговора республиканцев.

Нерон (37–68) — римский император, одаренный артистическим и поэтическим талантом, воспитанник Сенеки, жестоко расправившийся со своей матерью (Агриппиной), женой (Октавией) и многими приближенными.

Герострат — грек из Эфеса, сжег в 356 г. до н.э. храм Артемиды (одно из чудес света), чтобы оставить в веках свое имя.

Урия Хип — один из персонажей романа Чарльза Диккенса «Жизнь Дэвида Копперфилда, рассказанная им самим» (1850).

Стр. 192

Кронпринц — Kronprinz (нем.) — наследный принц; речь идет, вероятно, о сыне Вильгельма II (1859–1941), германского императора (1888–1918).

Тиргартен — Tiergarten (нем.) — зоологический сад.

Королева Виктория (1819–1901) — королева Великобритании с 1837 г.

Стр. 193

«*Man soll das Leben...*» — Источник цитаты не установлен.

Висла — река в Польше.

«...рука, как икона Нечаянной Радости». — Сравнение основано на обычае жертвовать чтимой иконе по обету кольца, серьги, цепочки и т.п.; в окладах наиболее почитаемых чудотворных икон можно видеть грозди сережек и снизки колец. Руки Цветаевой, как известно по фотографиям и воспоминаниям современников, были унижены кольцами и браслетами.

Стр. 194–196

Сокращенные конспекты двух писем *осени 1923 г.*, обращенных к Константину Болеславовичу Родзевичу (1895–1988), были переписаны Цветаевой (в восполненном и отредактированном виде) в Сводную тетрадь 2 (см. СТ, 265–266).

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА 4

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 42.

Настольная записная книжка — блокнот в светло-коричневой картонной обложке (21 × 17), в клетку. На обложке рукой С.Я. Эфрона (?) надпись карандашом: — «Июнь — 1917 г.». Записи черными чернилами, фиолетовым (химическим) и простым карандашом. Заполнен приблизительно на две трети. Архивная нумерация л. 1 — л. 27. Период записей: июнь 1917 — январь 1918.

Эта записная книжка почти целиком посвящена записям стихов и рассказов пятилетней Али. Заполнялась одновременно с записной книжкой 3. Одна запись (стр. 203) вошла в подборку «О любви», еще одна (стр. 245) — в очерк «Октябрь в вагоне».

Стр. 199

Памятник Александру III (1845—1894) скульптора А.М. Опекушина на площади храма Христа Спасителя.

Стр. 200

Письмо С.Я. Эфрону, который с марта по июль 1917 г. проходил военное обучение в 1-й Петергофской школе прапорщиков.

Стр. 204

«Дикарка» — художественный фильм по пьесе А.Н. Островского и Н.Я. Соловьева (1915). Реж. и сцен. В.Р. Гардин. В ролях: В. Градов (Ашметьев), Т. Покровская (Мария Петровна), А. Коонен (Варя), Н. Панов (ее отец), Н. Маликов (Вершинский), Б. Орлицкий (Мальков), И. Троянов (Боев).

Стр. 209

«...(Песня - Гусары-усачи)...». — Скорее всего, имеется в виду известная в свое время песня В.Сабинина:

Оружьем на солнце сверкая,
Под звуки лихих трубачей,
По улице пыль подымая,
Проходил полк гусар-усачей.

(Песенник: Старинные русские романсы. СПб.: Композитор, 1992).

Т.И. — Татьяна Исааковна Плущер-Сарна (1887—1972), жена Н.А. Плущер-Сарна.

Стр. 210

(Н.А.Б.) – вероятно, Николай Александрович Бердяев (1874–1948) – философ, публицист. В 1915 г. познакомился с сестрами Цветаевыми в доме Герцык. В письме, написанном за несколько дней до этой записи, Цветаева отмечает среди прочих встреч и встречи с Бердяевым: «Пишу стихи, вижу с... Бердяевым» (Семья, 244).

«Безумная проза» А.И. Цветаевой – ее книги «Королевские размышления» (1915) и «Дым, дым и дым» (1916) – включены в АИЦ. Проповедью «свободной любви» сочли вторую книгу, посвященную «моей сестре Марине Цветаевой». Сама А.И. Цветаева через пятьдесят лет с сожалением признавала, что неудачный выбор слов предопределил «плохую славу мне и моей книге». Приведем и сочувственный отзыв современницы (в частном письме): «Вчера Ася Цветаева читала часть своей новой книги, талантливо, искренне и претенциозно одновременно. И бесстыдно – такое есть специально женское бесстыдство души. Ася умна, жива, оглушительна и весьма самоутверждающа. В общем она мне чем-то нравится» (М.М. Нахман – Е.Я. Эфрон, 16 июня 1916 г. – РГАЛИ, ф. 2962, оп. 1, ед. хр. 91).

«Будьте, как дети» – «...если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Матф., 18:3).

Стр. 214

Маврикий Александрович Минц (1886–1917) – второй муж А.И. Цветаевой, умер в июне 1917 г. от гнойного аппендицита.

Стр. 226

«Александровский мальчик» – по имени г. Александрова Владимирской губернии, где жила А.И. Цветаева с сыном и вторым мужем, и где летом 1916 г. Цветаева с дочерью гостили у нее.

Стр. 237

«...у М<арины> есть старуха. В ней гвозди. (Нюрнбергская *Eiserne Jungfrau*)» – Железная дева – орудие смертной казни эпохи инквизиции, представляло собой железный шкаф в виде женщины, внутри которой торчали гвозди. Вероятно, у Цветаевой была такая шкатулка-сувенир.

Кира Николаевна Зимовнова-Лаврова – молодая девушка, приехавшая летом 1917 г. на лечение в Кисловодск и пережившая там короткий и бурный роман с К.Д. Бальмонтом, закончившийся для нее печально. Вот как рассказывает об этом Е.А. Бальмонт: «Бальмонт влюбляется, не отходит от нее. Она окружена поклонниками. По-видимому, она большая кокетка. Бальмонт ревнует ее, что так ему несвойствен-

но. <...> На одном пикнике в замке «Коварство и любовь» между ними происходит объяснение, после которого Кира бросается с обрыва в пропасть. Она чудом остается жива <...> у нее пробита голова, сломана нога. Бальмонт везет ее в экипаже в Кисловодск, вызывает доктора, устраивает в больницу. Перелом сложный, есть опасность, что нога не срастется. Бальмонт всё свое время, свободное от выступлений, проводит около нее». (Андреева-Бальмонт Е.А. Воспоминания. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. С. 408).

Стр. 238

«*Про дом, где жил Пушкин*». — Имеется в виду дом № 53 на Арбате, в котором Пушкин некоторое время жил после женитьбы.

Стр. 239

Алеша. — Ко времени записи — уже покойный второй сын А.И. Цветаевой (и М.А. Минца); родился 25 июня 1916 г. в Москве, умер 18 июля 1917 г. в Коктебеле от дизентерии.

Стр. 240

...«*в Нечаянной Радости*». — Согласно обычаю, Цветаева именует церковь по находящейся в ней чтимой иконе (ср. Скорбященская церковь в Москве, Федоровская в Петербурге и т.п.). Икона Божией Матери «Нечаянная Радость» находилась в церкви Благовещенья на Житном дворе в Тайницком саду Московского Кремля. Ср. «К Нечаянной Радости в саду / Я гостя чужеземного сведу» (Стихи о Москве — 2, СП, 100).

Стр. 245

Поперек листа — начало второй стр. письма, адресованного, видимо, Н.А. Плущер-Сарна.

Молитва Али переписана также в Записную книжку 3 (с. 184 наст. изд.) и включена в очерк «Октябрь в вагоне».

«*Меня сон накормил!*» и след. три строчки также переписаны в Записную книжку 3 (с. 184 наст. изд.)

Стр. 248

(Ю.З.) — Юрий Александрович Завадский (1894–1977) — актер, режиссер; в то время студент Вахтанговской студии, вдохновивший Цветаеву на создание цикла романтических пьес 1918–1919 гг. («Метель», «Фортуна», «Каменный Ангел»), стихотворного цикла «Комедьянт» (1918–1919); один из героев «Повести о Сонечке» (1937).

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА 5

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 43.

Настольная записная книжка в твердом картонном переплете, оклеенном «мраморной» бумагой (темно-синий фон с бело-красно-голубыми прожилками), в клетку (17,5×11). С дарственной надписью П.Г. Антокольского: «Марине Цветаевой в день Свержения Императорской Власти в России 1919 март. Павел Антокольский.»

Заполнена до конца, архивная нумерация л. 1 – л. 49, период записей: июнь 1918 – апрель 1919 гг. Все записи красными чернилами, некоторые с позднейшей правкой простым карандашом и синими чернилами.

Произвольная подборка записей из этой записной книжки была впервые опубл. в *WSA*, 229–252.

Большая часть записей этой книжки была в переработанном виде включена Цветаевой в состав следующих произведений: «О любви», «Вольный проезд» (*СЗ*, 1924, кн. 21), «Мои службы» (*СЗ*, 1925, кн. 26), «Из дневника. Грабеж» (*ПН*, 1925, 25 декабря), «Смерть Стаховича. Из дневника» (*ПН*, 1926, 21 января), «Отрывки из книги “Земные приметы”» (*ВР*, 1924, № 1–2).

Стр. 251

«(Адм<ирал>Щастный)». – В расширенной редакции запись вошла в «О любви». Щастный Алексей Михайлович (1883–1918) – бывш. царский контр-адмирал, в апреле-мае 1918 г. – начальник морских сил Красного Балтийского флота. 21 июня 1918 г. был приговорен Ревтрибуналом при ВЦИК к расстрелу по обвинению в государственной измене. Это был первый смертный приговор Советской республики.

«...как лев от любви задохся». – «Лев и собачка. (Быль)». Рассказ вошел во «Вторую русскую книгу для чтения» Л.Н. Толстого (Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. В 90 т. (Юбилейное изд.). М.–Л., 1928–1958. Т. 21. С.165–166).

Стр. 252

«Сердце Анне» Бромлей. – Эта повесть писательницы и актрисы МХТ Надежды Николаевны Бромлей (1884–1966) была впервые опубл. в «Сев. зап.». 1915, № 2–3, т.е. в период сотрудничества Цветаевой в журнале (1915–1917).

«Тем, кто танцует Шопена – или это оправдывает» и далее. – Айседора Дункан (1878–1927) – американская танцовщица, выступа-

ла в 1904, 1905, 1907–1908 гг. в Петербурге и Москве с сольными танцевальными программами, в том числе и на музыку Шопена. Под влиянием искусства Дункан в России в 1911 г. возникла школа пластического танца Елены (Эли) Ивановны Книппер-Рабенек (урожд. Бартельс, 1875–?), ученицы которой публично выступали с хореографическими композициями. Девушки были в прозрачных хитонах и без обуви, поэтому их называли «босоножками». Поклонником нового искусства был, например, М.А. Волошин, посвятивший ему ряд статей: «Айседора Дункан», «О смысле танца» (Волошин М. Лики творчества. Л.: Наука, 1988. С. 392–404).

Стр. 253

«Милый друг, Вы говорите...» и т.д. — Здесь и далее фрагменты писем с подобным обращением, или обозначенные заголовком «Из письма», «Письмо» не привязываются нами к определенному адресату. Не имея достаточных данных, во избежание ошибок, мы отказались от попыток обозначить адресатов даже предположительно.

Стр. 255

«Аля принесла цветы Лиле...» и дальнейшие «деревенские» записи до 3 августа относятся к наездам Цветаевой в деревню Быково под Москвой, где летом 1918 г. жила Е.Я. Эфрон, взявшая на свое попечение младшую дочь Цветаевой Ирину (см. *Семья*, 273–274).

Стр. 256

Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918) — генерал русской армии; в 1917 г. (июль–август) ее главнокомандующий; в конце августа–сентябре 1917 г. возглавил вооруженный мятеж; в ноябре–декабре 1917 г. один из создателей Добровольческой армии, погиб во время первого ее похода. Цветаева посвятила ему стихотворение «Корнилов (...Сын казака, казак...)» (4 декабря 1917 г., вошло в *ЛС*).

Таруса — городок на Оке в Калужской губернии, где И.В. Цветаев арендовал дом для летнего отдыха семьи. *Хлыстовки* — см. одноименный рассказ Цветаевой 1934 г. *Хлысты* — русская мистическая секта, возлюбленная русскими символистами (см.: Эткин А. Хлыст: Секты, литература и революция. М., 1998).

Стр. 257

«Кошка на моей груди делает верблюда.» — Ср.: «...а откуда-то вылезшая черная кошка или делала верблюда при виде спящих гостей, или ловила луч солнца сквозь ставни...» (Кузмин М. Плавающие путешествующие. Роман. Пг. [1915]).

Стр. 259

Костюшко Тадеуш (1746–1817) — руководитель Польского восстания 1794 г. Был ранен в бою и взят в плен царскими войсками. В 1796 г. освобожден из Петропавловской крепости. Умер в Швейцарии, прах перевезен в Краков.

Мирбах Вильгельм, граф (1871–1918) — германский дипломат. С апреля 1918 г. посол в Москве. 6 июля 1918 г. был убит левым эсером Я. Блюмкиным, в результате чего в Москве произошел левоэсеровский мятеж (6–7 июля), целью которого был срыв Брестского мира.

Стр. 260

«*J'ai vu Constantinople étant petite fille*» и т.д. — первая строка стихотворения А. де Ноай «Constantinople» из книги «Les éblouissements» (Ослепительности. Paris: Calmann-Lévy, 1907).

Приведем две первые строфы этого стихотворения, чтобы еще раз обратить внимание, насколько образы поэзии А. де Ноай «вошли в состав» поэтической личности Цветаевой.

J'ai vu Constantinople étant petite fille,
Je m'en souviens un peu.
Je me souviens d'un vase où la myrthe grésille,
Et d'un minaret bleu.

Je me souviens d'un soir aux Eaux-Douces d'Asie,
Soir si traînant, si mou,
Que déjà, comme un chaud serpent, la Poésie
S'enroulait à mon cou.

(Я видела Константинополь, будучи маленькой девочкой,
Я о нем помню немногое.
Я помню чашу, где курилась благовонная смола,
И голубой минарет.

Я помню вечер влажно-нежной Азии,
Столь неспешный, столь мягкий,
Когда, Поэзия, как горячая змея,
Обвила мне горло).

Стр. 275

Гр<афиня> Капнист — Возможно, из семьи потомков поэта Василия Васильевича Капниста (1758–1823), живших в Крыму; граф Капнист — герой одного из «Подвальных очерков» А.К. Герцык.

Степун Федор Августович (1884–1965) – философ, литератор, публицист. Автор книги «Письма прапорщика-артиллериста» (*Сев. зап.*, 1916, № 7–9), романа «Николай Переслегин» (*СЗ*, 1923–1925), воспоминаний «Бывшее и несбывшееся» (Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. М.: Прогресс-Литера; СПб.: Алетейя, 1995), где несколько страниц посвящены Цветаевой, которую автор знал с ее юных лет. Ф.А. Степун – автор предисловия к первому изданию прозы Цветаевой (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953).

Стр. 262

Александр Македонский (356–323 до н.э.) – великий полководец и государственный деятель древнего мира, царь Македонии. Суть легенды о гордиевом узле в следующем: предсказание оракула гласило, что тот, кто развяжет хитро запутанный узел фригийского царя Гордия, получит господство над миром; Александр не стал развязывать гордиев узел, а разрубил его мечом.

Стр. 263

Саламандра – легендарное существо: маленький дракон, живущий в огне.

Ундина. – По всей вероятности, имеется в виду стихотворное переложение Василия Андреевича Жуковского (1783–1852) романтической повести немецкого писателя Фридриха де ла Мотт Фуке (1777–1843) «Ундина» (1811).

Стр. 264

Цветаевские определения *Людвика XVI* и *Николая II* основаны на свидетельствах современников. Среди увлечений французского короля чаще всего упоминаются охота и слесарное искусство. Николай II, как известно, любил физический труд на свежем воздухе. Так, находясь в заключении в Александровском дворце Царского Села, весной 1917 г. он с детьми разбил в парке огород; позже, в ссылке в Тобольске, он с дочерьми пилил дрова.

Стр. 265

Надя – няня дочерей Цветаевой.

Стр. 267

Чистяков Михаил Борисович (1809–1885) – беллетрист. «Весна. Новые повести и рассказы преимущественно из русского быта М. Чистякова» (СПб.–М.: Изд. Т-ва М.О. Вольфа, 1870; 2-е изд. 1879). Аля декламирует диалог из рассказа «Спасите, спасите!».

Стр. 269

Писем П. Г. Антокольского в архиве Цветаевой не сохранилось.

Молитва Али. «Андрей». — Вероятно, имеется в виду Андрей Иванович Цветаев (1890–1933) — единокровный брат Цветаевой, музейный эксперт. *«Бальмонта и всех его жен»*. — Первой женой К. Д. Бальмонта и матерью его сына Николая была Лариса Михайловна Гарелина (1864–1942), второй женой и матерью его дочери Нины — Екатерина Алексеевна Бальмонт (урожд. Андреева, 1867–1950), третьей женой и матерью его дочери Мирры — Елена Константиновна Цветковская (1880–1943).

Стр. 270

Брянский вокзал — ныне Киевский вокзал в Москве.

Ослиная Кожа — сказка Ш. Перро (в современных переводах — «Ослиная шкура»).

Стр. 271

«За царем — цари...» и т. д. — Мы едва ли ошибаемся, видя в этой записи завязку ст-ния «Роландов рог» (1921–1932), ср.:

За князем — род, за серафимом — сонм,

За каждым — тысячи таких, как он.

Чичкин Александр Васильевич — владлец молочных магазинов в Москве. Молочные Чичкина (в отличие от его конкурента Бландова) были отделаны кафелем с голубыми каемками (у Бландова — с алыми).

«...Смоленскими...» — Смоленский рынок в Москве находился в районе Кудринской площади. У Вл. Ходасевича было ст-ние 1916 г. «Смоленский рынок», сохранилась его пометка к нему: «С этих стихов началось у нас что-то вроде дружбы с Мариной Цветаевой. Она их везде и непрестанно повторяла» (Ходасевич Вл. Стихотворения. М.—Л.: Сов. писатель, 1989. (Б-ка поэта. Больш. серия). С. 378).

Стр. 272

Леонид К. — Имеется в виду петербургский поэт Леонид Иоакимович Каннегисер (1896–1918). Цветаева познакомилась с ним в январе 1916 г. в доме его отца Иоакима Самуиловича Каннегисера (1860–1930) — см. «Нездешний вечер» (1936). 30 августа 1918 г. Л. Каннегисер застрелил председателя Петроградской ЧК М. С. Урицкого. Запись Цветаевой вызвана, по всей вероятности, этим событием.

«Пречистенка, Институт Кавалерственной Дамы Чертовой». — Цветаева называет дом № 19 (построенный М. Ф. Казаковым), в кото-

ром в 1880-х гг. было открыто Александро-Мариинское учебное заведение для девиц, основанное генеральшей Чертовой. Москвичи тут же прозвали его «Чёртовым училищем», а его воспитанниц — «чертовками». *Кавалерственная дама* — т.е. награжденная орденом Святой Екатерины, придворный чин.

Поездка Цветаевой в Тамбовскую губернию, которой посвящены дальнейшие записи, описана в очерке «Вольный проезд» (1924).

Стр. 273

«Великого Совета Ангел». — Так называлась часовня Спасителя, стоявшая на Красной площади по правую сторону Спасских ворот Кремля (построена в 1802 г., снесена в 1925 г.)

М<алинов>ский Александр Николаевич — художник, знакомый М.А. Минца.

Стр. 274

Мизгирь — по Далю: паук; мозгляк.

«...библейское слово о добывании хлеба насущного...» — Бытие. 3:19.

«...темного меду — крупный — колесами — янтарь». — Такие бусы из необработанного янтара носили только крестьянки.

Стр. 275

дядя Федя — Федор Владимирович Цветаев (1849—1901), преподаватель русской словесности прогимназии в Шуе и реального училища в Орле, инспектор 2-й московской женской гимназии.

Стр. 277

«Орден Льва и Солнца — лист кленовый!» — последняя строка стиха «Поступью сановнически-гордой» (25 сентября 1918, вошло в ЛС).

Стр. 281

«От одной спички...» и т.д. — почти несомненный парафраз поговорки «От одной свечки вся Москва сгорела».

Стр. 283

Памятник Гейне. — Летом 1918 г. был принят так называемый «план монументальной пропаганды» — поставить на бульварах и улицах Москвы памятники «лицам, выдающимся в области революционной и общественной деятельности, в области философии, литературы, наук и искусства» из временных материалов — дерева, гипса, цемента. Через 3—4 месяца появились памятники Г.В. Плеханову, А.В. Кольцову,

М.И. Глинке, Огюсту Бланки, А.Н. Скрябину, М.А. Бакунину, К. Марксу, А.Н. Радищеву, А.И. Герцену и Н.П. Огареву, Робеспьеру и др.

Высказывания Г. Гейне «*о республике и республиканцах*» содержатся, действительно, в *разных его сочинениях*, напр. в книге «Французские дела» (1832), «Лютеция» (1840–1847), памфлете «Людвиг Берне» (1840) и др.

Стр. 284–286 и далее

Ноябрьские записи 1918 г. в переработанном виде вошли в очерк «Мои службы».

Стр. 285

«...прощаюсь с *Ириной*». — В связи с устройством на службу Цветаева отвезла девочку к сестрам мужа (см. *Семья*, 511–512).

Стеклов (наст. фам. Нахамкис) Юрий Михайлович (1873–1941) — советский партийный и государственный деятель, публицист, в 1918 г. — редактор газ. «Известия ВЦИК».

Керженцев (наст. фам. Лебедев) Платон Михайлович (1881–1940) — советский партийный и государственный деятель, журналист, в 1918 г. зам. редактора «Известий ВЦИК».

Стр. 286

Опечатка. — Цветаева цитирует заметку «Меньшевики против вмешательства в дела России»: «Если бы иностранные правительства оставили в покое русский народ и трудящиеся массы<, > мы давно нашли средства и силы, чтобы вывести страну из анархии и развала» (*Вестник бедноты*. 1918. 27 ноября. № 32. С. 2).

Стр. 287

«*По поводу «Студийного ребенка*». — Речь идет о Вахтанговской студии (III Студии МХТ).

Борис Ильич Вершилов (1893–1957) — режиссер.

Стр. 288

Вахтангов Евгений Багратионович (1883–1922) — актер и режиссер, основатель и руководитель Студенческой Студии, впоследствии ставшей Театром им. Е.Б. Вахтангова. Какие стихи Цветаева посылала Вахтангову, нам неизвестно.

Стр. 290

«*Встреча на Поварской с племянницей Дж <унков>ского*». — Эпизод подробно описан в «Моих службах», без указания родственной свя-

зи. На самом деле это была сестра — Евдокия Федоровна Джунковская, бывш. придворная дама. *Джунковский* Владимир Федорович (1865 — не ранее 1938) — генерал-майор, в 1905—1908 — вице-губернатор, по 1913 г. губернатор Москвы, в 1913—1915 гг. — товарищ министра внутренних дел, затем в действующей армии. М.В. Сабашникова описала его судебный процесс в 1918 г. (*Зеленая змея*, 290—291). После освобождения жил частными уроками иностранных языков. См.: Джунковский В.Ф. Воспоминания. В 2 т. М.: Изд. им. Сабашниковых, 1998.

Стр. 291

Ц.И.К. — Центральный исполнительный комитет. *Ицек* — еврейское имя.

Стр. 293

Т-во *С. Сиу* и *К°* — французская кондитерская фирма, имевшая магазины и кафе в различных районах Москвы: на Тверской, Кузнецком мосту, Арбате, Мясницкой, Ильинке и др.

Стр. 294

«*мэтерлинковских* — *Св. Цецилий* — вроде жены *В. Иванова*». — По-видимому, Цветаева имеет в виду героинь популярных в России в начале века пьес бельгийского драматурга Мориса *Метерлинка* (1862—1949) «Сестра Беатриса» (1900) и «Монна Ванна» (1902). *Святая Цецилия*, вероятно, припоминается здесь Цветаевой по ее известному живописному изображению Рафаэля. Это — святая католической церкви, жившая в Риме в первой половине III в. и претерпевшая мученическую смерть. *Св. Цецилия* считается покровительницей духовной музыки. *Иванов Вячеслав Иванович* (1866—1949) — поэт, переводчик, теоретик символизма, после смерти своей второй жены писательницы Л.Д. Зиновьевой-Аннибал женился на ее дочери от первого брака и своей падчерице Вере Константиновне Шварсалон (1890—1920), о которой и говорит Цветаева в этой записи.

Анна Николаевна (Нюша) Иванова (1877—1939) — двоюродная племянница второй жены Бальмонта Е.А. Андреевой-Бальмонт; всегда жила в семье Бальмонта.

Т<атьяна> Алексеевна Полиевктова (урожд. Орешникова, 1875—1961) — многолетний друг семьи Бальмонта.

Мирра Константиновна Бальмонт (1907—1970) — дочь Бальмонта и Е.К. Цветковской.

Стр. 296

«О ты, единственное блюдо...» — Ст-ние называется «Гимн вобле».
Приводим его полный текст.

О, ты, единственное блюдо,
Что всей столице надо есть,
Неприхотливому верблюду —
И то могло бы надоеть!..
А между тем в столовых наших
Бессменно ты одна царишь,
Ты вместо мяса, вместо каши
И вместо шей в котле кипишь;
Тебя одну по скудным «нормам»
Нам и по карточкам дают,
Тобой и деток наших кормим —
Снабжаем школу и приют..
К тебе, по милости «компрода»,
Все прод-надежды сведены,
Всё, что обещано народу
По окончании войны
С германским империализмом,
Что «лишь один нам преграждал
Великий путь к социализму
И прод-разруху насаждал»...
.....
Но вряд ли встретит подражанье
Среди соседей «опыт» наш —
И коммунальное питанье,
И продовольственный шабаш,
И социальные причуды
На фоне внутренней войны,
И ты, единственное блюдо
Коммунистической страны...

(Всегда вперед. 1919. 21 февраля. № 12. С. 1. Подпись — Эльен).

Стахович Алексей Александрович (1856—1919) — пайщик, член правления, артист и педагог МХТ с 1907 по 1919 г. Окончил Пажеский корпус, выпущен в лейб-гвардии конный полк. Был флигель-адъютантом московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. Увлёкся Художественным театром и вышел в отставку. В театре играл Дон-Карлоса в «Каменном госте», Степана Трофимовича Верховенского в «Николае Ставрогине», Репетилова в «Горе от ума». В 1916 г. принял непосредственное участие в организации II Студии

МХТ. 26 февраля 1919 г. покончил с собой. Цветаева посвятила этому событию цикл из четырех ст-ний «Памяти А.А. Стаховича» (1919) и очерк «Смерть Стаховича», в который вошли дневниковые записи из этой записной книжки.

Стихи Гольцеву — «Всадник» (Неизвестный Павел Антокольский. М.—СПб., 1997. С. 16).

«Пролог к моей жизни». — Такого ст-ния в изданиях сочинений П.Г. Антокольского нам обнаружить не удалось.

Вигелев Евгений — актер; в 1920 г. играл в Московском Камерном театре.

Стр. 297

Вторая студия МХТ была создана в 1916 г. режиссером Вахтангом Левановичем Мчеделовым (наст. фам. Мчедлишвили, 1884—1924) на основе закрывшейся Школы драматического искусства, руководимой Н.О. Массалитиновым, Н.Г. Александровым и Н.А. Подгорным (называемой «школой трех Николаев»), и унаследовала ее зрительный зал (на 120 мест) в Милютинском пер., д. 16. «Зеленое кольцо» (по пьесе З.П. Гиппиус) — первый спектакль Второй студии, премьерой которого она официально открылась 24 ноября 1916 г. Пьеса Гиппиус была посвящена современной молодежи, ее отчаянию, пессимизму, самоубийствам; «зеленое кольцо» — это кружок молодежи, объединившейся для спасения дружбой и любовью тех, кто пал духом и потерял волю к жизни. А.А. Стахович играл в спектакле главную «взрослую» роль — дяди Мики. По-видимому, он и был инициатором спектакля, ибо еще в 1914 г. вел переписку с З.Н. Гиппиус о планах постановки пьесы. Тогда это не осуществилось из-за начавшейся войны. Из студийцев в спектакле 1916 г. были заняты Г.П. Юдин, А.К. Тарасова, Т.И. Дуван, В.П. Редлих, Е.К. Елина, В.А. Вербицкий, Е.И. Корнакова, В.С. Соколова, А.Т. Мартыанова, Н.Г. Бруггер, С.Е. Холидэ <т.е. Голлидей>, А.П. Зуева, М.Ф. Маклакова, Е.К. Егорова, Р.Н. Шишлянникова, В.В. Есипова, Е.В. Калужский, М.М. Эго, И.Я. Судаков, Н.П. Баталов, М.М. Фамильянт. Спектакль был очень популярен у молодежи и оставался в репертуаре Второй студии вплоть до 1924 г.

«Я никому не нужный старик». — Ср. свидетельства современников: «Революция была для Стаховича и экономической и моральной катастрофой — ему во всех смыслах стало нечем жить, она его опустошила и выжгла. В возможность, в свою способность стать профессио-

нальным актером, живущим на свой заработок, он не верил, а уехать за границу и жить на содержании у брата или сына — не хотел» (Швербювич В. О людях, о театре, о себе. М., 1976. С. 180). В феврале 1919 г. О.Л.Книппер-Чехова писала М.П.Чеховой: «Этот железный старик — повесился. Жутко. После спектакля “Три сестры” (во время спектакля это произошло) я с Алексеевыми пошла прямо к нему. Все было еще нетронуту, отрезанный шнур висел, стул, который он оттолкнул, а сам лежал уже красивый и довольный. Не вынес всего» (Цит. по: Бродская Г. Алексеев-Станиславский, Чехов и другие. Вишневосадская эпопея. В. 2 т. Т. 2. М.: Аграф, 2000. С. 276).

Стр. 298

«Стою на могиле Сапунова...» — К.Н. Сапунова (см. примеч. к с. 59).

«У меня на варежке...» и т.д. Ср.:

Высокой горести моей —
Смирненные следы:
На синей варежке моей —
Две восковых слезы.

(Памяти А.А. Стаховича — 2, *СП*, 176)

Гражданская панихида, посвященная памяти А.А. Стаховича, состоялась в нижнем фойе Художественного театра 23 марта 1919 г. <В записях Цветаевой все даты даны по старому стилю.> К.С. Станиславский выступил с речью, озаглавленной «Памяти друга». Н.О. Массалитинов прочел стихотворение Н.П. Россова, посвященное памяти Стаховича. А.И. Южин в своем слове дал характеристику семьи Стаховичей, «где всегда любили искусство, любили художественное слово, любили всё, чем гордится русская культура» (*Вестник театра*. 1919. 28—30 марта).

Росси. — Цветаева, наверное, записала фамилию на слух. Имеется в виду *Россов* Николай Петрович (наст. фам. Пашутин, 1864—1945) — артист и литератор; в 1927 г. во 2-м МХТ было чествования 30-летия его сценической и литературной деятельности; юбиляр играл Гамлета.

Судаков Илья Яковлевич (1890—1969) — с 1916 г. студиец II Студии МХТ, режиссер и артист МХАТ (1924—1937, 1946—1948).

Южин (наст. фам. Сумбатов) Александр Иванович (1857—1927) — артист Малого театра, драматург, театральный деятель.

Стр. 302

Огненный Ангел. — Имеется в виду исторический роман «Огненный ангел» (1907–1908) В.Я. Брюсова, повествующий о жизни Германии эпохи Реформации.

Стр. 305

Волконский Сергей Михайлович, князь (1860–1937) — внук декабриста, театральный деятель, писатель. Цветаева была дружна с ним с 1921 г. в Москве и в 1930-е гг. в Париже. Ему посвящены: ст-ние «Князю С.М. Волконскому» (1921), цикл из семи ст-ний «Ученик» (1921; посвящение поставлено в рукописной книжке «Современникам» — РГАЛИ, ф. 1190, оп. 1, ед. хр. 11), а также статья «Кедр (о книге С.М. Волконского “Родина”» (1924). Волконский посвятил Цветаевой свою книгу «Быт и бытие» (Берлин, 1924).

«Они жили вместе...» и т.д. — Приехав осенью 1918 г. в Москву, Волконский поселился в квартире Стаховича на Страстном бульваре, д. 8, став, таким образом, самым близким свидетелем последних месяцев жизни Стаховича. «Его страшный конец не удивил меня, — писал Волконский. — Он всё больше и больше напоминал мне римлянина. <...> Его смерть совсем была лишена того характера отчаяния, которым всегда отмечено самоубийство; он был в самоубийстве аристократичен еще больше, чем в жизни; он ушел из жизни, как человек уходит из комнаты, в которой не хочет оставаться, из комнаты, в которой дурно пахнет... <...> Перед каждым случаем самоубийства мы, живые, испытываем хотя далекую, но все же ответственность; при воспоминании об Алеше Стаховиче это чувство осложняется ощущением стыда перед его никогда не высказанным укором» (Волконский С. Мои воспоминания. В 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1992. С. 47–50).

Стр. 306

«О биограф<афии> Лозена». — Арман-Луи де Гонто, герцог де Лозен (1747–1793) — из рода Биронов, его дед с отцовской стороны был первым маршалом Франции. Вырос при дворе маркизы Помпадур, был зачислен в Королевскую гвардию. В 1789 г. перешел на сторону революции, спустя три года был обвинен в государственной измене, кончил жизнь на эшафоте. Цветаева была увлечена этим образом и посвятила жизни Лозена пьесе «Фортуна» (1919). Подробно биография Лозена изложена в книге *Гастона Могра*. В работе над пьесой Цветаева широко использовала мемуары самого Лозена — «Mémoires de M. le duc de Lausun» (Paris, 1822).

Стр. 307

Мария-Антуанетта (1755–1793) – французская королева, жена Людовика XVI, дочь Франциска I и Марии Терезы, родилась в Вене, погибла на эшафоте.

«...если бы я сошла в ад, я бы не была людей по голове ногами...» – В 32 песне «Ада» ст. 76–79:

Была то воля, случай или рок,
Не знаю, – только, меж голов ступая,
Я одному ногой ушиб висок.
«Ты что дерешься?» – вскрикнул дух, стеная...

(Данте Алигьери. Божественная комедия / Пер. М. Лозинского. М.: Наука, 1967. С.144)

Стр. 310

Алексеев Владимир Васильевич (1892–1919) – актер театральной студии Вахтангова в 1914–1919 гг.; герой 2-й части «Повести о Сонечке» (1937).

«...снежную повинность...» – «Президиум Московского совета поста-новил объявить на 28-ое февраля всеобщую обязательную повинность по очистке улиц и площадей от снега и льда всего взрослого и здорового населения обоюго пола в возрасте от 18 до 45 лет. От трудовой повинности не освобождаются и советские работники. Исключение делается только для железнодорожных рабочих и служащих. Работы должны производиться с 9 ч. утра до 5 ч. вечера. Уклонившиеся от исполнения трудовой повинности подвергаются штрафу до 3 тысяч рублей или аресту до 3 месяцев». (Всегда вперед. 1919. 16 февраля. № 8. С. 2)

Стр. 311

Гюго Виктор (1802–1885) – французский поэт и романист. Интересно, что в 1936 г., при попытках напечатать свои французские переводы Пушкина, Цветаева столкнулась с тем же мнением об «общих местах», и тогда она сформулировала свой ответ так: «...то, что Вы принимаете за общие места, суть общие идеи и общие чувства эпохи, всего 1830 г., всего света: Байрона, В. Гюго, Гейне, Пушкина, и т.д. и т.д.» (*Песнь жизни*, 384). За помощью она обратилась к А. Жиду, возможно зная его ответ на вопрос «кто самый великий французский поэт?» – «Виктор Гюго, увы!..»

Монпленбеж – Московская коллегия по делам о пленных и беженцах.

Монплеизир – от фр. Mon Plaisir – мое развлечение – собирательное название многих летних дворцов в знаменитых королевских парках Европы.

Стр. 313

Дед Цветаевой с отцовской стороны – Владимир Васильевич Цветаев (1820–1884) был приходским священником в селе Талицы близ Шуи.

Стр. 314

В октябре 1918 г. в *Венгрии* произошла буржуазно-демократическая *революция*, в результате которой в *марте 1919 г.* была провозглашена Венгерская советская республика.

Стр. 315

«*Jeder Tag hat seine Plage...*» – заключительные строки песни Филины из романа «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1795–1796).

Стр. 318

«*Je suis lâche avec toi – je n'en veux!..*» – Источник цитаты не установлен.

«*Пара гнедых*» – ст-ние А.Н. Алухтина (1870-е), ставшее широко известным романсом. Аля имеет в виду следующие строки:

Грек из Одессы и жид из Варшавы,
Юный корнет и седой генерал –
Каждый искал в ней любви и забавы
И на груди у нее засыпал.

Стр. 320

Голлидей Софья Евгеньевна (1896–1934) – актриса Второй Студии МХТ, была личной стипендиаткой Станиславского. Впоследствии работала в провинции (в Новосибирском ТЮЗе), в последние годы жизни была чтицей, на Московском конкурсе чтецов получила I премию. Ей посвящен цикл ст-ний Цветаевой «Стихи к Сонечке» (1919–1937) и «Повесть о Сонечке» (1937).

Колчак Александр Васильевич (1873–1920) – адмирал; в 1918–1920 гг. «верховный правитель Российского государства».

Стр. 322

«*Аля читает "Розу Танненбург"*» — книга не найдена.

«...*та — большевистская — Роза!*» — Имеется в виду Роза Люксембург (1871—1919), деятельница международного рабочего движения, одна из основательниц коммунистической партии Германии, после подавления революции в Берлине была убита (15 янв. 1919 г.).

Стр. 324

«*Их ведет, грозя очами, генерал седой...*» — из стихотворения Лермонтова «Спор» (1841).

Стр. 325

«*Вчера я видела Стеньку Разина на Лобном месте*». — Разин Степан Тимофеевич (ок. 1630—1671) — донской казак, предводитель крестьянской войны 1670—1671 гг.; был выдан царскому правительству и казнен в Москве на Лобном месте.

Цветаева говорит об одном из первых исполненных проектов плана монументальной пропаганды — временном памятнике «Степан Разин и его ватага» работы Сергея Тимофеевича Коненкова (1874—1971), торжественно открытого 1 мая 1919 г. Памятник вызвал разноречивые суждения. Ср.: «Выполнено всё это в стиле, заставляющем вспомнить топорную, грубо раскрашенную троичную игрушку. В мастерской художника это в самом деле казалось забавным и нарядным, казалось какими-то игрушками ребенка-великана, но на площади это впечатление потерялось и всё стало казаться чужим и ни с чем не связанным» (С. Глаголь. Цит. по кн.: Каменский А. С. Т. Коненков. М.: Искусство. 1975. С. 116—117.) «Много наставлено памятников. Увы! очень плохих. Исключение составляет "Разин" Коненкова, сейчас убранный с Красной площади в музей Леве» (Нестеров М. В. Из писем. / Искусство, 1968. С. 218).

Гермоген — всероссийский патриарх (1606—1612); погребен в Успенском соборе Московского Кремля; в 1913 г. состоялось прославление его мощей.

П<лет>нев Дмитрий Дмитриевич (1873—1944) — известный в Москве врач-терапевт.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА 6

РГАЛИ, ф. 1190, оп. 3, ед. хр. 44.

Настольная записная книжка в твердом лиловом переплете (18×11,5). На обороте переплета — тщательно стертая пространный надпись простым карандашом. Титульный лист отрезан. Записная книжка начата с обратной стороны. На задней крышке переплета овальный штампель магазина: «Московский склад учебных пособий. У Никитских ворот. Дом Боргест». Заполнена до конца. Архивная нумерация с л. 1 по л. 86. Записи красными, черными и коричневыми чернилами, имеется помета 1937 г. синими чернилами.

Часть записей этой записной книжки была опубликована Цветаевой в переработанном виде в составе следующих произведений: «Мои службы», «О Германии», «О благодарности. (Из дневника 1919 г.)», «Отрывки из книги «Земные приметы», «Чердачное». На основе записей, касающихся С. Е. Голлидей и ее писем, переписанных в эту записную книжку, Цветаевой была в 1937 г. написана «Повесть о Сонечке» (Ч.1 — Русские записки. Париж—Шанхай. 1938. № 3; Ч.2 — Цветаева М. Неизданное. Париж, 1976; полностью — Цветаева М. Сочинения. В 2 т. М.: Худож. лит., 1988).

Стр. 329

Эпиграф — см. запись на стр. 316.

Егорий Храбрый — народный вариант имени Георгия Победоносца. День его памяти отмечается 23 апреля (6 мая). Через два года он станет героем поэмы Цветаевой «Егорушка» (1921—1928).

«...скоро буду печататься на е». — Цветаева до конца жизни писала по старой орфографии.

Стр. 330

Александровский сад — общее название садов, расположенных у стен Кремля. Устроены по распоряжению Александра I в 1819—1822 гг. Садов было три: Верхний — от Воскресенских ворот Красной площади до Троицких ворот Кремля; Средний — от Троицких до Боровицких ворот и Нижний — от Боровицких ворот до Кремлевской набережной. Сады проектировал знаменитый архитектор, строитель Большого и Малого театров О.И. Бове. В садах были устроены насыпные горки, примыкающие к стенам и башням Кремля, грот и искусственные развалины.

Стр. 331

Серов Георгий Валентинович (1894–1929) – Юра С. в «Повести о Сонечке»; сын художника, внук композитора, драматический актер, играл в I студии МХТ; в эмиграции, в 1922 г., – один из организаторов (совместно с Массалитиновым, Германовой и др.) Пражской группы МХТ; с 1927 г. до дня смерти работал в труппе парижского театра «Ателье».

Внезапная смерть Г.В. Серова потрясла современников. В некрологах писали: «Очевидно, какой-то рок тяготеет над талантливой семьей Серовых. Так же внезапно, за роялем, во время исполнения «Рогнеды» умер его дед, внезапно от сердечного припадка скончался и его отец. (Возрождение. Париж. 1929. 26 сент.); «Актер, к которому подступила большая, прекрасная слава, актер, который (один из немногих) добился французской сцены, изучил язык, завоевал не только признание, но и восхищение иностранцев, актер, который для международного успеха в кино не оставил театра – этот актер более не существует! Блестящий остроумец, милый человек, с такой неповторимой, единственной «рожей», которую так искусно, так совершенно по-своему любил он гримировать, – этот человек ушел от нас в 32 года, прямой дорогой из театральных кулис на кладбище. Последний Серов ушел и – кончились Серовы! Остался только след его в памяти тех, кто знал его, кто видел и слышал его на сцене и в жизни, осталось только хрупкое воспоминание – всё, что может остаться после актера!» (Берберова Н. Памяти Серова // Возрождение. 1929. 28 сент.)

Поль Домби – герой романа Ч. Диккенса «Торговый дом Домби и сын» (1848).

Лорд Фаунтлерой – герой повести американской писательницы Фрэнсис Элизы Бёрнет (1849–1924) «Маленький лорд Фаунтлерой» (1886).

«...конецковского *Стеньки Разина*». – См. запись на стр. 325 и примеч. к ней.

Богиня Разума 93 года. – Цветаева подразумевает один из эпизодов Французской революции – театрализованное утверждение новой религии. Вот как это описано историком: «В зал Конвента вносят на плечах, в паланкине, г-жу Кандейль из оперы, красивую, когда она хорошо подкрашена, в красном вязаном колпаке и голубом платье; увитая гирляндами из дубовых листьев, она держит в руке пику Юпитера-Народа; впереди нее идут молодые женщины в белых платьях с трехцветными поясами. Пусть мир посмотрит на это! О Национальный

Конвент, чудо Вселенной, это наше новое божество – богиня Разума, достойная, единственно достойная поклонения!» (Карлейль Т. Французская революция: История. М.: Мысль, 1991. С. 494).

Стр. 332

«*Рассказ Голлидэй о Паше...*» и т.д. – В «Повести о Сонечке» читаем: «А вот еще, Марина, история – про моряка Пашу...

Где история про моряка Пашу, о котором у меня в записной книжке весны 1919 г. только запись: «Рассказ Сонечки Голлидэй про моряка Пашу» – а рядом свободный листок для вписания так и не вписанного. Пропал моряк Паша! Заплыл моряк Паша!»

«*У Катеньки-резвухи...*» – Источник цитаты не установлен.

Стр. 334

«*Три записочки ко мне Сонечки Голлидэй.*» – С.Е. Голлидей уезжала на лето со II студией МХТ.

Стр. 336

«*Вчера я сижу у Евг<ения> Багра<ионовича>...*» и т.д. – Весной 1919 г. распалась Мансуровская студия (Вахтанговская) и группа ее актеров и режиссеров пришли во II Студию МХТ. Весной и летом 1919 г. Вахтангов принял непосредственное участие в работе II Студии, поставив «Потоп» Бергера, и летом ездил со студийцами в дер. Шишкеево Пензенской губ. репетировать спектакль по «Сказке об Иване дураке и его двух братьях, Семене-воине и немой сестре Маланье, и о старом дьяволе и трех чертенятах» Л.Н. Толстого (подробнее см. коммент. в кн.: Цветаева М. Повесть о Сонечке. СПб.: Азбука. 2000).

Стр. 337

«*Письмо к Г-ру*» – фамилия предположительно расшифрована в коммент. к «Повести о Сонечке» (СПб.: Азбука. 2000. С. 303, 322). Повидимому, имеется в виду драматург Лев Владимирович Гольденвейзер.

«*И кончалось всё припевом...*» – Из ст-ния «Ландыш, ландыш белоснежный...» (16 июня 1919), входящего в цикл «Стихи к Сонечке» (1919–1937).

Стр. 338

«*...презираю отца, сына...*» и т.д. – Имеются в виду квартиранты, которым Цветаева сдала часть квартиры, собираясь уезжать в Крым.

«*Целую Вас – через сотни...*» – Из ст-ния «Никто ничего не отнял...» (1916), входящего в VI.

Стр. 340

В *Кунцеве* Цветаева с дочерью гостила у Л.А. Тамбурер.

Стр. 341

Деникин Антон Иванович (1872–1947) – генерал русской армии; в декабре 1917 г. один из основателей Добровольческой армии; после гибели Корнилова ее главнокомандующий; летом 1919 г. «Вооруженные силы Юга России» под его командованием предприняли «поход на Москву» и к осени дошли до Орла. С.Я. Эфрон участвовал в этом походе.

Стр. 342

Нилендер Владимир Оттонович (1883–1965) – филолог-классик, переводчик. К нему обращен *ВА*.

Пролеткульт – литературно-художественная и культурно-просветительская организация для пролетариата (1917–1932), в работе которой принимали участие многие представители «старой культуры».

Стр. 343

«*Сон Разина (в моих стихах)...*» – См. цикл ст-ний «Стенька Разин» (1917), в 3-м (*Сон Разина*) героиня обещает:

«Я приду к тебе, дружок,
За другим башмачком!»

Об Ундине см. примеч. к с. 262.

Гофмансталь Гуго фон (1874–1929) – австрийский писатель-символист. Русский перевод пьесы «*Авантюрист и певица*» См.: Гофмансталь Г. фон. Авантюрист и певица, или Дары жизни. Пьеса в 2-х актах / Пер. с нем. в стихах О.Н. Чюминой. М.: Польза, б.г. (Универсальная б-ка. № 139).

«*Фортуна*» – пьеса Цветаевой о *Лозене* (I–II, 1919).

«*Приключение*» – пьеса Цветаевой о *Казанове* (XII. 1918 – I. 1919).

Аврора – героиня пьесы Цветаевой «*Каменный ангел*» (VI–VII. 1919), посвященной:

« – Сонечке Голлидэй –
Женщине – Актрисе – Цветку – Героине».

Стр. 344

«(*Эпиграф к Фортуне*)». – При публикации пьесы (*СЗ, 1923, кн. 14–15*). Цветаева поставила пояснение к эпиграфу – «Старинный

девиз». Этот же эпиграф (без пояснения) предпослан циклу «Памяти А.А. Стаховича» (март 1919, *ЛС*).

Стр. 345

Конец Казановы. — Первоначальное название пьесы Цветаевой (VII—VIII. 1919), опубли. под названием «Феникс» (*ВР*, 1924, № 8-9). Это название было перенесено на 3-ю картину пьесы, которая была издана отдельной книгой: Цветаева М. Конец Казановы: Драматический этюд. М.: Созвездие, 1922.

Лео. (Казанова и дочь.) — Неосуществившийся замысел. Подробнее о нем см. стр. 415.

Нинон. — Неосуществившийся замысел. Возможно, его героиней должна была быть Нинон де Ланкло (*Lenclos Ninon de*, 1616—1706) — знаменитая красавица и образованная женщина XVII в.

О ней в своих разговорах с Эккерманом упоминает Гёте:

«Она и на 90-м году жизни еще была молода, ибо умела сохранять душевное равновесие и земным делам не придавала большего значения, чем они того стоили. Даже смерть не внушала ей чрезмерного трепета. Когда на 18-м году жизни она встала с одра тяжкой болезни и близкие поведали ей об опасности, которой она подвергалась, Нинон спокойно сказала: «Ну, беда не велика! Ведь все, кого я бы оставила здесь, смертны!» После этого она прожила еще более 70-ти лет, любящая и любимая, наслаждаясь всеми радостями бытия. При этом она сохраняла душевное равновесие, неизменно возвышаясь над страстями, сжигающими человека. Нинон это умела. Но мало кто умел следовать ее примеру» (*Эккерман*, 596—597).

«La bouche» (Heine). — Неосуществившийся замысел. Имеется в виду последняя любовь Гейне — Элиза фон Криниц (1834—1896), которую поэт звал «Мушкой».

В иллюстрированных журналах начала XX века можно было встретить репродукцию картины «Генрих Гейне и Мушка» с таким, например, пояснительным текстом: «Прикованный к постели тяжким недугом певец любви и скорби мирно беседует с «Мушкой» — верной подругой последних годов своей жизни, которой он посвятил так много теплых, чудных строк — вот сюжет картины венского художника Генриха Лефлера, снискавшего себе особенную известность как талантливый иллюстратор и декоратор. Художник мастерски передал погруженное в глубокую думу лицо Генриха Гейне, но не менее удалась ему и «Мушка», которая с таким вниманием слушает своего друга, боясь

пропустить хотя бы одно слово. От всей сцены веет поэзией и интимностью» (Новый мир, СПб.—М.: Изд. Т-ва М.О. Вольфа, 1902, № 80, с. 120).

Дон Жуан и Кармен. — Неосуществившийся замысел. В 1917 г. Цветаевой были написаны циклы «Дон-Жуан» (1–7) и «Кармен» (1–2).

Стр. 346

«...видение Сергия Радонежского...» — Цветаева подразумевает картину из «сергиевского» цикла М.В. Нестерова «Видение отрока Варфоломея» (1889–1890).

«В шитой серебром рубашечке» — из ст-ния «Але» (5 июля 1919), входящего в ЛС.

Стр. 347

Сергий — 5 (18) июля Православная церковь отмечает праздник Обрётения честных мощей Преподобного Сергия, игумена Радонежского.

Стр. 348

«*Der rothe Sarafan*». — В публикации («О Германии») запись продолжена: «Теперь вопрос: кому blinde Mathilde столько писала? Ответивший на вопрос напишет роман».

«...во всех 5^{ми} заграничных и русских пансионах...» — В печатном тексте «Моих служб»: «во всех семи».

«*Метель*» (XII. 1918) — пьеса Цветаевой.

«*И множество очаровательных стихов о любви*». — Например, цикл «Комедьянт» (1918–1919).

Стр. 353

Письмо Али адресовано *В.В. Алексееву*, уезжавшему на юг. Он вез письма Цветаевой и Али к С.Я. Эфрону и переслал их ему (см. *Семья*, с. 279–280). А.А. Саакянц со слов племянницы В.В. Алексеева Т.Г. Снесаревской сообщает, что В.В. Алексеев был командирован на юг в числе группы актеров МХТ для подготовки гастролей, и вся эта группа пропала летом 1919 г. между Харьковом и Ростовом (Саакянц А. Спасибо вам! М.: Эллис Лак, 1998. С. 454).

«*У Вас есть М<аринина> детская книга*». — Имеется в виду *ВФ*.

Стр. 354

«*Карл Великий — а может быть и не Карл Великий...*» — Источником этого изречения является весьма популярная в XVIII в. книга фран-

цузского писателя Доменика Бугура «Разговоры Ариста и Ежена», вышедшая в свет анонимно в 1671 г. и не раз переиздававшаяся: «Если бы Карл V восстал из мертвых, он не одобрил бы, что вы ставите французский язык выше кастильского, — он, говоривший, что если бы ему захотелось побеседовать с дамами, то он повел бы речь по-итальянски; если бы захотелось побеседовать с мужчинами, то повел бы речь по-французски; если бы захотелось побеседовать со своей лошадью, то повел бы речь по-немецки; но если бы захотелось побеседовать с Богом, то повел бы речь по-испански» (Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 7. Труды по филологии. М.—Л. 1952. С. 862).

Стр. 355

Роман Самойлович Тумаркин (ок. 1887—1971) — младший брат М.С. Цетлиной.

Стр. 357

Рукавишников Иван Сергеевич (1877—1932) — поэт, писатель, в 1919 г. — заведующий Дворцом искусств. *Жена* — Рукавишникова Нина Сергеевна. Эта колоритная пара запомнилась многим современникам. «Долгие годы Рукавишников был женат на какой-то брюнетке, купеческой дочери из Одессы. <...> Позже она стала комиссаром цирков, и Рукавишников выступал несколько раз в цирке: читал стихи с лошади» (Шершеневич В. Великий очевидец // В кн.: Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М., 1990. С. 453). «Рукавишников, плодовитый, но безвкусный писатель, был родом из нижегородских миллионеров. Промотался и пропился он, кажется, еще до революции. Он был женат на бывшей цирковой артистке, очень хорошенькой, чем и объясняется его положение в Кремле. Вскоре Луначарский учредил при ТЕО новую секцию — цирковую, которую и возглавил госпожой Рукавишниковой. После этого какие-то личности кокаинного типа появились в ТЕО, а у подъезда, рядом с автомобилем Каменевой, появился парный выезд Рукавишниковой: вороные кони под синей сеткой — из придворных конюшен. Тут же порой стояли просторные розвальни, запряженные не более и не менее как верблюдом. Это клоун и дрессировщик Владимир Дуров явился заседать тоже. Иногда можно было видеть, как по Воздвиженке или по Моховой, взрывая снежные кучи, под свист мальчишек, выбрасывая из ноздрей струи белого пара, широченной и размашистой рысью мчался верблюд. Оторопелые старухи жались к сторонке и шептали: — С нами крестная сила!» (Ходасевич Вл. Белый коридор.//

Ходасевич Вл. Собр. соч. в 4 т. Т. 4. М., 1997. С. 246). Рукавишников и его жена стали героями французского рассказа Цветаевой «Le miracle des cheveux» («Чудо с лошадьми», 1934).

В московском саду «Эрмитаж» в летнее время гастролировали многие приезжавшие в Москву театральные труппы и отдельные знаменитости.

Стр. 358

«...учиться хозяйству у пастора». — Сохранилась открытка Цветаевой отцу, из которой выясняется и имя пастора и время описываемых эпизодов. «Дрезден 16/29 июня 1910. <...> У пастора кроме нас несколько пансионеров-мальчиков. Наш адрес: Weisser Hirsch. Rissweg, 14 bei Herrn Bauchmann» (Архив Дома-музея Марины Цветаевой).

«*Zwischen den Rassen*» (1907). — В рус. пер. роман называется «Голос крови» (1-е изд. М.: Польза, В. Антик и К°, 1909).

«*Blonde enfant qui deviendra femme...*» — Источник цитаты не установлен.

Стр. 359

Генрих Ламан (1860–1905) — создатель всемирно известного климатического курорта, где применялась разработанная им методика комплексного лечения светом, воздухом, водой и вегетарианской диетой.

Румянцевский музей. — По имени графа Николая Петровича Румянцева (1754–1826), российского государственного деятеля и дипломата, собравшего обширные коллекции книг, рукописей, произведений искусства. И. В. Цветаев начал свою службу в Румянцевском музее в 1882 г. хранителем Отделения изящных искусств и классических древностей, с 1901 по 1910 г. был его директором.

Цветаева описывает вход через сад в здание Пашкова дома и двухсветный читальный зал его (старое здание Библиотеки им. Ленина).

Стр. 361

Пиччини Никола (1728–1800) — итальянский композитор; в 1776 г. был приглашен королевой Марией Антуанеттой в Париж, где поставил свои лучшие комические оперы.

«*Marie Antoinette* — «*Si tu connais dans ton village*». — Романс известен в музыкальной литературе под названием «Песня Флориана». См. напр.: Сборник из репертуара Алисы Барби. Т. 2. СПб., <1884> — «Если есть в деревне нашей добрый нежный пастушок...»

Возможно, автором слов был Жан Пьер Клари де Флориан (1755–1794) – французский баснописец, автор идиллий.

Граф д'Артуа (1757–1836) – младший брат короля Людовика XVI, любимец королевы Марии Антуанетты. Во время Французской революции был в эмиграции. После реставрации Бурбонов возвратился на родину и после смерти своего второго брата Людовика XVIII в 1824 г. занял трон под именем Карла X. Был свергнут Июльской революцией 1830 г. и умер в изгнании.

Мария Луиза (1791–1847) – австрийская эрцгерцогиня, дочь германского императора Франца II; в 1810 г. вышла замуж за Наполеона.

Стр. 362

Вальфон, маркиз де (Charles de Matheil de Valfons; 1710–1786). – Полный титул книги: *Souvenirs du Marquis de Valfons, vicomte de Sebourg, comte de Blandèques, baron d'Helesmes, lieutenant général des armées du roi, commandeur de l'ordre de Saint-Louis, gouverneur du ford de l'Ecluse. 1710–1786. Publiés par son petit-neveu le Marquis de Valfons/ Paris, 1860.**

Процитированная Цветаевой (вероятно, по памяти) фраза стоит в следующем контексте: «Le 2 juillet nous arrivâmes à *Hervorden*: c'est une jolie ville appartenant au Roi de Prusse; *le sang y est très-beau*; il y a un chapitre dont l'abbesse est sœur du Roi de Suède; il faut être de maison souveraine pour remplir les douze premières prébendes? et fille de qualité pour les douze autres.» (Chapitre XI. P. 267).**

«У меня к Лозэну – как Ю.З<авад>скому – чуточку презрения». – В 1925 г. Цветаева опубликовала портрет Ю.А. Завадского, озаглавив его «Письмо о Лозэне» (см. «О любви»). Это незначительно переработанный набросок реального письма, записанный в тетради пьес через два дня после окончания «Фортуны» – 31 января 1919 г.

Реальный Лозен вряд ли заслуживал «презрения». Вот, напр., его историческая характеристика:

* Мемуары маркиза де Вальфона, виконта Себургского, графа Бландекского, барона Элемского, генерал-лейтенанта королевских войск, командора ордена Святого Людовика, губернатора форта Эклюз. 1710–1786. Изданные его внучатым племянником маркизом де Вальфоном. Париж, 1860.

** «2-го июля мы прибыли в Герфорден: это красивый городок, принадлежащий прусскому королю; там много благородной крови; глава местного капитула, аббатисса – сестра шведского короля; чтобы занимать 12 высших церковных должностей, необходимо принадлежать к монаршему роду; для 12 следующих достаточно просто родовитого происхождения» (гл. 11, с. 267). (Перевод И.Б. Комаровой).

«Это был человек придворный, искренно перешедший на сторону народа. <Речь идет о лете 1791 г.>. Молодой, красивый собою, рыцарский по характеру, одаренный тою неукротимую веселостью, которая играет со смертью, он вносил в республиканские ряды понятие об аристократической чести. Любимый солдатами, обожаемый женщинами, освоившийся с лагерем, навывший при дворе, герцог принадлежал к числу последователей той школы блестящих пороков, типом которой во Франции был маршал Ришелье. Говорили даже, что сама королева любила его, но не могла уничтожить его непостоянство. Друг герцога Орлеанского и товарищ его по кутежам, Лозен, несмотря на то, никогда не участвовал в интригах. Всякая измена была ненавистна Лозену, всякая низость его возмущала. Он усвоил себе революцию, как высокую идею, и хотел быть ее воином, но не сообщником. Он не изменил королю, а к королеве сохранял всегда поклонение, исполненное сострадания и нежности. Страстно преданный философии и свободе, он защищал ту и другую на войне вместо того, чтобы сеять идеи этого рода среди партий. Преданность королям он заменил преданностью отечеству. Это благородное дело и трагические грустные события революции сообщили характеру герцога более мужественный закал и побудили его сражаться и умереть с чувством героя.» (*Ламартин. Т. 1. С. 352*).

Стр. 363

«(*Цитирую себя полгода назад.*)» — См. стр. 307

Prince de Ligne. — Князь де Линь Шарль-Жозеф (1735–1814), бельгиец по рождению, генерал, потом — фельдмаршал, дипломат, франкоязычный писатель, представитель блестящей космополитической культуры XVIII в. Рано оставил родину и поступил на французскую военную службу, потом перешел на австрийскую. Жил во многих странах Европы и был знаком с великими людьми своего времени — Вольтером, Екатериной II, Фридрихом Великим и др. При жизни издал «*Mélanges militaires, littéraires et sentimentales*» (Военно-литературно-сентиментальная смесь. Вена и Дрезден, 1795–1811), «*Œuvres mêlées en prose et en vers*» (Смешанные сочинения в прозе и в стихах. Вена, 1807) и др.

Источником первоначальных сведений о князе де Лине послужила Цветаевой, как мы предполагаем, книга: Bled Victor du. *Le Prince de Ligne et ses contemporains*. Paris: Calmann Lévy, éditeur, 1890.

Г<оспо>жа де Коаслен – Куален (урожд. Майи-Нель) Мари Анна Луиза Аделаида маркиза де (1732–1817). О ней Цветаева прочла, видимо, в «Замогильных записках» Шатобриана (кн. 17, гл. 2).

Стр. 364

Потоцкая (урожд. Масальская) Елена. – Ее брак со старшим сыном князя де Линя Шарлем де Линем (1759–1792) был заключен в 1779 г.

Bel-Œil – деревня близ Брюсселя, на протяжении многих веков принадлежавшая роду де Линей.

Дукс – замок в Чехии (Duchov), принадлежавший племяннику князя де Линя графу Вальдштейну, где Казанова прожил последние 13 лет своей жизни (1784–1798), занимая должность библиотекаря его знаменитой библиотеки в сорок тысяч томов. Князь де Линь встречался там с Казановой и оставил воспоминания об этих встречах («Melanges historiques et littéraires». Vol. IV. Paris, 1828).

«...памятник герою-сыну в Вашем саду...». – В одном из садов в Bel-Œil князь де Линь поставил в честь своего погибшего сына мраморный обелиск, на трех сторонах которого была высечена следующая надпись: «A mon cher Charles pour Sabacz et Ismail, – nec te juvenis memorande silebo, – sa gloire fait mon orgueil, son amitié mon bonheur» (Моему дорогому Шарлю – за Сабаш и Измаил, – юноша достопамятный, я не буду о тебе молчать, – слава его – моя гордость, дружба его – мое счастье) (фр.–лат.).

Сталь Анна Луиза Жермена де (1766–1817) – французская писательница, автор книг «Дельфина», «Корина, или Италия», «О Германии». Дочь министра финансов Людовика XVI Жака Неккера (1732–1804). Салон ее матери Сюзанны Неккер (1739–1794) в Париже посещали виднейшие политики того времени.

При жизни князя де Линя были изданы 34 тома его сочинений.

Шарль – знакомый Н.А. Плущер-Сарна.

Стр. 366

Песталоцци Иоганн Генрих (1746–1827) – швейцарский педагог и филантроп, автор теории и практики «развивающего обучения»; прославился более всего своей личностью, сформировавшейся под влиянием идей Руссо, и моральным пафосом своей деятельности (устройство приютов для сирот и нищих, организация учительских школ и т.п.).

Стр. 367

Вшивый ряд. – В Москве, в районе Таганки, была улица Вшивая горка, которую ввиду одиозности названия городские власти в XIX в. официально переименовали в непонятную, но «благозвучную» «Швивую горку». Однако, по разъяснению академика А.И. Соболевского, название улицы происходит от древнего слова «ушь» – терние, волчец (вид чертополоха), которым когда-то была покрыта горка, высокий левый берег Яузы. С течением времени этимология была забыта, и «Ушивая горка» стала «Вшивой горкой».

Стр. 368

Иоанна д'Арк. – По всей вероятности, Цветаева смотрела американский фильм студии «Парамаунт», называвшийся в русском прокате «Жанна-женщина» (1916), реж. Сесиль Б. де Милль. Главную роль исполняла оперная певица и актриса кино Джеральдина Фаррер (1882–1967).

Карл VII (1403–1461) – король Франции с 1422 по 1461; во время его правления англичане оккупировали почти всю территорию Франции, но благодаря победам Жанны д'Арк их владычество ослабело, и через двадцать лет борьбы они были окончательно изгнаны. Так закончилась Столетняя война (1337–1453). К Жанне д'Арк он проявил неблагодарность, допустив ее сожжение. Умер, по слухам, от голода, опасаясь, что его отравит собственный сын, будущий Людовик XI.

Ср. ст-ние «Руан» (1917):

И я вошла, и я сказала: – Здравствуй!
Пора, король, во Францию, домой!
И я опять веду тебя на царство,
И ты опять обманешь, Карл Седьмой!

Эрик Трэнт – герой фильма «Жанна-женщина». Его роль исполнил актер немого американского кино Уоллес Рэйд (1890–1923).

Стр. 369

«Сижку недавно на скамейке, у Гоголя». – Памятник Н.В. Гоголю работы скульптора Н.А. Андреева со времени установки в 1909 г. до 1952 г. стоял в начале Пречистенского (Гоголевского) бульвара, затем был перенесен во двор дома, где умер Гоголь (Никитский бульвар, 7). Афанасьевский переулок (Малый) – первый переулок налево от бульвара, начинается ровно напротив памятника и упирается в Большой Афанасьевский переулок.

Стр. 370

«...читала у *Th. Gautier...*» — Этого эпизода в сочинениях Т.Готье мы не обнаружили.

Armand de Châteaubriand — Шатобриан дю Плесси Арман Луи Марк де (1768–1809). Весь эпизод, пересказанный Цветаевой, изложен по «Замогильным запискам» Ф. Шатобриана (кн. 18, гл. 7 — в рус. пер.: Шатобриан Ф. Замогильные записки. М.: Изд. им. Сабашниковых, 1995 — глава не вошла).

Жерсей — остров в проливе Ла-Манш (Англия).

Бретань — французская провинция на севере материка.

«...со своей скромной женой...» — Жанна, урожд. Ле Брен (?–1857).

Граф Пюйсей (1754–1827) — один из организаторов Вандейского мятежа в 1791 г.

Стр. 374

«*Оправдание зла*». — Название этой неосуществленной статьи (вольно или невольно) отсылает читателя к заглавию главного философского труда Вл. Соловьева «Оправдание добра» (1897).

Стр. 375

«*Случайность*» У. Локка. Название оригинала: «*The morals of sir Marcus Ordeyne*». — Цветаева читала, видимо, первый русский перевод З. Журавской (СПб.: Северные дни, 1916). Роман печатался также под заглавием «Девушка с Востока» (М.: Современные проблемы, 1926 / Пер. Т. Герценштейн). Специально о смехе Карлотты, героини романа, нам встретилась только одна фраза: «Она засмеялась обычным воркующим, странным смехом».

Другие характеристики героини в свете ее уподобления Цветаевой заслуживают внимания. Сюжет романа повторяет историю Пигмалиона. Герой привязывается к своей питомице, она же убегает из дому с бывшим учеником героя. Бродя после ее бегства в Зоологическом саду, герой замечает там бурого медведя, который, становясь на задние лапы, протягивал передние через решетку, прося булок. — «Точно так же молила и просила всегда Карлотта. Я предался тут особому виду мышления. Карлотта, как обыкновенное человеческое существо с бессмертной душой, не существовала никогда, и то, что я знал и любил в ней, был лишь облик женщины, содержащей *элементарный дух*, который обречен на вечные поиски нового обиталища для себя. Не знающий человеческих условностей и гонимый непонятною для человеческого ума судьбою, дух этот переселился теперь в маленького бурого

медведя, и тот глядит на меня так странно, с такою мольбою, глазами Карлотты и с манерами Карлотты. Я попросил ее вернуться ко мне. Я сказал, что дом пуст без нее, что комнаты требуют ее возвращения. Я молил так страстно, и глаза передо мною стали такими влажными, что сердце ее растрогалось несомненно. Но в это время появился кто-то из публики, и животное издало жалобный рев и протянуло лапу за булками — почему я понял, что это действительно Карлотта».

Ср.: «Р<одзевич>, я скажу Вам тайну, только не смейтесь (не бойтесь!) — я Elementargeist*, у меня еще нет души... <...> душа (по всем сказкам) таким существам дается только через любовь.» (СТ, 257).

Стр. 376

Лукреция — героиня древнеримской истории. Обесчещенная сыном римского царя Тарквиния Гордого, она заставила отца и мужа поклясться, что они отомстят за нее, и на их глазах заколола себя кинжалом (Тит Ливий. История от основания Рима. Книга I. Гл. 57–59). Это вызвало в Риме восстание и установление республики (510 г. до н.э.) •

Юдифь — героиня неканонической «Книги Юдифи». Когда полководец вавилонского царя Навуходоносора Олоферн осадил иудеев в Ветилуе и городу грозила гибель, молодая вдова Юдифь, обманув доверие Олоферна, отрубила ему голову его же собственным мечом и тем спасла соплеменников.

«*Стихи написаны, — он будет.*» — Имеется в виду стихотворение «Тебе — через сто лет» (август 1919).

Стр. 378

Надсон Семен Яковлевич (1862–1887) — русский поэт. В последние четыре года жизни был болен туберкулезом.

Стр. 379

«*Prendre un amant, c'est abdiquer.*» — Фразу цитирует князь де Линь в своем письме к маркизе де Куаньи (см. стр. 396).

Поскольку этой женщине адресованы письма князя де Линя из России в 1787 г., фрагменты из которых Цветаева переписывает в свою записную книжку, и поскольку для нее написал свои «Мемуары» герцог Лозен, мы даем ее подробную характеристику в изложении по книге Г. Могра.

---

* Букв.: элементарный (стихийный) дух (нем.) В немецкой народной демонологии название группы духов, связанных с одной из четырех стихий (элементов) — землей, водой, воздухом, огнем.

Маркиза Луиза Марта де Куаньи (1760–1832) в 1775 г. вышла замуж за единственного сына герцога Куаньи. В 1778 г. родилась их дочь Антуанетта Франциска Жанна. Представленная в 1779 г. ко двору, маркиза де Куаньи произвела там блестящее впечатление. Стройная, высокая, она имела величественный тип красоты. В ее наружности было что-то гордое, презрительное и вместе с тем решительное и надменное. Ум ее был оригинальный, едкий и беспощадный; она умела выразить тонкую мысль, сказать милое и меткое слово. В 1779 г. герцог Лозен встретил маркизу де Куаньи, она стала его последней любовью, неизменной в течение 13 лет, до его гибели в 1793 г.

Маркиза де Куаньи была в эмиграции в Лондоне, где развелась с мужем, в 1801 г. возвратилась во Францию. К Бонапарту она относилась с энтузиазмом и восторгом. До конца жизни маркиза сохранила живость ума и остроумие, ясность и приветливость, к старости относилась довольно равнодушно, одевалась всегда просто, но с большим вкусом. Умерла она от холеры 73-х лет от роду, 13 сентября 1832 г., в своем доме в Париже.

«*La vie de M. de Lauzun est un roman...*» – Вероятно, Цветаева цитирует цитату из Сен-Симона. Именно со ссылки на Лабрюйера начинается его рассказ о другом герцоге Лозене (1633–1723) – гасконце, придворном интригане и авантюристе, известном своими похождениями и любовью к нему принцессы Монпасье (Анна Мария Луиза, герцогиня Орлеанская, 1627–1693), двоюродной сестры Людовика XIV, прозванной «Великая Мадмуазель». По преданию, Лозен был тайно обвенчан с ней. – «Это была личность до такой степени необыкновенная и в своем роде единственная, что Лабрюйер вполне основательно мог выразиться о нем: иному и во сне не снилась такая жизнь, какую прожил в действительности герцог Лозен» (Из записок герцога Сен-Симона / Пер. с фр. СПб., 1899. С. 72).

Сам Лабрюйер подлинные имена в своей книге не называет, а дает вымышленные, и выписанная Цветаевой цитата содержится в следующем отрывке:

«Стратон родился под двумя звездами, счастливой и несчастливой; в одинаковой степени. Его жизнь есть роман. Впрочем, нет: ей не хватает правдоподобия: в ней не было приключений. В ней были только прекрасные сны и дурные сны... Да что я говорю! Таких сновидений и не бывает, как он жил. Никто не извлек из своей судьбы больше пользы, чем он; ему знакомы крайности и всё среднее: он

блистал, страдал и вел обыденную жизнь; ни одна сторона жизни не ускользнула от него. Он приобрел значение своими добродетелями, в которых он был совершенно уверен; он говорил о себе: «У меня есть ум, я обладаю мужеством», и все повторяли за ним: «У него есть ум, он обладает мужеством». Он проявил в том и другом положении гений придворного, который обнаруживал в нем, может быть, больше хорошего и больше дурного, чем он на самом деле имел. Прекрасный, любезный, редкий человек, чудесный, героический — все эти названия употреблялись в его похвалу; а впоследствии не щадили противоположных эпитетов, чтобы только его унижить. Это двусмысленный, смешанный, замкнутый характер, это загадка, вопрос почти неразрешимый». (Жан де Лабрюйер. Характеры, или Нравы этого века / С предисл. Прево-Парадоля и Сент-Бёва; Пер. П.Д. Первова. СПб.: Изд. журн. «Пантеон литературы», 1889. С. 186).

Две принцессы из дома Savoie-Nemours... — Имеются в виду дочь герцога Карла Амадея Немурского Мария Франциска (1643–1683), жена короля Испании Альфонса VI, и мадмуазель д'Омаль — королева Португалии, жена Педро II.

Стр. 380

Сен-Симон Луи де Рувруа, герцог (1675–1755) — политический деятель и писатель, автор «Мемуаров».

Людовик XIII (1601–1643) — сын Генриха IV, король Франции с 1610 по 1643 г. Отец Сен-Симона — Клод де Рувруа был любимцем Людовика XIII, его оруженосцем и первым дворянином в его свите, от него он получил и герцогский титул.

Сен-Симон Клод Анри де Рувруа, граф (1760–1825) — французский мыслитель, социалист-утопист, внучатый племянник герцога Сен-Симона.

«...предстал его дед, Карл Великий...» — Отец герцога Сен-Симона, получив титул герцога, сочинил пышную родословную, выводившую род Сен-Симонов от прямых потомков Карла Великого.

Герцог де Бовилье (1648–1714) — ближайший друг и покровитель герцога Сен-Симона. Он был младшим сыном де Сент-Эньяна от первого брака. Сен-Симон пишет: «Не знаю, насколько заботились родители его о своих старших детях, но Бовилье был оставлен на руках их швейцара, подрос в его каморке, потом помещен воспитанником к некоему бедному канонику...» (*Сен-Симон. Т. I. С. 271*).

Стр. 381

«Сен-Симон, страстно желая жениться на 12-летней дочери Герцога Бовилье...» — Потеряв в 1693 г. отца, юный Сен-Симон искал покровителя. Он принес герцогу де Бовилье опись своего имущества и своих долгов и сказал о своем желании жениться на любой из его дочерей (их у него было восемь), чтобы породниться с ним. Вот как он сам описывает этот разговор: «Пока я говорил, герцог не спускал с меня глаз. Он ответил мне как человек, проникнутый благодарностью и за мое желание, и за мою откровенность, и за мое доверие. Он объяснил мне, что из его восьми дочерей старшей идет пятнадцатый год, вторая страшно уродлива и не годится для брака, третьей только тринадцатый год, остальные же — дети. <...> Он прибавил, что старшая дочь сама хочет быть монахиней. Что касается состояния, оно у него невелико, но он заверяет меня, что со своей стороны приложит все усилия для моего блага. Я ему ответил, что по самому моему предложению он видит, что не имущественный расчет привел меня к нему, ни даже дочь его, которой я никогда не видел; пленил меня — он сам, и я хочу породниться с ним и его супругою. «Но что же делать, если она во что бы то ни стало желает стать монахиней?» — спросил он меня. — «Тогда, — ответил я, — прошу вас отдать мне третью». (Сен-Симон. Т. 1. С. 71).

«*Les Cendres*» («Пеплы»). — Происхождение названия не установлено.

Конде Луи II, принц крови, прозванный Великим Конде (1621–1686) — французский полководец.

Стр. 382

Людовик XIV (1638–1715) — сын Людовика XIII, король Франции с 1643 по 1715.

Маркиз де Санта Крудз (Крус) упоминается как первый мажордом испанской королевы Елизаветы в рассказе Сен-Симона о своем испанском посольстве в 1721 г. (Сен-Симон. Т. 2. С. 355 и след.).

Стр. 383

Кобентцель — Кобенцль (Cobenzl) — австрийский дворянский род; вероятно, речь идет о Людвиге Кобенцле, графе фон (1753–1809) — австрийском дипломате и государственном деятеле, бывшем в 1779–1797 гг. посланником в Санкт-Петербурге.

Сегюр Луи Филипп, граф (1753–1830) — французский дипломат и историк.

Венский конгресс. — Проходил с 1 ноября 1814 г. по 9 июня 1815 г. Имел целью покончить с территориальными изменениями в Европе,

ставшими следствием наполеоновских войн. На нем присутствовали два императора — русский и австрийский, четыре короля — прусский, датский, вюртембергский и баварский, и множество мелких князей. Блестящее аристократическое общество старой Европы, избавившись от страха перед революцией, отмечало свою победу, проводя время в празднествах и балах, создавших Венскому конгрессу репутацию самого веселого конгресса в истории. Дипломат Эйнар назвал его «танцующим конгрессом».

Фридрих II Великий (1712–1786) — король Пруссии, «философ из Сан-Суси», прозванный так за свою любовь к философии и литературе и дружбу с Вольтером (Сан-Суси — его резиденция в Потсдаме).

Иосиф II (1741–1790) — император Германии, сын Марии Терезы Австрийской, брат Марии-Антуанетты.

Этот рассказ князя де Линя содержится в его письме 1785 г. к польскому королю. В нашем переводе этой записи ремарки в скобках принадлежат Цветаевой, средняя — немецкий эквивалент русской поговорки.

С Фридрихом Великим князя де Линя познакомил император Иосиф II на маневрах в 1770 г. С тех пор он бывал неоднократно приглашаем на совместные ужины монархов. Вот его дословный рассказ об одном из таких ужинов:

«Они говорили однажды, чем бы желательнее быть на свете, и спросили моего мнения. Я сказал им, что до тридцати лет хотел бы быть прекрасною женщиною, потом щастливым генералом до шестидесяти: и не зная, что больше сказать, однако чтоб прибавить что-нибудь, как бы это ни приняли — Кардиналом до восьмидесяти. Король, который любит шутить насчет священного собратства, довольно над сим позабавился. Император не пощадил также пред ним Рима и его сообщников. Сей ужин был приятнейшим во всей моей жизни» (*Князь де Линь. Т. I. С. 4–5*).

Стр. 384

«К<нязь> де Линь о вышитых жемчугом и золотом парусах...» и т.д. — Как и в предыдущей записи, Цветаева приводит рассказ князя де Линя по памяти. Приводим его дословный рассказ в письме к маркизе де Куаньи.

«Письмо III. Из Херсона.

<...> Вы, конечно, догадываетесь, что корабль, на который я сел, был линейный. Парчи, золотые бахрамы, girлянды, жемчуги и цветы, которые украшали балдахины, сооруженные на берегу для Их Импе-

раторских Величеств <для Екатерины II и Иосифа II князем Потемкиным>, казалось, происходили из модных Парижских лавок, на улице Сент-Оноре. Всё это было произведение Русских солдат, кои могут быть преобразены в модных торговков, матросов, попов, музыкантов или лекарей: лучше сказать, во всё, что из них захочешь сделать ударом прута, который однако ж не принадлежит такой прелестной, как вы, волшебнице» (*Князь де Линь. Т. 1. С. 52*).

Стр. 387

«И кончилось бы хуже, чем у Фридриха Великого с Вольтером». — Будучи наследником престола, Фридрих писал французские стихи, занимался философией и музыкой, избрав Вольтера своим наставником; после своего восшествия на престол, став законодателем и воином, он пригласил Вольтера в Берлин, где их отношения быстро испортились, вплоть до того, что Фридрих стал называть своего знаменитого гостя лимоном, который выбрасывают вон, когда выжмут из него весь сок, а Вольтер жаловался на то, что Фридрих принуждает его стирать свое грязное белье — т.е. исправлять его царственные стихи. (См. напр.: Морлей Д. Вольтер. / Пер. с англ. под ред. А.И. Кирпичникова. М., 1889. С. 174—184).

Одну из эпиграмм Фридриха на Вольтера приводит князь де Линь в заметке «Мое пребывание у г-на Волтера»: «Он сказал мне однажды: все думают, что критика бесит меня. Какая лож! Скажите мне, читали ли Вы эту эпиграмму (сочиненную Фридрихом Вторым). Не могу постигнуть, каким чудом этот человек, не зная правописания, мог написать так хорошо и правильно эти четыре стиха:

Candide est un petit vaurien
 Qui n'a ni pudeur ni cervelle.
 Ah! qu'on le reconnoit bien
 Pour le cadet de la Pucelle*.

---

* Кандид — маленький варвар,
 У которого нет ни стыда, ни ума.
 Ах, как не признать в нем
 Младшего отпрыска Девственницы (*фр.*).

В этой эпиграмме упоминаются герои известных произведений Вольтера — философской повести «Кандид, или Оптимизм» (1759) и сатирической поэмы «Орлеанская Девственница» (1735).

Естьли я не ошибаюсь, то у вас теперь с ним худо, сказал я. Однакож надобно признаться, что ваша ссора похожа на ссору любовников. — Эта шутка заставила его рассмеяться» (*Князь де Линь, Т. 2. С. 78–79*).

Бурбонские лилии входили в герб французского королевского дома Бурбонов. У Цветаевой была серебряная цепочка-ожерелье с подвесками в виде бурбонских лилий (*Каталог, 161*).

Наполеоновские пчелы входили в герб Наполеона. В очерке «Живое о живом», описывая первый визит Волошина в Трехпрудный переулок, Цветаева вспоминает свою комнату: «Комната с каюту, по красному полю золотые звезды (мой выбор обоев: хотелось с наполеоновскими пчелами, но так как в Москве таковых не оказалось, примирилась на звездах) — звездах, к счастью, почти сплошь скрытых портретами Отца и Сына — Жерара, Давида, Гро, Лавренса, Мейссонье, Верещагина — вплоть до киота, в котором Богоматерь заставлена Наполеоном, глядящим на горящую Москву.»

«100ый наряд Принцессы!» — В книге А. Цветаевой «Дым, дым и дым» читаем: «Вот слова его обо мне: «Ваше увлечение философией — это «сто двадцатый наряд принцессы», как в одной сказке. Если оно продлится больше года — я буду удивлен. Если *три* года — поставлю на Вас крест.» (*АИЦ, 108*).

Стр. 388

«(фиалки — Парма — Герцог Рейхштадтский и т.д.)». — Пармские фиалки привозили в начале XX века в цветочные магазины Москвы и Петербурга в плетеных кузовках ранней весной. Пармское герцогство сын Наполеона и Марии-Луизы должен был унаследовать от матери, но европейская дипломатия не признала его прав, поэтому он сделался австрийским принцем, низшим по рангу, чем эрцгерцоги.

Качалов (наст. фам. Шверубович) Василий Иванович (1875–1948) — актер МХТ с 1900 г. Цветаева видела его на сцене по крайней мере в роли Бранда в одноименной драме Г. Ибсена (см. записную книжку 8 в т. 2 наст. изд.).

Моисси Александр (Сандро, 1880–1935) — немецкий актер, по национальности албанец; приезжал в Россию в 1911 г. и в 1912 г. с театром М. Рейнгарда, играл главную роль в спектакле «Царь Эдип». Вероятно, Цветаева говорит о нем по слухам и отзывам в печати, так как в 1911 г. гастролью проходили в Петербурге, а в феврале–мае 1912 г. Цветаева была за границей.

Стр. 389

Ангальт-Кетен – возможно, имеется в виду Ангальт-Плесс (до 1818, а потом – Ангальт-Кетен) Фридрих Фердинанд (1769–1830), женатый на дочери прусского короля Фридриха Вильгельма II от егоmorganатического брака.

Клари Мария Кристина де (урожд. де Линь, 1757–1830).

Стр. 390

«*Православие – монархизм – так серьезно...*» и т.д. – Подразумевается известная формула, утверждающая три столпа государственности: «Православие, самодержавие и народность» (1833), министра народного просвещения и президента Академии наук графа Сергея Семеновича Уварова (1786–1855).

Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920) – помещик Бессарабской губернии, действительный статский советник, депутат II–IV Государственной думы, лидер ее правой фракции; один из основателей и председатель Всероссийской монархической организации «Союз им. Михаила Архангела»; в декабре 1916 г. вместе с Ф. Юсуповым и вел. кн. Дмитрием Павловичем участвовал в убийстве Распутина; умер в Новороссийске от сыпного тифа.

Насколько одиозна была фигура этого политика, дадут представление выдержки из дневника современницы – жены члена Государственной думы II созыва историка А.А. Кизеветтера.

«*23 февраля 1907.* <...> Саша <А.А. Кизеветтер> дома рассказывал, что он попал в комиссию с Пуришкевичем. Пуришкевич представился. Впечатление довольно-таки пакостное. Холеный, руки надутые, на руках браслеты, голова облезлая. <...> В комиссии попала жалоба по каким-то выборам. Пуришкевич срывается с места: «А сколько жидов здесь подписалось?» <...> На втором заседании мы <...> довольно хорошо его разглядели. Он ходил внизу по кулуару, а мы, нагнувшись, смотрели на него сверху. Он весь бронзовый: и грудь, и лысина, и лицо. Роста среднего, не полный (глазетовый), по сторонам торчат длинные усы. Одет в белый жилет и сюртук. Манеры очень дурного тона, походка разгильдяйская, руками делает какие-то развязные жесты; ото всего веет каким-то противным, некультурным. <...>

10 марта 1907. <...> Предоставляется слово Пуришкевичу. «Отказываюсь», – кричит он. Слева – ироничные аплодисменты. – «... А, в таком случае...» – и Пуришкевич вскакивает и при дружном хохоте

левых вспрыгивает на кафедру. Там, размахивая руками, он кричит на всю залу, что на скамьях левых (социалистов-революционеров) — главный штаб революционеров. <...>

4 мая 1907. <...> Другой мой сосед подальше, молодой, худощавый офицер симпатичного вида всё жалел, что не услышит Пуришкевича. Теперь увидал, что тот подал записочку — удовлетворенно говорит: «Ну, теперь можно и уехать из Петербурга, Пуришкевича слышал!» <...> Говорит молодой левый. Пуришкевич всё время вставляет в речь свои замечания. Компания его весьма довольна. Одна вставочка им всем кажется особенно удачной (я не расслышала). Мы видим, как они все 6 человек трясутся от смеха — вся компания в восторге. У нас на хорах тоже довольны. «Смотрите, смотрите! Хохочут», — раздаётся кругом. Головин <председатель II думы> встает, звонит и напоминает Пуришкевичу о существовании 38 статьи. У Пуришкевича голова трясется, он хохочет. К вящему удовольствию черносотенной компании оратор, спеша в свои 10 мин., на радость ей такими словами заканчивает свою обличительную речь: «Мы, учителя, являемся не двигателями просвещения, а мучителями, уродующими детские души!» Граф Бобринский, Крупенский и Пуришкевич яростно аплодируют. Должно быть, устав клоуничать, Пуришкевич встает и направляется из залы. «Пуришкевич ушел. Можно и мне выйти», — говорит офицер. «Смотрите, не пропустите его», — смеюсь я.» (Кизеветтер Е. Я. Дневник 1905—1907 гг. // *Российский архив*. Т. У. М.: Студия «ТРИТЭ» Никиты Михалкова, 1994. С. 382, 389, 406—407).

В. М. Пуришкевич был неутомимым и энергичным земским деятелем. «Как человек слишком определенных политических взглядов, называемых крайне правыми, я не люблю отпугивать свою особую от создаваемых мною учреждений людей умных, полезных, но недостаточно политически мужественных, и посему, выполняя всю черную работу в том деле, которое я создаю, я первое место и казовую роль всегда предоставляю людям, которые хотят и могут работать, но политическая окраска коих не столь определена и ярка, как моя; и чуждый мелкого честолюбия, я вижу, как дело, мною созданное, двигается, не отпугивая, а притягивая к себе других полезных и нужных людей» (Дневник члена Государственной думы Владимира Митрофановича Пуришкевича. Рига: National Reclama, 1924. Репр. воспр. изд.: М.: Сов. писатель, 1990. С. 38).

Верб – вербный базар на Красной площади.

Стр. 391

Гревская площадь в Париже была в XVII–XVIII вв. местом совершения казней.

Стр. 392

Мюрже Анри (1822–1861) – французский писатель, автор «Сцен из жизни богемы» (1851).

Чаттертон Томас (1752–1770) – английский поэт, автор поэм «Турнир», «Парламент духов» и др. Находясь в крайней нужде, покончил с собой.

Жильбер Никола Жозеф Лоран (1751–1780) – французский поэт, сын крестьянина, создал о себе легенду как о гонимом поэте-плебее. А. де Виньи в романе «Стелло» представил его как одинокого и непонятого поэта.

Стр. 393

«Русское слово» – одна из самых распространенных газет России, выходила в Москве с 1895 по 1917 г., издатель И.Д. Сытин. Сотрудники: В.М. Дорошевич, А.В. Амфитеатров, П.Д. Боборыкин, В.А. Гиляровский и др.

Стр. 396

В этом отрывке князь де Линь сравнивает маркизу де Куаньи с самыми известными и выдающимися женщинами эпохи: *г-жа Дюдеффан* была хозяйкой литературного салона парижского дворянства и корреспонденткой многих великих людей того времени, ее остроты и меткие характеристики передавались изустно и письменно; *г-жа Жоффрен* собирала в своем салоне энциклопедистов, но, боясь скомпрометировать себя в политическом отношении, придерживалась осторожности и умеренности в беседах; *г-жа Мирепуа*, жена маршала Франции, принадлежала к кругу маркизы де Помпадур и, кроме других достоинств, отличалась безукоризненным вкусом.

Стр. 397

«Les Femmes – les Nobles – et les Prêtres...» – Эту свою формулу «французской Контр-Революции» Цветаева, видимо, выводит не из исторических сочинений, а из поэтических, в частности из Гюго. См. его оду «Вандея» (1819) и роман «Девяносто третий год» (1874).

Мать Гёте – Катарина Элизабет, урожд. Текстор (1731–1808).

«...называла его *Христиану...*» – Христиана Вульпиус (1765–1816); в 1806 г. Гёте узаконил браком многолетние близкие отношения с ней.

Стр. 398

«*Mes jardins...*». – Князь де Линь пишет здесь, конечно, о своих садах в Bel-Œil, проектировку которых начал еще его отец по эскизам знаменитого Ленотра. Сам князь де Линь был знатоком и любителем садово-паркового искусства и посвятил ему специальное сочинение «Взор на сады» (*Князь де Линь*. Т. 4. С. 94–132).

Этими двумя цитатами («*La mer — ressemble...*» и «*Après mes enfants...*») Цветаева начинает выписки из Письма V (см. также стр. 399), документа настолько замечательного, что мы не можем отказать себе в удовольствии привести его здесь целиком*.

Письмо V

1787 г.

Из Парфенизы.

На серебристом берегу Черного моря, на краю того обширного ручья, в который сливаются все воды Четырдаха, под тенью двух древних ветвистых орешников, при подошве скалы, на которой виден еще столп, печальный остаток Дианина храма, прославившегося жертвоприношением Ифигении; неподалеку от сей скалы, с которой Тоас низвергал чужеземцев, наконец в самом прелестнейшем и любопытном месте вселенной я пишу теперь.

Сию на Турецком ковре, на земле разостланном, окруженный Татарами, которые, смотря на меня, как я пишу, поднимают от удивления глаза к небу, как будто на другого Магомета.

Вижу счастливые берега древней Идалии и Натолии; фиговые, пальмовые, оливковые, абрикосовые и персиковые цветущие деревья разливают вокруг меня сладкие ароматы, скрывая от взоров знойные лучи солнца; морские волны переливаются у ног моих светлыми чешуями. Усматриваю позади себя, сквозь деревья, жилища, построенные в виде амфитеатра, моих диких, которые, сидя спокойно на своих плоских кровлях, служащих им вместо балконов, курят табак; их кладбище, по своему местоположению, избираемому всегда мусульманами, дает понятие о полях Елисейских. Сие-то кладбище стоит на бере-

---

* Выписки Цветаевой набраны разрядкой.

гу того ручья, о коем я уже говорил; он неприметно распространяется в том месте, где стремление вод не столь быстро, и тихо протекает между плодоносных дерев, осеняющих спокойные могилы. Мирное жилище усопших означает камнями, которые увенчаны чалмоносными, позлащенными фигурами и мраморными огромными урнами. Разнообразие всех сих видов, питающих воображение, отнимает у меня силу писать. Простершись на ковре своем, я погружаюсь в размышление.

Нет, не могу различить того, что происходит в душе моей; чувствую себя обновленным невидимою силою. Удалившись от пышности, великолепия, шумных торжеств, утомительных забав и двух самодержавных особ Севера и Запада, коих я оставил на другом краю высоких гор, наслаждаюсь наконец, во всей полноте, самим собою. Спрашиваю себя, где я? и каким случаем зашел сюда? Повторяю снова размышления свои о непостоянстве моей жизни.

Вижу, что все мое счастье могут составить одно спокойствие и независимость, и что они находятся в моей власти; но, движимый беспечностью тела и духа, первое возмущаю беспрестанно войною или начальством над войсками и путешествиями; другою жертвою таким людям, которые часто ее не стоят. Надобно умерить природную мою веселость для угрюмости тех, которые ее утомляют. Естли я хотя на минуту займусь тысячами мыслей, обременяющих мою голову, то они уже говорят мне: *вы печальны*; я отвечаю: от того, что вы об этом спрашиваете; или *вам скучно*, от того, что вы заставляете меня быть скучным.

Спрашиваю у себя, для чего, не любя, ни принужденности, ни почестей, ни богатства и милостей, будучи совершенно равнодушен ко всему этому, проводил я всю жизнь при Европейских дворах.

Вспоминаю, что родительские милости Императора Франца I, любившего всех молодых повес, прежде привязали меня к нему; а потом, пришедши в милость к одной из его приятельниц, еще сильнее почувствовал привязанность ко двору его; ибо, по обыкновению, потеряв благосклонность сей прелестной женщины, я не лишился оной у моего монарха. По кончине его, хотя я был еще очень молод, но почитал уже себя старинным придворным, и готов уже был критиковать то, чего еще не знал; но, к стыду своему, нашел в новом Императоре такую любезность, такие совершенства, что пожелал лучше искать его уважения, нежели милостей.

Будучи уверен в том, что он не любил оказывать отличий, я мог предаться своей склонности к особе его, и, осуждая вместе излишнюю

быстроту его действий, я удивлялся большей части оных, и не перестаю никогда превозносить полезных намерений сего деятельного и изобретательного гения. Посланный ко Французскому двору в самые блистательные лета и в блистательном случае с известием о выигранной баталии, я не захотел уже возвращаться назад. Случай привел Графа д'Артуа в ближний гарнизон подле того, в котором я начальствовал над войсками.

Прихожу туда с несколькими из моих Австрийских офицеров, довольно ловких: он смотрит на нас, зовет меня, и, начав разговор со мною, как должно Королевскому брату, он кончил его, сделавшись моим собственным: начали пить, играть, шутить. Получив свободу в первый еще раз в жизни, он не знал, как бы ею воспользоваться. Резвое и веселое начало его юности пленяет меня. Откровенность доброго его сердца, во всем изображавшаяся, обвораживает меня; он хочет, чтоб я приехал к нему в Версалию. Я говорю, что увижусь с ним в Париже, когда он туда приедет; он непременно желает говорить обо мне Королеве, которая приказывает непременно ехать в Версалию. Прелести лица и души ее, равно достойные обожания; приятность ее общества заставила меня проводить там каждый год по пяти месяцев, не отлучаясь почти ни на час. Склонность к забавам влечет меня в Версалию, а благодарность принуждает к этому.

Принц Генрих проводит жизнь свою на поле чести; нравственность и военное искусство соединяют нас; я сопровождаю его, имею счастье ему нравиться. С его стороны благоволение, милости; с моей услуги, частые переписки и свидания в Спа и Рейнсберге.

Императорское войско в Моравии влекло туда и прежнего и нынешнего Прусского Короля. Первый, видя, как я боготворю великих людей, зовет меня в Берлин. Сношения, знаки почестей и милостей наивеличайшего из героев увенчивают меня славою. Племянник его, будучи тогда Принцем крови, приехал из Страсбурга. Некоторые препоручения, относящиеся к любви, доверенности, посылаемым деньгам и дружбе к одной любимой им женщине, несколько познакомили и подружили нас в столь отдаленной стране; несмотря на различие видов, службы, звания, чужеземцы скоро знакомятся. Я избегаю дружества двух прочих Северных Государей. Слабый дух одного скоро совсем расстроит пылкость другого и тем избавит меня от скучного путешествия в Стокгольм и Копенгаген. Теперь я уже освобожден от необходимости одному из сих Королей давать праздники, а от другого принимать их самому.

Сын мой Карл женится на одной прекрасной Полячке. Вместо наличных денег родители ее дадут нам в приданое за нее одну бумагу для получения денег у Российского двора. От этого меня теперь везде здесь почитают Поляком. Один глупой Польский Епископ... дядя моей невестки, думает, что я в милости у Российской Императрицы, говорит, что я могу быть Королем Польским, если получу право гражданства. Какая бы перемена произошла в делах всей Европы! Какое бы счастье для Масальских и де Линев! говорит он; а я смеюсь над ним. Однакож мне хочется понравиться одноземцам, собранным на сейм, и народ превозносит меня до небес. Говорю с ними по Латине, глажу им усы, стараюсь всячески льстить Польскому Королю, который и сам великий хитрец, равно как и все такие государи, кои носят корону только с тем условием, чтоб исполнять волю своих соседей или поданных. Он добр, любезен, привлекателен; я часто подаю ему советы, и мы с ним теперь искренние друзья.

Приезжаю в Россию и начинаю тем, чтоб позабыть причину моего приезда: ибо мне кажется слишком неучтиво, для приобретения милостей, пользоваться тем благоволением, с коим меня каждый день принимают. Пленительная и обнадеживающая простота Екатерины Великой обворожает меня. Ея-то гений перенес меня в сию волшебную страну. Я пробегаю ее взорами и ощущаю необыкновенное спокойствие духа, который уже давал мне чувствовать, что я начинал терять оное, живо представляя цепь обстоятельств, заставивших меня делать то, чего я совсем не хотел.

Ночь будет прекрасная. Море, утомленное дневным движением, стоит неподвижно и представляет на гладкой поверхности своей прекрасное зеркало, в котором я вижу свое изображение. Вечер хорош чрезвычайно; я ощущаю в мыслях моих ясность, блистающую на небе и на море.

Для чего, говорю я сам себе, занимаюсь созерцанием прелестей природы тогда, как мог бы ими наслаждаться в мирном спокойствии, которое я обожаю? Думаю, что это место внушит мне оное и что здесь придет мне в голову такая мысль, которая кому-нибудь будет полезна или приятна.

Может быть, тут писал Овидий; может быть, сидел на том же самом месте, где я сижу теперь. Элегии его писаны при берегах Понта: вот Понт Эвксинский, принадлежавший некогда Митридату, Царю Понтийскому; а как место изгнания Овидия довольно неизвестно, то

я более имею права предполагать его здесь, нежели в Каранчebesе, по мнению Трансильванцов.

Право их на сие предположение есть: *сага тiа cedес*, из которого, думают они, испорченное произношение сделало названное мною имя. Действительно Парфениза Татарским выговором переименовано из Греческого своего названия *Парфенион*, что значит на сем языке *девицу*; это тот славный Парфенийский мыс, на котором случилось столько происшествий, где мифология воспляляла воображение. Все дарования, приписываемые баснословным богам, распространили здесь свое могущество. Захочу ли на минуту оставить басню для истории? То зрю Евпаторию, основанную Митридатом, собираю здесь, близ древнего Херсона, отломки алебастровых столпов; встречаю остатки водяных спусков и стены, представляющие окружность Парижа и Лондона вместе. Оба сии города исчезнут, подобно ему. В нем были те же политические и любовные интриги; также, каждый полагал всю славу в его названии; но названия самых государств, обезображенных Татарскими и Крымскими именами, предались забвению. Вот прекрасная мысль для господ вельмож! Возвращаясь назад, начинаю одобрять праздность добрых Мусульман моих, сидящих на кровлях, сложа крестообразно руки и ноги. Нахожу между ими одного Альбанца, который несколько разумеет по Италиански; приказываю ему спросить у них, счастливы ли они, или могу ли я быть им полезен, и знают ли они, что Императрица мне их пожаловала. Они велели мне сказать, что им вообще известно то, что они разделены, и чего они никак не понимают; что они до сих пор очень счастливы, и что в случае перемены сядут на два корабля, которые сами построили, и отправятся на них опять на свою сторону, к Туркам в Романию. Они показывают мне своих овец, лежащих на траве; я благословляю беспечных; показывают свои плодовые деревья и уведомляют меня через переводчика, что когда наступит время собирания плодов, то Каймакан приезжает из Бакчисарая брать половину оных. Каждая семья продает их в год на 100 франков. В Парфенизе и Никите, местечке, мне же принадлежащем, считается 46 семей вместе; названия же Парфениза на Греческом языке значит *победа*.

Благословляю беспечных, обещаю защищать их от притеснений. Они мне приносят масло, сыр и молоко.

Благословляю беспечных празднолюбцев и снова начинаю свои размышления. Еще раз спрашиваю себя: что я здесь делаю? разве я пленник Турецкий? разве выброшен на сей берег кораблекрушением?

разве я изгнан, как Овидий? изгнан каким-нибудь Государем или страстию? спрашиваю и отвечаю: совсем нет. После детей моих и двух или трех женщин, которых я люблю, или думаю, что люблю до безумия, сады мои милее мне всего на свете; немного есть подобных им. Мне приятно еще трудиться для большего их украшения. Я никогда почти в них не бываю, и никогда не был в весеннее время, тогда как Флора покроет их своими прелестями и весь воздух напоет бальзамическим своим дыханием. Я теперь за 2000 верст от них. Имея владения на берегах Океана, живу в своих же владениях на берегу Понта Эвксинского.

Я получил от Императрицы письмо за 800 верст от Ея местопребывания. Она напоминает в нем наши разговоры о счастливых временах древности; делает мне предложение ехать с Собою в сию волшебную страну, которую она назвала Тавридою и, в угодность склонности моей к Ифигениям, дает мне место в том храме, где Агамемнова дочь была жрицею.

Тогда-то, забыв все земные силы, троны, власти, я внезапно ощутил сие сладкое упоение, которое вливает в дух приятное спокойствие и заставляет на время забывать существование. Что чувствует в сии минуты душа моя? не знаю; но уверен в том, что она не действует, а чувствует и наслаждается своим спокойствием.

После сего начинаю снова делать разные замыслы. Наскучив всем, что есть известного, для чего мне здесь не остаться? Я преобразую сих Татарских Мусульман, приучив их пить пиво, а дому своему придам вид чертогов, на которые издалеку станут смотреть мореплаватели; построю восемь виноградных павильонов колоннадами и балюстрадом, который скроет собою их кровли. Тотчас начертываю план всему тому, чтобы немедленно было исполнено без войны, к которой подало поводе наше торжественное путешествие. Как жаль, сказал я тогда сам себе, что истребились сии прекрасные остатки идолопоклонства, столь полезные для воображения! Сии прелестные места и теперь еще увеселяют зрение: белые колокольни, высокие и узкие жертвенники, и вид восточной архитектуры, изображающей красоту свою в каждой хижине. Размышления, приводящие мне на память всё разрушенное рукою времени, напомнило мне и о собственных потерях. Нахожу, что в дешнем мире всё подвержено разрушению, и что скоро Империя перестанет возвышаться, то начнет приходит в упадок: равным образом в тот день, с которым любовь наша не возрастает, она уже уменьшается. Любовь! Какое

слово произнес я? Слезы текут из глаз моих, но о чем, не знаю; но они сладостны, они производят всеобщее умиление; они суть изливание чувствительности, не будучи в состоянии определить главного предмета оной. В сии минуты смешиваются в уме моем множество различных идей; я плачу, не имея на то особенной причины, но взываю к тем, кои столь часто представляются моему воображению, Ах! быть может, и вы теперь также грустите, как и я, о том, что нас разлучают моря, степи, горестные обстоятельства, родственники, беспокойства и предрассудки? Быть может, я грущу о вас, которые меня любили, не говоря мне о любви своей; с которыми я расстался в совершенной об этом неизвестности? быть может о вас, невольницы обязанностей своих? Любовь к поэзии, к природе, чтение, прогулки, тысячи тайных отношений неприметно нас соединяли.

Источник слез моих неиссякаем. Уже ли оне служат предчувствием какой-нибудь мучительной для меня потери? Спешу удалиться от сей ужасной мысли; призываю в помощь самого Бога, и говорю себе: быть может, сия сильная задумчивость, нераздельная с юностию, мне предвещает какое-нибудь небесное существо, достойное моего обожания, которое на веки определит судьбу жизни моей. Мне казалось, что завистливая будущность не хотела расторгнуть своей завесы для моих взоров. Как легко сила воображения может превращаться в оракула! Сими-то чертами живописалась в памяти моей картина любви минувшей, настоящей и будущей. Ах! для чего ж оне не изображают ей картины дружбы? Я имею друзей более, нежели другие, оттого, что жизнь моя, не имея никакой особенной цели, не имеет в себе ничего необыкновенного, а достоинство ничего опасного. Везде встречаю друзей общества, с которыми приятно проводить время обеденное, ужинное, вечернее; но находил ли такого, который бы столько занялся мною, что заслужил бы мою благодарность?

Чувствую безмерное удовольствие, когда кого благодарностию обязываю, хотя иногда и неблагодарных; это я знаю по собственному опыту. Страх самому сделаться таковым, часто заставляет меня предпочитать совсем противную крайность, в которой самый обман кажется мне позволительным. Не оплакивая человечества, не чувствуя к людям ни

чрезмерной любви, ни ненависти, ибо последнее весьма утомительно, я не более ими доволен, как и самим собою. Однакож рассматривая себя, нахожу добрым, п.ч. радуюсь щастию других.

Я сужу о свете, и смотрю на него как на Китайские тени, во ожидании той минуты, в которую роковая коса времени сильным своим взмахом исхитит меня из оного. 9 или 10 кампаний, мною сделанных, 12 сражений, коих был свидетелем, представляются мне теперь, как сон. Я думаю о ничтожности славы неизвестной, забытой, возбуждающей зависть, помраченной, совершенно уничтоженной после смерти нашей; однакож чувствую, что большая часть моей жизни потеряна в тщетном искании сей славы. Я не могу охуждать своей храбрости; она может быть довольно блистательна, хотя не довольно невинна. Храбрость милого моего Карла, который не старается ею обращать на себя внимания, гораздо для меня любезнее. Снова начинаю рассматривать себя; нахожу в себе множество недостатков, и потом обращаюсь к ничтожности честолюбия. Смерть похитила, или скоро, может быть, похитит у меня благосклонность некоторых славных героев и великих Монархов. Своенравие, непостоянство, коварство разрушат мои надежды. Интрига, отдалив меня от всего, заставит забыть солдат, которые могли бы еще с некоторым удовольствием слышать голос своего Визиря. Не сожалел о прошедшем, не страшась будущего, предоставляю воле судеб остаток моей жизни. Довольно посмеявшись над своими малыми достоинствами и происшествиями, случившимися со мною при дворе и в армии, я еще восхищаюсь тем, что не был хуже, и горжусь приобретением великого дарования обращать всё к моему благополучию.

Я судил, видел себя в душе своей столь же ясно, как в зеркале мое изображение. Ночные тени начинают уже помрачать дневный свет, солнце склоняется к западу; стада, пасущиеся близ меня, вызывают Татар, которые спокойно сходят с своих кровлей, гонят их домой, чтобы запереть вместе со своими женами, сидевшими целый день в заперти. Крикуны с вершины своих минаретов зовут в мечеть. Положив руку на сердце, благословляю беспечных, прощаюсь с ними, оставляя их равно удивленными видеть меня своим властелином и узнать желание мое, чтобы всегда сами собою управлялись.

Я успокоиваю встревоженный дух мой, собираю рассеянные мысли. С сердечным умилением взираю на сии прелест-

ные места, которых не увижу опять никогда, и которые доставили мне день, приятнейший в моей жизни. Поднявшийся внезапно прохладный ветер не позволил мне отправиться в шлюбке, которая бы должна везти морем в Феодосию. Сажусь на Татарскую лошадь и, следуя проводникам своим, предаюсь опасностям ночи, дороги и рек, чтобы переправиться через высокие горы и там найти Их Императорские Величества в Карасубазаре.

(*Князь де Линь*. Т. 1. Ч. 1. С. 61–78).

В своем предисловии к III тому первый русский издатель сочинений князя де Линя (г-н Проппиак) признался, что из-за вышеприведенного письма не решился «выдать жизнеописание» автора, ибо «можно ли описать его лучше, как он сам себя описал в письме к г-же Коаньи: *на серебристом берегу Черного моря*».

Стр. 401

Платон (Левшин, 1737–1812) – митрополит московский.

Стр. 404

«*Und diese himmlischen Gestalten...*» – не вполне точная цитата (надо: «*Und jene himmlischen Gestalten...*») из песни Миньоны («Годы учения Вильгельма Мейстера», кн. 8, гл. 2).

Стр. 405

«*Chansons de Vieille France*». – Сохранилась принадлежавшая Цветаевой книжечка «*Chansons nationales et populaires de la France*» (без обложки, титульного листа и выходных данных, приблизительно середины XIX века издания, 600 с лишним стр.), которую она привезла с собой в 1939 г. из Парижа и по которой в декабре 1940 г. сделала пять переводов народных песен Франции XVIII в. для антологии французской поэзии, готовившейся в Гослитиздате (впервые опубли.: Цветаева М. Просто сердце: Стихи зарубежных поэтов. М.: Прогресс, 1967. С. 68–72).

«*...мода колец с черепом...*» – видимо, анархистская мода.

Стр. 406

Макс Штумпф фон Швейнсберг – рыцарь, герой исторического романа Вильгельма Гауффа «Лихтенштейн». По крайней мере в двух русских переводах романа (а Аля читала один из них) из числа просмотренных нами, имя рыцаря передано именно так: *Маркс Штумпф* (Гауфф В. Лихтенштейн: Исторический роман. / Пер с нем. М. Ми-

хайловой. М., 1907; Гауфф В. Лихтенштейн. / Пер. с нем. Киев—Харьков, <1898>; 2-е изд. СПб., 1904; 3-е изд. Киев, 1910).

Стр. 407

Ввиду интенсивности сострадания Цветаевой к автору *завещания*, приводим этот документ здесь полностью. Выписка Цветаевой набрана разрядкой.

«Я, по имени Людовик XVI, король Франции, запертый, в течение четырех месяцев, с моим семейством, в башне Тампля, в Париже, теми, которые были моими подданными, и лишенный уже одиннадцать дней всякого сообщения с кем бы то ни было, даже с моим семейством, — запутанный, кроме того, в процесс, исход которого невозможно предвидеть по причине людских страстей, — не имея никого, кроме Бога, свидетелем моих мыслей и к кому бы я мог обратиться, — я объявляю здесь, в Его присутствии, мою последнюю волю и мои чувства. Вручаю мою душу Богу, моему создателю. Молю Его милосердно принять ее. Я умираю верным церкви и покорным духу ее велений. Молю Бога простить все мои грехи. Я старался тщательно исследовать их, возненавидеть их и смириться пред ним... Прошу всех, кого мог оскорбить невольно (ибо не помню, чтобы сознательно нанес кому-либо оскорбление) простить мне зло, какое, по их мнению, я мог им сделать... Прошу всех тех, которые имеют милосердие, соединить свои молитвы с моими... Прощаю от всего сердца тех, которые сделались моими врагами, без всякого повода с моей стороны, и молю Бога простить им, так же, как и тем, которые, по ложной и дурно понятой ревности, причинили мне много зла... Вручаю Богу моих жену, детей, сестру, теток, братьев и всех тех, которые мне близки по крови или каким бы то ни было другим образом. Молю Бога, в особенности, взглянуть милосердным оком на моих — жену, детей, сестру, которые с давнего времени страдают со мною; подкрепить их своею благодатью, если они меня потеряют и пока останутся в этом тленном мире...

Поручаю детей моих жене; я никогда не сомневался в ее нежности к ним. Поручаю ей, в особенности, приучить их смотреть на величие здешнего мира, если они осуждены испытать его, не иначе, как на благо опасное и преходящее, и обращать их взоры к единственной надежде и продолжительной славе, — к славе вечности... Прошу сестру мою продолжать быть нежной к моим детям и заменить им мать, если бы они имели несчастье потерять свою настоящую мать... Прошу жену мою простить мне бедствия, какие она выстра-

дала за меня, и печаль, какую я мог причинить ей в продолжение нашего союза; она также может оставаться в уверенности, что я не уношу ничего против нее, хотя бы она и думала, что может в чем-нибудь себя упрекнуть.

Поручаю моим детям, — после обязанностей к Богу, который должен быть прежде всего, — оставаться всегда дружными между собою, покорными и послушными матери, признательными за все скорби, какие она за них выносит, и в память меня... Прошу их смотреть на сестру мою, как на вторую мать...

Поручаю моему сыну, если бы он имел несчастье сделаться королем, подумать о том, что он обязан всецело отдаться счастью своих сограждан, забыть всякую ненависть и вражду, и именно всё, относящееся к несчастьям и скорби, какие я выношу. Пусть он помнит, что нельзя иначе составить счастье народа, как только царствуя по законам, но в то же время, что король не может заставить уважать законы и осуществить добро, заключенное в его сердце, как соразмерно находящейся у него соразмерной власти, в противном же случае, встречая сопротивление своим действиям и не внушая к себе уважения, он более вреден, чем полезен!.. Пусть он подумает, что я обязан священным долгом признательности детям тех, которые погибли за меня, и тех, которые терпят несчастье за мое дело!.. Поручаю ему гг. Гю и Шамильи <речь о ближайших слугах его>, которых неподдельная привязанность ко мне побудила затвориться в этом печальном убежище. Поручаю ему также Клери, попечениями которого могу похвалиться с тех пор, как он находится со мною; и так как он остался со мною до конца, то прошу коммуны вручить ему мои платья, мои книги, часы, кошелек и другую мелкую движимость, которая у меня была отнята и сложена в совете коммуны... Прошаю моим стражам их дурное обхождение и стеснения, какие они считали своею обязанностью приложить ко мне... Я нашел среди их несколько людей с чувством и состраданием. Пусть они наслаются в своем сердце спокойствием, какое должен сообщить им их образ мысли!.. Прошу гг. Мальзерба, Тронше и Десеца <его адвокаты в суде> принять здесь искреннюю мою благодарность и выражение моего чувства за все заботы и труды, какие они приняли за меня...

Кончаю заявлением пред лицом Бога, готовый предстать пред Ним, что не могу упрекнуть себя ни в одном из преступлений, в которых обвиняют меня!

Написано в двух экземплярах, в башне Тампля... января 1793 г.

Людовик.» (*Ламартин. Т. II. С. 363–365*).

21 января 1793 г. Людовик XVI был гильотинирован.

Цветаева сожалеет о следующем диалоге, сочиненном ею в 4-й картине своей пьесы «*Фортуна*»:

ЛОЗЕН (указывая на перо <султан с его каски, взятый Королевой на память>):

Боюсь, что Королю не по душе
Придется мой сподвижник белый...
Боюсь, Король...

МАРИЯ-АНТУАНЕТТА (*раздраженно*):

Как мир – старо!
Король! Король! – Иль Вы забыли,
Что мне Лозеново перо
Дороже всех бурбонских лилий!

ЛОЗЕН:

Так добр Король...

МАРИЯ-АНТУАНЕТТА:

За добрые дела,
Лозен, не любят! Чуть из лесу –
Замки чинить! – Насмешка зла:
Я дочерью Кесарей была,
Мне мужем оказался – слесарь!
– Что делать?

ЛОЗЕН:

Жить без перемен.
Бог – властелин таких союзов.

МАРИЯ-АНТУАНЕТТА (*вздыхом всего существа*):

Ох, если б знали Вы, Лозен,
Как скучен мне Король Французов!..

Замечательную характеристику *Людовика XVI, как человека и короля*, находим у Ламартина:

«Королю Людовику XVI было только 37 лет; он имел фамильные черты лица, с несколько тяжелым оттенком, следствием немецкой крови его матери, — принцессы саксонского дома. Прекрасные, широко раскрытые голубые глаза, — больше светлые, чем ослепительные, округленный, убегающий назад лоб, — римский нос, мягкое очертание ноздрей которого несколько изменяло энергию, свойственную орлиному носу, — рот улыбающийся и грациозный при произнесении слов, губы толстые, но хорошо очерченные, тонкая кожа, с живым, хотя немного слабым отливом, короткий рост, толстое тело, боязливая поза, неверная походка; при спокойном состоянии, тревожное покачивание тела попеременно то на одну, то на другую сторону, без передвижения его; быть может, оно в нем обуславливалось привычною нетерпеливостью, свойственной государям, которые должны давать длинные аудиенции, а быть может, это было и физическим выражением постоянного колебания нерешительного ума; во всей фигуре выражение благодушия, не совсем королевского, которое при первом взгляде располагало сколько к насмешке, столько же и к уважению, и его врагами было умышленно перетолковано так, чтобы показать народу в самых чертах государя отражение тех пороков, которые предстояло истребить в королевстве; в целом, некоторое сходство с физиономией последних Цезарей, в эпоху упадка понятий и рас: кротость Антонина в дородности Веспасиана. Таков человек!

<...> Бывают обстоятельства, обставляющие все движения человека такими западнями, что какое бы направление он ни принял, все-таки упадет в роковую пропасть своих ошибок или даже своих добродетелей. Людовик XVI был именно в таком положении. Вся непопулярность королевской власти во Франции, все ошибки прежних царствований, все пороки королей, все скандалы двора, все страдания народа, так сказать, скопились над его головой и указали его невинное чело для искупления неправд нескольких веков. Эпохи, как и религии, имеют свои жертвы. Когда они хотят обновить учреждение, сделавшееся непригодным, то громоздят над человеком, в котором олицетворяется это учреждение, всю ненависть и все проклятия, свойственные самому учреждению; из этого человека они делают жертву, которую приносят своему времени: Людовик XVI был такою жертвою, — невинною, но обремененною всеми неправдами прежних тро-

нов, — жертвою, которую должно было принести в искупление оскверненного королевского сана. Таков король.

(Ламартин. Т. I. С. 13, 15).

Стр. 408

Батц Жан барон де (1760—1822) — французский политический деятель; был противником революции и в 1791 г. эмигрировал; после объявления смертного приговора Людовику XVI организовал заговор с целью спасти его по дороге к эшафоту. Когда телега проезжала мимо ворот Сен-Дени, барон с несколькими приверженцами бросился вперед: «К нам, французы! К нам все, кто хочет спасти своего короля!». Толпа не поддержала его, двое из его соратников были убиты, он сам с трудом скрылся.

Стр. 409

«*Август (хотелось бы нарисовать яблоко...)*». — 6 (19) августа праздник Преображения Господня называется в народе «Яблочным Спасом», в этот день освящаются яблоки. Ср. также в ст-нии 1917 г. «Август—астры...»:

Полновесным, благосклонным
Яблоком своим имперским,
Как дитя, играешь, август.

Стр. 410

Ллойд Джордж Дэвид (1863—1945) — премьер-министр Великобритании (1916—1922).

«*Похороны альманаха. Обычай морского корпуса*». — Морской корпус — Старейшее учебное заведение России, созданное по указу Петра I в 1701 году. В течение своего существования неоднократно переименовывалось: с 1906 по 1916 гг. носило название Морского корпуса (ныне Военно-морской институт, Санкт-Петербург). Его воспитанниками были адмиралы Ф.Ф. Ушаков, П.С. Нахимов, А.В. Колчак, а также составитель «Толкового словаря» В.И. Даль, художник В.В. Верещагин, композитор Н.А. Римский-Корсаков, писатель К.М. Станюкович и др. Ежегодным балом 6 ноября в Морском корпусе (корпусный праздник) открывался зимний светский сезон в столице.

Как во всяком закрытом учебном заведении, в Морском корпусе были свои традиции и легенды, обряды и обычаи. Один из них — похороны альманаха.

«После сдачи гардемаринами выпускного экзамена по астрономии в корпусе проводились «похороны альманаха» («альманахом» назывался не любимый воспитанниками астрономический ежегодник с данными о координатах небесных светил на каждый день каждого года).

Существовал особый ритуал похорон. За несколько дней до экзамена корпус оповещали о «болезни» альманаха. В классах вывешивались бюллетени о состоянии его здоровья. Кадеты и гардемарины ходили по корпусу на цыпочках, чтобы не беспокоить «больного».

В день экзамена над головами пишущих последнюю письменную по астрономии гардемарин «плавали» под потолком Столового зала воздушные шары с закрепленными на них плакатами: «Сэр Альманах умер!»

В ночь после экзамена старшая гардемаринская рота торжественно «хоронила» ненавистный ежегодник. В Столовом зале выставлялся почетный караул в полной амуниции с винтовками, но без всякой одежды — в голом виде. На троне из столов и красных одеял восседал «Нептун». Альманах клали в картонный гроб, около которого кружились «балерины», и вывозили на орудейном лафете.

Церемониал начинался панихидой, которую служили «священник» и «дьякон» с самодельными кадилами. Здесь же рыдала безутешная «вдова» умершего (гардемарин, подавший на экзамене работу последним). Ритуал сопровождался парадом в явно непотребном виде. «Залп» настоящей брани изображал громовой салют брига «Наварин». Гроб с альманахом кремировался в одной из печей.

Для передачи традиции на «похороны» приглашались и младшие гардемарины и даже кадеты. Выставлялись и «махальные», которые должны были предупредить о приближении кого-то из офицеров. Впрочем, корпусное начальство смотрело сквозь пальцы на этот «тайный» церемониал, уважая старые традиции своей альма-матер...» (газ. *Г а р д е м а р и н*. 1994. 13 января. № 5–6).

Об этом же обычае в своей повести «Арсен-Люпен» рассказывает и один из последних воспитанников Морского корпуса (выпуска 1917 г.) С.А. Колбасьев (1899–1939).

«Говорят, что найдены новые рукописи Пушкина». — Рассказ, записанный Цветаевой, очень неточен. Время находки и некоторые детали позволяют предположить, что речь шла о рукописи подготовительных материалов к «Истории Петра I». Сведения о том, как эта рукопись была обнаружена, сообщает И. Фейнберг, ссылаясь на рас-

сказ внука поэта Григория Александровича Пушкина, который вспоминал в 1932 г. в письме к П.С. Попову, что, когда он летом 1917 г. приехал в Лопасню (усадьбу под Москвой, принадлежавшую родственникам старшего сына поэта), жившая там «Наталья Ивановна Гончарова (племянница Наталии Николаевны Пушкиной) обратила внимание на исписанные листы, которыми была устлана клетка с канарейкой, висевшая в усадьбе. Григорий Александрович Пушкин, убедившись, что бумага исписана рукой деда, стал искать, откуда растаскивались эти листы; тогда только и был обнаружен в кладовой затерявшийся и уже раскрытый ящик с бумагами, объеденными мышами, — очевидно было, что часть их уже уничтожена». Это и была пропавшая рукопись пушкинской «Истории Петра». (Фейнберг И. Читая тетради Пушкина. Изд. 2-е. М.: Сов. писатель, 1981. С. 346–347). Интересно, что через шесть лет в журнале, издававшемся кн. Д.А. Шаховским в Брюсселе, Цветаева могла прочесть историю находки этих же рукописей Пушкина, рассказанную другим внуком — Николаем Александровичем Пушкиным, и не узнать ни одной детали рассказа, услышанного в 1919 г. (Благонамеренный. Брюссель. 1926. № 1. С. 140–142).

Стр. 413

«Вспоминаю *Goncourt'ов*». — В «Дневнике» Э. и Ж. Гонкуров не раз упоминается их приверженность к городскому образу жизни. Цветаева вспоминает один из подобных фрагментов: «1 июля 1856. Вернувшись днем из деревни, пообедали в ресторане «Терраса». <...> И никогда прежде ни сердцу, ни глазу не было так радостно видеть этот штукатурный торт, заляпанный крупными буквами, грязный, весь исписанный, так славно воняющий Парижем. Здесь во всем — только человек, здесь едва встретишь жалкое деревцо, криво растущее в какой-нибудь расщелине асфальта, — и эти безобразные фасады говорят мне больше, чем говорит природа. Нынешние поколения людей слишком цивилизованы, слишком изощрены, слишком испорчены, слишком учены, слишком неестественны, чтобы строить себе счастье из зелени и сини». (*Гонкуры. Т. 1. С. 106*).

Стр. 414

Гёста Берлинг — герой книги шведской писательницы Сельмы Лагерлёф (1858–1940), в современном переводе «Сага о Йёсте Берлинге» (1881–1891).

Стр. 416

«*Закатные облачка всегда Pompadour*». — Помпадур, маркиза де (Жанна Антуанетта Пуассон, 1721—1764) — фаворитка Людовика XV; красавица, блиставшая всеми талантами: музыка, танцы, пение, декламация, рисование — всё удавалось ей в совершенстве; построила в Версале театр, составила труппу из придворных, сама с успехом играла; создала севрское производство фарфора; была царицей моды, покровительницей всех искусств, создательницей стиля рококо. Ср. в «Фортуне»: «Влетает шелковым розовым вихрем Фортуна, в образе маркизы де Помпадур.

...Розовой пылью
Глазки тебе засыплю,
Розовой цепью
Ножки тебе опутаю».

Мшк С<травин>ская — Стравинская Любовь Людвиговна, преподавательница французского языка в московской женской гимназии М.Г. Брюхоненко.

Стр. 417

«*Боже Царя храни!*» — Государственный гимн Российской империи с 1833 г. (слова В.А. Жуковского, музыка А.Ф. Львова).

«*Ура! Ура! Ура! Идем на врага!*» — это, вероятно, один из вариантов гимна Николаевского кавалерийского училища, ср.:

Грянем ура, лихие юнкера,
За матушку-Россию,
За русского царя!

(Мантулин В. Н. Песенник российского воина. 1721-1921. Нью-Йорк, 1970). Другой вариант этого гимна звучит в телевизионном фильме по пьесе М.Булгакова «Дни Турбиных», еще один вариант его исполняет петербургский ансамбль «Царский конвой».

Стр. 418

«*дом Ф<ельдштей>нов*» — Староконюшенный пер., 25, — дом матери и отчима М.С. Фельдштейна (Р.М. Хин и О.Б. Гольдовского), где Цветаева с мужем и его сестрами жила в июле 1914 г. (см. *Семья, 186—188*; *Минувшее*: Ист. альманах. [Вып] 21. М.—СПб., 1997. С. 535—538).

«...вроде *Степки-Растрепки*». — Герой детской книжки «Степка-Растрепка. Похождения одного неисправимого шалуна», проказы которого носили всегда зловредный для окружающих характер.

...За обедом всякий раз
 Наш повеса и пролаз
 Был примерно шаловлив:
 Сколько яблок, сколько слив
 Побросает он под стол!
 То забрызжет супом пол,
 То (какие всё труды!)
 Подольет в вино воды,
 То салфетку обольет,
 То тарелку разобьет, —
 Словом, всякий раз обед
 Не обходится без бед.

(С т е п к а - Р а с т р е п к а. Похождения одного неисправимого шалуна. М.: Изд. Т-ва И.Д. Сытина, 1923).

Стр. 419

«В первый раз в жизни начинаю верить, что могу сойти с ума...» — Ср.: «Есть, Вера, переутомление мозга. И я — кандидат. (Если бы видели мои черновики, Вы бы не заподозрили меня в мнительности. Я только очень сознательна и знаю свое уязвимое место.) Поэтому — мне надо торопиться. Пока еще я — владею своим мозгом, а не он — мной, не *тó* — им. Читая конец Шумана, я *всё* — узнавала. Только у него громче и грознее — потому что — *музыка*: достоверный звук.» (Письмо к В.Н. Буниной от 28 августа 1935 г.).

«Слово *Hâtez-Vous*» Марии Антуанетты к палачу...» и т.д. — Подобные исторические эпизоды неминуемо обрастают легендами. Цветаева приводит одну, вот другая: «Она величественно поднялась по ступеням помоста. На эшафоте она нечаянно наступила на ногу палачу. Он вскрикнул от боли. «Извините меня», — сказала она палачу таким тоном, точно обращалась к одному из своих придворных.» (Ламартин. Т. I. С. 299).

Стр. 420

«Аля похожа на Дофина Людовика XVII». — Людовик XVII (1785–1795) — сын Марии Антуанетты и Людовика XVI. Семилетним ребен-

ком после казни отца он был разлучен с матерью и отдан под надзор сапожнику Симону; ребенок был заперт в комнате в башне Тампля, у него не было ни игрушек, ни книг, его сторож издевался над ним; под влиянием непрерывного страха разум его стал угасать и на третьем году тюремного заключения он умер.

Скобелев Михаил Дмитриевич (1843–1882) – русский генерал, герой русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (командовал отрядом под Плевной и дивизией в сражении при Шипке).

Стр. 423

«...у меня только 1/4 дедушки был еврей!» – Аля имеет в виду своего деда по отцу Якова Константиновича Эфрона (1851–1909).

Стр. 424

«...я была бы сейчас в страшном горе. (Сонечка Голлидэй)». – В «Повести о Сонечке» Цветаева рассказывает, что после своего возвращения в Москву С.Е. Голлидей не пришла к ней, и пытается найти причины этой неожиданной развязки.

Лига Спасения Детей. – Организация занималась сбором и доставкой продовольствия, распределением его по школам, детским садам и приютам, устройством детских столовых. Правление лиги находилось в Москве на Мясницкой, д. 20, в обществе «Кооперация».

Стр. 425

Аретино Пьетро (1492–1556) – итальянский писатель. Славу ему создали его «Диалоги», первые две части которых посвящены нападкам на женщин, третья живописует придворные нравы. Откровенный цинизм, с которым написаны некоторые эпизоды, надолго определил репутацию этой книги, зачисленной в разряд «безнравственных».

Стр. 426

«Где друзья минувших лет...» – первая строфа «Песни старого гузара» (1817) Д.В. Давыдова.

Стр. 427

Челлини Бенвенуто (1500–1571) – итальянский скульптор, гравер и ювелир; всемирную славу заслужили его неоконченные мемуары, продиктованные между 1558 и 1565 гг. – автобиография художника в форме авантюрного романа: «Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джо-

ванни Челлини, флорентинца, написанная им самим во Флоренции» (впервые изд. в 1728). На немецкий язык эту книгу перевел Гёте.

Стр. 428

«...разговоры Гёте с Эккерманом». — Иоган Петер Эккерман (1792—1854) был в последние годы жизни Гёте (1823—1832) его личным секретарем; впоследствии — автор мемуаров «Разговоры с Гёте в последние годы его жизни» (1837—1848).

«Лихтенштейн» — См. примеч. к стр. 406. В *ВА* этой книге посвящено ст-ние «Как мы читали «Lichtenstein».

Рильке Райнер Мария (1875—1926) — австрийский поэт; ему посвящены «Попытка комнаты» (1926), «Новогоднее» (1927), «Твоя смерть» (1927), переписка поэтов опубл. в кн.: Рильке Р. М., Пастернак Б., Цветаева М. Письма 1926 года. М.: Книга, 1990.

«Озорные годы» (1804—1805) и «Геспер» (1795) — романы немецкого писателя Жан-Поля (наст. имя Иоганн Пауль Фридрих Рихтер, 1763—1825).

«Записки Л. де Конта о Иоанне д'Арк». — Имеется в виду роман Марка Твена «Личные воспоминания о Жанне Д'Арк сьера Луи де Конта, ее пажа и секретаря» (1896).

Стр. 434

«Париж: розоватая серизна». — Ср. «В дождь Париж расцветает / Точно серая роза...» (Волошин М. Дождь).

«Mémoires de St^e Hélène» Ласказа. — Речь идет о книге Эммануэля Ласказа (Emmanuel de Las-Cases, 1766—1842) «Записки о Святой Елене» (1823). См. русский перевод: «Наполеон Бонапарт. Максимумы и мысли узника Святой Елены: Рукопись, найденная в бумагах Лас Каза». СПб.: Азбука, 2000.

«Гёте, умиляющийся над перевернутым наизнанку мундиром Наполеона». — В записи от 10 февр. 1830 г. Эккерман приводит мнение Гёте о книге английского генерала Гудзона Лоу (1769—1844): «В ней имеются бесценные черточки, которые могли быть подмечены только очевидцем. Как известно, Наполеон обычно носил темно-зеленый мундир, который от долгой носки и солнца пришел в полную негодность; возникла настоятельная необходимость заменить его новым, он настаивал на мундире точно такого же цвета, однако на острове подходящего не нашлось, было, правда, зеленое сукно, но желтоватого оттен-

ка. Надеть на себя мундир такого цвета властелину мира не подобало, ему только и осталось, что велеть перелицевать свой старый и по-прежнему носить его. Ну, что вы скажете? Это же поистине трагическая черточка! Просто за душу берет, когда подумаешь: царь царей унижен до того, что ему приходится носить перелицованный мундир». (Эккерман И.П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. М.: Худож лит., 1981. С. 350).

Стр. 435

Farbenlehre – «Учение о цвете» (1810), научный труд Гёте.

Артамон Сергеевич Матвеев (1625–1682) – боярин, приближенный царя Алексея Михайловича. С 1671 г. руководитель русской дипломатии. С 1676 г. в опале. Возвращен в Москву в 1682 г., убит стрельцами. Вероятно, Аля читает кн.: Фурман П.Р. Ближний боярин Артемон <так> Сергеевич Матвеев, друг царя и народа. Историческая повесть в 2 ч. Изд. 2-е СПб.: Изд. В.И. Губинского, б.г. <нач. 1900-х>.

Fabergé – российская ювелирная фирма «Торговый дом “Карл Фаберже”»; московский магазин находился на Кузнецком мосту, д. 4 (ныне д. 10).

«...написать роман – или пьесу – «Бабушка»... – Замысел не осуществлен. 10–12 июля 1919 г. Цветаевой написан цикл из двух ст-ний «Бабушка».

Стр. 436

Никон – патриарх московский при царе Алексее Михайловиче (в миру Никита Минич, 1605–1681).

Нарышкин – вероятно, один из дядей Петра I по матери; двое были убиты во время стрелецкого бунта 1682 г., Лев Кириллович (1664–1705) был сослан, в первые годы царствования Петра I занимал должность начальника Посольского приказа.

Стр. 439

«...с книгой о Петре Великом...» – Возможно, имеется в виду изданная в той же исторической библиотеке для детей повесть П.Р. Фурмана.

«*Tenir le chandelier*». – Возможно, речь идет о ритуале, изобретенном Людовиком XIV и описанном Сен-Симоном. После ужина король проходил в комнату, где происходило раздевание. Во время вечерней

молитвы короля придворный священник держал перед ним подсвечник с зажженной свечой, а потом передавал его первому камердинеру, который нес его перед королем, провожая его к креслу. «Король оглядывался кругом и громко называл по имени одного из стоявших близко, и камердинер в свою очередь передавал тому подсвечник. Это был знак отличия и милость, которая очень ценилась: таким искусством обладал король создавать нечто из ничего. <...> Вызванный снимал перчатку, подходил, брал подсвечник и держал его до конца раздевания, очень короткого, потом возвращал его главному камердинеру, который по своему выбору передавал его кому-нибудь из участвующих в малом раздеванье» (*Сен-Симон*. Т. II. С. 95).

Стр. 440

«*Живу, заваленная книгами*». — Далее Цветаева перечисляет следующие книги: двухтомный исторический труд Анатоля Франса «Жизнь Жанны Д'Арк» (1908), исторический очерк Альфонса де Ламартина «Жанна Д'Арк» (1852), книги «Любовь» (1858) и «Жанна Д'Арк» (1853) Жюль Мишле, романы «История и забавная хроника маленького Жана де Сентре и юной дамы де Белль Кузин» (1456) Антуана де Ла Саля, «Хромой бес» (1707) и «История Жиль Блаза из Сантильяны» (1715–1735) Алена Рене Лесажа, «Принцесса Клевская» (1678), Мари Мадлен де Лафайет, французский эпос «Песнь о Роланде» (ок. 1170) и др.

Стр. 443

Семейство Микоберов — трагикомические персонажи романа Ч. Дикенса «Жизнь Дэвида Копперфильда, рассказанная им самим» (1850).

Буше Франсуа (1703–1770) — французский живописец, писал мифологические и пасторальные сцены в духе эпохи рококо.

Ватто Антуан (1684–1721) — французский живописец; писал театральные, галантные, бытовые сцены; его живопись отличала изысканная нежность красочных нюансов.

Стр. 447

«...поистине чудесное путешествие мальчика...» — «Чудесное путешествие Нильса Хольгерсона по Швеции» (1906–1907) С. Лагерлёф.

«...на Арбате — у бывшего Белова...» — Арбат, 33, гастрономический магазин.

Стр. 449

«...большевизм – это Петр?» – Меньше чем через год – в августе 1920 г. – Цветаева напишет ст-ние «Петру»:

...Родоначальник – ты́ – Советов,
Ревнитель Ассамблей! и т.д.

«Аля породила меня с Казановой...» и т.д. – В отдельном издании «Конца Казановой» поставлено авторское посвящение: «Дочери моей Ариадне – венецианским ее глазам».

Феофан Прокопович (1681–1736) – украинский и русский государственный и церковный деятель, сподвижник Петра I, писатель.

Стр. 450

«Двухлетие! – И снова их знамена...» – В БТ-2 не записано, текст ст-ния не известен.

Содержание

Предисловие	5
Записная книжка 1	7
Записная книжка 2	85
Записная книжка 3	143
Записная книжка 4	197
Записная книжка 5	249
Записная книжка 6	327
Примечания	451

Ц25 ЦВЕТАЕВА М.

Неизданное. Записные книжки: В 2 т. Т. I: 1913–1919. / Подгот. текста, предисл. и примеч. Е.Б. Коркиной и М.Г. Крутиковой. – М., Эллис Лак, 2000. – с. 560.

ISBN 5-88889-050-2

Этой книгой начинается публикация материалов из закрытой до 2000 г. части архива М. Цветаевой, хранящегося в РГАЛИ. Первый том составили шесть из двенадцати сохранившихся записных книжек М. Цветаевой. На основе части этих записей в 1920-е годы была создана известная дневниковая проза М. Цветаевой – «Октябрь в вагоне», «Вольный проезд», «Отрывки из книги “Земные приметы”», «О Германии», «О благодарности» и др. Полностью записные книжки публикуются впервые.

ББК 84Р

Цветаева Марина Ивановна

Неизданное
Записные книжки
В двух томах
Том первый

Редактор *Н.П. Волкова*
Художник *В.Н. Сергутин*
Корректор *Е.И. Кортаева*
Компьютерная верстка — *А.Б. Метелкин*

Сдано в набор 10.08.2000. Подписано в печать 14.12.2000.
Формат 60 × 90^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура «Newton».
Печ. л. 35. Тираж 10 000 экз.
Заказ № 3482.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в полиграфической фирме «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
103473 Москва, Краснопролетарская, 16

ЛР № 071446 от 02.06.97

Издательство «Эллис Лак»
123242, Москва, Красная Пресня, д. 6/2, к. 16
Тел. 254-74-72. Факс: 254-26-11

ISBN 5-88889-050-2

9 785888 890509

МАРИНА
ЦВЕТАЕВА

НЕИЗДАННОЕ
ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

Том
первый

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

НЕИЗДАННОЕ
ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ

Эллис Лак

ISBN 5-88889-050-2

9 785888 890509